

Администрация МО ГО "Сыктывкар"
Управление культуры администрации МО ГО
"Сыктывкар"

СЫКТЫВКАР

литературный альманах

Повести
Рассказы
Стихи
Очерки
Статьи

Сыктывкар
Издательство «Полиграф-Сервис»
2007

Проект доктора филологических наук В.Н. Демина

Редактор-составитель А.В. Канев

Общественная редколлегия

В. Шевцов

А. Бернштейн

Г. Нечаева

В. Демидов

А. Канев

А. Иевлев

М. Курочкин

В. Полешиков

А. Ульянов

И. Белых

Авторы благодарят за финансовую поддержку проекта Управление культуры администрации МО ГО «Сыктывкар» и лично главу администрации МО ГО «Сыктывкар» **Романа Валерьевича Зенищева.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Галина НЕЧАЕВА. «Сыктывкар» - сыктывкарцам	4
Владимир СИЛКИН. Мое село.....	6
Живу и надеюсь.....	6
Андрей КАНЕВ. Семка-рэкет (рассказ)	7
Зинка-шалава (рассказ)	11
Николай ТЮРНИН. Памяти мамы (стихи) перевод с коми А.Канев.....	16
Ирина ВЕЛИЧКО. Мое отношение к герою (повесть)	17
Андрей КАНЕВ. Над горизонтом всплывшая звезда... (стихи).....	40
Виктор БУРДИН. Когда твоя память... (стихи)	43
Николай МАЛЬЦЕВ. ШПАНА (рассказ)	45
Ринат ГИЗАТУЛИН. Хотел, чтоб стало все подарком ... (стихи)	49
Аркадий КАЛИМОВ. Сыктывкар (стихи)	50
Валентина ЦОЙ-ХА-РИ. Тихое счастье (повесть).....	52
Александр ЛОБАНОВ. Откуда мне памятен ... (стихи)	72
Иван БЕЛЫХ. Сучки на потолке (рассказ)	73
Раиса КУКЛИНА. Мы забудем все обиды... (стихи)	79
Марк КАГАНЦОВ. Байки «скорой помощи» (рассказы).....	80
Людмила ГАВРИЛИНА. Переводы из Кастнера, Гессе, Рильке (стихи).....	85
Валентин ОХАПКИН. «Сними с меня усталость...»	89
Владимир ОЛОФИНСКИЙ. Он молился в холодной келье ... (стихи).....	94
Вениамин ПОЛЕЩИКОВ. Женщина Виктора Корчного (очерк).....	97
Валентин ОХАПКИН. Я тихонько гитару настрою... (стихи).....	101
Екатерина ШИРШОВА. Пятница, тринадцатое (рассказ).....	102
Евгений СУВОРОВ. Вгляжусь в синь небес... (стихи).....	105
Яков ЮДОВИЧ. Штрихи к портрету свободного человека (очерк)	107
Алексей ИЕВЛЕВ. Карлики не видят великанов (стихи).....	110
Виктор ДЕМИДОВ. Крещение у северного полюса (очерк).....	112
Андрей ПОПОВ. Не верьте, девушки, поэтам... (стихи)	118
Екатерина СОКОЛОВА. Пойти на мост и вниз глядеть... (стихи).....	119
Альберт БЕРНШТЕЙН. Встречи с марионеллой георгиевной (документальная повесть).....	119
Евгений ТЕКУЧ. Сознание (стихи)	128
Алексей ИЕВЛЕВ. Выстрел из прошлого (отрывок из повести)	130
Тамара КУРОЧКИНА. Приметы осени (стихи).....	144
Митрофан КУРОЧКИН. Процесс пошел.(повесть)	146
Валентина КАПШИНА. Песня льется, сердце бьется ... (стихи)	177
Андрей КАНЕВ. О Сталине, о партии и о земле коми (рецензия).....	180
Анатолий ВОТЯКОВ. А летом хорошо на северах... (стихи)	183
Алексей КАРПОВ. «И не писать уже не в силах я...» (рецензия)	187
Олег РОЧЕВ. Я жду звонка, которого не будет... (стихи).	190
Анатолий ПОПОВ. Брежнев: - не люблю стоять на мавзолее..(очерк).....	191
Нина НИКОЛАЕВА. Жар своей несравненной души... (стихи)	195
Антонина ПЫЛАЕВА. Глава из книги... (очерк)... ..	198
Маргарита ПРИЛУЦКАЯ. Под серым небом – серый дождик... (стихи)	201
Людмила ХАНАЕВА. Уроки этики (рассказ).....	203
Мария КУЗЬМИНА. Море дышит. Соленой волной... (стихи).....	205
Андрей КАНЕВ. Великое слово писателей наших (обзор региональной литературы за 2006 год)	206

«СЫКТЫВКАР» - СЫКТЫВКАРЦАМ

Сыктывкар всегда славился своими талантливыми людьми... Не последнее место в культурной жизни города занимало и занимает литературное творчество, которое реалистично отражало и отражает нашу сегодняшнюю жизнь.

Потребность в появлении литературного сборника, который стал бы трибуной для пишущих талантливых поэтов и писателей разного возраста в нашем многонациональном городе, республике диктовалась требованием самой жизни.

В 1994 году город Сыктывкар отмечал 620-летие коми («Стефановской») письменности и в связи с этим в свет выходит первый литературно-художественный сборник, посвященный этому юбилею - «Звезда забытого завета». В него включены стихи профессиональных, известных и именитых авторов столицы Республики Коми, таких как А. Клейн, А.Суворов, Д.Фролов, А. Расторгуев, С. Журавлев, так и мало известных поэтов – П. Осколковой, К. Молодкина. Сборник стихов «Звезда забытого завета» настолько быстро разошелся среди любителей поэзии, что в том же 1994 году возникла потребность в издании еще одного сборника. В том же 1994 г. выходит новый сборник, но уже рассказов - «Авария».

В сборнике «Авария» впервые напечатан рассказ В.Журавлева-Печерского «Выхожу на связь» - рукопись на которой остановилась рука писателя.. Впоследствии рассказ доработал и подготовил к изданию сын писателя С. Журавлев. Из рассказов «В царицыной опочивальне» А. Чернецова, «Мелодия любви моей» Е. Киселевой, «Авария» А. Влизкова видно, что авторы находятся в начале своего творческого пути.

Всего в сборнике «Авария» опубликованы произведения 12 авторов.

Оба сборника «Звезда забытого завета» и «Авария» были выпущены при финансовой помощи администрации города Сыктывкара и редакции газеты «Вечерний Сыктывкар».

В связи с тем, что оба сборника вызвали большой интерес, как у читателей, так и у начинающих и маститых поэтов, писателей, журналистов, руководителей администрации города и Управления культуры, с 1995 года администрация города и управление культуры стали учредителями последующих ежегодных изданий.

С 1994 года бессменным редактором-составителем и вдохновителем выхода в свет городских литературных альманахов стал писатель Андрей Валерьевич Канев. Но его усилия были бы бесполезны, если бы он не находил понимание и финансовую поддержку своего проекта у главы администрации МО ГО «Сыктывкар» Р.В. Зенищева и начальника управления культуры МО ГО «Сыктывкар» Г.П. Нечаевой.

Каждый сборник, который составлялся с любовью редакционной коллегией, членами которой являются литераторы М.И. Курочкин и А.А. Иевлев, И.И. Белых и А.В. Ульянов, А.Е. Бернштейн и В.А. Шевцов, А.А. Попов, В.М. Полещиков и В. И. Демидов, имел свое название: "Звезда забытого завета" (1994), "Авария" (1994), "На изломе" (1995), "Берега" (1996), "Открытая дверь" (1997), "Выбор" (1999). С 2000 года с легкой руки доктора филологических наук, профессора В.Н. Демина, сборники стали называться: литературный альманах "Сыктывкар" (2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006). В настоящее время подготовлен и запущен в печать очередной альманах "Сыктывкар" (2008).

В городских альманахах впервые увидели свет пьесы драматургов Л.Б. Терентьевой, С.В. Журавлева, И.Н. Величко и других. В нем печатали свои стихи такие известные в республике и за ее пределами поэты как С. Попов, О. Чупров, А. Алшутков, А. Ванеев, А. Клейн, В. Тимин, В. Вьюхин, В. Кушманов, А. Иевлев, Г. Спичак, А. Расторгуев, А. Суворов, В. Демидов, В. Кушмир, Н. Тюрнин, А. Калимов, прозаики В. Напалков, А. Ульянов, И. Белых, В. Блинов, Т. Ломбина, Е. Габова, В. Сумаро-

ков и другие. С каждым выпуском увеличивается количество авторов, желающих показать свое творчество на страницах ежегодного альманаха. В последние годы он стал настоящей трибуной для молодых, пробующих себя в литературе литераторов.

И с каждым выпуском альманах приобретает все более весомое значение для развития литературного процесса в г. Сыктывкаре и Республике Коми. О чем говорят многочисленные отклики о нем в республиканских печатных средствах массовой информации.

В этих книгах впервые вышли в свет произведения около двухсот авторов, как молодых, так и известных в республике.

Литературный альманах «Сыктывкар» зарекомендовал себя как интересное неординарное издание. На его страницах нашли «свою нишу» такие литературные объединения как «ЛИСТ» и «У комелька».

В нем печаталась публицистика, критика, литературоведение и краеведение таких известных в республике ученых, как доктора филологических наук В.Н. Демин, Л.В. Гурленова, А.Н. Власов, доктор геолого-минералогических наук Н. Юшкин, кандидат педагогических наук Л.Н. Гаврилина, кандидат искусствоведения А.С. Клейн, кандидат филологических наук М.Г. Плеханова, кандидат исторических наук Н. Сурков, кандидат геолого-минералогических наук А.А. Иевлев, литературоведы Р. Куклина и О. Заяватдинова, историки литературы В.М. Полещиков, А.А. Попов, М.И. Курочкин.

Все авторы, публикующие свои произведения в альманахе «Сыктывкар», разные по своим художественным устремлениям и вкусам. Но их вместе объединяет наша действительность, сходные социальные условия существования и сегодня, можно с полной уверенностью сказать, что альманах востребован читательской аудиторией, необходим писателям как «старого», так и нового поколений.

Галина НЕЧАЕВА,
заместитель главы администрации
МО ГО «Сыктывкар», начальник
управления культуры МО ГО «Сыктывкар»

МОЕ СЕЛО

Хотелось краешка земли,
Коней и сеновала,
А мама, чтобы не ушли,
Нас дома закрывала.

И выше не было тоски:
Из маминого плена
Смотреть, как возят мужики
На край на этот сено.

Воды немало утекло,
Узнал я, края нету,
Но есть хорошее село,
Где постоянно лето.

ЖИВУ И НАДЕЮСЬ

Надеюсь на письма, которых не вручат,
На слезы, которые я не увижу,
На слово, которым тебя не обижу,
Надеюсь на глупость, надеюсь на случай.

А раньше считал это блажью и вздором,
Приписывал светлые чувства капризам,
Не верил, что ласточки, сев над карнизом,
Быть заняты могут большим разговором.

Жалею, что мы не смогли примериться,
И чувства доверив попутному ветру,
С тобой разлетелись по белому свету,
Чтоб вить свои гнезда как вольные птицы.

Надеюсь на встречу, которой не видеть,
На ласковый взгляд, что отменит разлуки,
На самые смелые чуткие руки,
На то, что прощенье когда-нибудь выйдет.

Надеюсь, что вряд ли надеждой согреюсь,
Но все же, надеюсь. Живу и надеюсь.

СЕМКА-РЭЖЕТ
(рассказ)

Семена Титыча Урнышева в деревне звали по-разному. Кто – Семка-Рэжет, а кто и попроще – Мягкая Мебель. Главное, чем отличался он от остальных односельчан, это величиной туловища и кулаков. В избу Семка входил, переламываясь в пояснице, словно ученический циркуль в коленке. А во всем остальном Титыч ничем от соседей не разнился, в общем, после бани рожа у него становилась, как и полагается, - свекольно-красной.

С детства Семушка был неразговорчив и нелюдим. Жили они с матерью вдвоем в доме умершей бабки. Отца еще по молодости до смерти заломал косолапый разбойник. После восьмого класса пошел Семка работать в совхоз скотником, коровам крутить хвосты, чтобы лучше доились.

Так молчун всю бы жизнь и прожил, занимая эту немудреную, в общем-то, для его силушки должность, но страну как-то вдруг в один момент, перекособочило, и работы в совхозе, да и самого Вашкурского отделения этого самого совхоза, не стало. Но с голоду народ не помер.

Деревушка Вашкур, словно шея у незамужней лебедушки рябиновыми бусами, была окружена лесными озерами, в которых рыбы, черпай, не перечерпашь. Кинулись вашкурские мужики, как говорится, «в разнос» - одни водку, купленную на единственное деревенское золотишко – картошку, жрать, другие плести сети, морды, боты.

- Семка, - кричала на него мать, Мария Федоровна, стряпая с утра нехитрый завтрак. – Помрем ведь с голодухи-то. Чего валяешься?

- Да ну, мамк... - шлепал он губами со сна и отворачивался к стене с засаленными от его боков обоями.

- Иди в лес, иди с мужиками сговоришься дачу кому строить или баню... Что ты валяешься?

Семка отмалчивался. Его ломала внутренняя никому и даже его мамке не понятная тоска. Вот, не хочется ничего делать и все тут. Был бы скотный двор, это понятное дело – работа. А в лесу-то что? А на озера ходить, так он и пацаном никогда не рыбачил. Не любит просто. Не уважает рыбу ловить. Да и с дачниками свяжешься, все одно – обманут.

- Ну, так женись хотя бы, увалень, ты бестолковый, - горько восклицала мать, ставя на стол чугунок с парящей картошкой.

- Да ну, мамк... - только и отвечал Семка, подсаживаясь к столу.

- Ведь сорок уже скоро... - продолжала доставать Мария Федоровна.

На стене мирно тикали часы с кукушкой и чугунными еловыми шишками на цепочках. Жужжала не убитая с утра матерью муха.

- У людей дети как дети, а ты у меня – горюшко...

Из голбца под русской печью вынырнул котофей Штирлиц. Рыжий и полосатый. Он стал тереться о Семкины босые ноги и, громко урча, выпрашивать, что подадут. Титыч отломил щепотку хлебца, отщипнул чуточку рассыпчатой картофелины, скатал все в один шарик и сунул угощение под стол. Кот замолк и стал жадно глотать пищу. Мать не унималась:

- Забор поправь, а то соседские коровы скоро всю картоплю повытопчут... Козам веников бы надрал, да и сено скоро косить, а у тебя грабли не налажены...

А Семке все нипочем, сидит, жмурится, словно котофей, уминает картошку, захлебывает козьим молоком и ни о чем таком серьезном не думает.

Так они с матерью и жил. Нельзя сказать, чтобы душа в душу, но никто никого не обижал. Матушка поворчит, поворчит, да и даст дитяте-переростку пряничек. Пусть сухонький, не разгрызть, может, еще с «перестройки» сохраненный, зато сладенький.

Как ни крути, а жизнь наново начинать было нужно. Это Урнышев понимал. Но вписаться в общую колею, волчьих отношений, хоть ты тресни, не умел.

Выручил случай.

Сосед, живший через два дома от урнышевской избы, Петруха Коновалов, тоже, как и Семка, по деревенским меркам совсем не пьющий, подвизался пахать на какую-то немецкую фирму. Скупал у деревенских лисички. Этой грибной мелюзги в округе хоть косой коси. Петр Васильевич за лето разбогател, к осени прикупился, жену, детей и себя приодел. Одна беда, стали его вашкурцы за это недолюбливать и пакостить при каждом удобном случае. То сенокосные угодья коровами потравят, то силки на охотничьем путике посшибают, то сетки на озерах порежут, то днище у плоскодонки порубят...

А случилось и такое, что старуха Ватрушкина, известная в деревне воровка и побирушка, поклялась сударкам спалить коноваловские сараи вместе с животиной. Не жаль. Проклятый мироед Петька ей на бутылку не отстегнул.

- Вот тут-то репу и зачешешь, - жаловался Петька, придя в гости к единственному постороннему человеку, который его по-прежнему любил и уважал, к бывшему однокласснику – Семке.

Семка, макнув граммულку, раскраснелся, как после парилки, и сидел довольный, молчал, словно рыба об лед. Так что разговор у гостя, в основном, клеился с матерью тихони Урнышева.

- Так вот что я, тетя Маш, скумекал, - плел беседу Петька. – Хочу нанять Семена в охранники... Хватит вам бедствовать. Будете под моей «крышей» жить.

- Как это? – насторожилась Урнышева. – Что у нас своей избы нету, что ли?

Семка тоже пытался принять участие в разговоре, но только пыхтел и размахивал руками.

- Да, нет же, будете у себя жить, но Семке я стану платить за охрану мою и моей частной собственности.

- Сторожить, что ли, твою избу? – подозрительно спросила тетка Маша.

- Да, и я ему за это буду выплачивать, когда едой, а когда и деньгами...

- А-а, - обрадовано всплеснула руками хозяйка. – Он работать будет сторожем на тебя, как раньше батрачили на кулаков.

- Вот-вот, именно, только по дружбе и без эксплуатации человека человеком... Ты-то, Семен, как, согласен?

Не успел Урнышев ничего промычать, как тетка Маша подскочила к своему дитяте-переростку и стала трясти его за упругое плечо:

- Ну, пень, молчит... Тебя уважаемые люди спрашивают, быстро отвечай «да»...

- Ну, мамк... - только и выдавил из себя Титыч.

К вечеру, допив бутылку, поручкались на согласие.

Так и превратился молчун Урнышев постепенно из Мягкой Мебели в Семку-Рэкета. Он теперь и за домом Петьки Коновалова присматривал и с должников для хозяина сливки снимал. Придет, бывало, к задолжавшему за коноваловскую щедрость, подопрет макушкой притолоку и пробубнит:

- Ты, хреновина, отдай Петру Васильевичу деньги, он просил...

Смотрит из-под белесых бровей стальными буркалами и молчит – оторопь берет, просто жуть. Если денег в доме нет, заберет ту вещь, которая Петрухе нравится и уйдет. А сам Петр Васильевич, тоже без работы не сидел, сколотил из нескольких

малопьющих мужиков бригаду шараш-монтаж дачи строить и на этом, кроме лисичек, стал еще капусту прирубать.

Немного потерпели деревенские Семкин рэкет и попытались, было, пожаловаться участковому, который жил в соседней деревеньке. Но тот только плечами пожал. Все, мол, правильно по людским законам, долги нужно отдавать, юридически придраться сложно.

У тетки Марьи жизнь расцвела, словно ноготки под окошком. Приделалась она, щеки налились былым соком. Одного в доме до полного счастья не хватало – послушной сношеньки да внучат. А Семке все трын-трава, недосуг на местных девок смотреть. Ему, видите ли, американские девки из видиков нравятся, спасу нет.

Петр Васильевич Коновалов тем временем все богател и богател. До того поднакопился, что купил бортовую «Газель». Аппетит, как известно, приходит во время еды – вот и решил он открыть свой магазин. Приволок из леса брошенный лесниками балок на колесах, отремонтировал его, пристроил крыльцо. А завершив плотницкие работы, поехал на своей «Газели» в город за товаром. Чтобы в дороге не грабанаули взял с собой и телохранителя – Семку. Да и грузчик в городе не помешает.

Семен Титыч раньше в городе никогда не был – без нужды. А тут выпал такой неблизкий путь. В то, что Петька скинул со своего плеча, приделся. Получилось ничего себе. Одежда, правда, была немного маловата, Петька тоже мужик не слабый, но в величине туловища явно проигрывал. Но все равно – блеск. Волосы после бани пушатся в разные стороны. Пиджак бордовый, брюки черные, рубаха с воротничком стоечкой синяя – в общем, последний писк. Ах да – носки белые. Мать как увидела – обомлела. Писаный красавец. Проводила молча, но, накладывая Семушке на спину крест, подумала: «Вот бы и невесту нашел, да и пусть его, что городскую, может, и прижилась бы...»

Осенняя дорога, особенно в солнечную погоду, не может не впечатлить любого ездока. Влетит «Газель» на вершину холма, а оттуда открывается такой вид на тайгу, что дух захватывает. Да и панорама столичного города, открывшаяся перед Семушкой через полтора часа поездки, была внушительна. Урнышева всю дорогу не оставляло чувство, будто он смотрит очередной выпуск телепередачи «Вокруг света».

Вашкурские купцы в один день со всеми делами не справились, пришлось устраиваться на ночевку в гостиницу. Номер им дали на двоих. В нем было гостиничному уютно, в общем, Семке понравилось. Он снял с себя пиджак, туфли, носки и с удовольствием растянулся на кровати. Есть ему не хотелось. Переполненный увиденным, мозг не мог думать о еде, поэтому Петр Васильевич пошел ужинать в ресторан на первом этаже один.

В дверь негромко, но настойчиво постучали. «Кто бы это? – опасливо подумал Семка. Он все никак не мог прийти в себя от нахлынувшего на него потока впечатлений и информации. Титыч настороженно сел, шлепнув босыми ногами по полу и, постаравшись придать своему басовитому голосу еще большую значимость, сказал:

- Н-ну...

Дверь отворилась, и в номер заглянула девчужка, как показалось Семке, лет семнадцати. Она оценивающе осмотрела содержимое комнаты вместе с ее обитателем и плаксиво-капризным голоском произнесла:

- Войти можно?

Семка от такого вопроса оторопел еще больше и, спрятав под кровать, на которой сидел, ноги-лыжи с давно не стриженными ногтями, ответил однозначно:

- Н-ну...

Незваная гостья восприняла его крутое нуканье, как разрешение и вошла. Постояла, как бы в задумчивости посреди номера, а на самом деле, давая этому бело-брысому болвану рассмотреть себя, как следует. Девушка была одета броско, словно кукла Барби, в очень короткое платьице из какого-то дорогущего материала. Фигурка тоненькая, личико можно без преувеличения назвать миленькой мордашкой с пухлыми губками.

- Я сяду сюда, - сказала она уже не капризно, а по-деловому.

И плюхнулась в одинокое продавленное кресло у окна, при этом показав хозяину номера все, что хотела: в вырез спереди плотненькие на вид грудки, в разрезы по бокам платья – тончайшие кружевные трусики под прозрачными телесного цвета колготками.

Урнышев был приведен в естественное для подобного склада деревенских мужиков состояние шока. Девушка с минуту молчала, рассматривая человека, сидевшего напротив, потом буднично произнесла:

- Меня зовут Люся, у меня мама учительница... А тебя как зовут?

Семка засунул свои копыта еще дальше под кровать и почему-то буркнул совсем не то, что хотел:

- Рэкет...

- Ой, как смешно! – всплеснула руками гостья и залилась переливчатым девичьим смехом, который чуть в конец не свел обалдевшего Семку с ума. – Ты крутой... крутой и большой. Как шкаф.

В дверном проеме без стука показался какой-то мужик с налысо обритой головой. Глянул на происходящее и снова скрылся в коридоре.

Увидев его, девушка подобралась, словно молодой солдат-первогодок, заметивший в другом конце казармы сержанта, недовольного мастикой на полу, перестала смеяться и строгим голосом спросила:

- Рэкет, у тебя деньги есть?

Семка утвердительно качнул головой:

- Ну, есть.

- Я тебе нравлюсь?

- Н-ну...

- А трахнуть меня хочешь, за чуть-чуть этих денег?

- Чо-о...

- У тебя ведь их много, а?

На это Урнышев Семен Титыч не нашелся что сказать. Он готов был умереть от стыда за себя, но не знал, как это сделать. Вдруг во спасение дверь в номер резко отворилась, и вошел смеющийся Коновалов:

- О, Семка, прогрессируешь, зря время не теряешь, бабу снял. Как тебя кличут, милашка?

- Люсьена, - девушка теперь уже с интересом рассматривала Петра Васильевича.

Урнышев собрался с силами и выдавил из себя ярчайшую по многословности тираду:

- Ты, это, того, Петруха... Она за деньги хочет, того, ну, это...

- Что это? – переспросил Коновалов, остановился посреди комнаты, осмотрел девицу и презрительно процедил:

- Эта пигалица за деньги... Ты, что валютная проститутка? Тоже мне ночная бабочка. А ну дергай отсюда, мокрица несовершеннолетняя! Да мы сейчас настоящих баб за пожрать найдем...

Девушка привычно вскочила и шмыгнула к двери. В ее работе мордобой дело обычное. На ее визг входная дверь с грохотом отворилась, и в проем сунулся давешний лысый здоровяк.

- Эй, вы, потише с девушкой, а то мало не покажется...

Петька изумленно всплеснул руками:

- Елы-палы-намоталы, ну, точь-в-точь, как в видиках... ссукинер, поди?

- Я те, падла, Щас сделаю ссукинера! – паренек двинулся на Петра Васильевича.

Но тут Семку обуял с невероятной силой профессиональный зуд в руках. Он, перехватив Лысого поперек тела, быстро кинул его в коридор. Коновалов тем временем хлопнул дверь и щелкнул замком.

Послышались дробь женских шагов и хрипловатый удаляющийся голос:

- Ну, все, падлы, вы оба покойники...

Но, несмотря на угрозу, больше ничего сногшибательного ни в этот вечер, ни ночью, ни утром не произошло. А уже после обеда, затарив под самую макушку фургон, Коновалов и Урнышев мчались на «Газели» домой в Вашкур по серой трассе с блеклым в дождливую погоду придорожным лесом.

Жизнь в деревне текла своим чередом. Только Семка все не находил себе покоя после той памятной поездки. Лишь закроет глаза – стоит перед ним девчушка из гостиницы и улыбается, призывно машет руками:

- Семушка, Семушка, иди ко мне, мальчик мой, голуба моя...

И никуда от нее не денешься, ни в бане, ни в лесу на охотничьей тропке. Никуда. Куда ни бросит свой взгляд Титыч, о чем ни подумает – везде присутствует Люся, у которой мать-учительница.

- Что с тобой, Семка? – частенько спрашивала Мария Федоровна. – Как заполенный весь.

И Петька толком ничего сказать не может о том, что же случилось с его телохранителем. Только плечами пожимает.

Так прошли осень и зима. А по весне Семка-Рэкет, подвязав все свои дела с Коноваловскими должниками, засобирався в город. Петька предложил на его «Газели» прокатиться за товаром. С того первого случая несколько раз уж ездил, но брал с собой в помощники выпивоху двоюродного брата, а Семку оставлял на хозяйстве, закрома сторожить. Но Титыч отказался. Сам, мол, хочет один съездить. Дело, мол, у него в городе. А какое, пока секрет, вдруг не выгорит.

Да ведь и поехал, молчун окаянный, зачем, даже матушке не сказался. А в чем оно, счастье человеческое? Кто его знает... Кто знает, тот, наверное, и счастлив.

ЗИНКА-ШАЛАВА (рассказ)

По небу плыли тихие облака. Своей огромностью и молчаливостью они заполняли небо, то наваливаясь на солнце, то расступаясь перед ним. Клевер уже отцвел. Его буровато-белые и буровато-малиновые головки редкими брызгами украшали лужайку перед Митрохиным домом.

Её-то, эту самую лужайку, Зинке-Шалаве и нужно было преодолеть так, чтобы не заметили, и попасть в сарай. Там взмывкала, сытым голосом, будто сама с собой беседовала, Машутка - небольшая коровенка с рыжими подпалинами на боках. Зинка, пятидесятилетняя тетка-сухостоина, изможденная непосильным сельским трудом и океаном выпитой водки, одетая в изодранный, промасленный комбинезон,

наконец-то решилась. Она пригнулась и, словно подпольщик в пригороде Одессы-мамы, полоненной немцами, метнулась в глубину двора к сараю.

Митроха, гладкий со всех сторон мужичок по прозвищу Толстопуз, ел в этом году в первый раз вареную картошку нового урожая и поглядывал на окно, где между рамами серый паук средней величины кончал жизнь слабо сопротивлявшемуся комарику. В очередной раз, заложив за щеку нежную молочную мякоть картофеля-лины, Толстопуз поднял глаза и заметил мелькнувшую за стеклами тень. Дома он был один. Жена и дочка в лесу неподалеку собирали бруснику. В гости никого не ожидал.

Проворчал, поднимаясь из-за стола:

- Кто же это мается? Не воры ли...

И сам себе ответил, прислушиваясь:

- Да, какие воры, днем-то...

Однако все же сунул босые ноги в калоши, стоявшие у порога, и направился во двор.

Тем временем Зинка уже пробралась в сарай. Корова, приметив ее, забеспокоилась, глаза призывно повлажнели.

- Милая моя Машутка, - запричитала Шалава. - Взаперти тебя изверги держат, во полюшко окаянные не пускают...

Она стала оглаживать крутые бока буренки, суетно почесывать за ушами ее огромную голову:

- Машка-Машенька, а я тебе хлебца соленьенького принесла. На-ко... Как ты любишь...

И в тот момент, когда мягкие мохнатые губы уже собрали с заскорузлых ладоней последние крошки вымоченного в соленой воде хлеба, вдруг за спиной лазутчицы резко распахнулась дверь. На пороге хлева появился разъяренный Митроха-Толстопуз.

Сначала от праведного гнева и возмущения он не мог ни двинуться с места, ни слова вымолвить, а только наливался краснотой, словно незадачливый рак, угодивший в кипящую воду. Зинка от испуга подпрыгнула на месте и привычно заверещала, будто попавшая на зуб охотничьего Полкана зайчиха. В ответ Толстопуза провало:

- Ах ты, курва, мою корову отравить хочешь! Убью...

Он ворвался в коровник и, схватив за шиворот и за штанину, поволок Зинку на свежий воздух. При этом его паучье брюшко от напряжения вздрагивало, а комариные конечности жертвы безвольно подергивались. Оказавшись во дворе Толстопуз взмахнул над головой переставшим биться телом Шалавы и швырнул его в сторону калитки. Зинка шмякнулась на лужайку перед домом, угодив лицом в еще пахучую плешинку клевера, и замерла. Над ней недовольно зажужжали вспугнутые шмели.

Митроха плюнул в Шалавину сторону и торопливо, переваливаясь с боку на бок, потрусил в коровник, напоить на всякий случай Машку теплой водой.

Зинка лежала недвижимо, уткнувшись лицом в клевер. Можно было подумать, что она умерла, но это было впечатление обманчивое. За полувековую историю соей жизни она успела побывать и не в таких переделках... Шалава затаилась и выжидала того момента, когда ненавистный Толстопуз скроется в сарае.

Как только за Митрофаном захлопнулась дощатая дверь, во двор проникла еще одна личность неопределенного возраста и пола. Личность эту звали в деревне просто - Чумазый. Он склонился над Зинкой, помог ей подняться. После чего они молча выбрались со двора.

Облака еще недавно плывшие по небесам так чинно и миролюбиво постепенно налились опасной серостью. Ветер стал неистово трепать ветви деревьев. Сначала мельком брызнул, а потом и нудно заморосил почти осенний дождик.

Когда-то, лет тридцать назад Зинаиду в деревне Шалавой еще никто не звал. Была она большегрудой и большеглазой телушкой на выданье. Табуном парни, вообще-то, за ней не ходили, но и вниманием особо не обделяли.

Тогда в Керлаше, не то что теперь, и отделение совхоза было, и клуб, и начальная школа, и даже два магазина: хозяйственный и хлебный. Летом молодежь собиралась на посиделки около клуба. Танцы устраивали. Затем до утренней дойки гуляли. И откуда только у девок и парней брались силы?

Ничего сногшибательного в жизни Зинки не происходило. Подошло время и высватал ее парень, такой же невидный и обычный, как и она - Пашка Селиверстов. Свадьбу сыграли, а там и сына родили. Назвали Санькой. Стали жизнь свою дальше мыкать, по окатышкам, словно лесная речка Кылтовка, перекачивать. И илу в той речке было и ряски, и омута темные, и теплые отмели, прогретые летним щедрым солнцем до самого золотистого песка.

Селиверстовым больше детей Бог не дал. Зато Санька рос умненьким и крепеньким, словно боровичок в бархатную осеннюю пору. Хозяйства мальчишка не чурался и радовал родителей умеренным послушанием.

Повезло Зинке, как считали соседки, и с Пашкой. Не смотря на адский сельский труд, не сломала в нем жизнь сосновую сердцевину, не стал он спиваться, как большинство в округе. Пару раз было за что-то Зинку поколотил, но это в семейной жизни грех небольшой, а за что, сейчас уже и не вспомнится. Может, и так просто - для порядка.

Кончилась для Зинки масленица в тот год, когда Санек ушел служить в армию. Закрылось перед ней окошко траурными ставенками. Уехал он в военкомат детинушкой под два метра, а привезли его из Германии в цинковой лодочке с мутным иллюминатором... С их Санькой в армии приключилась страшная история. Намозоллил ногу. Не вынесли его крестьянские топалки несъемной "по молодости" солдатской кирзы. Ступня опухла. Положили солдата в Потсдамский госпиталь для советских военнослужащих. А там, видимо, чтобы не случилось гангрены, вкололи Саньке противостолбнячную сыворотку, на которую, как потом оказалось, у него была стойкая аллергия. Вечером парня парализовало, а под утро он умер в незаслуженных муках.

В тот же год Зинка похоронила отца и мать, сгоревших по пьянке в бане, и мужа, канувшего с обрыва в реку вместе с совхозным трактором "Беларусь".

А потом и страна, считавшая себя супердержавой, рухнула, похоронив под своими обломками Керлашское отделение совхоза, вместе с теми, кто в нем доил коров и растил картошку. Так бы и передохли керлашцы заодно с Зинкой, но с приходом в деревню богатеньких городских дачников, жизнь помаленьку снова стала налаживаться. Им-то все свое более или менее ценное барахло и живность Селиверстова и распродала за водку.

Пьянство Зинки постепенно стало притчей во языцех. Так, как она, в деревне не пил никто. Сначала ее выгнали с работы, на которой тогда уже, впрочем, денег не платили, но, по крайней мере, хоть давали продукты на "трудодни". А потом и отвернулись все, и соседи, и родственники.

Вот тогда-то и появилась у Зинки кличка - Шалава. Чтобы разжиться деньгами на спиртное, стала она по мелочи приворовывать, и эти самые нужные в сельском труде мелочи сбывать дачникам.

И давно бы уже Шалава сгноила свою жизнь неприкаянную, если бы в ней не появился жених с приданным.

Лейтенанту милиции Вовику Колупанову, колобкообразному коротышу с пухлыми щечками и губками, было отроду девятнадцать юных годочков. Стал он

участковым сразу после окончания средней школы милиции и попал по распределению в соседнее с Керлашем село - Вадьюг, где располагался один на три деревушки сельсовет.

Сельсовет выделил ему заброшенный много лет назад дом с мебелью. Где Вовчик и поселился один, после небольшого косметического ремонта своего нового жилища.

Первым настоящим уголовным делом, которое ему пришлось распутывать на ниве защиты правопорядка оказалась пропажа полугодовой телки у Митрофана Петровича Кутькина по прозвищу Толстопуз.

Дело в том, что вечером во двор телка не вернулась. Он со всеми домочадцами обошел деревню. Облазили окрестные буераки. Нет теленка и все тут.

Ночи северным летом, гудящие комарами, словно оркестровая яма перед началом спектакля, светлые. Не зная времени наверняка, Толстопуз вломился в гости к участковому в два часа ночи.

- Лейтенант, - чуть не плакал он, - эта буренка, была всей нашей надеждой на оставшуюся жизнь. Помогите найти вора, лейтенант. По гроб не забуду. Я ведь из Керлаша сюда притопал, помощи...

Вовчик ничего не понимая с спросонья только хлопал глазами и бормотал:

- Пишите заявление, я подпишу... Пишите заявление, я подпишу...

Ошарашенный таким приемом Митроха ретировался, а на утро, продолжив поиски, раззвонил по всей деревне о дремучей сонливости и недалекости нового зеленого мента.

И оказался неправ. Колупанов дело расколупал-таки и обернул миром и ладом в пользу потерпевшего Толстопуза.

К сельским дурачкам на Руси всегда было отношение трепетное, чуть ли не как к посланцам божьим. Таким и вырос Чумазый, в общем-то, безобидный паренек без имени. Чумазый был молчалив и застенчив. А выделялся он из общей массы детей суббот и воскресений тем, что панически боялся бани и мылся в году раза три-четыре и то только летом в одном из теплых лесных озер. Такая уж была у него природная причуда.

Жил паренек с матерью неподалеку от Зинки. Работящая женщина держала хозяйство, состоящее из свиньи, коровы и кур. Чем, в общем-то, и кормились, не считая двух нищенских пенсий - матери по старости, Чумазому по инвалидности на голову.

Числилась в родственниках у Чумазого старшая сестра. Но та, живя в городе, лет десять в Керлаш носа не показывала. А что ей в навозе ноженьки марасть?

Однажды весной матери не стало. Тогда-то она, Клавдия Петровна, и приехала наследство делить. Сразу после похорон продала дом. Куры и свинья пошли на поминки. Коровенка никому не глянулась, поэтому отошла Чумазому. На жительство Клавдия Петровна определила непутевому братцу старую покосившуюся, строенную еще дедом, где-то перед войной баньку. И уехала, сказав ему напоследок последнее "прощай".

А куда Чумазому в баньку с коровой? Да он и мыться-то в ней боится, не то что жить. Зинка-Шалава, может быть, от тоски по сыну, а может, и позарившись на бесхозную с таким хозяином буренку, пригрела Чумазого под своим костлявым боком. Так и зажили они вместе странным неравным браком. Даже собаку совместную завели. Посадили ее на цепь у сколоченной под крыльцом конуры. Назвали Йортом. Пес стал единственным преданным другом и единственным дитятей.

Свои оперативно-розыскные действия Колупанов начал с допросов Толстопуза и свидетелей происшествия. И выяснил, что телку Митрофан Петрович в общее стадо не выгонял, а отпускал ее пастись на лужайку неподалеку с деревенскими огородами. Вечером она сама приходила домой.

Масса версий копошилась в маленькой колупановской голове. Во-первых, теленка мог замочить сам хозяин и пропить. Во-вторых, его могли съесть голодные волко-собаки, которых развелась в районе тьма-тьмущая, как в голодные послевоенные голы. В-третьих, телку могли свести с собой цыгане, которые небольшим табором в пять семей кочевали сквозь их район южнее, ориентировка на это имелась. И, в-четвертых, юную корову могло похитить третье лицо - мотив: жрать нечего, водки купить не на что.

После разговоров с соседями подозрение неминуемо пало на Зинку-Шалаву и Чумазого. Приметливые сельчане умякнули вопрос: даром, что до пенсии еще неделя, а вчера странная семейка была пьяна, а Йорт сыто молчал в конуре и не брехал на ворон, как это бывало раньше, почему?

И хотя Селиверстова многословно отрицала наветы ненавистных соседских сударок:

- Товарищ милиционер, мы честные люди. Чисты как слезинки. Да нас вчера и дома-то не было, мы в лес за грибами ходили... - явно и очень запальчиво врала Зинка.

- А бутылку на что купили? - не унимался и задавал каверзные вопросы Колупанов.

- Картошку продали. Полмешка, последних, между прочим. Что теперь есть будем? А сажать по весне что? А корову чем кормить, когда трава переведется и сено кончится... Вот ведь ваши комуняки с дерьмократами довели страну. Друзья народа! Довели, что хоть землю-матушку ешь, не давься...

От такой политинформации участковый немного обалдел, но с правильно взятого курса не сбился:

- Ты мне тут мозги не пудри. Ишь, демагогию развела. Где твой Чумазый?

- А что он? - взвилась Шалава. - На убогого поклепы наводить? Я в район пойду жаловаться. Мы туда дорогу знаем.

Разговор происходил в захламленном дворе селиверстовской покосившейся от старости и неухоженности усадьбы. Заслышав разговор о своей персоне. Чумазый высунулся в окно:

- Чо надо, чо?

Но и он на все вопросы Вовчика талдычил одно:

- Не-а, не-а, не-а...

Как не было мерзко и противно заходить в дом, но участковый все-таки решился провести обыск, Йорт дико лаял на чужака и рвался с цепи. Шалава попыталась заслонить собой вход в избу, но милиционер настоял на своем.

Свежую шкуру с завернутыми в нее головой и копытами Колупанов нашел на сеновале. Припертая фактами к стене, хоть ни водки, ни денег, ни мяса в доме не нашлось, Зинка раскололась и дала исчерпывающие показания.

Продав мешок картошки, они с Чумазым разжились бутылкой водки. Выпили. Оказалось мало. Тут-то и возник преступный умысел замочить, давно уже мозолившего глаза теленка Толстопуза, а мясо загнать по дешевке цыганам, остановившимся неподалеку.

Что они и сделали. Немного мяса оставили себе, остальное продали. Но цыгане народ ушлый, их обманули. Пока Зинка бегала к спекулянтам за водкой, завлекли Чумазого перекусить-обмыть покупку. А сами залезли в дом и вернули деньги.

Узнав обо всех этих трагикомических обстоятельствах дела, Митроха решил так:

- Заявление я на этих придурков-алкашей писать не буду. Что их сажать? Без толку. Пусть они мне лучше взамен отдадут свою Машутку, и распре конец.

За несколько лет Зинка всей душой прикипела к Машутке такой же, в принципе, неприкаянной горемыке, как и она сама. И пусть иногда Машутка орала от нестерпимой боли, не выдоенная вовремя по пьянке Шалавой, она тоже прикипела всей своей глупой коровьей душонкой к нерадивой, но ласковой хозяйке.

Однако делать было нечего. Или отдавать корову, или идти с Чумазым стройными рядами под суд.

Лишиться в деревне коровы - значит обречь себя на тяжкое полуголодное существование. Но так уж, видимо, устроены сельские люди, сколько их не гни, ни лодмай, остается в них какая-то только Богу, наверное, известная и понятная сердцевинка, которая не дает сразу и окончательно опуститься до состояния и положения безмозглого кольчатого червя.

Уже через неделю снова забрезжил свет в конце туннеля. Чумазый зарезал Йорта, которого все равно кормить было нечем. А Зинка, запасливо оставив внутренности, голову и лапы собаки себе, потащилась к дачникам спекулировать по дешевке остальным мясом, как будто бы бараниной, чтобы наскрести на бутылку.

Долго еще по нововыстроенной улочке был слышан ее хриплый с похмелья голос:

- Хозяюшка-сударушка купи своему ненаглядному баранинки на шашлык, пожалей моих голодных деток, за дешево отдам...

Николай ТЮРНИН

ПАМЯТИ МАМЫ

*Александре Иосифовне Тюрниной,
Матери шестерых сыновей*

Ты себя никак не берегла,
С зорькой ранней поутру вставала
За день переделать все дела,
Дорога и родная мама.

Приучать стремилась нас к добру,
Никакой работы не боялась.
Коми-мать, вставая по утрам,
Ты на ферму, в поле отправлялась...

Есть у коми женщин норы свои:
На работе быть строптиво-сильной,
А, придя усталую домой,
Кроткой стать для мужа, тихой, милой...

Жизни ты дала своим сынам.
На крыло мы поднялись, взрослея.
Указала тропку счастья нам,

Искру сердца, душу не жалея.

По пути, что проторен тобой,
Сыновьям шагать десятилетия.
И живет в нас все твое добро,
Чтобы злом в пути не заболеть нам.

Отдаю тебе земной поклон
За талант, что в душу мне вложила
Стих к тебе любовью напоен,
Той же сильной, что ты нас любила...

Перевод с коми Андрея КАНЕВА

Ирина ВЕЛИЧКО

МОЕ ОТНОШЕНИЕ К ГЕРОЮ (повесть)

...Холодный мокрый ветер бил наотмашь по крышам, по деревьям, по лицу. Привыкшая к боли и к холоду, она даже не пыталась сопротивляться, зонтик так и остался в сумочке. Лить вдруг перестало, ...она уже шла по паркету вестибюля, оставляя мокрые следы. Ее трясло от беззвучных всхлипов, (*она, ее - у "нее" есть имя?*) от осознания того, что невысказанное прежде стало возможным сейчас. Чудовищная разрушительная сила, опалив молнией все внутри, свела судорогой руки, сделав горячими кончики пальцев. Она убьет его. (*Вот не люблю я женскую прозу. Открой на любой странице - "беззвучные всхлипы и судороги". Она убьет... М-да. Спорим, дальше будет "размажу по стенке".*) Она размажет его по стенке. Он ответит ей за все. Где-то по ту сторону сознания остались безликие, изношенные слова "жизнь", любовь", "доброта", не имеющие ни малейшего отношения к реальности; к непросыхающему осоловелому дождю, к ней - мотку оголенных нервов и к тому, чьи глаза по-бычьему, исподлобья уничтожают ее.

-Что Вы со мной сделали? Как Вы могли?

-Что-о?

-Кто Вам позволил?

-Хватит! Не тебе, девка, меня пугать!

Грузный, нетвердо стоящий на ногах, самоуверенный человек не знает, чем рискует. Мышь, припертая к стене, превращается в льва. Хрупкая женщина с искаженным от ненависти лицом сейчас без особых усилий отшвырнет его к стенке. (*Пелагия и припертая мышь.*) Он озверевает от неожиданности. Тогда она, взяв его за уши, с силой ударит снова, потом еще и еще, (*Ты уверена, что «за уши»?*) пока голова не расколется как орех, пока стена и пол не окрасятся кровью, мозгами и рвотой. (*Бестселлер. однако. "Мозгами и рвотой" - мужская проза стыдливо подпирает стенки. Слушай, а издательство еще не в курсе?*) Он уже не будет подавать признаков жизни, а она, не в силах остановиться, трясясь и рыдая, будет добивать его, с садистским воодушевлением решая, что в следующий раз она убьет его по-другому... (*Она написала убийство...*)

...Силы, которых было так много, разом покинули ее. На ватных ногах Женя прошла коридор, наткнулась на дверь, с трудом открыв ее, вошла в ванную. Сунула

пылающие щеки под холодную струю и стояла, пока не затряслась от озноба... (Ну, мать, нагрнула)

* * *

Дейзи разбудил ночной дождь. Взглянула на часы - до звонка почти два часа. Вяло потянулась за сигаретами - вынув из пачки последнюю, отругала себя за забывчивость. Неудачно чиркнув спичкой, сломала ее. Спичка оказалась последней. (А почему “Дейзи”? Что за контрактница из-за бугра?) Медленно, издали надвигалось состояние тревоги. Так актер чувствует приближение провала. Выучен текст и составлены мизансцены, но достаточно малейшей оплошности, чтобы выстроенное действие рассыпалось как карточный домик, и в переполненный зал при гробовой тишине незаметно проникнет вибрация провала. Он станет осязаемым, осязаемым...

А может, и не станет. Суету и несобранность надо оставить дома. Сегодня она должна быть олицетворением порядка, доброты, “хау ду ю ду” и “я рада вас видеть”. Сегодня последний акт и ружье должно выстрелить. Ружье - это несерьезно. Сегодня она - артиллерия. Она выстрелит и не промахнется. Она победит.

Прозвище “Дейзи” ей дали подчиненные. У одной была дворняжка Дейзи, у другой - американский коккер-спаниель, тоже Дейзи. (Почему не Найда?) Начальница умудрилась быть похожей на обеих собак (а это как?) и не только по окрасу. (А еще как? По экстерьеру?) Она знала о своей кличке, но относилась к ней философски. Начальница умела не обижаться. Собственная простоватость, “беспородность” ее не смущала. Она знала свои резервы и не растрчивала их по пустякам.

За десять минут до планерки она вошла в двери родного заведения, чуть задержавшись у новой вывески “Театрально-производственные мастерские”, а ниже чуть мельче “республиканских профессиональных театров и муниципальных культурно-досуговых учреждений.” Имя автора этого перла - ТПМРПТиМКДУ - история не сохранила. Вестибюль встретил Дейзи тишиной, темнотой и отключенными за неплату телефонами. Это не должно выводить ее из себя. Силы надо беречь. Она почти дошла до своего кабинета “замдиректора”, когда из соседнего кабинета директора выбежала парикмахер Мила Людская и, не заметив своей начальницы, торопливо зашагала. Дейзи могла поклясться, что она плакала.

Мила Людская была заведующей парикмахерским цехом, мастером класса “люкс” и признанной “дамой пик”. В любом коллективе есть четко указанные вакантные места, скажем, лидера, “синего чулочка”, “мальчика для битья”, “своего парня” или, например, “роковой дамы”. Эту карту вытащила Людская, совершенно справедливо полагая, что других претендентов на место последней нет. Сослуживцы отдавали должное ее гардеробу, гнедой ухоженной гриве и умению преподнести себя. Но со вчерашнего вечера ситуация изменилась. Мироздание затрещало по швам. Причина была проста - ей было что делить с сотрудниками и предпочтение отдали не ей. “Дама класса люкс” предприняла последнюю попытку взять Бастилию - увы, Хозяин был не один. В кабинете тосковали двое мальчиков-бутафоров, которым не было абсолютно никакого дела ни до Людской, ни до ее падающего рейтинга.

Мальчики-бутафоры стояли перед начальством так, как их учили, руки по швам. На всякий случай. Жизнь убедила их в подобных случаях начальству не перечить, не оправдываться, не перебивать. Помолчать, ненавязчиво поддакнуть, дескать, да-с, был грешок, подумаем, осознаем. Благо, не в первый раз на ковре. Сегодня, однако, ситуация изменилась. По мере того, как багровело лицо Хозяина, мальчики начинали понимать, что пора сушить сухари...

Осторожно ступая впотымах, спотыкаясь о ступеньки, собранные половики и оставленные уборщицами ведра, сонные, мрачные сотрудники ТПМРПТиМКДУ шли

исполнять свой еженедельный долг - присутствовать на планерке. “Не трогайте меня - и я вас не трону”, - мог сказать каждый. Состояние “перед провалом” стало критическим. Осталось набрать нужную комбинацию слов, интонаций, неожиданных приходов и - ситуация станет неуправляемой. Каждый захочет спасти мизансцену своей репликой, но лишний раз убедится - провал неминуем. Темнота, отключенные телефоны и ровный гул непрекращающегося дождя - хлябь и сырость проникли даже в помещение - это только начало.

Женя села в углу, чуть прислонившись к пианино. Она любит это место - видно всех и не видно ее. Дейзи, присевшая за край стола, не выпускает из рук папку. Английский костюм цвета слоновой кости, гордая осанка, прибранные светлые волосы - сегодня она достойна медали за экстерьер. Мила Людская сидела, закрыв глаза, в позе египетской статуи - само спокойствие и отрешенность - ноги вместе, руки на коленях. Трусцой пробежали мальчишки-бутафоры, сели у окна, подальше от всех. Бухгалтерши вяло обсуждали какие-то взносы. Последней вошла Климентина, завпост с филологическим образованием. Завпост преданно дружила с печатным словом, а потому регулярно освещала район о творческих процессах в очагах культуры и искусства. Сегодня с ней пятилетняя дочка Дашка.

Пустовало только место Хозяина. Кто-то высказал не очень новую мысль, что “начальство не опаздывает, а задерживается”. Старые, давно изученные до дыр, обшарпанные стены. Сотрудники, как вольнопоселенцы без права выезда, давно не спрашивают себя, зачем они ходят сюда каждый день, в любую погоду, в дождь и снег, в слякоть и зной. Вопрос - смотрят ли они постановки, ради которых трудятся, застал бы всех врасплох...

Женя закрыла глаза. В тот давний осенний день погода была солнечная, теплая. Во дворах галдела ребятня и Женя, пройдя через гомон, смех и чириканье, олицетворенье жизни, вошла в этот склеп, по привычке съезжившись. С каждым шагом голова все больше уходила в плечи, во рту пересыхало, ноги становились ватными. Она понимала, что визит смысла не имеет, но что-то делать она должна. Сложить руки у груди и утонуть - это она сделает, когда исчезнут остатки воли, силы, гордости. Хозяин пил коньяк, когда она появилась перед открытой дверью. Встречают по одежке.

- Чего тебе?

- Нам нужно поговорить...

- Ну?

- Вы ничего не хотите мне сказать?

- Чего-о?

- Вы меня пустили по миру. Вы меня обманули...

Хозяин долго набирал в легкие воздух, прежде чем выплюнул на одном дыхании:

- Молчать! Не пугай, пуганый уже!

Ему необязательно было добавлять “Вон отсюда!”. Недопитая бутылка коньяка оказалась в дрожащей руке Жени. Не слишком прицеливаясь, она метнула ее в голову Хозяина. Тяжелым кулем тот свалился на пол. Одним взмахом она смела со стола все, что там было - стаканы, пепельницу, графин с водой - грохот наполнил кабинет, коридор и эхом отозвался в конце этажа. Возбужденный от крови и коньячных паров, Женя грохнула о стену телефон, видеосистему - атрибуты барского правления. Осколки падали на безмолвного начальника, он уже не реагировал, а она, тяжело дыша, крушила в кабинете все, что попадало под руку...

- Женя, ты в порядке? - ровный голос начальницы прозвучал некстати, еще рано, она еще не все сделала. Видеомагнитофон почти не пострадал, а до зеркала она еще не успела добраться. Женя схватила с пола треснувший корпус и швырнула в

зеркало. Вдребезги! Недобитый графин - в хрустальную люстру, осколки дождем посыпались на пол:

- Это Вам за “соплячку!” За “вон отсюда!” Зажравшийся барин! Зажравшееся сиятельство!

- Женя, тебе нехорошо?

Женя открыла глаза. Даже впотьмах нетрудно сообразить, что у нее что-то не так. Руки мелко дрожали, лицо изуродовала гримаса.

- Что-то случилось?

Женя встала, виновато улыбаясь, попятилась к двери.

- Помощь не нужна?

- Нет...

- Сходи умойся.

- Да... я сейчас.

Обрадованная, что ничего не надо объяснять, Женя уверенно зашагала к туалету. Костюмерная, бухгалтерия... Она споткнулась о собранную дорожку, ...кабинет завхоза, до туалета осталась одна дверь...

Дверь хозяина была приоткрыта. Она хотела пройти не заглянув, но резкие запахи заставили ее задержать шаг. Мимолетный взгляд зафиксировал какие-то предметы на полу. Плохо соображая, Женя шагнула в кабинет. Хозяин лежал лицом вверх, из полуоткрытого рта шла пена. “Пена,” - безучастно произнесла Женя. Самое удивительное было то, что она абсолютно ничему не удивилась. Да, он должен лежать именно так, все остальное на своих местах: на полу, в темной луже лежали осколки графина, трубка телефона с разорванным шнуром, какие-то бумаги. Она сделала еще шаг и увидела в разбитом зеркале свой сгорбленный силуэт. Сцена завершена. У порога она оглянулась еще раз, и шорох собственных шагов вдруг ментально вернул ее к реальности. Женя выбежала из кабинета, наугад нашла дверь туалета, пустила из крана холодную воду и тут ее, наконец, прорвало. Она ревела по-детски, в голос, протяжно и жалобно. Она давно потеряла счет времени, уже не помнила, зачем шла сюда, при чем тут поверженный Хозяин и почему так долго льется холодная вода.

Воду вдруг закрыли, и коридор заполнили совсем иные звуки, торопливые шаги, тревожные голоса. Кто-то вывел Женю из туалета, кто-то ругал на чем свет стоит отключенные телефоны. Сквозь беготню и гвалт Женя различила “Срочно “Скорую”, а потом возглас Дейзи: ”Да сделайте же что-нибудь!” Сотрудницы судорожно трясли аптечками, кто-то между делом сунул Жене под нос какой-то пузырек. Она раскашлялась и окончательно пришла в себя.

* * *

- Кто это сделал?

Дейзи закурила первая. В ее маленьком кабинете поместились несколько сотрудников: Мила Людская, бугафоры, Женя - художник по рекламе и Клементина.

- Чужие могли к нам проникнуть? - и сама же ответила. - Вряд ли. Я бы увидела в открытую дверь. Значит, свои.

Дейзи протянула пачку. Все послушно взяли по сигарете. Сигареты - хороший способ “разговорить” людей.

- Мальчики!

Бугафоры вздрогнули.

- Вы были у Хозяина последними?

Мальчиков двое - Олег и Вадим. Они вздрогнули еще раз, переглянулись и подтвердили, да, после них к Хозяину никто не заходил. Впрочем, может, и заходил, они не знают.

- Не удовлетворите наше любопытство, о чем был ваш разговор?

Вадим, мальчик помоложе, помусолив сигарету, положил ее на стол.

- Ну, в общем-то, разговор был личным...

- Вы абсолютно справедливо заметили, что в закрытых стенах разговор может быть личным. Только не в том случае, когда после этого начальника выносят вперед ногами.

- Мы ничего не делали... Мы даже слова ему не сказали, - испугался Вадим.

- А по какому вопросу вызывал вас Хозяин? - не унималась Дейзи.

- Мы... это... хотим адвоката...

- Случайно, не по поводу двух дней прогулов, из-за которых сорвался концерт фольклорно-музыкальной группы "Поздние ягоды"?

- Да, - загрустил Олег.

- И как Вы объяснили ему причину своего отсутствия?

- Мы ничего Хозяину не делали... Мы...

- Где вы были два дня?

- Мы...

- Отвечайте!

- Перышки чистили, - спокойно ответила за них Людская. Мальчики опустили головы. Дейзи опрокинулась на спинку стула. Пепел горкой накопился на ее сигарете.

- За ноги держала? - осмелел Олег.

- У них холостяцкая штаб-квартира где-то неподалеку. И культурная программа намного интереснее, чем концерт "Поздних ягод".

- А это что, криминал? - мальчики пришли в себя.

- Нет, не криминал, - продолжала Людская. - Но в свой последний выгул они взяли с собой родственника Хозяина - приехал один погостить - и пропали на два дня. Хозяин два дня сидел на телефоне, все службы, морги поднял на уши, а сегодня, когда эти протрезвели и появились на работе, он сказал им все, что думает по этому поводу, - еще никому не удавалось выбросить из колоды "даму пик".

- Он только пожурил нас, сказал, чтобы мы больше так не поступали, не опаздывали и не прогуливали...

- Он сказал, что увольняет их. Что ноги их не будет на работе. Что если они еще раз позволят себе вольности с его кровиночкой...

- Чего ты привязалась к нам? Его кровиночка тебя отбрил, мы-то при чем?

Людская нервно хмыкнула и закурила вторую сигарету.

- Мила, ты присутствовала при их диалоге? - спросила Дейзи.

- При монологе. С криком и пеной у рта. Я зашла к Хозяину, поняла, что не вовремя - он орал на этих героев-любовников, Аполлонов с фигами - и ушла.

- Я видела, - подтвердила Дейзи.

- Кстати, мы были не последние, кто видел Хозяина. После нас еще кто-то заходил... - Олег осторожно посмотрел на Людскую.

- Правильно, я зашла к нему еще раз. После вас. Дальше что?

- А ничего! - торжествовал Олег. - Расскажи-ка всем, по какому вопросу ты слезы лила. Я видел.

Дейзи по-прежнему смолила сигарету. Женя и Клементина рассеянно следили за происходящим.

- Мне действительно надо отчитаться?

- Расскажи, Мила, - спокойно произнесла Дейзи.

- Хорошо, - Людская потушила окурок. - Значит, так. Десять лет назад я пришла в эти стены не только радовать актерскую гвардию своим цирюльным мастерством, но и построить материальную базу для нормальной жизни. Я говорю о квартире. Годы шли, менялось правительство, идеология, мода на юбки и марки сигарет. Не изменился только квартирный вопрос. По-прежнему квартир "нет и не будет", по-прежнему они тайком все же проникают, и по-прежнему их получают либо Хозяин, либо его дети. Традиция, достойная хлеба-соли.

- С каких это пор тебя взволновала эта традиция? А у барского стола ты не паслась? - пошел лошадью Олег.

- Пасутся козлы. Я украшала презентации своим присутствием. Я не собираюсь перестраивать мир, это хлопотно. Мир уже создали. С налогами, податью, пошлиной, барщиной и оброком. Мзду отвалим, если надо. Только бы барин слово держал.

- Значит, ты зашла к Хозяину обсудить квартирный вопрос? Что же довело тебя до слез? - тон Дейзи был дружеским.

- Я знаю, что нашей конторе выделили квартиру. Хозяин обещал ее мне, - Людская помялась. - В частной беседе. А вчера я узнала, что эта квартира уже получена его дочерью. Его дети получают уже третью квартиру!

- Позвольте, - впервые в разговор вступила Клементина. - Нашему ЕКЛМН выделили квартиру? Это правда?

- Правда, - сухо ответила Дейзи.

- И мы узнаем об этом только сейчас? Хозяин за нашими спинами сговаривается с Милой, потом отдает дочери очередную недвижимость, а коллектив пишет планы работы и проводит планерки в полном неведении!

- Давай дослушаем Милу.

Людская нервно постукивала каблуком по ковру.

- Мила, расскажи нам о вашей частной беседе с Хозяином. Это теперь называется так, - Олег развеселился. - Расскажи, как закрывалась с ним в кабинете, как платила пошлину на барском столе. Пахала, как каторжная, а квартиру отвалили другому.

Мила Людская не спеша встала, лениво повернулась к Олегу и вдруг заехала ему по физиономии. Олег отъехал в сторону. Несколько секунд все молчали. Наконец Людская встряхнула волосами и заговорила снова. Голосом, не столь твердым, как прежде:

- Да, я пахала, как каторжная. И кстати, не только на барском столе. Столько работы приносят - на работе и днюем и ночуем, прямо дом родной. Но я реалистка и понимаю, что за подобные услуги и мзда должна быть соответствующей. Кстати, это тоже не криминал.

Мальчики уже не спорили.

- Я зашла к Хозяину после бутафоров и потребовала объяснений. Я имею права требовать. А он мне нахамил. Впервые...

- Он сказал тебе, что много таких, как ты, пасется на его лужайке. Травы не хватит, а дерьма после вас много. Прости, Мила, - тихо произнесла Клементина.

Людская заметалась, как напуганный зверек:

- Ты, конечно, оказалась перед дверями Хозяина совершенно случайно. И подслушала случайно.

- Не я, моя Дашка. Я ей запретила гулять в темноте, она могла упасть на ступеньках. Она гуляла в радиусе двух дверей. Дверь Хозяина была открыта.

Клементина вынула платок и протянула Людской:

- Брось, Мила, мужики не стоят наших слез.

Людскую развезло. Прикрыв платком ревущую физиономию, она заговорила, шумно всхлипывая:

- Я ему сказала... я ему все сказала, что убью его... он пожалеет, что связался со мной.

Дейзи протянула сигареты. Людская закурила и замолчала.

- Итак, что мы имеем?

- А что мы имеем? К Хозяину заходили несколько человек. Двоих он “уволнил”, третью вывел из гарема. Но все трое, покидая его резиденцию, грех на душу не взяли. Я правильно поняла? - Климентина взяла инициативу. Все трое кивнули.

- Давайте послушаем Женю.

- Что?...

- Женя, собственно, с тебя надо было начать. Ты вышла по своим делам, отсутствовала минут пять, после чего раздался твой плач, и все побежали узнать, что случилось.

Женя помолчала.

- Мне нечего сказать.

Начни с того, что тебе стало плохо. Кстати, я наблюдаю это не первый раз. Ты не пробовала обратиться к врачу? - это Дейзи.

- Мне страшно. Я так ненавидела, что стало жалко свою жертву, своего врага. Мы оба ошибались. Он считал себя неуязвимым. Я считала, что с врагом надо сводить счеты только спозиции силы...

- Так я не поняла, это ты его...? - перебила Людская. Пауза сработала не на Женю. Она рассеянно переводила взгляд с одного на другого:

- Господь с вами, конечно, нет.

- Ладно, друзья, - устало проговорила Дейзи. - С вами все ясно. То, что ничего не ясно. Грустно, что придется сор из избы выносить. Все свободны.

Дейзи встала. Первыми поспешно вышли бутафоры, потом Женя, за ней Людская. Климентина чуть задержалась в дверях. Убедившись, что те ушли далеко и рядом никого нет, поплотнее закрыла дверь и повернулась к Дейзи:

- Я все знаю.

Сигареты Дейзи уже надоели. Она убрала пачку в стол, достала “Орбит” и положила в рот две подушечки.

- Да? Расскажи, и я тоже буду знать.

- Ты нам не все рассказала. Я знаю, что у тебя было в папке.

Дейзи, не моргнув глазом, открыла папку, вынула листок и положила на стол рядом. Bravo, Дейзи!

- Приказ о назначении тебя директором вместо прежнего? - уверенно произнесла стоящая в дверях Климентина.

- Ага, - не изменилась в лице Дейзи. - А “прежнего” - на заслуженный отдых. За каторжный труд в области культуры и за особые заслуги в пахотных работах. Приказ, кстати, лежал в сейфе, ключ от сейфа - у меня в кабинете, а ключ от кабинета...

- “Яйцо в утке, утка в зайце...” Нет такого сейфа, который нельзя было бы вскрыть.

- Я забыла, где работаю. Ну что тут сказать? Жаль, Штирлиц, что Вы работаете не под моим началом.

- Ты не удивила бы нас сегодня этим приказом. Мы вчера его читали вслух, потом позвали Хозяина...

- Я знаю. Вы очень меня повеселили. Я задержалась в бугалтерии и слышала весь этот производственно-мелодраматический бред.

Климентина была сбита с толку. Она не знала, что коккер-спаниели не только входят в десятку самых интеллектуальных пород, но и прочно держат лидерство как самые кусачие собаки, оставив далеко позади бультерьеров и кавказских овчарок.

- Ты еще вспомни, как в какой-то курилке я однажды брякнула, - продолжала Дейзи. - Что у нас бездарное руководство, и я готова взвалить на себя этот груз, а Хозяин, сидевший рядом...

- Тебя оборвал: "Только через мой труп!"

- Климентина, очень мне нужны чужие трупы, прости Господи, особенно если моя кандидатура давно одобрена и приказ о назначении уже подписан.

- Но ведь это непорядочно. Твои методы... - помолчав, проговорила сотрудница.

- Тогда брось в меня камень первая. Не о том сейчас речь. Слушай, пресса, у нас теперь скелет в шкафу, а мы понятия не имеем, что творится в наших кулуарах. И когда же, наконец, кончится этот потоп?

- С утра голова раскалывается. Давление.

- Выпить надо.

- Да, выпить надо, - эхом проговорила Клементина. - У тебя в сейфе оставался коньяк...

* * *

- С самого детства я люблю то, что скучное человечество почему-то называет "непогодой". В лютые морозы отменяли уроки в школе, я накрывалась пледом и смотрела мультики по черно-белому "Рекорду". В сырость, слякоть, когда не получалось гулять, я раскладывала краски, альбомы, и меня обволакивало удивительное состояние комфорта. Я радовалась непогоде, она помогала мне остаться наедине со своими желаниями. Если бы этот замечательный дождь и собачий холод подольше не кончались, мы бы с тобой подольше не вставали с постели...

- Женька, я тебя убью...

- За что, любимый?

- Разбудила.

Я целую его плечи...

- А какой восторг собирать ягоды в мокрой траве осеннего леса. Когда пальцы уже не гнутся от холода и зубы отбивают чечетку, достаешь термос и пьешь горячий чай. Красота! И даже мелкий дождь, как условие кем-то предложенной игры, принимаешь сразу, безоговорочно. Ладно, пусть будет дождь. Дождь и холодные, жесткие ягоды.

Егор обнимает меня.

- Ты пахнешь черникой. Спелой черникой в сырой траве...

- Я пахну сыростью?

- Буквальный ты мой. Особенно хороши ягоды по утрам. Я соберу полное лукошко черники, по ягодке, по крупице. Я попробую ее на вкус, буду есть ее горстями...

Егор целует меня.

- Если тебе не надоел этот утренний любовный бред.

- Который час?

- Понятия не имею. Где-то утро, а может, полдень. Хотя ты прав. В отличие от детектива или триллера, любовный жанр в чистом виде утомляет. Предлагаю усложнить жанр - одеться и пойти позавтракать.

- Я заправлю постель. Иди умывайся.

- Егорушка, нельзя так. Ты вытаскиваешь меня из теплого гнезда в холодную неизвестность. А вдруг я не дойду до ванной, вдруг со мной что-то случится, упадет кирпич или прорвет трубу, или у меня найдут вирус бубонной чумы... А ты уже выпустил меня из своих рук, не попрощался со мной...

Егор берет меня в охапку и несет в ванную.

* * *

Завтрак у нас непонятный. Егор пьет отечественный йогурт, я ем манную кашу. В мисках лежат горячие гренки и вымытый изюм.

- К следующему твоему приезду куплю зеленый чай, как ты любишь. Сейчас пока заварила коричневый.

- Какой-какой?

- Крупнолистовой китайский. Ничего?

- Ничего.

- Не буду ждать следующего раза. Куплю завтра же. Нет, сегодня.

- Ты что-нибудь пишешь сейчас?

- Пишу, - я достаю чашки и наливаю чай. - Это не крепко? Ты ведь не любишь крепкий.

- Нормально. Сядь, не суетись. Слушай, а что за криминальный этюд ты мне прислала? Это на какого читателя рассчитано?

Замираю. - Ты очень требователен. Это пробный шар.

- Твои ранние рассказы я читал запоем, а эта писанина обескуражила, честно говоря.

- Уже догадалась по твоим подробным ремаркам.

Остатки утреннего любовного томления улечиваются и я с некоторой досадой перестраиваюсь на товарищескую беседу:

-Я затеяла опасную игру, Егорушка. Я не знаю, чем она закончится. Может быть, в финале возлюблю, наконец, всех ближних, а может, по мне заплачет психушка.

Егор откладывает чашку и смотрит на меня в упор.

- У меня были проблемы, Егор. Я не хотела тебе сообщать, тебе и своих хватает... Был груз на моей душе, и она уже не справлялась с такой тяжестью. Возможно, время вылечило бы все раны, но я не хотела ждать. Я хотела помочь времени.

- Ты меня пугаешь. И интригуешь. Расскажи.

- Тебе интересно слушать о моей душе, придавленной грузами? Изволь. Одна американская феминистка написала книгу о дипломатии в постели. Она утверждала, что в интимных отношениях отражаются все виды прочих отношений - деловых, творческих. То есть, если ты чего-то ждешь от партнера, а он прикидывается дурачком, автор предлагает добиться желаемого любыми средствами, например, поиграть с ним в "угрозу", "подкуп", "шантаж", "вымогательство". Если и это не помогает, пункт последний - "сменить партнера". Так вот, Егорушка, я абсолютный дипломатический бездарь. Если у меня что-то не выходит на деловом или творческом поприще, мне нужно сразу "менять партнера". Потому что "угроза" и "подкуп"- это профессиональные термины дипломированных авантюристов, до коих мне далеко.

Не так давно я вписалась в одну авантюру. Я сделала ставку и проиграла. Я совершила ошибку - сделала своим деловым партнером своего начальника, хама и самодура. Человека, который общается со всеми одинаково. Как удав с кроликами. Перед таким человеком бесполезно блистать гранями своей гибкой дипломатии. Он делит человечество на себя и остальных. Он делает кроликом каждого, с кем общается, навязывает свои правила игры, изменить которые многие не в силах.

Но ближе к делу. Некоторое время назад, когда приватизации еще не было, и продажа квартир считалась незаконной сделкой, у меня появилась возможность занять свое жилье. Незаконно купить. И незаконно оформить. Что поделаться? Ты знаешь, какие у нас были квартирные перспективы. Никаких. Мой удав ознакомился с этим проектом и благосклонно кивнул: переезжай, а “незаконно оформить” я тебе помогу.

Ну что тут сказать? Бездомная собака заимела свой угол. С этого символического понедельника для меня начиналась символическая новая жизнь. Я не верю в “рай в шалаше”. У человека должен быть свой дом, синонимы которого “тепло”, “спокойствие” и “надежность”. Это теплый плед, детская кроватка, прикосновение любимого мужчины, с которого начинается новый день. Но сначала - четыре стены.

Квартира обошлась мне в кругленькую сумму. Однако шли месяцы, ордером и не пахло. Начальство жило своей будничной жизнью - конференции, презентации, праздники, юбилеи... до сотрудницы ли было? Надо ли удивляться, что однажды мою дверь взломали... Дальнейшее вспоминается как в тумане: какие-то люди гуляют по квартире, переворачивают мебель, требуют документы. Буквально за одну минуту я стала лишь цитатой из уголовного кодекса. Мне дали два дня, чтобы убраться. Какие-то подвыпившие мужики помогли перенести мои вещи в эту общежитскую конуру, которую мне с барского плеча отвалил мой удав.

Где-то в глубине души появились ростки робкого, застенчивого протеста. Я срывающимся голосом пыталась “качать права”, голос ломался, шепот оставался неуслышанным. Иначе и быть не могло, ведь правила игры и распределение ролей никто не отменял.

А теперь главное. Я прибежала к своему начальнику сразу после взлома, испуганная, взъерошенная. Он курил, рядом стоял коньяк. На меня даже не взглянул. “Чего тебе?” Я пришла невовремя. У барина был послеобеденный отдых. Новость, что по его вине сотрудница попала в беду, ему совершенно не понравилась. Особенно после обеда. Особенно когда эта крепостная девка вякнула о “барском слове чести, которое надо держать”. “Молчать! - среагировал он. - Не тебе, девка, меня пугать! Во-он!”

Я повернулась и, плача, пошла вон. Шла по коридору, размазывая слезы, а у самой лестницы замедлила шаг - вдруг ясно представила, как выпрямилась моя стать и стали сильными руки, и как швырнула я своего злодея о стену, метнула в него нечто, что тут же расколослось о его голову. Я молотила его всем, что было под рукой и даже закрыла лицо руками, до того мне стало хорошо.

С тех пор не было такой казни, которую я мысленно не применила бы на своем мучителе. Эти казни стали шлягером моих фантазий. Но однажды я себе сказала: “Стоп, Женька, приехали. Поздравляю, это паранойя.” “Не дай мне, Бог, сойти с ума...” Я поняла, что единственный выход - сделать процесс управляемым, иначе по мне заплачет блочное серое здание с бетонной оградой. Планка “возлюбить врага своего” показалась мне неприодолимой. “Пожелать врагу добра” - это уже теплее. Я поставила перед собой наиболее реальную задачу - “не желать врагу зла”.

И тогда я взялась за перо. Задача была терапевтическая. В своем сомнительном литературном проекте я реализовала все свои болезненные фантазии, а потом ткнула себя носом в их последствия. Хочется возмездия? Карты в руки. Уничтожь своего мучителя. Это очень просто сделать. Набрать на клавиатуре нужную комбинацию букв - и его больше нет. Я придумала сюжет, спровоцировала ситуацию, в которой мой низвергнутый герой-злодей вызвал жалость к себе. Какой там герой, правитель - колосс на глиняных ногах! Ткни - и развалится. Я смогла убедить себя, что мой враг так же уязвим, как другие. Терапия помогла. Знаешь, перо - хорошее лече-

ние. Главное - правильно поставить задачу. Так же, как в фотосъемке. Профессионально поставленная задача перед моделью - половина успеха. Я не утомила тебя?

Уже несколько минут Егор держит мою руку. Он считает, что я слишком возбуждена. Нет, я прекрасно собой владею. Сейчас - прекрасно. Сейчас я умею, подумав о своем начальнике, не впасть ни в депрессию, ни в истерику.

- Одевайся, пойдем погуляем, - говорит вдруг Егор.

- Пойдем.

* * *

- Однажды я шла на работу в дождь, - говорю я, раскрывая зонт. - Чтобы не было скучно, по дороге считала у прохожих сломанные зонты. Это оказалось смешным занятием, в каждом втором зонтике торчали спицы. А потом ветер вывернул наизнанку мой зонт, и он тоже чуть не сломался.

Егор очень своевременно поправляет на мне шарфик, на улице холоднее, чем я думала. Мы идем вдоль скверика. Моя рука ныряет в теплый Егорушкин карман.

- Женя. - Запрокидываю голову. Взгляд у Егора какой-то отстраненный.

- Мне не надо было приезжать. Женя, всякий раз, когда мы встречаемся, я привязываюсь к тебе снова и снова, и потом эти нити рвутся очень болезненно. Я долго восстанавливаюсь после наших встреч. Мы с тобой, я думаю, сделали все, что могли. Мне не стоит больше приезжать.

- Подожди, Егор, мне нечем дышать...

- Женя, я сожалею, что ты до сих пор... такая неустроенная, уязвимая, вечно не у дел.

Мое сердце замирает. Не надо... Егорушка, дружок, давай почирикаем о любой ерунде, о птичках, ягодах, только пусть все останется как есть, я боюсь подводить черту под нашими отношениями. Есть дом, какой-никакой, но он превращается в лучший из домов, когда его порог переступает долговязый застенчивый мужик с кофром через плечо. Моя лучшая половина.

- Я все-таки надеялся, что ты устроишься, займешь свой мир, свою тайну, в которую я не посвящен. Я хотел однажды приехать и увидеть тебя, например, беременной.

Мы останавливаемся.

- Вчера я хотел заехать к тебе, просто заехать. Был уверен, что отношусь к тебе

спокойно, что у нас ничего не произойдет.

- Не произошло.

- Я не один приехал. Я в гостинице оставил Параскеву. Помнишь Параскеву?

Я поспешно киваю и сглатываю ком. Их встреча произошла год назад на фотопленере. Культурная программа проходила на безлюдных барханах Вычегды при температуре плюс 30 и включала в себя трех обнаженных фотомоделей на ромашковом поле, водку "Золотая рожь" и беготню с мячом по нежному горячему песку. Судьба подарила дивный солнечный день и все радостно бросились в его хмельной омут. Мы с Егором, держась за руки, пришли на пляж, когда все были в сборе. И тут его взгляд припечатался к незнакомке.

Я не сразу поняла, что произошло. Во рту стало кисло, а руки враз похолодели. Так в мою жизнь вошел новый персонаж, старый, как мир, и вечный, как обе древнейшие профессии. В мою жизнь победным маршем вошла разлучница. Они смотрели друг на друга неприлично долго, пока тот, кто ее привел, не догадался нас познакомить: "Это Параскева."

Есть женщины, которых природа щедро одарила половыми признаками. Взгляд Егора поплыл по Параскеве и остановился на уровне груди. На уровне груди

была грудь. Красивая упругая грудь в свободном падении. (Как-то однажды Егор оклеивал мои простуженные ребра горчичниками и обреченно произнес: "На этом месте могла бы быть грудь. Или хотя бы ее реклама.") Ненакрашенный чувственный рот, поволока в глазах, белесые ресницы - хороша, стерва! Классическая русская Параша. Из литературных закрамов. Задрала рукава и пошла кормить телят. Задрала подол и полезла в сено к конюху Андрияну.

Егор отпустил мою руку и больше о ней не вспоминал.

- Параскева, мы с товарищем впряглись в одну халтуру - рекламный проект по продаже недвижимости. Ты рождена, чтобы позировать в обнимку с флягой. Ждем тебя в павильоне, - сказал мой возлюбленный, вмиг возбуждись. Полные губы Параскевы дрогнули и медленно-медленно поползли в плотоядную улыбку. Я приросла к месту, понимая, что мой уход будет означать добровольную сдачу позиций. Понятливый товарищ Параскевы увел подругу от греха подальше.

- У нее гастролы в вашем городе. Она солирует в хоре.

- Я помню.

- Я ей читал твои рассказы. Ей понравилось.

- Я польщена.

- Ты гордись, у нее хороший вкус. Она даже приревновала к тебе... почему-то.

- Ну это напрасно.

- Мы впервые выезжаем с ней вместе. Ерунда какая-то вышла. Именно я настоял на поездке, я же и слинял. Не знаю, успею ли в гостиницу. У нее в одиннадцать репетиция. Который час?

- Понятия не имею. Где-то утро, а может, полдень...

- Я надеюсь, она меня поймет. Жень, я, может, забегу, если получится. Хотя вряд ли. Мне сейчас жить некогда, работы море. Съёмки с утра до вечера. Я выбил себе командировку, должен отснять несколько меропрятий.

Мы дошли до подъезда.

- Егорушка, я тебя больше не волную - я правильно поняла?

- Что? Ты о чем? О господи... Жень, давай больше не будем об этом. Мне пора, времени нет, присылай рассказы, мне интересно. Адрес тот же. Только, ради Бога, не надо про казнь с нечистотами, эту тягомотину с трагедийным надрывом. Легкость, изящная эротика - это твое, это интересно. Параскева тоже так считает. Сложи зонт, дождя больше нет. Ты слышишь меня, Жень-а?

Он щелкает меня по носу, поправляет на плече кофр и торопливыми шагами уходит прочь.

Параскева солирует в хоре. Хор, хора, хором. О хоре. Солирует в хоре. Руководит хором. Сырость закончилась, поэтому надо сложить зонт. Какой зонт? Трагедийный надрыв... Не тяни жилы...

"Здравствуйте!" Отшатываюсь. Человек странно смотрит на меня, потом скрывается в подъезде.

"Не тяни жилы... Легкость, изящество..." Я сейчас соображу. Это кто-то произнес. Поэтому я стою с зонтиком у какого-то подъезда. Я должна что-то сделать. Мне точно указали, что я должна сделать. С опаской оглядываюсь. Меня куда-то привели, обидели и оставили. Про меня забыли. Облетевшие клумбы, мокрые лавочки... Командировка, некогда жить... с Параскевой... Это кто? Параскева солирует в хоре.

Прямо надо мной кисти рябины, на меня капает с листьев и я должна сложить зонт. Еще раз оглядываю дворик. Старая пожелтевшая открытка, которую не раз держала в руках. Я это видела, я была здесь. Чей это двор? Мне холодно, я хочу домой. Осторожно открываю упругую дверь, проталкиваю зонт, потом на цыпочках прохожу сама. Тихо, через две ступеньки, дохожу до третьего этажа и останавлива-

юсь. Что-то мне мешает, я начинаю понимать, что. Этот проклятый зонт. Я складываю его и шарю по карманам. Ключи. Осталось вспомнить, которая дверь - моя. Хлопнули дверью этажом выше, крикливые молодые голоса отразились эхом на всех этажах. Я сжимаюсь. Сейчас спустятся и спросят, кто я такая. У меня в связке два... нет, три ключа, я машинально выбираю дверь и первый же ключ открывает ее. Я успеваю захлопнуть ее прямо перед толпой подростков, которые, почему-то, вызывают во мне неприязнь.

Пробегаю через комнату, открываю балкон, я знаю, зачем его открываю. Здесь на подоконнике лежат сигареты. Внизу лает собака. Я закуриваю и свешиваюсь с балкона...

И тут я все понимаю. Я у себя дома, и от меня ушел Егор. Сознание очистилось и мысль, простая и ясная заявила о себе громко и беспощадно. От меня ушел Егор. Я делаю длинную затяжку и тут же хмелею. Я не узнаю свой голос - так воют побитые суки, протяжно и жалобно. Мое мироздание, моя цивилизация, такая прочная и защищенная, развалилась как песочный замок от дуновения ветерка. Сейчас я вернусь и увижу наспех заправленную остывшую постель и наспех вымытые чашки. Я буду бродить как тень по своей комнате, по развалинам своего убогого мирка.

Я подхожу к зеркалу, внимательно изучаю то, что там отразилось - растерянное постаревшее лицо. Нет-нет, поменьше трагедийного надрыва. Параскева не любит трагедийный надрыв. Нам надо легко и изящно. Параскеве это больше по душе. А вообще-то нам жить некогда, нам не до тебя, посторонись...

Мои руки берут чашки со стола и швыряют их в зеркало. Кровь начинает пульсировать у меня в жилах. На лице появляются признаки жизни. "Вон отсюда, - шепчу я. - Вон из моего дома! Твое место у Параши!"

* * *

...Шаги были осторожными - это понятно, в коридоре темнота, и долгими, значит, шли именно к ней в мастерскую, в самый конец коридора. Женя безошибочно узнала шаги Дейзи, за годы работы она научилась узнавать всех. Сотрудники меняли обувь, набойки, однако шаги оставались узнаваемыми, и Женя редко ошибалась, предположив, за чем к ней идут, по делу или перекурить.

Вошла Дейзи с двумя стаканами. Один протянула Жене:

- Это коньяк. Выпей, успокойся.

Женя послушно выпила.

- Значит, так, - продолжала Дейзи. - Приехал коллектив, хор "Кудерышки". Невовремя, но выхода нет. Концерт объявлен, и отменить его уже нельзя. Помогите им с рекламой. Сейчас придет их руководительница, она же солистка, и все объяснит. У нее странное имя - Параскева.

В коридоре обозначились шаги, возможно, двоих. Шли лениво, не торопясь, о чем-то переговариваясь. Каким-то шестым чувством Женя осознала, что приближается не просто кто-то, а новая история, новая тема. Робкая надежда "только бы не она" рассыпалась в прах, как только в проеме показался светловолосый облик той, которую Женя не забыла бы при всем своем желании.

Параскева на секунду задержалась в дверях, потом смело, как к себе домой, шагнула в мастерскую. Следом шел мальчик, полненький, кудрявенький, хорошенький, тот самый, с пленера. Женя поспешно поздоровалась. Дейзи, докурив, звякнула пустыми стаканами, у порога напомнила Параскеве:

- Если будут проблемы - я у себя. - И закрыла за собой дверь.

Итак, Параскева. Неистребимая, непотопляемая. Которая - только “победным маршем”. Которую - “не задушишь, не убьешь”. Длинноволосая, с прищуренными глазами, полными влажными губами и жвачкой во рту.

- Мы ведь знакомы? - несмело проговорила Женя.

Параскева, непонятно улыбаясь, рассматривала Женю. Выдержав паузу, обратилась к спутнику:

- Нам хватит одной рекламы, у входа?

- Хватит, - отозвался тот.

- Текст напишите, - сказала Женя.

Разлучница двумя пальчиками вынула из куртки написанный текст и опустила на стол.

- А Вас я тоже помню, - осмелела Женя. - Вас зовут ...

- Андрюша, - ответила за мальчика Параскева. Спутник кивнул.

Наконец, Параскева сплюнула жвачку и заговорила членораздельно:

- Мы остановились в гостинице “Слобода”. С нами Ваш благоверный, Егорушка. Он сейчас где-то на съемке. Если у Вас кроме расправы над боссом нет другой культурной программы на сегодняшний вечер, приходите к нам. Часов в... девять. Наш хор на третьем этаже. Наш номер с Андрюшей и Егором - 304. Обещала зайти Ваша Клементина, поиметь наше интервью. Придете?

Женю удивило даже не то, что совместились несовместимые миры. Ей вдруг захотелось, чтобы они не уходили, пусть эта мастерская станет обитаемой. Одной здесь оставаться нельзя. Ей захотелось перехитрить судьбу и, несмотря ни на что, подружиться с ними, не оставаться по другую сторону баррикады. Врагов уже достаточно. Точнее, довольно игры во врагов. Эта игра утомительна и жестока, а силы уже на исходе. Немного передышки, перемирия, даже с этой Параскевой, неизвестно откуда свалившейся ей на голову. Что-то она сказала? Они живут втроем в одном номере? А это как?

Как угодно, лишь бы не уходили. Все, что испытывала к Параскеве год назад - злость, зависть, острую ревность - Женя обрубил, стерла из памяти, это было давно, этого больше нет.

- Вечером. В девять. В гостинице “Слобода”. Приду, спасибо.

- Не за что, - Параскева с Андрюшей переглянулись и расхохотались.

- До вечера, - проговорила Женя.

Гости, не ответив, за руки вышли из мастерской. Уже в коридоре о чем-то шумно заговорили. Это Женю уже не касалось.

* * *

Звонок в дверь резанул по нервам. Пошатываясь, открываю дверь - Клементина с Дашей.

- Ну и подъезд у вас! Тусовки на каждом этаже. Визги, вопли - как ты здесь живешь?

Пропускаю их в прихожку, наклоняюсь за тапочками и, не удержавшись, падаю.

- Жень, ты чего?

Выпрямляюсь, виновато смотрю на Климентину.

- Выпила, что ли? Да-а, тяжелый случай. А я ведь за тобой. На работе ЧП.

Проходим на кухню, ставлю чайник.

- Ладно, сегодня отмокай, а завтра, в воскресенье, выйди на работу. Есть заказ на рекламу.

- Хоровой коллектив “Кудерышки”?

- Ты уже знаешь?
- Много бы отдала, чтобы не знать.
- Сделай им один рекламный щит и хватит с них. Женька, на работе дурдом. Придешь - узнаешь. Хотя тебе, похоже, своих проблем хватает...

* * *

В вестибюле гостиницы ее встретили чрезвычайно вежливо. Администратор, широко улыбаясь, проводила ее до лифта, популярно объяснив, что хоровой коллектив “Кудерышки”, про который уже спрашивала одна журналистка, расположился на третьем этаже. Да, можно на лифте, он пока занят, или пешком, по лестнице, здесь недалеко. Иногда вежливость раздражает.

Женя поднялась на третий этаж. Триста первый, триста... нет, дальше... триста четвертый. Номер можно было не читать. Их дверь была приоткрыта, запах ламп-пятисоток Женя узнала бы из тысячи. Шум, смех, что-то звенело, громко смеялась Параскева... Сердце защемило... Егорушка... Женя постучала и, не дождавсь ответа, несмело вошла, никем не замеченная.

- Не говорите “тело”, - убеждал Егор. - Терпеть не могу этого слова. Тело - в морге.

- А как надо? Ведь “это” надо как-то обозначить. Вы же снимаете эротику, - возражала Климентина с диктофоном в руке.

- Я надеюсь, у меня нет эротических фотографий. Эротику, честно говоря, я ставлю в один ряд с порнографией!

- Не поняла. А сейчас Вы к какому жанру готовитесь? Если это не эротика, тогда что?

Параскева, нагая, в длинной вязаной кофточке, застегнутой на крохотную пуговку, не без удовольствия переводила взгляд с одного на другого.

- Не говорите ерунды. Климентина, я снимаю не тело. Женщина - это Вселенная. Классиков не хватит, чтобы процитировать женщину, любую ее часть.

Жующий Андрюша подпирал косяк. Две девочки, очевидно из хора, своеобразная “группа поддержки”, уткнули носы в пачку фотографий. Егор укрепил фон, отошел, поправил свет:

- Параскева, к станку!

Параскева, улыбаясь, с резинкой во рту, растегнула пуговку, сбросила с себя вязаную накидку и изящно прошла к фону. Егор осмотрел стены, оглянувшись, увидел Женю, на секунду досадливо сморщился, потом, вдруг придумав, щелкнул пальцами:

- Женя, подойди, - всучил ей осветитель. - Вот. Со свечкой постоишь.

- Здравствуй, Егорушка, - проговорила Женя.

Егор терпеть не мог, когда с ним говорили вот так заискивающе, когда украдкой смотрели на него просящим взглядом. Тем более, если это - бывшая подруга.

- Стой вот так. Руку повыше. Нет, другую руку, с осветителем. Стой, не дергайся. Параскева, теперь ты стой, - подошел ближе. - Жвачку, быстро!

Параскева послушно сплюнула жвачку. Егор отошел, страстно посмотрел на модель, потом “Никон” заплясал у него в руках.

- Вообще-то я шла брать интервью у Параскевы как солистки хора, - с интересом произнесла Климентина. - Но раз пошла такая пьянка... Я еще ни разу не присутствовала при съеме.

- Кстати, о пьянке, - подала голос Параскева. - Скоро бар закроется на втором этаже. Андрюш, принеси чего-нибудь. Стаканы есть.

Андрюша хлопнул по карманам и лениво зашагал к дверям.

- Так, не годится, - Егор положил фотоаппарат. - Параскева, ты обросла до неприличия. Перерыв по техническим причинам. - И Жене:

- Вырубай свет, перекалился.

Женя послушно вырубил свет. Егор взял смеющуюся Параскеву на руки, бережно посадил на стол, сбегал в ванную за Андриюшиной бритвой. Вернувшись, всучил Жене другой осветитель, послабее, и поставил ее слева. Параскева приняла позу, “разрешенную королевой Викторией”. Егор аккуратно нагнул ей ноги. “Группа поддержки” нервно хихикнула.

- Небольшая заминка, - объяснил Егор Климентине. - Можно, конечно, и с такими зарослями смириться, но лучше навести порядок в родных Пенатах. Егор нежно провел безопаской по Параскевиным Пенатам.

- Вы так замечательно говорите. Я записываю, Вы не против?

- Пишите, пишите, - Егор недовольно посмотрел на Женю. - Пожалуйста, стой нормально, мне не видно ничего!

- Извини...

- Вы классный автор, Вы фотограф от Бога, - восхитилась Климентина, рассматривая фотопортреты. - Но ведь тогда нужны и модели “от Бога”.

- Модель “от Бога” я нашел только одну - Параскеву. Она замечательный человек и яркая женщина. А еще она полноценный соавтор моих бредовых идей, очень артистична, работать с ней - большое удовольствие. Мы знакомы год, я считаю, до этого я не жил. Жень, посвети снизу..., - Егор любовно согнул ногу Параскевы.

Андриюша вошел так же неожиданно, как и исчезал, поставил на стол три бутылки пива. Неспешно наполнил стаканы, один протянул Параскеве.

- А как Вам удается раздевать своих натурщиц? - не унималась Климентина, разглядывая одну из фотографий.

- Вообще-то, я не снимаю женщин, которые не раздеваются. Параскева, нам было трудно тебя раздевать?

- Не-а. Были проблемы сначала с мамой, потом с друзьями. А в моем лексиконе слова “стыд” нет. Я вообще никогда не думала, что тело надо скрывать. Мне комфортно быть нагой, - Параскева посмотрела на Егора и доверительно сообщила:

- Я писать хочу.

- Иди писай, - отозвался Егор, бережно снял ее со стола и поставил на коврик. Параскева походкой манекенщицы отправилась в ванную. Женя выключила лампу.

- Егорушка, - негромко произнесла она. - У меня возникло такое подозрение, что ты больше не любишь меня...

Егор рассматривал острие бритвы.

- Может, мне это только показалось...

- Что? - Егор вспомнил о Жене.

- Егор, я здесь. Я пришла. Я, твоя Женя.

Егор зашарил взглядом по столу, стенам, гостям... увидел в руках Андриюши бутылку, налил себе пива.

- Егор, ты не ответил, - Женя шумно опустила осветитель на стол.

- Что я не ответил?

- Ты меня не любишь больше?

- Ты о чем, Жень?

Климентина с Андриюшей тихонько прыснули.

- Не разводи тоску, пожалуйста. Если пришла, держи реквизит.

- Скажи меня, что ты меня не любишь, и тогда я уйду.

- Что я тебя - что?

- Не любишь.

Параскева вошла в комнату, прислонилась к Андрюше и закурила. Ей тоже интересно. Егор задрал рукав до локтя и показал Жене шрам на запястье.

- Что это? - испугалась Женя.

- Я говорил Параскеве о своей любви...

- Мне, - сказала Параскева.

- Слов оказалось недостаточно, или они показались ей неубедительными, тогда я достал нож...

- Из-за меня, - сказала Параскева.

- И сделал зримыми доказательства моей любви. Без Параскевы мне нет жизни.

- Без меня, - сказала Параскева.

- Я ответил на твой вопрос?

- Нет...

Егор залпом выпил пиво.

- Дружок, ты выбираешь слишком длинный путь. Можно покороче. Скажи мне только: "Я не люблю тебя!" и я никогда больше не появлюсь в твоей жизни.

- Я говорил тебе об этом весь вечер!!!

Все отложили фотографии и слушали уже не таясь. Андрюша держал за плечи Параскеву, которая зябко куталась в свою тужурку. Показывали бесплатное кино.

- Я считала, что ничего не жду, что все равно, с кем проводишь досуг, кого раздеваешь в павильоне. Неправда. Ждала и было не все равно. Закладывало в ушах от тишины, от отсутствия твоих шагов, твоего голоса. Решила, что мое вакантное место останется таким пожизненно, ибо возомнила себя величиной постоянной. Была убеждена, что никто не помешает нам, обманув закон природы, замутить одну воду дважды. Не паниковала, потому что верила в свою самодостаточность. Ведь меня охраняла аура твоей давней любви и моя неисправимая оптимистка надежда, которая уходит, как известно, последней. Человек болтается в петле, остывший и посиневший, а вокруг порхает его несмирившаяся надежда, уверенная, что все еще обойдется...

Бери бумагу и пиши:

"Я, нижеподписавшийся, в здравом уме и трезвой памяти, говорю тебе открытым текстом: "Я не люблю тебя. Ты больше меня не волнуешь. Ты не вписываешься в мои дальнейшие планы, я больше не хочу быть частью тебя. Подбери свое биополе и отойди подальше. А еще лучше соберись с силами и отпусти меня по-доброму. Потому что другого не дано. Потому что наше лучшее время уже в прошлом. Я никогда не сведу счеты с жизнью из-за любви к тебе.

Число, подпись."

И только тогда я сброшу за ненадобностью полуистлевшие костыли и попробую не развалиться на части без этой сомнительной поддержки. Я отскоблю от своего биополя память о тебе и поежусь в легком ознобе, как после долгой продолжительной болезни. Разбегусь и сделаю великолепный батман. Удивлюсь своей живучести и заору от восторга - оттого, что тебя рядом нет, что ты стискиваешь в объятиях другую, и ее, другую, теперь надежно охраняет аура твоей любви, а я, такая догадливая и самодостаточная, научилась жить без тебя, без твоих жалких костылей - нерегулярного любовного пособия, которое ниже всякого прожиточного минимума...

* * *

Я закрываю тетрадь. Не знаю, чего мне хочется больше - погладить тебя по щеке или ударить. Мне трудно - агрессия наполняет меня - не стряхнуть! Но я уже знала, что мне делать. Перо - лучшая терапия. Главное - правильно поставить задачу.

Ведь точно поставленная задача - это половина успеха. Я не буду уничтожать тебя. Просто нарисую картинку и отойду подальше - рассмотрю ее издали. Рассмотрю тебя, твою подругу. И может быть, наконец, пойму, что еще один персонаж здесь абсолютно ни к чему...

Закрываю тетрадь. Я устала просыпаться одна. Я забываю вкус твоего тела, не помню, как по-итальянски “окно” и не знаю, на какую тему мне жить дальше. Конечно, я отпущу тебя, если ты тяготишься мной. Разве могу тебя задерживать? Но сначала бери бумагу и пиши: “Я, нижеподписавшийся...”

* * *

...Да ничего подобного! Что за бред такой, “ля-ля”, “сю-сю”, “прости”, “скажи”. Много чести - отшаркиваться перед каждой шлюховатой обнаженной и трясти пожухлым веером перед своим возлюбленным. “Ах, прости, если можешь! Ах, будь счастлив с другой!” Ничего подобного, все было не так!

- ... Я без нее жить не могу, - жестко сказал Егор.

- Без меня, - негромко подтвердила Параскева, взяв из его рук чашку с черникой, холодными, влажными ягодами. Она попробовала ее на вкус, она стала есть ее по яголке, по крупице, заполнив комнату запахом сырой травы, леса... Она стала есть ее горстями.

- Довольно! - крикнула Женя.

- Я ответил на твой вопрос?

- У меня больше нет вопросов! - взяла из рук Егора стакан и швырнула в стенку. Егор отшатнулся.

- Подвинься, мне Парашу не видно. Ах, красотка! Каторжная труженица! Часами перед камерой - потом без снотворного не уснуть! Вкалывать красоткой - это тебе не работать в зоопарке крокодилом! Ах, простите, тут еще про внутренний мир дифирамбы пели. Про настоящий артистизм. Параш, изобрази мне кого-нибудь. Что-нибудь сложное - женщину с интеллектом - вдруг получится! Ну покажи! Модель от Бога, ядрена вошь! Наш автор посвятил Вам свое членовредительство!

Женя схватила осветитель с пятисоткой и швырнула в Параскеву. Та истошно завизжала. Всех на секунду парализовало.

- Ах, я задела Вас канделябром! Я повредила Вам фасад и средства производства!

- Женька, замолчи! - наконец, опомнился Егор, схватил ее за локоть и поволол к выходу. В коридоре Егор прислонил конвульсирующую Женю к стене и отвалил ей увесистую пощечину. Своей красивой ладонью. Со всего размаха. Женя не обиделась. Нашатырь был бы еще противнее.

- А теперь послушай меня. Женька, ты талантливый человек. И красивая женщина, - он гладил ее, плачущую, по голове. - Я очень люблю получать твои письма. Правда, люблю. Жалко, ты такая нестроенная в жизни, вечно не у дел. Всегда одна... Помнишь, ты рассказывала, какой-то мальчик у тебя был? Как там у вас? Никак? Очень жаль...

Женя сверкнула глазами:

- Ты много позволяешь себе, Егорушка, - она говорила тихо и злобно. - Ты знаешь, что я могу с тобой сделать? Я сотру тебя в порошок! Сверну в бараний рог! Размажу по стенке!

Он резко отпустил ее:

- Я не понял, ты мне угрожаешь, что ли? Ты? Мне? - ему уже смешно. - Ради Бога, не пугай, а то я испугаюсь. Ничего ты со мной не сделаешь. Ты будешь меня

холить и лелеять, дорогая моя. И пожалуйста, оставь мою Параскеву в покое. Тебе не надо было приходить...

К ним уже поднимались вежливые администраторши...

- Сука! Сука! Пададь!...

* * *

...Сука! Пададь! Убью дрянью такую!

Распахиваю дверь и выхожу на лестницу. Красавица соседка со своей визгливой тусовкой курят, смачно отплевываясь, сидя на подоконнике. Хохот и визг заполнили весь подъезд. Пробираюсь сквозь чад к соседке. Та, почуввав неладное, прячется за спину двухметрового друга.

- Дрянью такая! Достала своими кошачьими концертами! Сколько раз просила не орать перед дверью! Вон отсюда! Во-он!

- Че-е?

Мои руки знают, что делать. Одним махом наматываю ее волосы себе на ладонь и с силой швыряю ее о стену. Потом еще и еще. Дикий вопль оглашает подъезд.

- Наташка, держись! - кричит кто-то. Ослабляю вожжи и пинком под зад спускаю ее с лестницы. Она летит через ступеньки и врежется в стену. Что-то, словно клещи, сдавливают мне руки... Мне больно... Я еще не все сделала... Пустите... Дрянью такая... сколько раз ей говорила... Вырываюсь из плена и делаю несколько шагов вниз к ней, скандалистке и мучительнице... я знаю, все зло в ней, гулящей соседке...

... Что-то тяжелое обрушивается на меня. Неожиданная преграда вырастает рядом, впивается в меня, сделав своей собственностью, лишив меня воли. Она тянет меня за собой. Мне уже не больно, я больше не сопротивляюсь... Неожиданно меня оставляют в покое. Я погружаюсь в темноту...

Странная картинка ослепляет в последний миг: я вижу себя с раскрытым зонтом на безлюдной ночной лестнице. Вспышки молнии красиво подчеркивают состояние рассеянности и испуга на моем белом без румянца лице, бликуют на каплях дождя, медленно-медленно падающих с волос и зонтика. Я стою в фотопавильоне и выполняю творческую задачу автора, я - придуманный персонаж, женщина, которую вывели в дождь и забыли по дороге. Я поворачиваюсь, играю с зонтом, молния фиксирует мои позы.

- Довольно, - молча заявляю я невидимому фотохудожнику. - Я хочу сложить зонт. И хочу, чтобы меня, наконец, нашли. Мне надоели позы брошенной женщины, даже если эта "брошенность" эффектно освещается вашим небесным софитом. Придумай мне другой типаж, другую роль, другую фактуру...

* * *

Он держал ее ладонь уже полчаса, пока шли пешком. Ладонь была теплая и мягкая, и никакой холод не был властен над ней. Они не расцепили рук, даже когда входили в дверь. Вестибюль их встретил вчерашней тишиной. Поздороваться было не с кем - вахта вновь пустовала. Электронное табло черным безжизненным пятном напоминало о бренности всего сущего.

- Этот остров необитаем, - попытожил Егор.

- Еще чего! У нас здесь вечером концерт.

- Тогда ищем аборигенов, - Егор подошел к вахте и послушал трубку телефона. - Безнадежно.

Не спеша они поднялись на второй этаж. Параскева шла медленно. Егор не роптал, пусть идет как хочет. За год знакомства они научились общаться без слов.

Просто шли и молчали. Или стояли и молчали. Или молча чем-то занимались. Потом он мог сказать:

- Вторая слева была лучше, но стоит проверить.

И Параскева соглашалась или начинала хихикать, потому что вторая слева была ненамного лучше третьей справа, и вообще это было позавчера. Они жили в одном измерении, дышали одним воздухом, молчали на одну тему. Он любил ее. Правда, иногда Параскева давала поводы поволноваться, временами пропадая где-то вместе с Андрюшей...

- Егор, там кто-то есть.

- Я уже догадался.

Егор осторожно открыл дверь... Увиденное напомнило ему подмости его давнего студенческого театра с амбициозным названием "Хаотический порядок", который лихой студенческий язык тут же переименовал в "Упорядоченный кавардак". Пьесы выбирались исключительно авангардные, в них культивировалась усталость от забвенной жизни или брэнность от усталого забвения. (Язык заплетался от подобного словоблудия.) Образ жизни-свалки кочевал из одной постановки в другую. На сцену тащили все, что плохо лежало: разбитую мебель, вешалки с драной, поношенной одеждой, батареи бутылок, осколки, окурки, заплывающие урны...

- Круто, - подумал Егор, разглядывая кабинет. - О такой роскошной свалке мы тогда и мечтать не могли.

Посреди кабинета, согнувшись втрое, стояла уборщица в длинном сером халате. Она подняла с пола то, что когда-то было телефоном, свалила на стол. Потом замела осколки графина и люстры. Включив пылесос, деловито заработала щеткой. А потом, все еще согнувшись, обернулась к ним...

- Женя... - выдохнул Егор. Уборщица, ни на секунду не прекращая работу, кивнула им и, отвернувшись, занялась мебелью.

Егор был готов к чему угодно, только не к этому. Часто, при встрече с бывшими подругами, чувство досады долго не отпускало его: неужели все ЭТО могло его когда-то волновать? Женя не вызвала даже досаду. Да и трудно было увидеть в маленькой сгорбленной женщине в сером халате свою бывшую возлюбленную...

Наконец, она выключила пылесос и по-хозяйски осмотрелась. Если не поднимать глаза на разбитую люстру и осколки стекла в шкафу, все остальное было на своих местах и имело вполне чистоплотный вид. И тут...

У каждого в последнем акте свое ружье. Уборщица, поднатужившись, шаркнула в свою двустволку с убойной силой своего бальзаковского возраста. И так. Она выпрямилась. Рывком сняла грязный халат. Подошла к зеркалу и встряхнула волосами. Она изменила свой облик с точностью до наоборот.

- Женя, - еще раз ахнул Егор. Она была в роскошном костюме из светлого бархата. Егор впервые видел ее в мини. "Сколько раз говорил, что длинные крестьянские юбки - это не ее, не слушала..."

Она стояла на высоченных каблуках, держалась уверенно, будто прошла в них не одну милю. Изумленный Егор разглядел в зеркале ее красивое, ухоженное лицо, вдруг заметил, как отросли ее волосы. Он не любил стриженных женщин. Ему нравились длинные, падающие волны волос, он загорался, возбуждался от них. В трех шагах от него стояла чужая, недоступная ему женщина, которая в его прошлой жизни была Женей, и которой не было абсолютно никакого дела до вошедших.

- Женя, что ты здесь делаешь? - он не придумал ничего оригинальнее.

- Порядок навожу, - холодно ответила Женя, не оборачиваясь.

- Нам бы найти... кого-нибудь... У вас тут, как в склепе. ни людей, ни признаков жизни.

- У нас, как в склепе? - Женя обернулась. - Вы ошибаетесь, склепа больше нет. Вернуть признаки жизни очень просто. Например, повернуть выключатель.

Будущий экранизатор оценит мою режиссерскую находку. Женя по-хозяйски шлепнула по выключателю. Вошедшие вздрогнули. Свет, долгожданный яркий свет, зажегся сразу везде. Разбитая обвислая люстра заиграла оттенками холодного, коридор осветился ровным равнодушным светом. Женя тем временем собрала в кучу останки телефона и вставила розетку. Телефонные трели заголосили на весь этаж, из всех кабинетов сразу. Так изображение на запылившейся пожелтевшей открытке плавно обретает движение, снятое на "Кодак". Из кабинетов появились люди. Уборщицы, шумно споря, взялись раскатывать дорожки, откуда-то вышли Дейзи с Климентиной, мальчишки-бутафоры вдвоем несли стремянку...

Параскева побежала догонять начальницу. Женя последний раз осмотрела кабинет, выключила свет и, выйдя в коридор, закрыла за собой дверь на ключ: "Хватит, нахозяйничалась."

Потом обернулась к Егору. Знакомая, узнаваемая, домашняя Женя, которую он недавно оставил мерзнуть у подъезда. Которая не замерзла. Он хотел что-то сказать и не мог... "Брось, Женька, все было не так плохо, это правда, и когда-нибудь, в другое время и в другом месте мы, замирая, скажем друг другу: "А помнишь?..." Еще немного, и я снова прилеплюсь к тебе, и эта тонкая ниточка, вновь связавшая нас, будет рваться долго и мучительно."

- Как ты? - спросил Егор сухо.

Она пожала плечами. Она улыбалась. И больше не сердилась на него.

- Вечером концерт...

- Да, в большом зале.

- Я с Параскевой...

- Я знаю, ты - с Параскевой.

Я знаю, дружок. Я все знаю. Жизнь, скупая на похвалы, подарки и праздники иногда, скрипя сердце, подбрасывает нам редкие минуты простого человеческого счастья. Понять это может даже отвергнутая женщина. А потому я спокойно, без надрыва, желаю тебе счастья с другой. Но об этом я тоже промолчу. Я уже держала над вами свечку, хватит.

- Ты будешь на концерте?

- Не знаю... нет.

- Жаль, ты прекрасно выглядишь.

- Я знаю.

- У меня выставка открылась. Опыт работы с одной моделью.

- Моделью от Бога.

- Да. С Параскевой.

Я провожу пальцем по его щеке, жесткой бороде, куртке, я прижимаюсь к его плечу. Мы молчим вечность, целую минуту.

- Мы уезжаем поздно вечером. Приходи на концерт. У нас будет время, поговорим. Придешь?

Мне становится смешно:

- Я дипломатическая бездарь, Егорушка. Если у меня что-то не выходит на любовном или деловом поприще, мне лучше сразу "менять партнера". Я не умею добиваться желаемого "любыми средствами". Я не приду сегодня вечером.

- Ты не дипломатическая бездарь.

- Тебя ждут, Егорушка.

- Да, мне пора.

Мы даже не прощаемся. Он просто поворачивается и уходит. Что ж, лети в родные Пенаты, мой голубь сизокрылый. А я слишком устала, чтобы устраивать со-

служивцам бесплатный спектакль - с истериками, провалами в памяти и “великолепным батманом”.

Я бреду к выходу. И не очень удивляюсь, когда у самой двери, по закону жанра, чей-то силуэт перекрывает мне дорогу. Генрих Рудольфович, наш Хозяин. Живее всех живых. Удав соскучился по своим кроликам. Он больно сжимает мой локоть. Я протягиваю ему ключи:

- Пожалуйста, не вытирайте об меня руки. Мне это неприятно.

От неожиданности он отпускает меня. Он не успевает сделать ни шагу. Дейзи, хрупкая и стремительная, тоже умеет перекрывать дорогу:

- Прошу ключи!

Генрих Рудольфович, помедлив секунду, небрежно подбрасывает их в воздух. Дейзи, изловчившись, ловит их на лету:

- Я буду Вам благодарна, если Вы останетесь в команде и будете нам полезны в качестве моего заместителя. Ваш кабинет теперь этот.

- Дейзи, фу!

Новая начальница умеет быть великодушной. Она не опустится до скандала. Дейзи, она же Ольга Сергеевна, улыбается своему новому подчиненному Генриху Рудольфовичу, улыбается и уходит.

- Съели?

- Съел, - бодро отвечает Генрих Рудольфович и лезет в карман за сигаретами. Нам приходится уступить дорогу бутафорам с бессмертной стремянкой и идущей следом Миле Людской. Такую экзотику Хозяин пропустить не мог. То, что лежало рядом, особенно без присмотра, он брал, не задумываясь. Людская умела ходить вкусно. Ее фасад всегда знал в подробности, что делается в тылу, ее хореографические мышцы вибрировали строго согласованно. Хозяин, хмыкнув, шлепнул Людскую по тылу. Вибрация прекратилась. Бывшая фаворитка резко остановилась, повернулась к бывшему Хозяину и с достоинством изрекла:

- Генрих Рудольфович, я Вам не шведский стол. Захотел - подошел, захотел - взял.

- Захочу - подойду и возьму, - просолдафонил Хозяин.

Людская сложила из ладошки фигу, плюнула на нее и сунула Хозяину под нос:

- С возвращением! Мы ждали Вас, располагайтесь!

Отшаркала книксен, повернулась и ушла.

- Получили?

- Получил, - тускло отвечает Хозяин. Глядя вслед Людской, достает пачку сигарет, долго роется в ней, наконец, опомнившись, протягивает мне.

- Благодарю, - беру одну, прикуриваю от его зажигалки. Кажется, ему хуже, чем я думала. Первая сигарета вываливается из его дрожащего рта, у второй ломается фильтр, он не может достать третью...

- Генрих Рудольфович, у меня появилась потрясающая идея сходить в бар. Мы выпьем по чашечке чаю и выкурим по сигарете, - мне было совсем не трудно это сказать. Хозяин кивает и, не говоря ни слова, освобождает мне дорогу.

Чай нам подали в красивых фарфоровых чашечках. Мы садимся у окна.

- Картина Репина “Не ждали”. Отсутствовал всего день, а теперь в упор не узнают. У всех провалы в памяти, ешкин корень...

- Если Вы ожидали цыганский хор по случаю Вашего прибытия, сожалею, этого точно не будет. Эту пилюлю Вам придется проглотить.

Хозяин бесцветно смотрит на меня. Он уже ничему не удивляется.

- Я слышал, собрание провели, допытывались, кто мог на меня руку поднять. Оказалось, все могли... - Хозяин улыбается. Так улыбаются на эшафоте, глядя на затупившийся нож гильотины.

- Сгинешь, исчезнешь и наутро - как и не было. Не отметят на вахте, не напишут в бухгалтерской ведомости. Был и нет. Не нужен стал... Девчонки, соплячки, да если бы не я... как нужен был, так...

Так, не годится. Достаяю многострадальную третью сигарету из его пачки, зажигаю ему огонь. Он послушно закуривает.

- Удовлетворите мое любопытство. Что же случилось с Вами? Что произошло?

Он начинает смеяться в голос:

- Да-а, история! Утро того дня начал с пива - было похмелье, тоскливо, мурно. Кто-то попался под руку - мозги вправил, уж не помню, за что. Разволновался, давление поднялось, сердце сдавило. Нашел какие-то таблетки, запил их пивом... Да знаю, так не делают, мне тут же стало плохо, стошнило. Извини за такие подробности. Возле двери гуляла Дашка, дочка Климентины, скушала, засранка, бананы, а корочки мне под ноги бросила и бежать. А я спьяну наступил. И башкой о стенку. Пока летел, угробил все, за что хватался. Очнулся в приемном покое. Хорошо - не в морге. Давление наладили, шишку на голове поцеловали и отпустили, дай им Бог здоровья... Жень, неужели я никому добра не сделал? Вот так концы отбросишь - и никто добрым словом не помянет. А, Жень?

Я тушу сигарету. Мне надо что-то отвечать.

- Куда Вы теперь?

- Я? В тираж. А что, есть другие варианты?

Я встаю из-за стола.

- Жень!

- Я слушаю.

- Жень, я тут... в общем... я думаю... словом, прости меня, дурака старого, - он закрывает лицо ладонью.

Ну уж нет, почему это - старого? Не надо мне этих сцен, что за дела такие? Я уже давно не желаю Вам зла, Генрих Рудольфович. Правда, "возлюбить Вас от всего сердца" пока не получается. Я поднялась чуть выше своих плебейских обид, из-под Ваших ног вышибли пьедестал - мы теперь с Вами на одной ступеньке. Я Вам сопе-реживаю, потому что хорошо понимаю Вас.

Мы выходим из-за стола, идем рядом, рука об руку, мимо сотрудниц, посетителей бара.

- Угадайте с трех раз мое самое заветное желание, - говорю я Хозяину.

- Подсыпать мне в чай цианистый калий.

- Не угадали. Снять туфли.

- И запустить в меня?

- Ага, каблуками вперед, - я улучшаю ему настроение.

- Ты обедаешь где? Дома?

- Да.

- В своей конуре?

- Другой нет.

- Тебя подбросить? Я на машине, - Хозяин помогает мне надеть плащ. Я складываю в пакет туфли.

- Не стоит. Я очень люблю дождливую погоду. Когда холодно и мерзнут руки. Я не понимаю людей, которые прячутся от дождя.

Генрих Рудольфович открывает мне дверь.

- Все образуется, - зачем-то говорю я на прощание и вхожу в серую пелену осеннего дождя...

* * *

Той ночью мне снился Егорушка. Наше белоснежное ложе было центром Вселенной. Мы любили друг друга бесконечно долго, нам было жарко и сладко, и наша близость казалась самым естественным состоянием души и тела.

У стены поодаль с обреченным видом стоял Генрих Рудольфович со связкой банановых корочек. А над ним висело электронное табло с точным временем - 32 часа 67 минут...

Андрей КАНЕВ

* * *

Над горизонтом всплывшая звезда...
Она погасла в дымке наважденья
В то утро твоего рожденья,
Когда в Москву уходят поезда.

Я бы летел над линией стальной,
Любви опавший лист напоминая...
Стояла ты пред зеркалом нагая
И отражалась в этом мире мной.

Звезда погасла в утреннем тумане,
Но образ твой – пыльца в моей душе.
Моя любовь живет в карандаше
Моих записок о твоём обмане.

Когда в Москву уходят поезда,
Я им желаю возвратиться с миром.
Но пусть в то утро над моей могилой
Взойдет над горизонтом та звезда.

КАМЕНЬ

Каменная река вытекала из сердца –
Грохот булыжников, искры в глаза...
В космос завалена глыбами дворца,
И сталагмитом застыла слеза.

Камень на сердце упавшею птицей
Заворожил мои мысли и сон.
Где-то кобыла ожеребится,
И назовут жеребенка – Самсон.

Камнем сорвусь в эту пропасть нагую
И обрету свой покой среди песка.

Я и рифмую, и интригую –
Пулей свистит камнепад у виска...

Каменным рекам затором не стану.
Сам я источник тяжелых обид.
Реки становятся нынче стаканом...
Тем, от которого сердце болит.

Будто из сердца потоками лавы
Выльется боль, не бросаясь в глаза.
Нет на судьбу в этом мире управы,
И сталагмитом застыла слеза...

* * *

Я помню эту мысль: «Не навреди...»
Не навреди ни словом и ни делом.
Пусть перемены ждут нас впереди,
Останься чистым и душой и телом.

Но иногда так хочется убить...
В себе убить поэта-недотепу.
И беспроblemно и бездумно жить,
И как манкурт по белу свету топать...

Но водкой не зальешь пожар в душе.
Она лишь раззадорит пламя мыслей...
И вновь подсел я на карандаше,
И вновь пишу о непутевой жизни.

Пробито днище у моей ладьи,
И я уже давно лежу на суше...
Ведь, что пишу – гнетет другие души.
А как же те слова: «Не навреди...»?

* * *

Сено, скошенное пахло арбузами...
Дядя Леша, дворник-косарь
С граблями и косою, словно бы с аркебузами
Ходит по городу рыцарь-фонарь.

Только жаль ему, что эту травушку
Ни корове, ни козе, ни кролям,
А увезут на свалку сударушку,
Как не нужный, отравленный хлам.

У него работа неспешная –
Лету еще течь и течь.
По ночам его память приезжая
Крутит сны про русскую печь...

* * *

Горы встретили холодом с юга,
Красотой серебристых вершин,
Над равниной хребты полукругом,
Вопрошали, куда мы спешим.

В Пятигорске на месте дуэли,
Где свершился не только роман,
Мы с тобою на сына смотрели...
Подрастает шалун-мальчуган.

Тут фотограф встречал павильонный
И черкеску совал и кинжал,
Бурку с саблей... Сниму, мол, проворно...
А на сабле китайский оскал.

Запах вод, что пивали дворяне,
И курортно-шашлычный дымок
Мне напомнили о Сыктывкаре,
И от холода сразу продрог.

Горы встретили снова, и в Нальчик
Покатилась экскурсия вновь,
Спал на наших коленях наш мальчик,
Скоротечная наша любовь...

* * *

День ВДВ собрал бойцов у водки.
Все вспоминали о былых боях,
Как пушки били, может, без наводки,
Снаряды осыпались, там в горах.

На пиджаках, да и на камуфляжах
Позвякивало вяло и не в такт.
Мелькали милицейские фуражки
Среди береток тех еще солдат.

Свезли на поле, дали парашюты...
Побаловались в рукопашный бой.
У кухни полевой за три минуты
Расправились и с кашей фронтовой.

А расходились грустно и пьянуче
В обнимку с патрулями по домам,
Ведь нет уже державы той могучей,
Которая брала нас всех у мам...

* * *

Когда твоя память станет печальнее моря,
Когда ты вернешься один на овдовевший берег,
Когда из друзей останется только горе,
И ты не поверишь самой сомнительной вере,

Когда не захочешь начать эту жизнь сначала,
Когда одиночество растянется на столетье,
Когда душа, увидев маяк, не найдет причала,
А вечность откажет одолжить хоть на час бессмертье,

Тогда ты утопишь память в трактирной кружке,
Тогда ты отчалишь в море хмельных иллюзий,
Расскажешь себя солидарной горе-подружке,
И мысль о смерти станет самой последней дозой.

* * *

Налей мне судьбы похмельнее, обманщик,
В тяжелую братину-жизнь,
Быть может, еще не совсем я пропащий,
Отпей и живи – не тужи.

Быть может, тогда я пойду куролесить,
Найду, что давно потерял,
Мне снова подарит случайный кудесник
Дороги заоблачных стран.

Звезду зачерпну – навсегда протрезвею,
В сердцах зарекусь от ума.
Не выдам себя стоголовому зверю,
Что воет в предсмертный туман.

Потом от того, что в лицо мне не скажут,
Прикроюсь заплечным крестом,
До дна осушу эту горькую чашу
И брошу под праздничный стол.

* * *

Надоело быть непонятно зачем,
Быть или не быть – лишено смысла –
Жизнь и смерть – одно коромысло,
Которое выбросить и забыть.
И тогда не останется и следа
От разочарования, тянувшегося года,
От обиды на бытие и смерть,
От обиды, которую не сумею
Ни высказать, ни понять,
Которую вымучили на пять,
И готовы рассказывать этот урок,

Пока не придет срок.

* * *

Обманчивой речью,
Застывшим наростом,
Года отпадут, и опять
Ты выйдешь под вечер
Усталый, и просто
Научишься звезды считать.
Посмотришь на небо
И лишь усмехнешься,
Когда вдруг сорвется звезда,
Но все же отправишься
Прямо по следу,
Ведущим, увы, в никуда.
А может тебе повезет –
Как в ненастье
Случалось найти ночлег.
И ты растолкаешь
Уснувшее счастье,
Укутавшееся в снег.

* * *

Это ты меня победила,
Это ты меня в плен взяла,
Это ты меня приручила
И новое имя дала.

Я стал по щенячьи доверчив,
Своим хозяином горд,
В зубах приношу газету
И тапочки, если холодно.

Прикажешь остаться – останусь,
Прикажешь уйти – уйду.
Я самым ласковым стану,
Тебя защитить смогу.

Но и ты, ведь, меня не бросишь,
Не прогонишь со злости прочь,
Когда на улице осень
И бесконечный дождь.

...Мы вместе сидим у камина
И вспоминаем весну,
А когда угли остынут,
Я тихо в ногах усну.

* * *

Ты вышла из моря, луною одета,
Прибой обнимал твои нежно колени,

И море играло полуночным светом,
И музыкой было твое отраженье.

Ты вышла из моря, играя с прибоем,
Волос твоих тихо касались созвездья,
И море дышало твоей красотой,
И волны шептали, что мы будем вместе.

Ты вышла из моря, из пены соленой,
Впитала всю сладость и горечь стихии,
И раненой чайкой кружил побежденный
Мой дух...
И судьбы сплелись неизбежностью линий.

* * *

To Angel
Я ловлю твой взгляд, любимая,
Я хочу тебя, любимая,
Ты – моя неповторимая,
Свет моей души.

Я всегда с тобой, хорошая,
Сберегу тебя, хорошая,
Огражу от всех непрошенных,
Ненависти, лжи.

Будешь ты всегда красивая,
Будешь ты со мной счастливая,
Рассмешу тебя, смешливую, -
Искорки в глазах.

Мы пройдем все расстояния,
Не страшны нам расставания...
И ресниц твоих дрожание
Видят небеса.

Николай МАЛЬЦЕВ

ШПАНА (рассказ)

В деревне Велпон глухая, знойная тишина, только изредка в грязной луже хрюкнет свинья. Симка Таттяне, как говорила сноха Майтрена, выпала «ваканция» - нянчить внука, которому пошёл уже второй год.

А Колюш уже ходит на своих ножках. Любит постукивать деревянным молотком, который специально для него сделал дедушка. Того и берегись, чтобы молотком не кокнул по оконному стеклу.

Таттяна оставила дитя у крыльца, сама зашла в дом, чтобы достать горячую кринку с молоком из русской печи. Задержалась. Вышла на крыльцо – не видать ребёнка, не слышно и стуков молоточка.

- Колюш, где ты?

Кругом ни звука, лишь изредка похрюкивает та же свинья.

- Колюш!

Таттяна кинулась туда-сюда. «Хоть бы не пошёл к колодцу, что ли», - забеспокоилась бабушка. Побежала она к крайней избе: авось больная Педось Ано видела внука. Вдруг послышался визг – плач со стороны Нюрвидза. Тот болотистый луг весь виден как на ладони, поскольку Велпон стоял на возвышенности. Видит Таттяна: какой-то длинный мужик бежит вдоль ржаного поля, левой рукой прижимая дитя. Пытается старуха бежать, догнать бегущего, но ноги будто паутиной стянуло. И нужными словами крик не получается:

- А-а... Ой-я да ой-я!

Визг ребёнка и рыдания Таттяны услышали колхозники, работающие на лугу Нюрвидза. Они сразу поняли, в чём дело. Несколько мужиков бросились вдогонку за беглецом, а более сноровистые парни прикинули, что бежать надо поперёк и с упреждением, чтобы догнать поганца до его сокрытия в лесу и отдубасить его как следует. Женщины, конечно, не побежали, но голосили вовсю:

- Вот шпана, и до нас добрались!

- А зачем же ребёнка уносит?

- Разве не слышала, что они и людей съедают? А Коля-то, смотри, кругленький.

- Не бредь! Мясо младенца будешь есть... Разве не противно?

- Разве можно погубить ребёнка? Это ведь большой грех.

- Шпана всё может. Рассказывают, возле городского тракта нашли труп девушки с отрезанными грудями...

- Мясо грудей ведь вкусное, - шутит Нешков Коляй.

- Тебе, старику, всё ещё «вкусное» на уме, - осаживают его бабы.

- Я - старик? – не сдаётся Коляй. – Мне ведь ещё и не семьдесят, всего семьдесят пять.

- А беглец, иначе – шпана - бросил Колю в рожь и без ноши успел забежать в лес Изъяг, а там - ищи его...

Сосед Таттяны Дора Олексан взял Колю, успокоил и передал идущей навстречу Таттяне.

- Слава Богу, видать, нигде не ушиблено, - вздыхает она.

Отец Коли, Симка Василь, возле кузницы регулировал тяги плуга. Прибежал туда Родя Олексей и сообщил ужасную новость:

- Колю шпана-мужик пытался унести.

- Не ври!

- Правда. Ягдорские мужики хотели догнать, а тот бросил Колю в рожь. Таттян тётка унесла его домой.

Василь разом оставил все инструменты и помчался домой.

- Мамо, где Коля? Цел – здоров?

- Бог спас. В воне (небольшая холщовая палатка) спит.

Василь не стал долго мешкать, быстренько надел сапоги с длинными голенищами, натянул лаз, кожаную охотничью куртку без рукавов, на внутренней стороне спереди и сзади – холщовые большие карманы для продуктов и дичи, похлопал по карманам: есть ли что-нибудь пожевать (может быть, как долго придётся догонять мерзавца!) – есть куски сухаря и сушеная зайчатина. Надел патронташ. При нём был и нож в ножнах. Схватил ружьё со стены.

- Василь, не думаешь ли погнаться за шпаной? – забеспокоилась мать
- А ты что думала? Догоню и угроблю!
- Не примешь же такой грех на душу...

Но Василь ничего уже не слышал. Хлопнул дверью, не стал сбегать по ступенькам крыльца, а сразу соскочил до подкрылечника. Уже возле кузницы Родя Алексей рассказал, в какую сторону убежал длинный мужик в серой одежде.

Василь – заядлый, опытный охотник. Он хорошо знал, где какой лес, где тропинки, лесные дороги, визирные просеки. Прикинул, что шпана подается к Перми. Знал, что многих пригоняют из южных областей, а беглецы стремятся к большим городам, чтобы затеряться среди людей. Знамо, от Изьяга дорога проходит через урочище Корпыдсу дальше на деревню Паниэль, а оттуда по визирке можно дойти до Перми. А если он подается в Пором-яг и оттуда – в Котлас?

У перехода через Беглянов ручей Василь увидел Ведень Елену – она срезала веточки для веников.

- Елен, кого-нибудь здесь видела?
- Какой-то длинный мужик быстро прошагал к Корпыдсе. Что-то случилось?
- Да так, - ничего не объяснил Василь Елене.

Женщина с удивлением посмотрела на охотника с ружьём, который скоро скрылся за поворотом тропинки.

Корпыдса - ягельный сосновый бор на возвышении. Василь издали увидел незнакомого мужчину, сидящего на широком пне. Руками подпирает опущенную голову, нечесаные космы свисают ниже ушей. «Отдыхает, видимо... Может, плачет?» - ненароком удивился Василь. Порядочному охотнику как-то стало неловко: напасть на обессиленного и незащитного зверя много ума и удали не требуется. Удовлетворения не будет, когда окажешься примитивным убийцей немощного зверя. Но в то же время Василя обожгла мысль: а этому зверю не было жалко беспомощного младенца?

- Ну-ка, стой, гражданин! – резко крикнул Василь, вскидывая ружьё. Но, очевидно, сначала надо было ближе подойти, потом крикнуть. «Гражданин» встал и бросился бежать, надеясь уйти от человека с ружьём.

- От пули не убежишь, мерзавец! – крикнул Василь, но не выстрелил, а стал догонять убегающего.

Долго бежать и не пришлось: беглеца, видимо, начала одолевать одышка. Встал он спиной к большой сосне, как к стенке.

- Стреляй... Здесь и расстреляй меня... - хриплым голосом по-русски умоляет он. Пыхтит, пот тянется струйками от паглатых волос по морщинистым щекам, по шее. И крикнул каким-то жутким голосом, жалобно, отчаянно, выкатив глаза: - Чего ждёшь? Стреляй! – разорвал рубашку, мокрую от пота, указал дрожащими пальцами на сверкающий крестик и почти шепотом произнёс: - Вот сюда! – и зарыдал. Потом, слабея, стал оседать к земле, скользя спиной по шершавому панцирю толстой сосны.

Василь с удивлением смотрел на длинного мужика: что же это, вправду плачет или артистичает? Строго спросил:

- А ну, скажи, зачем хотел младенца украсть? Если зверя голод гложет, жри траву, - также по-русски потребовал Василь.

Беглец не смог сразу вымолвить ответ, а потом упал на колени, приник лицом к земле, стал крючковатыми пальцами коряво царапать ягельную почву:

- Прости, бес попутал...

- Я вот «прощу» гада... Как звездану по башке... Ещё и крестиком выхваляешься, бес поганый, - зычно возмущался Василь, но прежняя ярость как будто стала немного утихать: лежачего да плачущего человека бить, тем более убивать, рука не поднимается.

Беглец, всхлипывая, медленно привстал на колени, но не осмелился поднять взгляд на человека с ружьём. А, может быть, тощей его шее трудно было держать глыбу головы в гордом положении.

- Ну-ка, говори, зверь, некогда мне любоваться твоим спектаклем. Кто такой? – строго потребовал ответа Василь.

Беглец, не вставая в полный рост, спиной прислонился к сосне. Жилистыми, узловатыми пальцами протёр глаза, ноздри. Промолвил:

- Карташов... Из-под Барабинска. Может, слышал...

Правда, Василь слышал: в Омские места некоторые односельчане ходили на заработки в Сибирь и упоминали это своеобразное барабанящее название станицы. Но теперь не стал заниматься беседой с этим ублюдком. А он продолжал своё:

- У нашей семьи было большое хозяйство. Своим горбом, денно-ночной работой наработали, накопили. Всё отобрали, а самих... - и мужик горько зарыдал, припав к земле, стал рвать ягельно-брусничную смесь растительности вокруг комля сосны.

Василь знал, что в стране происходят подобные события. В своём селе хозяйства особо не выделялись ни бедностью, ни большими богатствами, поэтому те события не очень тревожили вотчинцев. Лишь взрослых, здоровых мужчин и женщин из «зажиточных» семей заставляли работать на лесозаготовках и на сплаве леса да зажимали единоличников большими налогами. Но чтобы становиться шпаной, а главное - грабить и убивать – это было уму непостижимо для коми человека.

Беглец приподнялся и что-то грустно продолжал, но Василь слышал и не слушал, впал в раздумье: зачем все это так? Но своя забота вернула его в реальность. Крепко выругался, потребовал иного разговора:

- А чем виноват младенец? Или я отобрал твое имущество и заслал тебя сюда?

- Прости, мужик... Надо было как-то отомстить, успокоить свою печаль, но как – не знаю.

- Вот что: убирайся с глаз долой! А то – если встретишься еще раз, угроблю гада, слышишь?

- Расстреляй меня здесь! Стреляй! – хрипло, но истошно, громко произнес беглец, так что и эхо в звонком лесу отозвалось:

- Ля – а - ай...

- Пули жалко мерзавцу, - процедил сквозь зубы Василь. Ему стало жалко пришедшего в тупик мужика. Зашагал было уже в сторону деревни, но вернулся, посмотрел на плачущего человека. Достал из кармана лаза сверток, уронил его перед беглецом:

- На, возьми, здесь не человечина, а крестьянская пища. Иди вдоль вон того ельника, пройдешь вдоль Поинги до Панеёля.

Василь знал, что его самого крепко обвинят за то, что не сдал беглеца милиции. Что будет – то будет: будто не видал шпаны.

После возвращения в деревню повидался с парторгом Яким Ёгором. Сказал:

- Вычеркни из кандидатства. И вступать в партию мне не следует.

- Как так?

- Не достоин.

- Почему?

Василь ничего не сказал, повернулся и вышел из кабинета парторга. А домашним сказал, что никакой шпаны не видел.

* * *

Хотел, чтоб стало всё подарком
Тебе:
 и тайный свет закатов
Луневских,
 Клязьма,
 храм в Поярках,
И дом,
 что барским был когда-то.
Он помнит, может быть, рояль,
Приёмы,
 люстры,
 экипажи,
Туманов трепетных
 вуаль,
Этюды,
 лунные пейзажи...

Всё-всё дарю тебе,
 бери –
Тебе оно созвучней, ближе,
Чем дебрей Лондонов,
 Парижей
Бездушный душных
 пустыри.

* * *

В поклоне тюльпаны
 в хрустальной оправе
И астры в корзине,
 как примы в балете,
И кажется, миг –
 и раздастся «Браво!!»
И верится, март –
 и вспыхнет лето,
Златое, какому
 созвучна ты,
Придут ароматы
 лугов и сена...
И будут с тобою
 признанья цветы
И чувство, что снова
 есть Ты и Сцена!

* * *

Я годы пробегаю взглядом:
Вот – мы и Ялта,
 море, скалы,

Какие б ни были наветы,
Мой Сыктывкар, живу с тобой!

ВЕРА

Уже февраль,
Наступит март,
А там и лето.
И мир в лучах зеленых трав
Заговорит.
И отраженье неба в
Блеске света,
И луч надежды
Над волною заблестит!

* * *

Я не жду у порога весны,
И не жду повторения детства!
Но когда защебечут птенцы,
Я с природою жажду соседства.

Не могу я привыкнуть к годам,
И с надеждой встречаю рассветы.
Я лечу по крутым берегам,
И прощенья прошу, и совета.

* * *

Под теплым дождем мы гуляли
И рвали цветы на лугах,
И на лепесточках гадали...
От счастья была ты в слезах.

И поле прилипло на платье,
Ромашки склонились к устам.
Сплетались и лето, и счастье,
И девичьи губы к усам!

Но осень подкралась так быстро,
Поблекли цветы на лугах,
Но в памяти будет лет триста
Тот ласковый дождь на устах.

СЕНОКОС

Начался не вовремя
Нынче сенокос,
Бригадир Егорушка –
Самый главный босс.

Собрались девчата
На цветном лугу,

Сенокос отметили,
Напились в дугу.

Заплетались ноги
У Уральских гор.
И девчат в дороге
Материл Егор.

Ослабели ноги,
Завалились спать...
Дед Егор с тревогой
Девоч обнимать...

И дрожат коленки
У красотки Ленки.
Вылупила зенки
Зинка... Ну, и девки!

* * *

Пусть эта осень в памяти останется.
В погожих днях кружатся небеса.
И осень, златокудрая красавица
Волшебной кистью тронула леса.

Во мгле туманной луч последний светит.
Короткий день уходит навсегда.
На землю снег пушистый тихо метит,
Так в белых яблоках спешит рысцой зима...

Валентина ЦОЙ-ХА-РИ

ТИХОЕ СЧАСТЬЕ **(повесть)**

Много лет Анна вдовствовала. Подняла детей, выучила, да как-то сразу они выпорхнули из родительского гнезда, оставив ее одну в большом красивом доме, построенном Николенькой для семьи совсем незадолго до смерти.

А какой красивой и содержательной была жизнь раньше! Как любили они друг друга, наглядеться не могли, целовались они жадно и долго-долго, так, что чувствовали вкус крови друг друга. Какой муж был весельчак, душа компании, играл на аккордеоне, баяне, гитаре; она, тоненькая и стройная, танцевала как балерина, пела чистым сопрано. Как давно это было! Теперь Анна не пела, да уже и не была долгими пустыми бабьими ночами, смирилась, а, быть может, просто закончились слезы.

Стала она сильной, нестигаемой, упорной в работе, и все у Анны спорилось: поленница ровненькая - полешко к полешку, в заборе штакетины в струнку, грядки и дорожки пряменькие, а цветы ярче цветут и дольше. Сколько она здесь перелопатила земли, сколько выносила воды, поливая свои насаждения, да и вообще, сколько сделала прочей тяжелой работы, которую бы должен заняться мужик, да что же, если нет его. Но со всем этим женщина справлялась безропотно, а как все получалось - сама диву давалась. Свою тонкую мечтательную творческую натуру схоронила она

от посторонних глаз, занавесила хозяйством, работой и порой надуманными хлопотами, впряглась в непосильный, но необходимый, воз и тащила, не жалуясь, не надеясь на помощь извне.

Особенно в первые годы вдовства сватались к ней мужчины. Красавицей Анна себя никогда не считала, но все было при ней, и хозяйство вела умело, аккуратно, много чего руками умела делать, и держала себя достойно, и не глупа была; таилась в ней какая-то спокойная внутренняя красота и сила. Но не встретился ей человек - ровня Николеньке, никого она больше не полюбила, не хотела даже пытаться узнать претендента, отмахивалась, а без любви не представляла союза, не связала себя, да стеснялась дочерей, соседей, дурной молвы. "Лучше одной, чем с кем попало" - отшучивалась она, но когда разъехались дети, разъедала ее нутро тоска, да не победишь с этой бедой на перекресток, ведь чужую беду - рукой разведу, а Анне привыкать надо. Так и тянулись дни, недели, месяцы безлико и уныло, ничто не приносило радости, остановилась жизнь. Но окружающим спокойной и счастливой казалась Анна, даже завидовали ей, но сердце ее сжалось (может в ожидании?), она так долго играла заученную роль благополучия, что теперь уже не играла, а так жила.

Однажды, расстроенная, осторожно спускалась Анна по лестничному маршу, несколько неуклюже ставя на ступеньки ноги, обутые в высокие сапоги на шпильке, которые бог весть, сколько не носила, а тут вырядилась по случаю выезда в райцентр. Ее опередил мужчина и, уже сбегав на несколько ступеней ниже, почувствовав ее замедленный спуск, обернулся, заметил заплаканные глаза женщины и спросил: "Вам плохо?". Затем, не дожидаясь ответа, он вернулся, подал руку. Сквозь радугу слез, Анна даже не разглядела человека, но протянула свою руку навстречу. Оперлась на сильную теплую ладонь. Нет, не пробежало меж ними никакого тока, искры или еще какой-то мистики, но приятно было это тепло, внимание, естественное желание прийти на помощь; невольно в ее голове мелькнула мысль, что давно ей не на кого опереться, и ворохнулась на мгновение слабая улыбка, нет, не на губах, не на лице, а в глубине души, где спрятана ранимая, тонкая трепетная и отзывчивая женская ее суть.

На выдавшем виды стареньком "Москвиче" Он довез женщину до крыльца и заботливо открыл дверцу. А в незатейливом дорожном разговоре выяснилось, что у них много общих знакомых, даже друзей, и что их пути неоднократно пересекались, был даже разговор на повышенных тонах, что он визуалью Анну давно знает, но она его совершенно не помнила.

Позже Анна мысленно несколько раз возвращалась к этому событию, размышляла об этом, отмечала, что вот есть же рядом доброжелательные, отзывчивые люди, порядочные мужики, да, к сожалению, это не про нее. И была тихо, бессловесно благодарна новому знакомому за маленькую галантную поддержку, ведь доброе слово и кошке приятно.

Время то летело, то медленно тащило свой длинный хвост, и ничего примечательного не происходило. За полтора года новые знакомые случайно несколько раз сталкивались на улице, приветствуя друг друга издали кивком головы, либо обменивались парой незначительных фраз.

И вот как-то, возвращаясь из библиотеки, в сумерках зимнего вечера Анна напрямки по узкой тропинке, протоптанной в глубоком свежеевыпавшем снегу, спешила домой. Навстречу шел человек, поравнявшись, он обхватил Анну, приподнял и прильнул долгим поцелуем, затем развернул, поставил на тропинку по направлению ее движения и молча, не проронив ни единого слова, пошел своей дорогой. Не подозревая, не догадываясь о намерениях встречного, Анна даже не успела воспротивиться, но не раскрыла губ, не ответила на притязания, а только, ошарашенная происшествием, стояла, как вкопанная, в недоумении и яростном негодовании, ощущая

печать влажных чужих губ, и как рыба глотала воздух, сознавая нелепость своего положения. С ней поступили как с тряпичной куклой. И чувство было даже гадливым, хотелось стереть чужое прикосновение, его след холодил. Может, она уже так и сделала, но из-за сумбура в голове уже не помнила, не соображала. И только некоторое время спустя Анна поняла, что это был поцелуй, и с удивлением в удаляющемся участнике признала, вглядевшись, знакомый силуэт Она. Открытие было ужасным, это событие потрясло женщину. Как он мог! Весь вечер и последующий день Анна думала об этом, анализировала, раскладывала по полочкам, рассматривала, заходя с разных сторон, обсасывала, выискивая подоплеку, каждую косточку, каждую невидимую деталь поступка, неосознанный нюанс и пришла к выводу, что эта выходка ничего не стоит и про это недоразумение надо просто забыть. Еще тешила себя надеждой, что обозналась.

Посылая всем улыбку, за окном стояла весна. Снег в палисаднике просел, обнажив завалинку, стал влажным и ноздреватым. Солнце висело высоко и радостно сияло. Крупные капли срывались с крыши, бойко шлепались, забрызгивая стену дома. А под вечер длинные синие тени от столбов и деревьев отдыхали на снегу. Природа пробуждалась от спячки, какое-то ликование царило вокруг, будоражило, волновало; воздух щекотал ноздри, хотелось глубоко дышать. Земное притяжение как бы ослабло, так и подмывало ввысь, манило невысказанным обещанием чего-то прекрасного, необычного, за спиной вырастали невидимые крылья; подталкивало к каким-то свершениям, созиданию, кипучей деятельности.

С Анной тоже творилось что-то непонятное, она чувствовала необъяснимый прилив энергии; пребывала в игривом настроении, какая-то светлая теплая волна зарождалась в ее груди, теснила, просачиваясь невидимым нимбом флюидов, и хотелось встать на цыпочки, быть выше. Надо чем-то себя занять - догадалась она и вслух объявила: "Решено, начну ремонт".

Анна уже выбелила гостиную и смывала штрихи извести с большого окна, когда дал о себе знать мелодичный дверной звонок. Она спешно вытерла руки о старенькое, тут же находившееся полотенце и пошла открывать. Дверь она распахнула настежь и в изумлении, широко открыв глаза, стояла молча, не зная, что сказать. Он стоял в дверном проеме и улыбался. Наконец, Анна спохватилась, отступила вглубь прихожей пару шагов, дар речи едва вернулся к ней, и чуть слышно она выдавила: "Заходи". Мужчина не заставил себя ждать, протиснулся и закрыл за собою дверь на защелку. "А я тут затеяла ремонт", - лепетала Анна, как бы оправдываясь, но объяснение было ни к чему, обо всем говорил ее вид: съехавшая на бок ситцевая косынка и старенький короткий халатик, окропленный побелкой, оголенные руки и ноги местами так же перепачканные. "Куртку повесь на вешалку, - добавила она, подсовывая тапочки зятя, - и проходи на кухню, я сейчас закончу с окном и вернусь".

На самом деле окно ее вовсе не интересовало в данный момент, она просто ухватилась за соломинку, ей было необходимо хоть ненадолго отстраниться от нечаянного гостя, близость его пугала. Надо было привести свои мысли в порядок, устранить охватившую непонятную панику. Анна корила себя за трусость, как будто ей было 17 лет, затрепыхалась как курица, напуганная коршуном, и в то же время подтрунивая над собой, мол, приходите свататься, я не буду прятаться; противоречия колыхались в ней, перевешивая то одну, то другую чашу. "Я спокойна, я спокойна..." уговаривала она себя, бесполезно водя тряпкой по стеклу, скорее размазывая известковые подтеки, нежели, наводя чистоту, тянула время, а сердце беспокойно прыгало в груди, словно в ее владения вероломно вторгся непредсказуемый враг; она чувствовала себя овцой на закланье.

Вдруг женщина резко обернулась от окна на шум поставленного на пол ведра с водой. От удивления даже тяжелая коса сорвалась с ее головы и, стукнувшись о

стенку, предательски звякнув, отскочила на пол шпилька. Другая бы от открывшегося вида рассыпала горох хохота, но Анна и удивления не выказала, была невозмутимо серьезной и совершенно спокойной. Он стоял с поломойной тряпкой в руке, а из одежды на нем были только майка и семейные трусы. Хозяйка, было, запротестовала против помощи, но Он категорически настоял на своем и тщательно, меняя воду, вымыл полы в комнате, на свои места расставил мебель. Внутренне Анна радовалась появлению в доме мужчины-помощника, даже зауважала его, но вслух поблагодарила скупно.

Потом Он вымылся, надел брюки. Анна же свою одежду не поменяла, только сняла косынку и короной уложила косу. Они сели пить чай с блинами. Он шумно отхлебывал с чашки, хвалил тончайшие блины и безумолку говорил. Она слушала, но вряд ли слышала его, а если и слышала, то, вряд ли понимала собеседника. Когда тот обращался к ней с вопросом, Анна как бы стряхивала с себя наваждение, невинно и с некоторым испугом поднимала глаза и переспрашивала. В такие моменты случались паузы, они ей казались до неприличия долгими, томительными, но женщина никак не могла собраться, сосредоточиться, какое-то оцепенение держало ее, а ум занимал только один вопрос: Зачем он здесь? Анна чувствовала некую неловкость, какой-то необъяснимый дискомфорт, или это напрягала чужая, непривычная ей сильная мужская аура. Но она ни в коем случае не воспринимала, не хотела воспринимать ее как враждебную, а наоборот ей хотелось участия, соприкосновения, смешения биополей; ей так давно был просто необходим друг, нет, не мужчина привлекал, ей в первую очередь нужен был рядом человек большой души, надежный, преданный. А сейчас что-то не складывалось, настораживало ее, интуиция не должна подвести Анну, "Пора бы ему уходить, - вертелось у нее в мозгу, - уже поздно", - сделала она непрозрачный намек.

Он поднялся из-за стола, она прошла в прихожую проводить засидевшегося гостя, включила бра. Неожиданно мужчина прижал всей своей массой хозяйку к стенке, ища ее губы и, вероятно, рассчитывая на большее, та забилась под ним испуганно, отворачивая лицо и, колотя, Она, насколько это было возможно. Анна никак не ожидала такого поворота дела, такого настойчивого натиска, ярость вспыхнула в ней несоизмеримой силой, она больно укусила его в волосатую грудь, взбрыкнула молодой кобылицей, оттолкнула, высвободилась и отбежала в противоположный угол прихожей, и, тяжело дыша, инстинктивно защищаясь, сложив накрест перед грудью руки, застыла, выжидая, как раненое животное. Но ранена была не она. Анна вкушала победу, наблюдая как он медленно (так ей казалось) одевается, а на белой майке проступило и ширится кровавое пятно ее отметины; ее охватило дикое злорадство, крылья носа трепетали.

Он резко хлопнул входной дверью и шумно сбежал по ступенькам крыльца. Какое-то время Анна все еще стояла в оборонительной позе, а эхо удаляющихся шагов обидчика отдавало в ушах, но потом, обессилевшая как-то сразу, она прошла в спальню и мешком повалилась на кровать с нервным саркастическим смехом, который, однако, скоро превратился в рыдания, и по лицу заструились горячие слезы, расплываясь пятном на наволочке. Как давно Анна не плакала!

Анна больше ничего не хотела знать, помнить и, тем более, анализировать; словно черная бездна разверзлась перед ней. Было пусто в голове, в сердце, в душе. Не было слов, мыслей, света, запахов, красок - все умерло в одночасье. Бесплезно она переставляла какие-то вещицы, ходила как сомнамбула, подавленная и молчаливая, какая-то пришибленная, словно встретившая призрак или только что похоронившая что-то очень для себя большое, значимое, очень важное и пребывала теперь в глубоком трауре.

Так три дня время промаялось, волоча невидимый груз опустошенности. Но к вечеру Анна вдруг встрепенулась, заставила себя взяться за дело, прибралась в доме, привела в порядок и себя как внутри, так и внешне, а на утро следующего дня решила открыть чистый лист своей жизни.

Не лист, а настезь распахнула Анна ту же дверь. Женщина была странно спокойна, не екнуло сердце, не дрогнуло на лице ни единый мускул, словно это был обычный, может даже запланированный деловой визит, и ничего не произошло в этом доме всего несколько дней тому назад, будто память начисто стерла неприятные перипетии злополучного дня. А на пороге опять стоял Он, но не улыбался, а как-то особенно, проникновенно смотрел на хозяйку дома виноватым, вопрошающим взглядом. Непоколетимо Анна выдержала этот взгляд, даже как-то надменно. "Можно войти?" - осмелился незванный гость после нескольких мгновений колебания. "Заходи", - почему-то вырвалось у нее коротко и непринужденно, но с твердостью в голосе, и без предложения разоблачить верхнюю одежду. Не дожидаясь его, Анна прошествовала в гостиную, царственно неся красиво, по-новому, убранную голову. Совсем недавно они оба расставляли здесь мебель, сейчас все выглядело премило и уютно в этом гнездышке, а неяркий свет торшера создавал некий шарм интимности, вдобавок негромко звучала очень приятная медитативная, вероятно, музыка.

Он вошел в самостоятельно обнаруженных тапочках, без шапки и куртки. Хозяйка сидела в пол-оборота к нему на большом мягком диване, подобрав под себя ноги, длинный ворсалановый халат насыщенно-фиолетового тона укрывал их, а подол лежал вокруг нее как бы очерчивая границу. Гость, помедлив, шагнул к Анне и сел, приблизившись, так, что его колено соприкоснулось с ее коленом. Она сидела невозмутимо и молчала, а мозг ее работал над тем, что мужское колено излучает тепло, хотя всего пару минут назад его владелец вошел с улицы, где вечерами еще здорово подмораживало. Анна, словно открыла новое явление в физике. Нет, ей не было приятно или неприятно это тепло, она только фиксировала факт, а не обнаруживала чувственность или отношение к владельцу источника тепла. «Мне-то что, мне безразлично», - говорила она себе внутренним голосом, но все же несколько сдвинулась в противоположную сторону, избегая соприкосновения.

Анна сидела, потупив взор, сохраняя маску внешнего спокойствия и, казалось, чего-то ждала, не желая первой вступить в диалог. Мужчина долго всматривался в ее уже не молодое, но с минимумом морщинок у глаз и рта лицо, еще свежие губы и усики над верхней губой, нити серебра, вкравшиеся в темные, наполовину распущенные волосы и думал, как же она хороша; пытался поймать ее взгляд, а потом бережно взял ее руку, несколько крупноватую для ее комплекции кисть, лежавшую мирно на спинке дивана, и поцеловал тыльную сторону ладони горячим сухим поцелуем. "Прости, прости меня", - с жаром умолял Он. Она быстро заморгала ресницами, и все молчала, а внутри души ее уже начиналась борьба. "Давай поговорим, все обсудим", - настаивал он, серьезно настроенный. Но Анна уже высвобождала руку, отстраняясь от Она, и желая встать, отклонилась, опуская ноги на пол. Но он поднялся раньше, обхватил женщину за плечи и, с мольбой уставившись в ее лицо, встряхнул. От неожиданности голова Анны запрокинулась назад, глаза их встретились, они как будто изучали, распознавали и, наконец, узнали друг друга. Снизу вверх вглядывалась Анна в его отчаянно просящие ответа глубоко посаженные серые глаза. На миг ей было, показалось, что стоит она в объятиях Николеньки, но вернулась сознанием к действительности, губы ее дрогнули, предательски с обеих глаз сорвались крупные слезы, и она уже не могла, не хотела противиться этим сильным рукам, губам. Как по команде эти двое бросились в объятия, как после долгой разлуки, руки и тела их сплелись. "Анна, Анна, родная моя..." - повторял Он, целуя ее мокрое лицо и глядя разметавшиеся по спине и плечам волнистые шелковые пряди...

Потом, успокоившись, остыв от всплеска эмоций, они долго-долго говорили, как будто сорвало заглушку, мешавшую выйти наружу их сокровенным тайнам, опасениям, надеждам. Она поведала о своем одиночестве, излила раненую необласканную душу, он - о неудачно сложившемся браке, о том, как давно заприметил ее, да боялся потерпеть фиаско. И в первый же вечер их откровенного общения оба осознали, что нужны друг другу как отдушина, как отдохновение от серых будней, что мысленно они шли друг к другу, что, наконец, встретились, а вместе им ничего не страшно. Позже Анна будет удивляться своей откровенности перед, в общем-то, тогда еще чужим человеком, да она всегда была открытой, но не болтливой, а тут, видно, почувствовала свое, неразделимое, и доверилась. Правда, кое-что смущало: он был моложе и в браке.

Анна радовалась свалившемуся на ее голову счастью тихой радостью. Она ожила, похорошела, внутри пела каждая клеточка, да и за шитьем или другой домашней работой Анна пела, на лице играла бесконтрольная улыбка и хотелось кричать, рассказать всем, что она не одна, у нее есть друг. Но это была бы непозволительная роскошь, так поступать нельзя. И не потому, что односельчане начнут чесать языки, пережевывая ее роман, ей-то отчитываться не перед кем, но его, Она репутацию, надо было беречь. И еще она боялась потерять друга, зависти одиночек, которые были и помоложе, привлекательнее, да и не хотелось обижать его жену, она уважала ее чувства и права. Когда Анна впервые увидела в этой молодой ярко накрашенной располневшей крикливой особе жену своего друга, то получила такое разочарование, такую внутреннюю оплеуху, что долго в себя не могла прийти, Анне казалось, что о ее тайной связи знают все вокруг: на воре шапка горит. Долго она переживала, истязала себя своей совестью, чувствуя себя последней сволочью, вторгшейся в семью, ничего не подозревавшую, привечала их кормильца, крала, принимала любовь, должную принадлежать не ей, а законной перед людьми и Богом жене. Так бушевала она наедине с собой, но однажды взорвалась и при Оне, но он сразу ее оборвал: "Анна, ты ни в чем не виновата. Мы вместе, помни об этом и верь мне. Но сыновей я должен поднять, они достались мне дорогой ценой, я им сейчас нужен". И она смирилась с этой данностью, постепенно успокоилась и больше не возвращалась к переживаниям по поводу несвободы Она.

А свое счастье Анна представляла маленьким солнышком - теплым, оранжевого цвета и почему-то пушистым, помещающимся на ладони. И этот комочек она должна всегда носить в кулачке, не разжимая пальцев при посторонних, никому не показывая. Анна даже имя ему придумала кругленькое, как ей казалось, и ласковое - Онечка (это производное от имени Он). Женщина всерьез разговаривала со своим "счастьем", как это в ее детском саду разговаривают дети, советовалась, делилась тайнами, и это солнечное счастье всегда было с нею в мыслях, в воображении. Когда шел непрерывный дождь, пузырясь на дорогах, а сырость сочилась прямо из воздуха, то Анне было тепло с Онечкой, он выглядывал из-за мокрых волос леса и подмигивал. Она видела его отражение на черной глади настоящей воды, до краев заполнившей бочажину, а рой мошек, поддерживаемый навесу гнилым дыханием болота, колыхавшийся, то подававшийся вверх, то притягиваемый к земле, казался женщине живыми веснушками любимого. Анне в такие часы было беззаботно и весело, хотя корзинка медленно заполнялась клюквой, ягоды прошмыгивали меж пальцев и дразнили, сверкая крупными рубинами, кровоточили на блеклой кочковатой моховой перине. Когда ранним зимним утром Анна спешила на работу, а мрак долгой зимней ночи как живой копошился в подворотнях, вытекая на слабо освещенные улицы поселка, то ей не было страшно, поскольку снег скрипел под ее сапогами и каждым шагом напоминал: "Оне, Оне, Оне..." Анна была не одна, Он оберегал ее везде и всюду. В клубах светлого дыма, тянувшегося от трубы котельной и нависшего длинной па-

раллелью, напоминающей шлейф от реактивного самолета, и представляющейся женщине белой оторочкой на серой шубе неба, Анна вообразила дорогу от себя до Она. И опять Онечка был с ней, он озорно выглядывал из-за рыжих подпалин, которые сотворены были в предрассветном небосклоне фонарными братьями маленького счастья - солнышками на столбах. Так и жила Анна в выдуманной сказке, но и явь была.

Действительность тоже нравилась Анне. Теперь женщина не держала в руках отвертки, дюбеля, молоток и прочие "мужские" инструменты, не ремонтировала дверцы мебели или форточку, не чинила фен, торшер или утюг. Даже на хозяйственные работы во дворе Он с другом якобы нанимался к Анне. Когда был вскопан огород или переколоты дрова, она по-хозяйски принимала выполненную работу, осматривая и придираясь, затем скупно отсчитывала деньги, торгуясь и высказывая замечания, а мужики канючили, выпрашивая надбавку, но Анна стояла на своем; потом благодарила за работу, приглашала на следующий год и деловито с поспешностью выпроваживала работяг за калитку, нарочно громко и строго выговаривая, чтобы слышали всевозможные уши. А позже Он приносил ее же купюры обратно, и они вместе смеялись этой проделке.

В доме появился мужчина, Анне так не хватало этой опоры. Теперь было с кем поговорить, кого послушать или просто поплакаться. Да, помощник он был отменный, руки из нужного места росли, все умел, за любую работу брался. Анна нарадоваться не могла своему Ону, он привнес в ее серые будни спектр новых ярких красок, желания, казавшиеся несбыточными, поселил надежду на возможное счастье, вдохнул в нее жизнь.

Анна почувствовала себя женщиной и не просто женщиной, а любимой, желанной и неповторимой. Когда Он говорил, что Анна красива, она шутила в ответ: "Теперь только местами", - но как это было приятно слышать! Ей хотелось нравиться своему мужчине, она внимательно изучала себя в зеркале, находила, что для своего возраста выглядит вполне прилично, и ничего не предпринимала, чтобы как-то изменить, облагородить внешность; ей было гораздо важнее, чтобы любимый человек воспринимал ее такой, как есть, ценил ее душевные качества. Но все же Анна иногда подолгу стояла у раскрытого платяного шкафа, было во что нарядиться, но закрывала шкаф, порой даже не сняв ни одной вещицы; Он принимал ее без прикрас, мишура не годилась для их праздника.

В постели Он удивлял свою женщину, был бережен и нежен, вел себя умело и так, как ей хотелось, но Анна никогда и намеком не выказывала своих предпочтений: они понимали друг друга без слов. Укладываясь спать, она в молитвах благодарила Всевышнего, что он направил стопы Онечки к ней, что принимает эту награду за верность и долгую преданность мужу, ведь не было у нее греха по этой части. Онечка же по этому поводу смеялся: "Хитренькая, все сладенькое на потом оставляла". Да, это было так.

Уже девять месяцев продолжался их роман. "Мог бы уже ребенок родиться", - подумалось ей и стало немного грустно, потому что рожать она уже не могла. Верила и не верила Анна своему счастью, боялась сглазить, знала, что лучше не бывает, но так же знала, что все хорошее когда-нибудь да кончается, но когда озвучила свои "опасения", Он лаконично ответил: "И не надейся, не дождешься", - и только крепче прижал женщину к себе. Конечно, приятно слышать то, что хочешь услышать, но их будущее волновало, беспокоило ее, она старалась жить одним днем, не загадывая наперед, но мысли без разрешения завладевали этой темой и опять уносили ее в дремучие дебри тревог. Невозмутимость Она по этому вопросу Анну удивляла, казалось, что он никогда не задумывался, во всяком случае никогда не говорил об этом.

А за окном, перемежаясь с оттепелями, хозяйничала зима. Деревья, осыпанные инеем, как стразами, сплетали мишурой ветвей ажурную вязь и стояли сказочно красиво, очаровывали. В палисаднике кустарник топорщился загадочными белыми кораллами. На крышах домов белели пуховые шали, а землю укрывали подмороженные туго накрахмаленные простыни. Стояла святая тишина. Любящей паре нравилось смотреть на это безмолвное белое очарование, не запятнанное, чистое. Тихая радость жила с ними, они ощущали ее тепло.

Вдруг за окном заскрипело: "Оне, Оне, Оне..." Оба посмотрели друг на друга и засмеялись. Может, это Дед Мороз спешил к ним с новым счастьем.

* * *

Теперь Анна жила иначе. Раньше, чтобы тоскливые мысли не заползали в голову, она запоем читала, но сейчас ей хотелось иметь "свободную" голову. Анна "летала" в облаках, а руки в это время что-то делали: женщина тщательно подбирала по цвету нитки, по канве крестиком вышивала картину так милого ей осеннего пейзажа; лепила из соленого теста, сушила и затем гуашью раскрашивала натюрморты; оформляла тканевые композиционные аппликации. И еще Анна пробовала перо:

Где ты раньше был, мой юный друг,
Что ты, милый, припозднил родиться?
А теперь заслонишь солнца круг,
Головой о стенку стану биться...

Но доверяла только бумаге, изливала ей свою радость. Всю зиму женщина бегала в клуб на репетиции, пела в хоре и даже солировала, а с "Колыбельной" дважды выходила на бис:

Ложкой снег мешая,
Ночь идет большая.
Что же ты, сынок мой, не спишь?
Спят давно соседи
Белые медведи,
Засыпай и ты, малыш...

Зима, так щедро насыщенная событиями, в корне, до неузнаваемости изменившими жизнь Анны, подошла смиренно к концу своего царствования. А весна вихрем вторглась во владения, споро съев грязный снег и разметав лужи по темной, еще сонной земле. Кричали грачи, лопались почки на деревьях. Жизнь продолжалась, кипела.

Стояли белые ночи, что затрудняло встречи влюбленных, но они не хотели от этого отказываться и продолжали встречаться, теряя осторожность. Как-то субботним утром Он подъехал к дому Анны. Привалившись к забору, пьяный еще с вечера, сосед трясущимися руками мял папиросу. "Эй, дай прикурить," - окликнул он подьежавшего. Он подошел, зажег зажигалку и поднес огонь. Егор, прикуривая, вцепился в руку Она и, хитро прищурившись, уже спрашивал, кивая на дом Анны: "Что, хороша бабенка?" "Хороша, да не наша, - парировал Он, пряча зажигалку, достал какую-то купюру, сунул ее в грязную с желтыми от курева ногтями и пальцами Егорову ладонь и добавил, - на вот, похмелись", - и зашагал к знакомой калитке. Пьяница был чрезвычайно рад такому обороту дела, тупо разглядывал бумажку, удивляясь фокусу, а потом долго еще пытался спрятать ее в карман засаленной телогрейки, хотя на дворе стоял июнь. Анна наблюдала эту сцену из-за занавески в раскрытом на кухне окне.

"Зачем ты дал этому забулдыге деньги? Он это примет как плату за молчание," - первое, что сказала Анна на встречный поцелуй. "Хватит всего бояться, Анна,

мы ведь не дети," - ответил он. Она отправляли срочно в командировку в райцентр, там предложили аккордную работу на молокозаводе, где полетело оборудование; он зашел сообщить об этом любимой женщине. Теща напутствовала его: "Чего будешь взад-вперед кататься, ночуй там, накормят, будешь как сыр в масле кататься и зарабатываешь больше". Уже когда сел в машину, Она посетила мысль, что этим он непременно воспользуется на всю катушку. Сейчас они с Анной договорились, чтобы в 9 вечера она выходила на трассу, где он будет ее ждать.

Он с семьей жил в дальнем конце поселка, Анна же - рядом с лесом, ближе к большаку, ведущему в райцентр и город, ей не сложно было выйти на дорогу. Вечером она добросовестно поливала свои грядки, а потом в том же домашнем платице и тапочках на босу ногу выходила к соснам погулять. В условленном месте ее ждал любимый мужчина, они уезжали в лес, на луга, на прекраснейшие поляны и там любили друг друга, всецело отдаваясь счастью. И позже, когда закончилась "сумасшедшая" командировка, они так же выезжали на природу, жарили шашлыки, купались или рыбачили, или просто сидели, обнявшись и смотрели на лесное озеро, подернутое ряской, и затканые осокой берега, на печальные ивы, уронившие зеленые косы в черную бездну; молчали. Второе лето еще больше сблизило пару. Анне было так хорошо, что казалось, что в реальной жизни просто так не может быть.

Но так было. И Анну нет-нет, да и грызла совесть по поводу, что рвет она любимого из семьи, старалась представить себя на месте Зинаиды, рисовала ужасные картины переживаний, сходила с ума. В действительности же жена Она до сих пор жила своей жизнью, где не было места мужу, он котировался только как добытчик. Но Анна этого не знала, она не могла себя унижить до того, чтобы расспрашивать, где-то узнавать. Визуально зная Зину, она могла составить о ней представление, оно было не лестным, но могло быть предвзятым, судить было не Анне, так она сама думала. Тема семьи Она была под запретом в их общении, строжайшее табу. Вначале Анна кое о чем расспрашивала Она, интересуясь просто житейски, но он дал понять, что лучше ей ничего не знать. И она не порывалась рыться дальше, боясь вызвать недовольство дорогого ей мужчины. Из просачивающихся обрывков сведений в очередях магазина или уличных разговоров складывалась у Анны неблагоприятная картина, а она подспудно чувствовала себя ответственной за благополучие его семьи.

Стояла осень - золотая красавица, еще не превратившаяся в плаксу. Листья горели желтыми, красными, зелеными всполохами, мечтательно кружились в воздухе, а ветер иногда загонял их под лавку, к заборам, к завалинкам. Остатки лета прятались в листве зелеными пятнами, угасая день ото дня. Пылали кисти рябин, тучно свисая, прогибая ветви. Но особенно хорошо было в лесу, пахло грибами, брусника краснела на пригорках.

На огородах было оживление, люди собирали урожай, копали картошку. Анна на выходные тоже ждала подмогу из города, дети звонили, что приедут, а пока делала заготовки. После работы Анна забежала в "Голубой Дунай", (так называли магазин за голубую окраску строения), чтобы докупить крышки для закатки. В помещении была только одна покупательница, которой продавец уже отсчитывала сдачу, а когда та повернулась, чтобы уйти, то Анна лицом к лицу встретилась с Зинаидой. Холодок пробежал по спине Анны, но нужно было держать марку, внутренне она напряглась, собралась с последними силами, чтобы не выдать замешательства, сохранить независимый, беспечный вид; Анна подошла к прилавку и доброжелательно поздоровалась с хозяйкой магазина. Тут приостановившаяся Зина ехидно хмыкнула и громко нараспев произнесла: "Ну, здравствуй, молочная сестра. Хорошо же ты моего мужика доишь!" Анна как бы в недоумении вскинула брови: "Разве мы знакомы?", а продавец уже махала руками и шикала на Зину: "Ты что это, Зина, ты ведь, наверное, и не знаешь, с кем говоришь; иди, давай, иди своей дорогой, - а потом, об-

ращаясь к Анне, - простите, Анна Григорьевна, ради Бога, она подвыпила"... Зинаида тем временем дошла до входной двери, взялась за ее ручку и невозмутимо повторила: "Сестра, сестра, а если не знакомы, то можем познакомиться," - и вышла как-то дико, неестественно хохотнув. Анна, потерянная внутри, стояла и рассматривала витрину с мелким хозяйственным товаром. Она позабыла, зачем сюда пришла, но глаза сами выхватили нужное, Анна поспешно сделала покупку и вышла. Ей казалось, что все обошлось, она не удобрила почву для пересудов, она вне подозрений, заявление Зины можно расценить как вздорную выходку обознавшегося человека, но знает ли подоплеку продавец? Ноги Анны сделались ватными, не хотели слушаться, лицо горело, женщина терла щеки, как бы стирая виртуальную пощечину. Хорошо еще, что улица безлюдна и не освещена. Анна медленно шла, болезненно переживая ужас случившегося, и вдруг увидела свет в окнах.

Во дворе стояла вишневая девятка. "Девочки мои! Что я им сейчас скажу?" - судорожно думала Анна, ей надо было срочно успокоиться, нельзя, чтобы они видели свою энергичную мать такой разбитой и вялой. Анна в раздумьях повернула от своего дома. Что же делать? Он говорил, что они не могут вечно прятаться, что это создает проблемы, что надо жить открыто, не бояться пересудов, но Анну что-то тормозило. Женщина не заметила, как повернула на большак и только свет фар дал ей понять, где она; свет неумолимо приближался, бил в глаза. Вдруг машина резко остановилась, открылась дверца, и знакомый голос окликнул ее. "Онечка!" - только и вырвалось у нее из груди, а слезы сами потекли, орошая его рубаху. "Ну, что ты, Солнышко мое, успокойся, что стряслось?" - допытывался он. И Анну прорвало, так же она высказала опасенье, что девочки, вероятно, приехали не одни, а с мужьями, а при них Анна не знала, как рассказать про Она, а такое решение она уже приняла. "Я тебе кто? Друг. Вот и положишься на друга, а теперь прикрепи на лице улыбку, чтобы не съезжала, и поехали," - заключил мужчина. Машина тронулась.

Он открыл дверь, пропустил вперед спутницу, затем просто сказал: "Здравствуйте, гости". В прихожую со всех комнат стали стекаться приехавшие, их было пять. Пока Анна охала, ахала и целовала всех подряд, мужчина представился, назвал свое имя и добавил, что он друг; пожал всем руку, а внука Анны посадил себе на плечи, объявив себя дедушкой. Настя с Юлькой многозначительно посмотрели друг на друга и разом улыбнулись, переведя взгляд на мать, а та как-то виновато опустила глаза. Старшая подошла, обняла мать за плечи и утешила: "Ну, что ты, мама? Ты у нас молодая и красивая, свободная женщина, ты заслуживаешь счастья, мы все за тебя очень рады". Юлька тоже одобряюще кивнула: "Я рада, мама, он ничего, мы подружимся". Зятя как-будто ничего не заметили. Вот так за пару минут разрешились все сомнения Анны, ее мужчина был рядом с ней, его приняла семья.

Потом они все вместе сели ужинать, девочки позаботились накрыть на стол. Сегодня у Анны была большая дружная семья, она была счастлива.

Горожане не долго пробыли в гостях, убрали урожай картошки и нагрузились так, что машина просела под тяжестью увозимых солений-варений, и уехали.

В две недели облетели деревья полностью, а теперь, голые, зябли под небесным душем. Долго оплакивала осень утраченное очарование и уже подустала. Когда не было дождя, то небо не прояснялось, а висело над поселком, налитое свинцом, но табуны туч все равно теснились, то нагромождаясь, то разбредаясь. Болезненная, изможденная, затравленная луна как-то испуганно выглядывала из-за рваных туч как из-под ватных грязных одеял и лила жидкий желтоватый свет, не доходивший до земли. Если бы луна была живой женщиной и могла мыслить, то, вероятно, ей бы казалось, что она кутается в меха, потому что здорово холодало, лужи вымерзли в лед, земля сковалась коркой, уже кружили белые мухи.

"Пойдешь за меня замуж?" - сходу спросил Он, захлопывая за собой дверь. Обдуманно ли он это сказал или спонтанно, поддаваясь хорошему настроению? Анна тоже сразу ответила: "И не думай. Не хочу тебя сделать несчастным, иначе станешь посмешищем, если в жены возьмешь пенсионерку. Да, да, в РОНО уже второй год толкут мое имя по этому поводу, да пока замены нет, но незаменимых людей не бывает, так что оставь эту затею". Мужчина хотел возразить, но почему-то сконфузился и не стал дальше развивать эту тему.

А еще недели через три возбужденный Он застал Анну во дворе, убирающей снег с дорожки, что вела от калитки к дому, отшвырнул лопату, взял женщину за руку, повел в дом. Есть разговор. Но прежде, чем начать монолог, мужчина взял слово у Анны, что она не будет перебивать, не будет впадать в панику и будет верить ему; что он сразу не требует ответа, а даст ей много времени на раздумья. Итак, Он поведал любимой женщине, что его официальная Зина несколько дней назад родила девочку, что он не жил с Зиной в интимном общепринятом смысле и ребенок не его, никто в доме не знал о ее беременности, она всегда была полная. На днях Зина взяла большую сумку и ушла, домашние думали, что в город поехала. Но через два дня пришел сосед Пашка Верста и сообщил новость; в роддом забирать роженицу Он не поехал, это сделал сам Пашка. Законный муж не имел к Зине никаких претензий, потому что каждый из них жил своей жизнью, но теперь он хотел навсегда разрубить этот гордиев узел и официально связать жизнь с Анной, но как же сыновья? Вот об этом и просил Он подумать Анну, а заявление на развод он уже подал в суд.

Противоречивые чувства боролись в Анне, она стыдилась того, что не верит ему полностью, взвешивала. Ситуация была неординарная, вряд ли кто-нибудь поддержал. Она при таком раскладе дел, ведь со свечкой никто не стоял, не докажешь. Вот и она, его любимая женщина, тоже засомневалась. Допустим, сойдутся они, будут счастливы, но будут изгоями. А сыновья? Захотят ли жить с чужой теткой? Ну, старший скоро в армию пойдет, а младший только в четвертый класс пошел, отдаст ли мать сына ей на воспитание, не станет ли мальчик яблоком раздора, инструментом мести, ведь так можно детскую психику поломать. Долго ворочалась Анна в постели, перебирая варианты, но так и не решила, что же делать. Уже забрезжил слабый рассвет, мерное тиканье ходиков убаюкивало, сворачивая мысли, а сна не было, Морфей не мог ее увлечь.

...В далекую войну разбомбил немец железнодорожный состав, следовавший из Москвы на юг. Разбирая завалы, солдаты спасли девочку лет семи, которая не говорила; возможно, что это был шок. Когда директор детдома принимала девочку у солдат, то сведений о ней никаких не было. На вопрос о фамилии девочка молчала, а когда спросили имя, то быстро показала на бант в косе. "Бант? Что бы это значило?" Но девочка замотала головой и распустила бант, провела ладонью по ленте. "Лента?" Да, девочка утвердительно кивала. "Лента, лента, Валентина что ли?" , - спрашивала директор, а девочка подтвердила. Поскольку девочку привели солдаты, то и фамилию ей дали Солдатова, а отчество чисто русское - Ивановна. Когда девочка заговорила, то фамилия и отчество были совсем иные, где-то в бумагах сделали правильные отметки, но метрику не переправили. Никто Валю не разыскивал, так она и оставалась Солдатова, когда ее выпускали из детдома в жизнь.

Прижилась Валя в маленьком городке Воронежской области, работала горничной в гостинице. Была девушка очень доброжелательная, улыбчивая, спокойная и доверчивая, а излишняя доверчивость, как оказалось, не лучшая черта. В дальнейшем родила Валя трех сыновей, да все по доверчивости от разных постояльцев гостиницы. Мальчики были совершенно разные и по внешности, и по цвету волос, и по ха-

рактеру, но все трое унаследовали от матери серые глубоко посаженные глаза, фамилию и отчество, а имена носили своих отцов: Алексей, Филипп и Онуфрий. Мать сутками пропадала на работе, а мальчишки росли самостоятельные: сами варили, стирали, латали себе одежду и прибирались в доме. Валентина, воспитанная в детском доме, знала, как нужно справляться с детьми, любила их, а они в ответ почитали мать почти как святую.

Когда младший Онуфрий закончил школу, то представления не имел, чем же заняться. Тут его одноклассник Пашка по прозвищу Верста (то ли эта "верста" заключалась в его фамилии Селиверстов, то ли в излишней худобе, отчего он казался выше) сманил Солдата на Север, где после освобождения из лагеря обосновался его дядька. Так Онуфрий Солдатов оказался здесь.

Вместе с Пашкой они поступили в ГПТУ, где за ним сохранилось прозвище, а фамилию исковеркали на семь верст. Онуфрий был более способен и прилежен в учебе, но начал курить, а алкоголь не любил. Так или иначе, двое земляков закончили училище, а на выпускной вечер ребята закупили дешевого красного вина и пили эту бормотуху под скудную закуску, куражась, друг перед другом и изображая крутых мужиков. Пашка и другие ребята, привычные к выпивке, держались, а Онуфрий развезло. Помнил он, что компанией куда-то долго ехали, потом оказались в большом светлом помещении, где играла музыка. И вырубился.

Ночью парнишка метался, куда-то проваливался, мучил сушняк и мутило. Он с трудом разлепил тяжелые веки, облизал спекшиеся губы. Голова гудела. Что-то лежало на нем и давило жаром. Онуфрий стал изучающе озираться и понял, что находится в незнакомом месте, а рядом с ним (о ужас!) лежит голая женщина. Первое, что ему пришло в голову, это мысль о побеге. Осторожно он начал выползать из-под накрывающей его руки, но эта рука внезапно вцепилась в его бок: "Куда это ты, голубчик, собрался?" Деваха подмяла мальчишку под себя и слюнявила его лицо поцелуями, он вырывался, затем она села верхом и стала рвать на нем одежду. Бедный Онуфрий находился в полуобморочном состоянии и с ужасом ухватился за ремень, стараясь спасти на себе брюки, но деваха уже вырывала с мясом пуговицы от ширинки, его стошнило прямо на постель...

Помятый, разбитый и уничтоженный, брел Онуфрий по безлюдной дороге в рассветный час в свое общежитие, где до автобуса еще надо было сдать постельное белье, подписать обходной лист. Внутри его все дрожало, проступал липкий пот, ноги и руки не слушались. Многие ребята уже уехали, кое-кто еще слонялся в опустевшем общежитии. У Онуфрия уже был на руках билет до города, где нужно было пересест в поезд. Он справил свои дела и в ожидании отправки автобуса скорчился на голой металлической сетке кровати, подложив под голову свой чемодан. Хотелось пить, есть. Парень пошарил в тумбочке, нашел два вчерашних недоеденных пирожка, съел, запив сырой водой. Его опять замутило, но пора было идти на остановку.

Бледный и несчастный, выходил Онуфрий из общежития, а у входа стояла она, та самая деваха из ужасной ночи; Онуфрий чуть чемодан не выронил. Однако, чемодан деваха прибрала и стала жалеть его, бедненького, как мама. Она де дала ему уехать, высадила с ним в райцентре, отвела к себе, напоила рассолом, потом горячим чаем, куда бросила незаметно какую-то таблетку, и уложила спать, укрыв стареньким покрывалом. Парня быстро сковал сон.

Зина была запоздалым и единственным ребенком в семье, ее баловали, опекали, запреты практически отсутствовали, работой не утруждали. Гордостью родителей являлось то, что Зина была всегда упитанной, розовощекой и веселой. Училась она плохо, но не из-за тупости, а из-за лени. Закончив семь классов, Зина в школу не пошла, сидела дома, наряжалась, бегала на танцы и не одному из ребят вскружила голову; она рано сформировалась и выглядела постарше. Пробовала Зина устраи-

ваться на работу то санитаркой в медпункт, то нянечкой в ясли, но такая работа не привлекала ее. Девушке хотелось быть в центре внимания, приковывать взгляды мужчин, нравиться. Задуманное Зина исполнила без проблем, переехала к тетке в райцентр и устроилась официанткой, где работала то днем в столовой, то вечером в ресторане, а помещение было одно и то же; здесь она чувствовала себя как рыба в воде.

Зина была блондинистой, с ямочками на щеках, пышечкой, веселой и разбитной, клиенты охотно подсаживались за ее столики; план официантка выполняла. Притязаний, кроме кошелька, к мужчинам у Зины не было, ей нравились и высокие, и низкие, и толстые, и тощие, и старые, и молодые. Слава о хорошенькой официантке разливалась как вино на празднике, а прозвали ее Зи-зи. Не было, пожалуй, вечера, чтобы кто-нибудь не запускал лапшу ей в кофточку или под юбку, но она специально наряжалась в глубокие декольте и выдумывала всевозможные вырезы-разрезы; за вольности клиенты сами были щедры, давали чаевые, забывали сдачу, да еще вдобавок Зина не стеснялась их обсчитывать. Но и обращались с ней как с собачонкой: "Зинка, поди, сюда! Зи-зи, пшла вон! Зи-зи, приголубь меня. Зинка отвали!".. Она не обижалась, только прятала мятые рубли в лифчик. Пятый год она здесь работала, ей нравилось! Недолго жила Зина гражданским браком то с одним, то с другим, была как переходящее красное знамя, но мужики сбегали, а она не расстраивалась, делала очередной аборт и наслаждалась жизнью.

У Матрены был просторный дом, давно ожидающий хозяйской мужской руки. Жила тетка одиноко, муж умер, детьми не обзавелась. Племянницу она приняла охотно и чрезвычайно была рада тому, что та приносила с работы слитое с недопитых рюмок спиртное и собранные с чужих тарелок куски. В дом заходил достаток, Матрена расшевелилась, теперь она таскала ведрами помой и откармливала поросенка. Appetit тетки рос, она строила наполеоновские планы: ей хотелось обеспечить себе достойную старость, скопить денег на черный день, подремонтировать домишко. Деньги Зина тетке не давала, наряжалась, красиво и легко жила.

И вот Матрена задалась целью выдать Зину замуж, потому что те захожие, что спали с племянницей в соседней комнате, не были подмогой в хозяйстве, а мужик в доме Матрене нужен был постоянно. И женщина выискивала крепкого парня. Те, вертлявые и долговязые, женатые и изношенные, не подходили для осуществления ее планов, она их безжалостно выбраковывала, но вчера Зинка притащила подходящий экземпляр, молодой и здоровый, и, если так развезло, видать, не привыкший к спиртному. Тетка немедленно взялась за дело, инструктировала племянницу, заверяя, что это надежный, беспроегрышный вариант. Так Зина оказалась возле общежития ГПТУ...

"Что это тут такое?" - известила Матрена о своем вторжении, ввалившись в спальню племянницы. На угрожающий голос Онуфрий дернулся с кровати, резко отшвырнув покрывало, но, с удивлением обнаружив, что совершенно голый, юркнул назад. "Что, бабу старую застеснялся, а молодых девок портить не стыдно?," - издевалась Матрена и надвигалась все ближе, изрыгая гневные тирады о чести, совести и долге, обрушиваясь и на племянницу, и на все бесстыжее поколение, а в заключении совсем добила Онуфрия: "Сейчас же пойдите в ЗАГС и подайте заявление, иначе я тебя из-под земли достану и всю родню разметая," - и хлопнула дверь.

В сопровождении Матрены Зина как теленка тащила Онуфрия в ЗАГС, где потом они заполняли какие-то бумаги, и он впервые узнал, что его нечаянную невесту зовут Зинаида Киселева, и она старше на четыре года, больше он ничего о ней не знал. Чувство досады и злости распирали парня. "Ну, нет, не мечтайте, больше моей ноги здесь не будет", - думал он, уезжая вечером того же дня.

Весь путь домой, к матери, Онуфрий не мог отделаться от воспоминаний о происшествии последних дней. Его мучил вопрос о близости. Было или не было? Он не знал. Не помнил. Если это такие сладостные чувства, как расписывают бывалые в таких переделках пацаны, то, наверняка, он должен помнить ощущения, но только помнил жар и тяжесть тела Зины, и это было неприятно. В первую ночь он был пьян, спал в одежде, а в другой раз - трезв, спал крепко, без сновидений, но почему проснулся в костюме Адама, да еще с голой девкой в одной постели? Этого нельзя было отрицать, да еще есть свидетель.

В порыве откровения Онуфрий в первый же вечер все, как есть, выдал матери. Та слушала молча, качала головой и вопросов не задавала, а потом просто сказала: "Не отчаивайся, сынок! Поживем - увидим, что ни делается - к лучшему. А девушка она, видимо, неплохая, ведь не оставила на улице тебя, пьяного, а домой потащила, спать положила, лечила тебя рассолом и в дорогу проводила. Может, это и есть твоя судьба, кто знает", - и погладила сына по голове. Долго еще они сидели за разговорами, мать смотрела, и нарадоваться не могла: какой у нее статный и пригожий Онуфриушко, весь в отца.

Примерно через месяц получил Онуфрий письмо, вдруг краска залила его лицо, а листок выпал из рук. Валентина Ивановна, наблюдавшая за сыном, всплеснула руками: "Что стряслось?" Письмо было от Зины, она сообщала, что беременна. А еще через несколько дней мать благословила сына в обратную дорогу: "Ты вырос без отцовской ласки, не повторяй ошибок, не бросай свою кровинушку".

Онуфрий, уже подзабывший те роковые ночи, опять возвращался к ним. Как это могло случиться? Он ехал к чужой женщине, черты лица которой едва мог припомнить, о которой ничего не знал, к которой не испытывал даже естественного молодого любопытства. И самое странное, что ехал добровольно, влекомый сомнительным долгом, и побаивался ее. А потом была свадьба, где с его стороны никого не было, и его опять напоили, впрочем, он не очень-то сопротивлялся, стараясь заглушить неприязнь.

Узнав, где работает его благоверная, Онуфрий было, воспротивился, но решающего голоса он не имел. Сам устроился на молокозавод, дневал и ночевал там, чтобы меньше бывать в ненавистном доме. Матрена радовалась в предвкушении, что молоко в дом к ней потечет рекой, но не дождалась. Осенью зятя призвали в Армию.

Еще через три месяца Онуфрий получил известие, что у него родился семимесячный сын. Так и этак раскладывал солдат Солдатов дни и месяцы, но все получалось, что нет семи месяцев со дня их первой встречи. Однако же была какая-то радость от появления нового человечка. Онуфрий уговаривал себя смириться с судьбой, писал домой письма от скуки, но не тосковал по жене. В Армии ему укоротили имя, звали просто Он, так ему даже больше нравилось. И, впоследствии, только тесть станет звать его по-старому.

Вернувшись из армии, Он собрал жену с сыном и повез к матери знакомиться. Внешне невестка матери понравилась, отрицательных эмоций не вызывала, была улыбчива, разговорчива, но материнское сердце чувствовало, что меж молодыми нет особой привязанности, не светила счастьем эта пара, еще Валентине Ивановне заметна была леность молодой женщины и чрезмерное желание красоваться, что не находило одобрения. И только внук, который уже был пятым по счету, безмерно радовал бабушку, он был пухленьким, забавным, лепетал непонятное, смеялся от щекотки. Валентина Ивановна укладывала Дениску спать и тихо напевала колыбельную песню, а когда глаза ребенка смежились, сказала: "Спи, кукушеночек. Это я тебя подложила в гнездо сына. Прости меня, Господи, не дай им обоим узнать это", - и перекрестилась. А Он стоял за приоткрытой дверью в трех метрах от матери и все слышал. Нет, это не было для него новостью, с этим он свыкся еще в армии, он при-

учил себя быть отцом, и, вернувшись, увидев рыжую головенку и голубые глаза ребенка, не оттолкнул, не нашедши черт своих и жены, он признал себя ответственным за судьбу этого мальчика, носившего его фамилию и отчество. А теперь Ону было больно, что об этом догадалась мать.

Он хотел жить по-новому, хотел построить свое счастье, родить детей. Зина никак не хотела уходить с работы, она все чаще возвращалась подвыпившей; исправно ходила на аборт, но рожать не хотела. И вот однажды Он поставил ультиматум: если в течение года не родишь - развожусь, жена только захохотала, но на очередной аборт не пошла.

Родился мальчик. Он был на седьмом небе от радости, сам пеленал ребенка, купал, нянчил. Андрейка плакал, не переставая, отец ночами не смыкал глаз, а мать спала, зарывшись под подушку; Матрена ругалась, что ей нет покоя ни днем, ни ночью, гнала всердцах беспокойных жильцов. Оказалось, что у Зины мало молока. Семья срочно снялась, переехала в поселок, где жили родители Зины и держали корову.

Казалось, что постепенно все налаживается. Он устроился работать в ПМК. Денис ходил в школу, старики сидели дома, Зина занималась младшим, но так было поначалу. Молодой мужчина впрягся в работу и не замечал, что творится вокруг, что он зря рвет жилы, так было много лет. Он взял еще одну работу, выискивал шабашку, вечно что-то мастерил, ставил сено, заготавливал дрова, копал огород, носил воду, ремонтировал дом, проверял уроки у детей, зашивал себе и детям пуговицы, ходил в магазин, варил зачистую и стирал. И чем больше глава семейства брал на себя ответственности, тем успешнее разрушалась его семья. Буквально все взрослые отошли от хозяйских дел, со стариков нечего было спросить, но Зина опускалась прямо на глазах. Все чаще, вернувшись с работы, заставал Он домочадцев с присоединившимся к ним Верстой за выпивкой. Конечно, он протестовал, но их было больше, это был их дом, они были хозяевами. Он работал, они пропивали его деньги.

Зина не хотела съезжать от родителей и жить отдельной семьей, не хотела устраиваться на работу. Она перестала следить за собой: не осветляла, не накручивала волосы, не ухаживала за ногтями и только вульгарно рисовала глаза, с которых комьями свисала тушь, да румяными яблоками выделяла щеки; помада плыла за границы губ, когда она выходила в магазин. Но выходы были все реже и реже, молодая женщина пребывала в халате и драных тапках, ничем не интересовалась, не читала, а только лузгала семечки.

Огород зарос сорняками. Кроме картошки, моркови и свеклы, да еще черной редьки Зина ничего не сажала. Ни одного ягодного куста, ни цветочка. Окна снаружи были занесены пылью, внутри - засижены мухами и засалены, а меж рамами на паутине качались сухие мухи, занавески болтались портянками. Мужик брался за уборку, подключал к работе Дениску, но взрослые шикали, отгоняли его, смеялись над Оновой затеей, мол, это не мужское дело. На какое-то время он и сам смирялся. Да гори, оно все синим огнем! Но доходило до того, что женщины забывали подоить корову, накормить скотину, пришлось ее пустить под нож, избавить их от последней заботы.

Дети росли необласканными, о них плохо заботились, не читали книжек, не пекли пирожков. Отец решил устроить Андрейку в садик и с этой целью в свой обед заехал на его территорию. Постучался в дверь заведующей, вошел и обомлел. Какая женщина! За столом сидела хозяйка кабинета без следов косметики на лице с объемной прической, очень украшавшей ее, подчеркивая грацию; строгий деловой светлогокофейный костюм, безукоризненно сидел на ней, как влитой, и сочетался с цветом лучистых глаз, и вся она была само обаяние.

Он поздоровался, направляясь к столу. Заведующая встала ему навстречу, отвечая на приветствие, протянула через стол руку для пожатия. Мужчина, колеблясь,

сделал ответный жест, признаваясь, что рука не очень-то чистая. И вправду, это была рука рабочего человека, широкая, мозолистая, с вкраплениями частиц металла, с "траурной" каймой на ногтях. "Это ничего, - успокоила она, - я тоже труженица, а пожать руку рабочему человеку всегда приятно". Ее ладонь тоже была крупноватой, сильной и, по его мнению, не соответствовала ее внешнему облику. Анна Григорьевна представилась, усадила посетителя напротив и поинтересовалась, с чем он пришел. Он, чуть запинаясь, изложил цель визита, затем она ответила на его вопросы, пригласила прийти со справками в начале августа, когда сад сделает выпуск детей в школу. Так же приветливо улыбаясь, заведующая проводила мужчину до двери и подала на прощание руку. Тут он отметил, что дама на каблуках едва достает ему до подбородка, и вдруг захотел поцеловать ее руку, но не сделал этого, только пожал и, смущаясь, вышел. Потом он несколько дней ходил под впечатлением от встречи с этой удивительно прекрасной женщиной и, когда проезжал мимо садика, всматривался, пытаясь вновь ее увидеть. Он ничего не знал о ней и не хотел разрушать ореол загадочной незнакомки, но где-то подсознательно чувствовал, что эта женщина не для него, и боялся чего-либо предпринимать, чтобы быть замеченным ею.

Зина не отдала ребенка в садик, ей, видите ли, не хотелось рано вставать и отводить его, а вечером снова приводить, да и пожалела денег из своего бюджета на оплату за содержание. Он работал за двоих по 12-14 часов в сутки. Ради чего все это? Мужчина все чаще стал задумываться над этим. С такой женой достатка в доме все равно не будет. И много ли перепадает детям? Сам-то он знал, что работает больше из-за того, чтобы не бывать дома, но не хотел в этом открыто сознаваться. Когда Андрейка пошел в первый класс, отец отказался от второй работы, чтобы больше заниматься с сыном, но шабашить не перестал, даже еще больше стало левого заработка. Но приходиться с работы старался раньше, занимался детьми. А когда больше времени стал находиться в ненавистных стенах, то острее стал чувствовать одиночество, неприкаянность свою; вырастал протест против окружения, его порядков, устоев. Его раздражали горы немой посуды, кишасшие на кухне тараканы, ободранные закопченные обои, пьяное брюзжание. Он ненавидел вечно горизонтальную, расплывшуюся бесформенную жену, ежесекундно выплевывающую шелуху от семечек; его давили низкие потолки, душила духота теплого воздуха. Надо что-то менять, бежать из этого склепа, где остановилась жизнь, но куда? К маме? Потеснить ее, лишить на старости лет покоя? Нет. Не гоже. Я мужчина, я должен сам устроиться с детьми, никого не напрягая; вот уйдет в армию старший, тогда мы с Андрейкой рванем куда-нибудь счастья искать...

Вчера в Администрации района Он встретил Анну. Узнал ее только тогда, когда соприкоснулись их руки. Она была убита горем, вначале он подумал, что схоронила мужа, но оказалось, что она давно уже вдова. Такая женщина! Он бы мог уже три года быть рядом с ней. Но нет, она неприступна, она не смотрела даже в его сторону, совсем не интересовалась им, просто не видела его. Она ему не по зубам, он бы и не знал, с какой стороны к ней подступиться, такие женщины знают себе цену. Да и вряд ли она одна? Любой бы посчитал за счастье быть рядом с такой дамой. Но что у нее стряслось? Она не из болтливых, свои проблемы на встречах не вешает. Хороша! Теперь он знает, где она живет. Но с кем? А какая разница, если есть у нее мужчина? Двор и дом ухоженные, точно, не одна. Тут мужчина вспомнил свой двор, и застыдился. Конечно, здесь семья живет и, вероятно, немцы, потому что все сработано аккуратно, доброту. Что же у нее случилось? От помощи она отказалась - гордая. Точно, есть кому утешить.

Эта женщина занимала его ум неотступно несколько дней, он измотался, не хотел о ней думать, отговаривал себя, но образ ее стоял перед ним, волновал, манил. Через неделю, после некоторой борьбы с самим собой, Он поехал к ней. Дом ее

находился в противоположном от него конце поселка на дороге, выводящей на трассу. Уже издалека Он заметил у ее калитки вишневую новенькую девятку и широкоплечего мужчину, что-то укладывающего в багажнике. Незадачливый влюбленный проехал мимо. Ну, вот все и выяснилось. Конечно, такая женщина не может быть одна. Хорош любовник, плечи, пожалуй, шире моих. И машина новая, и уж, наверное, не слесарь, не сварщик. А я-то, куда наметился на своем тарантасе и с двумя детьми? Ха, размечтался! Водитель развернулся на перекрестке и поехал назад. Ну, и что бы я ей сказал? На что надеялся, дурак. Дом Анны опять оказался в поле зрения разочарованного мужчины: двое стояли на крыльце и, жестикулируя, разговаривали; мужчина - опять спиной к Ону и лица он не видел, а женщина, одетая в комбинезон, вроде бы не напоминала Анну, но ведь он не видел ее в рабочей одежде, да и сейчас было без разницы. Он мчался на скорости, а тут еще надбавил газ. Все, все осталось в прошлом! Но какая досада, единственный раз в жизни он из тысячи выделил эту женщину, и она не свободна. Дай Бог тебе счастья, Анна Григорьевна!

Прошло больше года. Стояла зима. Он случайно узнал, что заведующая детским садом одиноко живет в своем доме, а из города к ней изредка навещают две дочери с мужьями, помогают с огородом, хозяйством. В тот же вечер мужчина, проверив уроки младшего сына, пошел прогуляться к дому Анны. Нет, ее он не встретил, только видел тень в окне. Теперь иногда он приезжал сюда на "Москвиче", останавливался неподалеку, не выключая мотор, и смотрел, надеясь увидеть дорогой силуэт. Анна Григорьевна жила уединенно, подолгу у неё горел свет, трубы дымились, она читала перед раскрытой дверцей печи и совсем не подозревала, что находится под наблюдением, но наблюдатель не решался потревожить ее покой.

Однажды Он пришел, а окна дома не горели, трубы не дымились. Сегодня он был решительно настроен, намереваясь перехватить женщину на дороге и заговорить. Он топтался и уже начал замерзать, она не шла. Сорвалось, мужчина кинулся напрямки назад по тропинке, и вдруг нос к носу столкнулся с Анной, растерявшись, он поддался первому порыву, набросился на женщину и поцеловал, оставил ее в недоумении, не в силах совладать с собой. С этой минуты он решил завоевать ее благосклонность. Но сразу получалось, как мы знаем, не очень-то гладко.

* * *

Прошло два года, Он был счастлив с Анной, уверен в ней, себя чувствовал возмужавшим, сильным. Его приняли в семью. И хотя Анна не давала прямого утвердительного ответа, Он знал, что они не расстанутся, а отношение окружающих к их связи мало его волновало, лишь бы устраивало ее.

Во вторник Дениса забирали в армию. Он забежал сказать, что едет в Сыктывкар за продуктами по устройству проводов, приглашал Анну. Ей вчера не здоровилось что-то, даже на работу не выходила, но сегодня у нее выходной, суббота, а придется сходить в сад, чтобы проверить недельные планы работы воспитателей, поскольку в понедельник грядет из района комиссия с проверкой; от поездки она отказалась. По субботам детей, следовательно, и родителей было мало, заведующей никто не мешал, она спокойно завершила свою работу.

Весть об утопленнике распространилась быстро, настигла она и Анну. Ее забила нервная дрожь, зубы застучали о край стакана, когда она хотела выпить воды, ноги подкосились, она повалилась в кресло, а стакан покатился по ковру, выплескивая воду. Анна заставила себя встать, переобулась, пересчитала деньги в кошельке, отодвинула шляпу, надела пальто, покрыла голову темным шерстяным шарфом и вышла на дорогу "голосовать". Она, атеистка, ехала в городскую церковь помолиться, глаза ее были сухи, а руки сильно сцепились в замке.

Анна вытряхнула мелочь из кошелька в шапку нищего, стоящего на паперти, и вошла в храм, опустив глаза долу и крестясь. Она купила восемнадцать (по числу лет Денису) дорогих свечей и, зажигая над пламенем, ставила в разные места, поскольку не знала, куда и что положено в таких случаях. Служба шла, Анна пробиралась сквозь толпы молящихся людей и целовала, позабыв про антисанитарию, все иконы подряд. Она опустилась перед распятием Христа на колени и с рвением самозабвенно молилась: "Господи, Отец Всевышний, помоги Ону пережить утрату! Дай ему силы, поддержи его! Господи, прости нас, грешных! Накажи меня, но облегчи его страдания. Боже, прими душу невинного сына его, обласкай молодую душу, открой ей врата рая, позаботься о ней. Господи, укрепи в нас веру, утешь. Помогите нам, Господи", ... - так причитала она долго-долго, сухие губы все шевелились, а по щекам текли слезы. Служительница церкви тронула Анну за плечо и та очнулась. Служба уже окончилась, народ почти весь разошелся. Ноги Анны затекли, задеревенели. Служительница помогла ей подняться с колен, Анна ее поблагодарила и пошла к выходу.

Дома она не зажгла света, не затопила печь. Одетая, она сидела на диване, привалившись к его спинке, с отстраненным видом. Как помочь Ону, как его поддержать? Ах, если б она могла что-нибудь для него сделать! Анна долго сидела в темной тишине, на душе у нее было так же темно, потом сон сморил ее, она так и заснула одетой и обутой, а ночью проснулась от холода. Как же помочь Ону?

Зима нагрянула как-то сразу, намело много снега, и река сковалась по берегам и лишь по центру, где было самое течение, тянулась неровная, разная по ширине полынья. Ребята подбили Дениса кататься на лыжах, ведь в армии не придется, а катались все хорошо. С пологого берега был длинный спуск, но опасность была в том, чтобы не заехать далеко, а успеть повернуть до тонкого льда, а молодежь всегда дурачится, храбрится. Первым съехал Юрка, он был самый отчаянный. Потом Иван, у обоих получилось здорово. Денис скатился третьим, но не рассчитал, заехал дальше и когда уже развернул лыжи на 90 градусов по течению, то льдина внезапно треснула под ним. Он дернулся вперед, потерял равновесие, и головой вниз упал в воду, ноги вместе с лыжами взметнули вверх, и тут же отколовшаяся льдина накрыла их, краем подцепив спортивную вязаную шапочку Дениса, выбросила ее на лед. Ужасная суматоха началась на берегу, ребята метались, не зная, что предпринять. Тем временем голова Дениса показалась из воды, он боролся с течением, порой выпрыгивая из воды до середины груди, он не кричал, лыжные палки, направленные в разные стороны, плыли перед ним. Ему кричали с берега, чтобы он снял лыжи, они и вправду мешали ему, видно было, как он старается их отстегнуть, наконец, одна лыжа выплыла вперед, но силы его таяли, он старался дотянуться до края полыньи, но лед крошился и мальчик обламывал ногти, его затягивало под лед, он отчаянно боролся. Но вот рыжая голова его скрылась под водой. На берегу все неистово вопили так, что слышно было в поселке. Все это было ужасно и произошло так быстро, что никто ничего не смог поделать. Вот голова опять вынырнула, на какое-то мгновение Денис ухватился за край полыньи и беспомощно крикнул: "Папа!" В гвалте его зов никто не услышал. Тут парня затащило под лед, и он больше не показывался, только палка плыла впереди, да лыжа, скрепившись с другой лыжной палкой крестом, плыли по полынье, всё удаляясь и удаляясь. Папа не слышал этого крика, Он был в километрах 20-ти от сына, возвращался из города. Какое-то предчувствие было у Она, тяжесть давила грудь, но он сослался на предстоящий отъезд сына в Армию. А вон как все обернулось!

Он ехал уже по поселку, прямо на проезжей части стояли три или четыре женщины, завидев его, они замахали руками, водитель решил, что они хотят прокатиться, затормозил. "Твой сын только что утонул", - как обухом ему дали по голове.

"Который?" "Старший, старший". Но он уже не слышал, гнал машину. Выпрыгнул из машины, забыв выключить мотор, вбежал в дом. Дома утопленника не было, теща, стена, путалась в ногах, сбивчиво объясняя, что Дениса еще не нашли. Он молнией выскочил в сарай, снял моток веревки, которой когда-то стягивал стог сена, захватил широкие охотничьи лыжи, сорвал с красного угла икону Богородицы и рванулся к берегу, позабыв, что работающая машина стоит во дворе. Он бежал без рукавиц и шапки, мужики и пацаны бежали навстречу и рассказывали, но он почти ничего не слышал, он бежал выручать сына. У полыньи он увидел шапку сына, на ходу снял и выбросил куртку, оставил свою ношу и осторожно с иконой приблизился к полынье, плавно кинул икону, она упала хорошо, образом вверх, и поплыла, сначала натываясь на края полыньи, потом попала в струю и поплыла плавно.

"Пресвятая Богородица, помоги! Молю тебя, помоги, Заступница, найти мне сына! Помоги, Мать, Христом Богом прошу, помоги", - перекрестился троекратно. Он осторожно вернулся на берег, подхватил подмышку лыжи и набегу стал завязывать конец веревки вокруг талии, а другой конец набрасывал на нос лыжи как лассо, и, перехватив все это навесу на левую руку, бежал, не сводя глаз с плывущей иконы. Уже темнело. Только бы успеть, только бы! Он спотыкался, падал в снег, вставал и опять бежал то, приостанавливаясь, следя за иконой, поджидал ее и снова бежал. Мужчина был весь в снегу, пар исходил от его тела, усы, волосы и рубаха покрылись инеем. Молодые ребята уже поотстали, но он не сдавался, движимый отцовскими чувствами. Они уже бежали километра два, может больше, а икона все плыла. Вдруг на излучине, где река резко поворачивала налево, икона закружилась, завертелась как в водовороте. "Ребята, скорей ко мне, держите веревку", - кричал Он и кубарем покатился с крутого берега, его не очень волновало, хватит ли длины веревки, успеют ли одноклассники сына схватить ее. Ширина льда здесь была меньшей. Он пока не видел никаких примет нахождения здесь сына, но икона вертелась. Мужчина лег на поставленные рядом лыжи, подтягивался на локтях, продвигая вперед свое тело вместе с лыжами. Вдруг справа он заметил яркое пятно, скорее оно не было ярким, но все же просвечивался матово-оранжевый какой-то цвет. Он пополз, но лед треснул под ним, отец провалился в воду плавно, без всплеска воды, холод прожигал его тело, а он ломал лед своей тяжестью и достиг, наконец, цели. Мужчина схватил мертвой хваткой за воротник сына, а ребята уже тащили веревку, и эти двое в воде как ледоколы торили дорогу на берег. Наконец лед стал их держать. "Сердце, слушайте сердце!" - кричал отец ребятам, но те не выполняли его команды, видя ужасный предсмертный оскал утопленника, льдом исцарапанное в кровь лицо, его неестественно вывернутую с лыжей ногу, которая, вероятно, зацепилась за топляк. Отец начал рвать заледеневшую куртку сына, но не мог добраться до сердца, чтобы послушать обнадеживающее биение, пальцы его не слушались. Всем стало ясно, что поздно надеяться на чудо, ведь прошло не менее получаса, а, может, гораздо больше. А когда это дошло до отца, то он по-звериному взвыл. "А-а-а-а! - громогласно раскатилось в морозном воздухе, - сынок, сынок, что ты наделал?" Он сидел на снегу обледеневший и держал в объятиях замерзший труп сына. А ребята и мужики уже раздевали его, передевали в свое сухое, кто чем мог, делился. В чьей-то куртке, одетой на голое тело, коротких штанах, в шапке и двух парах шерстяных носок бежал он по снегу без обуви в ближайшую баню, сопровождаемый двумя мальчишками, а за ним длинным хвостом волочилась обледеневшая веревка, которую не смогли развязать.

Тело Дениса положили на лыжи, связанные шарфом, и понесли в дом.

На похоронах было много народа. Анна с каменным лицом шла в конце процессии, только на кладбище она увидела любимого человека. Как изменило его горе! Он почернел, похудел, без того глубоко посаженные глаза совсем провалились и го-

рели в глазницах лихорадочным блеском, он казался стариком, как-то даже прини- зился ростом. Как она его любила, жалела. Когда гроб опустили в могилу и застучали первые комья земли, Он качнулся немного вперед, и Анне показалось, что вот сейчас отец последует за сыном, она чуть не вскрикнула. Потом протиснулась к нему, взяла холодную руку в свои ладони и просто, не стесняясь окружения и мнения оных, ска- зала: "Держись, я с тобой, это надо пережить". Он равнодушно посмотрел на Анну и положил свою тяжелую уставшую руку ей на плечо, как бы обнимая. Как ей хоте- лось стать ему опорой, но через две минуты она высвободилась из-под его руки: "Дольше нам нельзя, прости", - и пошла к выходу из кладбища, слезы замерзали на лице.

Она не было несколько дней, Анна тревожилась. Женщине хотелось быть ря- дом с любимым особенно в такие минуты. Прошли поминки девятого дня, вечером следующего дня Он пришел. Мужчина был пьян. Анна бросилась ему на шею и це- ловала лицо в 2-х дневной щетине, они постояли, тесно прижавшись. Анна раздела его, сняла пальто, ботинки, оттирала окоченевшие без перчаток пальцы; потом уса- дила его, поставила таз с теплой водой под ноги, налила в чашку крепкого чая. Она ни о чем не спрашивала, он поддавался ее командам и действиям, однако, протестуя против таза. Покончив с хлопотами, Анна встала за спиной любимого и, обняв его за плечи, просто стояла, тихо радовалась встрече.

Отогревшись, Он разговорился. Мужчина много пил в эти дни и с горя, и что- бы не заболеть после ледяной купели. Выглядел он уставшим, изможденным, но Ан- на таким, пожалуй, его еще больше любила. Оказалось, что Зина с ребенком пере- бралась к Версте, жена которого умерла года два назад и не оставила ему потомства, а сам он как бы прописался в доме Она, - вечно засиживаясь с его домочадцами: ушла уже вечером после похорон. Он теперь знал точно, что рыженькая девочка и похороненный его Денис были детьми одноклассника, но это запоздалое подтвер- ждение Зины никак не отразилось на отцовской любви, потому что отец и сын были очень близки, а последний ушел из жизни с этой любовью и верой.

Анна только теперь поняла, какой нелегкой, необласканной была жизнь доро- гого ей человека в семье, за которую он держался из-за детей. А как она истязала се- бя совестью, что делит его! Да надо было с корнями давно вырвать, взять обоих де- тей. Что же она наделала? Она держала его на расстоянии из-за неведения, а ведь любила, хотела быть единственной ему. Анна вспомнила оскорбительные слова, брошенные Зиной в магазине всего два месяца назад. Она ведь не ревновала своего мужа, смеясь, ехидничала, не заявляла о правах, ею руководствовал только меркан- тильный интерес, только деньги нужны были от мужчины. Анна смотрела на спяще- го Она, ворошила его начинающие сесть волосы и думала, что утром же исправит положение, предложив переехать с сыном в ее дом.

"Нет, я сейчас не могу. Мама говорила, что души умерших живут с нами со- рок дней, Зина предала сына, но я этого не буду делать, я буду с ним под одной кры- шей, пока он не вознесется. Нам не дано видеть душу, но она видит нас, - так сказал Он, и добавил, - ты потерпи, Анна, все наладится, мне надо еще подготовить Ан- дрея". Он, Онуфрий Солдатов, до конца служил своей семье, как солдат, на верность присягнувший Отчизне. Женщина еще больше зауважала любимого.

Он взял отгулы и теперь долго гулял и разговаривал с Андрейкой, который не особенно был привязан к матери, но любил отца и брата. Пришел день, когда состоя- лось знакомство Анны с пасынком. Они друг другу понравились. Андрейка был смышленным и не робкого десятка, в первый же вечер он выбрал себе комнату, а по- том почти ежедневно, уже по собственной инициативе и без отца, прибегал в гости, осваивался. У Анны отлегло от сердца, все складывалось хорошо. Незадолго до со- роковин Она повесткой пригласили в суд. Оказалось, что Зина подписала согласие на

развод, не предъявляя к мужу никаких претензий, а главное, дала нотариальное разрешение отцу на воспитание и содержание сына. Остались небольшие формальности, чтобы Он чувствовал себя свободным.

Вскоре на стареньком «Москвиче» Он перевез весь свой скарб: два чемодана, связку книг, сумку с инструментами, да тюк с постельными принадлежностями. Чтобы быть полезной вновь обретенной семье, Анна оставила работу. Тихое счастье упрочилось в доме.

А где-то через год односельчане прочитали в газете такое объявление: "Мою единственную любимую женщину, неповторимую и прекрасную во всех проявлениях Анну, поздравляю с днем нашего бракосочетания, и в честь этого события дарю жене фейерверк, который состоится 23.02 в 20.00 в местном парке, приглашаем всех желающих".

Александр ЛОБАНОВ

* * *

Откуда мне памятен гул тех сражений
И даже порой - траков гусениц лязг?
От генов, зачавших меня поколений,
Военной прогорклости маминых ласк?

Першеньё гортани, слезинка в ресницах
И пот на ладонях, когда в честь неё,
Той давней Победы, салютом искрится
Вечернее майское небо моё...

Откуда всё это? Война, очевидно,
Жива в небесах и влияет на нас
Страданием жертв, бесконечно невинных
И недооплаканых в наших сердцах.

Под Вязьмой и Гжатском, в лесах под Смоленском,
В полях и болотах, наверно, не спят
В истлевших шинельках бойцы, ополченцы,
Возможно, мечтая вернуться назад.

И тщетность надеж их тягучим флюидом
С небес оплывает на землю, как гжель,
И бродит российский солдат, словно идол,
Среди потемневших от крови земель.

* * *

Ворвалось с жаром в крови мартовское солнце
На кем-то выскобленный за ночь небосвод
И покатилося, разрывая против ворса
Попревший войлок залежалых непогод.

Беду накликивать пытаюсь, сетью трещин
Покрылись луж промёрзших насквозь зеркала,
А с черепиц и подворотных поперечин

Сперва закапала, чуть позже – потекла

Уже иная агрегация сосуллек
И упрессованного снежного пласта,
И стал – как песня оживившийся проулок,
И померещилось, что вот она – весна!

А северянину для счастья много ль надо?
Изголодавшись, солнцем давится в заглот
И, по разбрызгавшейся слякоти с бравадой
Ногами шлёпая, фланирует народ.

Капель к полудню набурила столько скважин,
Ещё чуть-чуть – фонтаном брызнет чернозём,
Он шевелит своими чреслами, он влажен,
И каждый корень в нём весенне возбуждён.

Хоть всем заведомо известно, что под вечер
Опять закрепит в заморозку, как в запор,
Но эти солнечные шальные предтечи
Ложатся жирною чертой под вечный спор

Зимы с весной, когда последняя по праву
Берёт вращение планет к себе во власть,
Даря Земле, её цветам, деревьям, травам
До жизни жадную неистовую страсть.

Иван БЕЛЫХ

СУЧКИ НА ПОТОЛКЕ **(рассказ)**

Середина зимы.

Мне лет восемь или девять. Я лежу на печи в зимней половине избы. Уже третий день подряд меня трясет лихоманка.

Иногда вечером, после уроков заходят мои друзья: Мишка, Сашка и Валера. Посидят, пошмыгают носами, жалостливо посмотрят на меня и тихо уходят. Я больше сплю, только изредка просыпаюсь, открываю глаза – всё передо мной начинает качаться – и снова проваливаюсь в какую-то бездну. Говорить еще не могу. Гостей замечаю только по холодным струям воздуха да по дверному скрипу. Все-таки хорошо, что приходят проведать! Как-то радостней становится на душе.

Наконец, полегчало. Мать поит меня горьким лекарством и топленным молоком. Сегодня она выглядит веселее. А еще прошлой ночью я слышал, как она, перед тем как лечь в постель, горячо шептала молитвы, заступаясь за меня перед Богом. Под ее шепот я ненадолго приходил в себя и опять проваливался в бездонную яму. Словно кто-то усадил меня на большие качели. Я поднимался аж до самых небес, а потом начинал быстро-быстро падать. И страшно становилось на сердце. Хотелось крикнуть, позвать на помощь. Но голос, наверное, охрип. Никто меня не слышит. Только вдруг становится прохладнее. Это мать вытирает горячий пот с моего лица холодной влажной тряпкой. Она все-таки услышала мои стоны и поднялась на печь.

- Ничего, сынок. Если пот идет, это уже хорошо. Он болезнь отгоняет, жар ослабляет. Значит, скоро поправишься, - тихо и медленно шепчет мать, глядя меня по голове.

Бог услышал материнские молитвы. После нескольких дней болезни я впервые широко открываю глаза и легко дышу, с удовольствием втягивая в себя теплый воздух. И уже легче на душе, будто заново родился на свет.

Мать, недолго посидев возле меня, собирается на работу в телятник. Она заметила, что я уже преодолел хворь, и не так печальна. Отец с самого утра на работе. Старшие братья в школе. А младшие брат с сестренкой у бабушки Матрены.

Я остаюсь дома один. Конечно, немного тоскливо, особенно когда болеешь. Но сегодня уже не так грустно. Лежу на старых теплых ватниках и явственно ощущаю, как все сильнее пульсирует кровь в жилах, как руки и ноги наливаются силой. А в моей маленькой голове так и вертятся мысли о том, что совсем скоро снова буду играть со сверстниками в наши ребячьи игры. И даже завидно становится, что Мишка, Сашка и Валера, конечно же, пошли кататься на Ильину гору.

А уж как им весело! Прямо вижу, как они там играют. Самый смелый, конечно же, Сашка. Он храбро скатывается на смастеренных отцом лыжах с самой опасной южной кручи. Но Мишка и Валерка тоже не хотят отставать, хотя и смотрятся увальнями. А потом им всем надоедает кататься, они снимают лыжи и кувыркаются с горы. Спустя несколько мгновений они начинают походить на снежных человечков – не узнаешь, кто из них Мишка, кто Сашка, а кто Валера. Все трое одинаково похожи на сыновей белого медведя. Сами показывают друг на друга белыми от снега варежками и не могут удержаться от хохота. И никому из них в голову не приходит, что сегодня матери зададут им трепку за то, что почем зря треплют одежку. Такое уже бывало, и знают мои друзья, чем пахнет хворостина. Но я бы сам сейчас с удовольствием принял два-три удара хворостиной, чем целыми днями лежать. Но ничего, недолго уже осталось давить печку. Скоро и мне разрешат выходить на улицу и досыта баловаться с ребятами. Но едва ли можно насытиться этими играми! Поэтому и мысль, что пора идти домой, приходит, лишь когда проголодаешься, насквозь промокнешь или совсем стемнеет.

Так, размышляя, разглядываю потолок над печкой. Какие гладкие сосновые плахи! От времени они уже потрескались во многих местах. А сколько сучков на этих плахах! Уже и раньше замечал, что каждый сучок интересен по-своему и не похож на другой. Долго смотришь-смотришь на какой-нибудь из них и замечаешь, что он обязательно кого-то напоминает. Так и есть! Вот этот сучок похож на человека, который, наклонив голову вперед, лениво шагает куда-то. Опять долго смотрю – и узнаю этого человека! Это мой родной дядя Иван, изредка захаживающий из Палевиц в нашу Ивановку отведать в праздник веселой браги. А сейчас он повесил голову и бредет домой. Невесело ему – похмелье замучило. Я слышал от взрослых, будто бы Ивана, младшего брата моей матери, после таких праздников целую неделю похмелье мучает. И никак не могу понять, как такого мужика что-то может мучить. Дядя Иван, когда трезвехонький, все умеет: и дом срубить, и красивый стог сметать, и с трактором управиться. Днем и ночью, не переставая, может работать. Какое похмелье может его одолеть? Наверно, взрослые это сочиняют.

Между тем глаза мои натываются на очень причудливый сучок. Похож на мать с сыном. Мне почему-то кажется, что это тетя Мария ласкает своего сына Толика. Этот Толик года на два-три младше нас и, конечно, слабее. Когда мы балуемся, ему больше всех достается, хотя никто не старается нарочно его обидеть. Но если увлечешься игрой, всякое бывает. Иногда ненароком и стукнешь по руке ли, по голове ли. И вот уже Толик с громким плачем бежит домой жаловаться матери. А мы прячемся – кто куда успеет. В том числе и я. Хоть тетя Мария и доводится мне род-

ней – жена брата моего отца, - но сгоряча может и мне попасть. От ежедневной непосильной работы у нее и сердце почерствело, и руки все потрескались. И как им не потрескаться? Попробуй-ка в тяжелые военные и послевоенные годы одной поставить на ноги троих детей без горячо любимого мужа Алексея, погибшего в первые месяцы войны. И вот уже слышатся от избы громкие причитания тети Марии, что некому защитить ее дорогого сыночка. Потом словно вскипает ее сердце, и она шлет все небесные кары на наши детские головы за обиду ее кровинушки.

Я снова взглянул на такой знакомый сучок и понял, что тетя Мария сегодня не особенно стремится отомстить за сына. Наверно, сильно устала после работы. Мне, конечно, жалко тетю, но я не понимаю, отчего ее Толик такой нюня. Чуть что – сразу торопится жаловаться матери. Какой же он пацан? Девчонки и то крепче. Ну и пускай тогда играет сам с собой! А мы не будем с ним дружить...

Конечно, я тогда не знал, что Толик станет настоящим парнем, будет дорожить дружбой своих товарищей и, когда надо, вступаться за них. Но не счастливо сложится его жизнь. Неожиданно для себя получит он довольно длительный срок в места не столь отдаленные. Но не потеряет человеческого облика, только характером покруче станет. Оно и понятно: не ши хлебать туда забирали. Когда вернулся домой, женился, дети появились. Но муторно было у него на сердце.словно очень сильную боль прятал он внутри себя. Едва ли кто знал об этом. И мы, товарищи детства, не догадались, не сумели залечить ему раны сердечные. Думали, пройдет всё, потихоньку оттаает. Но не стало по-нашему. Ушел он навеки по своему тайному желанию. Кто знает, какие мысли крутились в то время в его голове? Вместе бы побыть в те нелегкие для него минуты, помочь, успокоить. Но поздно. Иногда нахлынут воспоминания, и, бывает, ругаешь себя, что не был рядом с ним. Но прошлое не вернуть.

А тогда, лежа на печке, я ничего этого не знал. И каждый раз, как только падал взгляд на этот необычный сучок, мне вспоминался зареванный Толик рядом с матерью, и я поспешно отводил глаза...

А чуть-чуть подальше, около матицы, рядом друг с другом три сучка. Все наклонились в одну сторону. И, глядя на них, вспоминаю картину из прошедшего лета. Будто в курье недалеко от Вычегды три бабушки небольшим бредешком ловят мальков, чтобы засушить их на зиму. Больших рыбин здесь уже не осталось. Дело к осени – всех успели выловить. Еще в начале лета, сразу после спада воды мужики в курье бреднили, а бабушкам и того хватит, что осталось. Для них и мальки – рыба.

Сколько раз летом, купаясь целыми днями в Вычегде, я видел этих бабушек. Они добывали мальков из небольших озёрин, которых много было на лугах. А чайки да сороки еще не всю мелочь успели из них выклевать.

Не знал я тогда, кто были эти старушки-рыболовы. Может, бреднила со своими подругами из Маленькой Ивановки бабка Василиса. Она мастак была по этому делу. Василиса дружила с моей бабушкой Анисьей, матерью моего отца. Когда бабушка тяжело заболела, и ей становилось все хуже и хуже, бабка Василиса часто навещала свою подругу.

Так и стоит у меня перед глазами эта картина. Три бабушки неспешно спускаются по пологому холму к курье. Двое несут старенький бредешок. А у третьей за плечами сумка с провизией, туда же потом положат пойманную рыбу. Вот они подходят к песчаному берегу и садятся ненадолго отдохнуть на горячий песок. А потом двое разматывают бредень, поднимают подолы длинных сарафанов, торопливо крестятся и, взявшись за концы бредня, заходят в воду. Конечно, на глубину не идут. Вдоль мелкого берега стараются держаться. А там какая уж рыба! Правда, глупые щурята, окуньки да плотвички немного попадают. Да и Бог не хочет обижать бабушек. В это время вся рыба молодь залезает погреться на мелководье. Когда бабушки приближаются к небольшим заливчикам, вода в них как бы вскипает – столько там

мелких рыбешек. Так и посверкивают они под лучами солнца на мелководе, но убежать не успевают. Вот так, не спеша, бабульки раз за разом обходят берег курьи, и сумка у них потихоньку наполняется. А потом они так же неторопливо рассаживаются на песке пообедать. А на лицах такое довольство, что скрыть его не удастся. Опять Бог вознаградил их за труды! А больше ничего и не надо. Опять на старости лет удалось им побывать у реки, с которой связаны их самые милые и дорогие воспоминания давно отшумевшей юности. Спасибо и на этом. Кто знает, может, уже не удастся здесь побывать.

А тем временем мы, мальцы, накупавшись до одурения, присаживаемся недалеко от бабулек и слушаем их неторопливый разговор. И перед нашими глазами раскрывается вся прошедшая жизнь красавицы Вычегды. Вот здесь, где мы сейчас расположились, было когда-то русло реки. А там, где она сегодня течет, шумел густой лес, да росла трава по пояс. Как всё изменилось, даже не верится.

А разговор у бабушек бесконечен. Они вспоминают молодые годы, как ходили к Вычегде и работать, и веселиться. Голоса их становятся мягкими и певучими, а в глазах появляется нежная грусть. Конечно, бабульки близко нас не подпускают. Идите, мол, дорогие, купайтесь там, подальше, не пугайте нашу рыбу, а ваша от вас не уйдет. А нам так хотелось послушать их интересные бывальщины!

Правда, мы не особо завидовали бабулькам, копошащимся с бреднем на мели. Знали, каких больших щук, язей, лещей ловили ивановские мужики в Вычегде и прибрежных озерах. И даже жалко было этих бабушек.

А мне посчастливилось похлебать ухи из сушеных мальков. Безнадёжно больная бабушка Анисья однажды печально сказала навестившим ее подругам, дескать, охота в последний раз в жизни попробовать ухи. Кажется, в тот же вечер бабка Василиса и принесла небольшой мешочек сушеной рыбы, а моя мать на другой день сварила уху. С каким аппетитом мы с бабушкой хлебали ее и благодарили рыбаков. А у бабушки, когда она дрожащими руками подносила ложку ко рту, из-под опущенных ресниц катились по лицу слезинки. Я смотрел и не смел спросить, о чем она печалится. Наверно, в мыслях она была в своей далекой молодости у красавицы Вычегды, а, может, на лугах со своими дорогими подружками.

Как будто вчера все это было... А сколько времени прошло с той поры!

В то время бабушка Анисья была мне самым близким человеком. Родители целыми днями пропадали на работе, домой возвращались уже затемно. Я и мой младший брат Володя все время были с бабушкой. Однажды летней порой мы с ней пешком отправились в гости в Большую Слуду, Малую Слуду и Часово. Бабушка-то родом была из Малой Слуды.

Ясным солнечным днем мы неторопливо идем по еле заметной тропинке, которая тянется по сосновому бору вдоль Вычегды. На душе весело. Вокруг птички щебечут. Я все время бегаю то туда, то сюда. И каждый раз нахожу что-нибудь интересное. Устанем – присядем отдохнуть у говорливого лесного ручейка.

А вот уже показались дома Большой Слуды. Там мы позднее остановимся, а сейчас торопимся в Малую Слуду, где в домике-теремке живет брат бабушки, дедушка Максим и его жена, бабушка Пелагея, добрейшие и сердечнейшие люди на свете. У бабушки разглаживаются морщинки на лице, а глаза становятся влажными, как только она обнимает близких и дорогих людей. Она здесь родилась и выросла. А родное никогда не забывается.

Потом все садятся в горнице за большой стол. Нас, мальцов, накормив пирогами, шаньгами да брусничным киселем, выпроваживают на улицу. Нечего, мол, со взрослыми околачиваться. Побегайте, поиграйте, познакомьтесь друг с другом. И уже через некоторое время я завел себе здесь новых друзей. Сейчас, спустя много

лет, не могу вспомнить, с кем же я тогда играл. Может, с троюродной сестрой Валею, а, может, с другими. Все это было, как во сне.

В гостях проходит несколько дней. Бабушка Анисья, может, и дольше бы здесь пожила, но дома ее ждут дела. Да и мне надоедает в чужой деревне. Как говорится, в гостях хорошо, но дома все же лучше. И я начинаю тянуть бабушку за подол сарафана и непрестанно хныкать:

- Бабушка, пойдем домой! Хватит гостевать-то.

И вот мы уже шагаем назад.

Это хождение в гости стало одним из самых светлых воспоминаний детства. В какой-то из тех дней мы зашли в заброшенную церковь села Часово. Бабушка что-то шепчет и часто-часто крестится, глядя на полуразвалившиеся стены. Я не жду ее и быстро захожу внутрь. Там прохладно. Смотрю, лошадь стоит, лениво помахивая хвостом. Спрашиваю:

- А чего сюда лошадь зашла?

- Да ведь жарко ей, прохладу ищет, - отвечает бабушка.

А в ее последнее лето мы никуда не ходили. Именно тогда, оказывается, и сказал я горячо любимой бабушке слова, от которых до сих пор неудобно на душе. Мать мне об этом впоследствии рассказала.

Бабушка Анисья как раз сарафан себе шьет. А я смотрю, как проворно двигаются ее руки с иголкой, и вдруг говорю:

- А зачем ты сарафан шьешь? Тебе его уже не удастся поносить. В этом году ты умрешь.

В моей памяти этот разговор не сохранился. Не знаю, какие мысли мелькнули в бабушкиной голове после моих слов. Конечно, ей не было приятно. Вечером она рассказала все матери. А та только рассмеялась и сказала свекрови:

- Не обращайтесь внимания на детский лепет. Мало ли что взбредет ему на ум!

Но именно с тех дней отчего-то стала болеть моя бабушка и уже не поправилась. Позже, когда она уже не могла вставать с постели, изредка приговаривала:

- Эх, встать бы хоть ненадолго с постели да отстегать Ивашку...

Но говорила это не со злости, а сильно беспокоясь за меня. Ведь когда она заболела, мне стало скучно день-деньской сидеть с ней. Мать, естественно, запирала крыльцо на замок. Но я ухитрился тайком вынести в сени свое старенькое пальто и облезлую шапку-ушанку. Там одевался и через заднее крыльцо выскакивал на улицу. А бабушка боялась, что там со мною может какая-нибудь напасть приключиться, и по-своему жалела внука.

В холодный декабрьский день хоронили ее. И я даже не знаю, где ее могила. В те времена на кладбище ходили редко, и мне никто не показал, где похоронена бабушка Анисья. Только время от времени желаю себе увидеть во сне ее дорогой облик.

И удивительно светлая печаль закрадывается мне в душу, когда вспоминаю бабушку Анисью и ее подруг. Жалко – рановато ушли они из этой жизни, хоть и не такими старенькими были. Но что делать, такова судьба, не каждого одаривает столетием.

Пока мои глаза, словно сквозь пелену, нехотя обшаривают потолочные плахи, я мечтаю о чем-то своем. И невольно снова задерживаю взгляд на знакомых сучках, которые по-своему открывают мне самые потаенные закоулки жизни родной деревни, знакомых и близких мне людей.

И опять глаза уткнулись в то место, где вместе несколько сучков обосновались. Очень они похожи на человеческие фигуры. Будто сидят, сгорбившись, на траве и горячо что-то обсуждают. И мне сразу становится понятно, что это около колхозного правления собрались ивановские мужики и делятся мыслями о летней стра-

де. Мы, мальцы, тоже возле них вертимся. В этом году, может, еще не удастся, а вот в будущем уже обязательно нас посадят на лошадей копны таскать. Но и сейчас, надеюсь, изредка удастся вместе с матерью или старшими братьями побывать на лугах за Вычегдой. Взрослые будут косить траву да грести сено. А мы тем временем будем собирать лесную землянику, находить кусты смородины, ловить плотвичек на Вычегде. А во время обеда с огромным аппетитом будем уплетать вкусную гороховую кашу, мясные щи, пить сладкий брусничный или смородиновый чай.

Недолго продлится такая веселая и беспечная жизнь. Если на будущее лето нас запрягут, то надолго. И все же во время летней страды всегда бывало очень весело. И мы с нетерпением ждали эту пору.

А мужики тем временем все яростнее смолят козьи ножки да все громче пререкаются друг с другом. Проне Егор Веня ругает конюха. Мол, не дал лошадям хорошенько отдохнуть, теперь они будут выбиваться из сил. А конюх тихонько оправдывается. Старый точильщик кос Мишка Петра просит установить у его дома новый точильный брус, старый уже никуда не годится, только косы портить будет. Опытный стоговальщик Дзоле Васька Митрей, жадный до работы и очень умный мужик, говорит, вспоминая свою долгую жизнь, какая по его предположениям ожидается погода этим летом, с каких лугов надо начать убирать сено, а какие оставить напоследок. Все с одобрением слушают его, знают, что Митрей сто раз обдумает, прежде чем что-то сказать. По нему всегда и выходит. Наконец, выслушав всех, бригадир Ефим Вась распоряжается, как организовать переправу на тот берег. У нас сначала за Вычегдой ставят стога, свой-то берег никуда не денется – рядом.

Все уже знают, кто чем будет заниматься. Но напоследок все равно интересуются у бригадира, не изменились ли планы. И уже довольно поздно расходятся по домам. Завтра ранехонько надо вставать. У всех весело на душе, ведь выход на луга всегда был в деревне праздником. И для меня он тоже скоро праздником станет, многому хорошему успею научиться...

От этих мыслей сердце начинает радостней биться. Весело смотрю на сучок над самым голбцем. А это и не сучок вовсе, а мой отец на телеге везет домой тещу, нашу бабушку Домну. Мы ее называем «палевицкой бабушкой». После смерти бабы Анисьи она стала чаще нас навещать и ухаживать за маленькими. Очень ласкова была к своим внукам, обязательно одаривала каждого гостинцем. Никогда не ругалась, все делала не спеша, разумно. За то и любили ее и ребятня, и взрослые. В солидном возрасте уже была, а без дела не сидела. То сено помогает сгребать, то за скотиной убирается, то в лес с внучатами налаживается за грибами-ягодами.

Опять звучит ее громкий голос в нашем доме. Как мы жили без нее, что нового произошло? Внимательно выслушав нас, начинает рассказывать о чем-то из своей длинной жизни. Например, о событиях гражданской войны, когда наш дед партизанил. Затаив дыхание, слушаем старого человека.

Нелегкой была жизнь бабушки Домны. Дед Осип надорвался на тяжелой работе и рано умер. Ей пришлось одной ставить на ноги четверых детей. Жизнь все научит делать, коли нужда появится.

Мне кажется, что она и сейчас рядом со мной на печи сидит, какую-то сказку рассказывает. А затем ласково начинает пенять, что я уже такой большой и вдруг заболел. Я слушаю...

И вот я уже шагаю по нашей деревне. А навстречу – мои друзья. С удивлением спрашивают, что, дескать, уже выздоровел? Я радостно киваю головой. Кто-то дает мне лыжи, и мы мчимся вниз по склону Ильиной горы, громко кричим, балуемся.

А вот уже и снега вовсе нет. Все зеленеет вокруг. Солнце яростно печет с небесных высот. Я с Мишкой, Сашкой и Валерой купаюсь в курье. И так весело на душе, что я такой юный, что все еще впереди, что жизнь только-только начинается!

Скрип двери нарушает мой счастливый сон. Мать вернулась со скотного двора, и мы радостно улыбаемся друг другу. Конец приходит моей болезни...

... Еще не раз отогревался я на печке после холодных зимних дней. И когда попадались на глаза эти знакомые и родные сучки на потолке, то вновь оживали незабываемые картины жизни моей деревни, милые лица близких людей, которые, где бы я ни был, сколько бы лет мне не стукнуло, никогда не забуду. Крепко врезались они в память. Именно эти люди научили меня всему хорошему, и поэтому особенно мне дороги.

... Прошли годы. Отец, будучи еще в силе, с помощью моих дядьев разобрал постаревший дом и на его месте поставил новый. В нем и стали жить. На месте зимней половины стала большая кладовка. На зиму туда уже не переходили. И летовали, и зимовали в двух просторных комнатах летней половины избы.

А потом я в городе обосновался. Но деревню и отцовский дом не забывал. А вот о сучках на потолке, словно о своей особенной детской игре-забаве, вспоминал нехотя. Надо же, какие-то сучки с людьми сравнивал!

Недавно, побывав в родных стенах, зашел за какой-то надобностью в кладовку. И вдруг, когда я взглянул на потолочные плахи, сильно-сильно забилося сердце – такая знакомая картина оказалась перед глазами! На потолке, над тем самым местом, где раньше была печь, - дорогие мне сучки, которые когда-то виделись мне живыми существами.

Я долго смотрел на них, будто снова вернулся в золотое детство.

(Перевел с коми А.Иевлев)

Раиса КУКЛИНА

* * *

Мы забудем все обиды
и друг другу все простим.
Мы друг друга приглубим,
приласкаем от души.
Будет нам тепло и жарко,
побываем мы в раю...
Стала нам Любовь подарком
у Вселенной на краю.

* * *

Нам с тобою надеяться не на что!
Горестно... Тягостно...
Небо плачет снежинками звездными.
Мой любимый... Любимый...
От счастья страдаю я
И печаль моя сладостна.

* * *

Бескрылой птицей страшно быть...
Смотреть на небо и страдать
так трудно...

Не лучше ль о мечте забыть,
хранить ее в душе, молчать...
Правдиво и красиво жить
так трудно!
И лишь любовь Творца
свершает в жизни чудеса,
спасая души и сердца...
Как нужно.

* * *

Вуаль разлуки так тяжела!
Шепчу от муки: «Я умерла?»
Угасли звуки. Спустилась мгла.
Какие муки!!! Я умерла?..

* * *

Я с тобою – оазис...
Без тебя так пустынно.
Горько стонет душа
в этом мире подлунном.
Сердце плачет во мгле
поднебесных созвездий.
А мой разум - во тьме
закоулков возмездий.

* * *

Горькая истина
Растеклась слезами на листе.
Было сладко сердцу,
стало горько вдруг душе.

* * *

Я говорю Тебе
свои Слова...
Печально: их не понимаешь...
Продолжаю...
А слова – Твои.
Огорчаюсь: не мои слова...
И – радуюсь!
Ты меня понимаешь...

Марк КАГАНЦОВ

Байки «скорой помощи»

Людей, преданных «скорой помощи», среди медиков не так уж много, но они все-таки есть. Такие работают в «скорой» десятилетиями и даже не помышляют уйти туда, где проще, легче, комфортнее. Старший врач воркутинской «скорой помощи» Марк Каганцов в этой службе со студенческих лет, на воркутинской «скорой» больше 30 лет, с 1972-го. И уж кому, как не ему, знать, насколько это тяжелый и

горький хлеб: если больному не помочь на этапе «скорой помощи», надобности в других этапах уже просто не будет...

Только за одну эту смену у Марка Каганцова было 12 вызовов (очень среднестатистический, кстати, показатель). Был инсульт, выезжали к больной с приступом стенокардии, перенесшей инфаркт; была передозировка наркотиков с героиновой комой и нарушением дыхания (это был сравнительно молодой мужчина, азербайджанец, которого Каганцов с фельдшерами из этой комы вытащил). Выезжали к 15-летней мальчишке с ножевым ранением в шею. Был бомж с нарушением практически всех жизненно важных функций, уже окончательно «дошедший» - из своей норы (жил он в подсобке одного из домов по улице Димитрова) он выполз совершенно голый (все тело - в сплошной коросте от сухого кала), крайне истощенный. Кто-то из жильцов дома его увидел и вызвал «скорую». У мужчины кроме всего прочего врачи обнаружили хроническое отравление алкогольными суррогатами. В реанимацию его приняли с неохотой, с большим трудом, а через полтора часа он умер. И с таким он сталкивается каждый день.

Первые бригады интенсивной терапии (БИТ) еще в начале 80-х, организовал в нашем городе тоже он, врач «скорой помощи» Марк Каганцов. Обслуживают они не только город, но и шахтерские поселки, спеша к больным, перенесшим инфаркт, попавшим в «автодоры», на ножевые и огнестрельные ранения, на все виды асфиксий (повешение, утопление и т. д.), на отравления медикаментами и химическими веществами. Самые трудоемкие вызова – суициды (потому что приходится и «мыть» и «капать», после чего везти больного реаниматорам, показывать его психиатрам). Представьте себе только, что значит промыть желудок человеку, находящемуся в коматозном состоянии. Работа и страшно трудоемкая и не очень приятная. А заниматься этим приходится практически каждый день. А героиновые передозировки? Несколько лет ушло у Каганцова на то, чтобы у врачей «скорой» появился антидот против препаратов морфийной группы. Эффект – потрясающий: буквально одного кубика в вену хватает, чтобы вывести человека из комы 3 степени, когда у больного редкое дыхание (4-6 раз в минуту, когда положено 16-18), когда он уже синий и не реагирует ни на какие внешние раздражители; почти покойник...

- Этот препарат, - рассказал Марк, - мы проходили еще в институте, но я его никогда не видел – только о нем читал. А когда эта проблема обозначилась и резко обострилась, начал добиваться, чтобы этот препарат на нашей «скорой» был. Ведь в Воркуте употребляют наркотики уже даже 12-13-летние дети. И лет так до 25. Люди постарше убивают себя «Снежинкой», «Тролей», всевозможными стеклоочистителями, которые дают сильнейшие желудочные кровотечения и полиневропатические реакции (таких людей очень плохо слушаются их руки и ноги), в самых тяжелых случаях - алкогольную кому. А как растет смертность! В «доперестроечные» времена на наш, так называемый «догоспитальный этап» приходилось не более 3 смертей в неделю. В период резкого обнищания народа - до 10 смертей в сутки стало случаться. Таким образом, самые слабые тогда, к середине 90-х, в Воркуте и вымерли. Но и сегодня мы имеем 3-4 смерти в дежурные сутки. Очень часто «скорую» вызывают старушки с голодными обмороками.

* * *

Можно ли привыкнуть к смерти, даже если сталкиваешься с ней каждый день?

«Нельзя», - отвечает Марк Каганцов. И рассказывает:

- Когда приезжаешь к уже умершему – это просто неприятно. Когда к агонирующему – это более чем неприятно. Когда застаешь умирающего еще в «речевом контакте» и общаешься с ним – это крайне тяжело, такое болит очень долго. Но

страшнее и тяжелее всего, если этого человека ты еще и знал. А у меня на руках умирали даже самые близкие друзья.

* * *

Единственное спасение для врача «скорой» – это неистребимое ничем чувство юмора, философский взгляд на проблемы жизни и смерти, человеческого бытия. Смех – лучшее лекарство от стресса.

У каждого врача «скорой» поэтому – собственная коллекция всевозможных – веселых и не очень - «баек». Есть она и у Марка Каганцова.

Вот, к примеру, история о том, как Марк оказался за одним столом...

С папой Римским

Одно время (еще при «совке») работал на воркутинской «скорой» доктор Матыцкий (давненько уже из Воркуты уехал), жена у него стоматологом была и с моей «половиной» дружила. Так вот, повадились наши женщины по субботам в баню ходить. В очередную моя Ирина, та самая стомологогиня, еще одна их подруга, наш доктор и его друг снова в баньку отвалили. А после отправились домой к Володе. Позвали и меня. Пришел я. Вижу: хорошо сидят - за холодной водочкой под соленые огурчики, буженинку да домашние пельмени. Три, выходит, дамы, мой друг Володя и незнакомый мне мужчина - Володькин сосед. Я тоже присел. Вдруг - звонок. Володя подходит к телефону категорически не советует, поскольку выпили, поскольку это наверняка что-то по линии «санавиации»... Но моя Ира возражает: а вдруг дети... Берет трубку. Там действительно какая-то девочка спрашивает папу. «Какого папу?», - переспрашивает Ирина. «Римского», - отвечает ребенок. Мы все – в недоумении: шутка такая, что ли? Но тут поднимается тот самый, незнакомый мне молодой человек и говорит: «Это меня». Оказалось, что у Володькиного соседа и приятеля фамилия такая была – Римский. Вот так япил водку с «папой Римским». А еще я знал воркутинского геолога Миклуху Маклая. Водку, правда, пить с ним не пришлось.

«Санавиация»

Эта история тоже еще при советской власти приключилась, когда, как известно, никакого секса у нас в России еще не было...

В Воркуте, как известно, как? Три дня тепло – и мигом, за одну только ночь, все деревья уже зеленые стоят. В один из таких «трех дней» (все вокруг зеленое, жара за 30, а на козырьке «скорой» - шапка снега) поступает нам вызов на Кару (поселок такой на побережье Ледовитого океана) – ребенок в тяжелом состоянии. Звонят мне домой. Я человек практичный и реально отдаю себе отчет, что наше трехдневное лето туда, скорее всего, еще не дошло. И одеваюсь соответственно.

В помощь мне дают фельдшера (женщина эта до сих пор у нас на «скорой» работает, ей уже под 50, а в ту пору это была совсем молодая и очень красивая девочка Таня, которой когда-то я даже посвятил свое двестишестое: «Не зря поют советские танкисты: броня крепка и Таньки наши быстры»). Дама эта (прекрасный работник, грамотный специалист) и сейчас отличается крайне упрямым характером, а в 25 убедить ее в чем-то было вообще невозможно. Так вот, Таня наша в это время загорала на крылечке «Скорой помощи». И был на ней коротенький халатик да тапочки-вьетнамки: подошва и два тоненьких ремешочка. Я ее пытаюсь убедить: «Таня, мы летим в Кару. Это побережье Ледовитого океана. Надо бы еще хоть что-то на себя надеть»... Но и на этот раз убедить ее мне не удается.

Летим. Прилетаем в Кару. Прилет вертолета для местных жителей – событие огромной важности: вертолетчиков встречает весь поселок – взрослые, дети, собаки... Все живое, в общем. Высаживают нас прямо в сугроб. Сверху идет мокрый снег. Вертолет крутит винтами, создавая страшный ветер. И вот наша Таня начинает ловить этот свой халатик где-то выше своей головы. Под халатиком этим – тонюсенькие гипюровые плавочки и больше ничего. У всех аборигенов реакция самая естественная: раскрытые рты. Вертолетчикам тоже весело и любопытно, и вместо того, чтобы выключить, наконец, этот винт, они ветра еще «поддают». Закончилось все, в общем, благополучно. Первую медицинскую помощь ребенку мы оказали и в Воркуту с собой увезли.

Через неделю уже к другому ребенку я полетел с другой девушкой, тоже, кстати, Таней, но уже другой. И опять весь поселок столпился у вертолета – в ожидании повторения спектакля, надо полагать. Но спектакля не получилось. Там уже тоже все зеленело и было за +20.

«Приезжайте, я себя убила»

Горе, а тем более смерть, как правило, нелицеприятны, часто – безобразны. Может быть, потому мне так запомнился единственный, наверное, в моей практике случай, когда это было неправдоподобно красиво. К счастью, закончилось все благополучно, хотя ситуация была действительно смертельная: женщина и в самом деле хотела себя убить...

Итак, снова в Воркуте лето, самый разгар белых полярных ночей. В пятом часу утра в «скорой» раздается звонок: «Приезжайте, я себя убила». Едем. Дверь не заперта. Заходим. В квартире поразительная чистота, все тщательно прибрано. На кровати лежит очень красивая молодая женщина лет 35, восточной наружности, безукоризненно ухоженная: с прической, с макияжем, с маникюром и педикюром. На ней розовый пеньюар и кружевные фиолетовые трусики, а в груди, в области верхушки сердца, торчит какая-то металлическая штука и пульсирует в такт сердцебиения. Как оказалось, это было ортопедическое шило, длиной 18 сантиметров и в диаметре сантиметра в два. Именно этой штуковиной она и пыталась себя убить, но в момент сокращения сердца шило просто его не достигло: пройдя жировую подвеску перикарда и диафрагму, внутренних органов не поранило. Случай действительно просто уникальный – нарочно спровоцировать такую ситуацию абсолютно невозможно, специально так не сделаешь... Итак, пульс, давление у женщины нормальные, кожные покровы розовые, крови на ее пеньюаре – капля всего, «убитая» в полном сознании, даже разговаривает с нами. Но... эта штуковина из сердца ее все-таки торчит...

А история там была такая. Много лет эта женщина находилась в гражданском браке с врачом нашей инфекционной больницы. И вот он уезжает в отпуск и внезапно там умирает – инфаркт. Она страшно страдает. Пишет предсмертную записку: «Любимый, я ухожу к тебе» и с распоряжениями насчет наследства. Был у нас фельдшер – Володя Талышев. Зачем же, если себя убили, нас («скорую» то есть) к себе вызывали? – все допытывался он у нее. А она в ответ: «Не хотела, чтобы мое тело испортилось». Красивой смерти, выходит, хотела. Впрочем, красивое ее тело хирурги все-таки порядком подпортили: чтобы извлечь из грудной клетки шило, пришлось вскрывать грудную клетку и брюшную полость...

«Ужасный понедельник»

Или такая вот еще история. Рано утром (был понедельник) поступает вызов из экспериментального завода лечебно-трудового профилактория по изготовлению каких-то деталей на улице Автозаводской. У человека в станок затянуло телогрейку, а вслед за ней потянуло и сорвало... лицо. Такое я тоже видел в первый и последний раз в своей жизни: все, что ниже глаз и выше подбородка – уши, нос, губы болтаются у мужика где-то сбоку, а на месте лица - голый окровавленный череп. Картина – из фильма ужасов. Всем, кто вокруг, от такой картины ну очень нехорошо. Сам пострадавший чувствует себя вполне нормально: он ведь себя не видит... Большого кровотечения тоже нет: так, редкие капли. У мужика, опять же, нормальный пульс, нормальное давление. Мы его, естественно, обезболиваем. А дальше что? Начни его лицо перевязывать, он тут же начнет задыхаться. Так в больницу и поехали... А теперь представьте себе, что творится в приемном покое горбольницы в понедельник утром. Народу - как на вокзале. И тут заходим мы со своим монстром... Мы, значит, идем, а люди по обе стороны коридора падают в обмороки. Лицо у мужика свисает и болтается. Его ему, кстати, прекрасно пришили и оно замечательно прижилось. Главное, человеку неделю всего и осталось быть в том ЛТП, а тут такая незадача...

«Счастливый»

Считается, что пьяницы очень живучие. Как врач, подтверждаю: это действительно так, ведь алкоголь – это мощнейшее противошоковое средство.

Был в моей практике удивительный случай. Не будь герой этой истории пьяным, она бы с ним точно не случилась, но будь он при этом трезвым, наверняка бы погиб...

Итак, на «скорую» поступает вызов: человек попал под поезд. Приезжаем. Сидит этот человек на рельсах, ноги за 100 метров от него валяются, из кармана торчит бутылка «Гуцульской», а сам он во все горло распевает украинскую какую-то песню, веселый-веселый такой. А ноги ему под самую, считай, завязку отрезало: до верхней трети бедра. Мороз на улице 42 градуса. Кровотечения почти нет. Но все равно одежда «переезженного» кровью пропиталась и к рельсам основательно мужика «припаяла». Для того, чтобы его от них отделить, пришлось достать ломик, а где-то и ножом поработать... Причем никто этого еще и делать не хотел: страшно всем, боятся. Еле-еле наш Володя Иванов от этих рельс его все-таки «отковырял». Тоже очень веселый был фельдшер. Несем мы его в машину, а Володька наш ему и говорит: «А знаешь, ты ведь самый счастливый мужик на земле!». «Почему?», - удивляется бедолага. «Ну, как же, - растолковывает ему наш фельдшер-весельчак. - У тебя ж «хозяйство» длиннее ног!». Безногий в ответ: «Точно! Ха-ха...»

На следующий день, окончательно протрезвев и придя в себя, мужик был в шоке.

«Водка... для вашего мальчика»

Или вот еще - классический случай. Зима. Разгар простудных заболеваний. Все врачи до предела измотаны. Не знаю уже, какой это был по счету за дежурство вызов. Короче, под утро приезжаю к маленькому ребенку. У малыша высокая температура и мне нужно побыстрее ее сбить. Проще всего это сделать, просто обтерев больного спиртом. «Водка в доме есть?» - спрашиваю маму. Что-то при этом ей объяснить, рассказывать... На это у меня уже просто не было сил. Женщина оскорбленно поджимает губы: «Есть», - отвечает. «Ну, так несите!», - тороплю я ее. Она ухо-

дит и вскоре возвращается с подносом. На нем - хрустальная рюмочка с водкой и крошечный такой бутербродик. «Больше нет», - извиняется, объясняется дама. И смотрит на меня так осуждающе. «Да не мне это, - удивляюсь в свою очередь я. - Вашему ребенку». «Ребенку?!»... Глаза у нее становятся просто огромными... И только тут я начинаю, наконец, понимать, как же в этот момент я выгляжу, если она мне, как последнему алкашу, рюмку эту притащила: уже и щетина всюю пробилась, и халат не первой свежести. А водки, чтоб растереть ее малыша, к счастью, хватило.

«Реаниматор»

А еще на «скорой помощи» всегда работает очень много разных чудачков. Одна из самых ярких личностей – Исаак Абрамович Лемберский, с которым связано бесчисленное просто количество всевозможных смешных историй. В то время ему было под 50 (сейчас - за 70) и всю жизнь он был просто одержим всяческими новациями. Он первым их всегда подхватывал, и покоя от него не было никому. Появилось, к примеру, поверье, что человеку нужно периодически сбрасывать с себя накопившееся электричество, и по ночам он стал приматывать себя проволокой к батарее. Среди ночи бригаду зовут на вызов, он вскакивает, забыв, естественно, что сам себя к батарее привязал, и летит носом вниз... Очередное поветрие: периодически нужно очищать организм. И он стаканами пьет растительное масло. И стоит оно у него в шкафу. Шкаф, естественно, не закрыт, рядом обитают такие же, как он сам, чудачки – тот же Володя Матыцкий – ленивый увалень. Он зависает на этом шкафу, эта бутылка падает, масло разливается и все, кто заходит в «дежурку», скользят и падают. Какая уж тут ночь...

Или вот еще какая, тоже связанная с Исааком, история...

Солнечная полярная ночь. На окне в «скорой»– сиренево-голубые шторы. В ожидании вызова на кровать прилег совершенно замечательный наш врач-фронтвик, участник венгерских событий, Леонид Григорьевич Усачев. Храпун он был ужасный. Причем храпел он как-то удивительно, неровно очень, вздохом. Ночью с вызова приезжает Лемберский. Солнце, просочившись через сиренево-голубые шторы окрасило лицо Усачева в синий цвет. И при этом он еще непонятно как-то хрипит. Вот нашему Исааку и приходит в голову, что коллега его агонирует. Он бросается Леониду Григорьевичу на грудь и приступает к его реанимации, с жуткими, естественно, криками. В комнату сбегается вся «скорая». Последним просыпается крайне удивленный Усачев...

Людмила ГАВРИЛИНА

Переводы

Из Кестнера

* * *

Берегли они долго свой общий очаг,
Но любви доверялись отважно,
Позабыв, что порой та чутка к мелочам -
Из-за них и уходит однажды.

И, когда так случилось, не сразу смогли
Ощутить и понять, что теперь все иначе.
В поцелуе привычном они губы слили,

А потом он бессильно внимал ее плачу.

Но за окнами жизни поток не застыл:
Упражнялся сосед их в игре на рояле,
И протяжный гудок над домами проплыл
Парохода, что в путь провожали.

Да и стрелки часов не замедлили ход.
Вот ни них-то и встретились взгляды.
“Пятый час”, - он сказал как чужой человек-
“Уже кофе попить нам бы надо”.

Зал кафе принял их в свой уют-полумрак,
И не скоро в нем стало прохладно и пусто.
Они знали, что могут сидеть до утра,
Но словам не найтись,
как не вспыхнуть их чувствам.

Из Гессе

* * *

Мучают люди хлебное поле,
Чтоб принесло доход.
Луг огорожен: в неволе-воле
Сам по себе цветет.

Глаз примечает иной порядок
В странном пространстве том.
Вот фиолета с пурпуром рядом
Чуть приглушенный тон.

Красное с желтым поют дуэтом
И ярче песни нет.
И обнимают потоки света,
К жизни взывая, цвет.

Что-то уходит в прощальном скерцо,
Срок свой отживши, но
Соло зеленого радует сердце,
Миру являя новь.

* * *

В пестром бунте многоцветья,
В красоте простой и строгой,
И в небесном чистом свете
Ощутим дыханье Бога.
Он задумал мир контрастным:
К свету – темь, к теплу – прохлада.
В цветовом пятне неясном

Есть зародыш чистых радуг.
Да и жизнь – паденья, взлеты,
Спорит Зло с Добром бессонно.
И, меняя гнев на кротость,
Славим Бога мы как солнце.

Из Рильке

Магия

Мы страдаем: в пламени жизни
Все становится пеплом.
Не то в искусстве: там пыль
может вспыхнуть огнем.
В чудесных превращениях
рождаются образы: чувствуй и верь...
Это – магия. Для нее не годится
обыкновенное слово: оно – жесткое
и слишком реальное.
И потому – как призыв голубя,
обращенный к невидимой голубке...

Два мира есть: один – реален, зрим.
Он, каждый день сгорая, канет в Лету.
Другой – невидим и неосязаем,
Но вечно может жить в стихах поэта.
Простой язык искусству жестковат:
Не вспыхнуть в нем душевным, слабым токам.
Поэзия – магический расклад
Тех слов, что вне стиха - лишь пыль и только...

* * *

Будь, как ребенок,
который мчится по празднику жизни,
где каждое дуновение ветра
осыпает его цветами – подарками,
а он легко стряхивает их
с развевающихся волос.
Вместо того, чтобы собрать
и сохранить эти цветы,
он занимает руки иначе:
подставляет навстречу юным,
счастливым годам,
и время струится
сквозь его тонкие пальцы...

* * *

1.
Кем я приду к концу пути,

который называется жизнью:
неуспокоившимся мятежником
или нейтральным созерцателем этого мира?
А, может быть, ребенком, обиженным на него,
как бледная береза на весенние заморозки...
2.

Кто-нибудь скажет мне, когда
приду к себе, чтоб стать собой:
березой бледною лесной,
что зябнет раннею весной,
волною синей штормовой
иль гладью чистою пруда...

* * *

От противоречия к противоречию
брести медленно и трудно
по дороге жизни,
чтобы в конце ее
уподобиться ангелу
и ощутить простор,
выйдя из своих границ
и непознанное познав...

* * *

1.
Меня пугает язык людей:
он так конкретен.
Неизменны значения слов,
опасна недобрая игра их смыслов.
Люди дают названия вещам,
не прислушавшись к ним,
и вещи перестают звучать.
Я же слышу их внутреннюю мелодию
и прошу: не убивайте ее!
Почему вас не восхищает красота?
Почему вы перестали удивляться?
Разве вы живете по соседству с Богом?

2.
Когда мы вещи называем,
То так конкретностью грешим,
Что неоправданно лишаем
Вещей их собственной души.
А ведь они пребудут с нами
среди того ж света или тьмы,
между реальностью и снами
блуждают вещи, как и мы.
И есть у каждой песня - соло,
я могу слышать их порой.
только у многих голос сорван
недобрых слов людских игрой.

Я хочу крикнуть: отойдите,
коль вещь для вас – немой предмет,
коль удивляться не хотите,
как будто – Бог у вас сосед...

* * *

Я чувствую сердцем время
и тревожность вещей:
в них отзываются
и наше молчание,
и наши молитвы.
Я знаю: ничто не проходит,
и потому никогда не бываю один.
Со мной все дети, которыми я был,
и многие люди, когда либо жившие.
Из их бытия – мое бытие,
их мыслями и чувствами я полон.
И когда говорю, что страдал,
неизвестно, о себе ли говорю,
ибо каждая дверь
открывается в меня...

Валентин ОХАПКИН

«СНИМИ С МЕНЯ УСТАЛОСТЬ...»

Аплодисменты в палате № 11.

- У вас опухоль! – сказал мне после осмотра и взятие проб главный врач онкологической больницы, признанный авторитет, врач, что называется от Бога.

- Злокачественная? – спросил я.

- Да! – спокойно ответил он, как отвечал, вероятно, тысячам больным. И увидев на моем лице некоторое смятение и озабоченность, произнес:

- Но это ничего не значит. Вам необходимо лечь в больницу, мы вас «прокрутим» и затем решим, что предпринять. Существуют три пути лечения: один медикаментозный, другой с помощью химиотерапии или лучевой терапии и самый радикальный тяжелый – операционный. Посмотрим на состояние вашего организма, и тогда примем решение.

И вот я иду в больницу – словно на голгофу. В приемном покое очередь: человек тридцать. Оказывается, что мест на всех не хватит. Многих отправляют обратно домой и назначают новый день оформления. По коридору шагают хмурые, истощенные и измученные люди с печатью страданий на лицах. Навстречу мне на инвалидной коляске едет человек без обеих ног. Позже я узнал, что у него рак желудка. Господи, почему столько страданий достается одному человеку. Правда, говорят, что через страдания мы приближаемся к Богу. Но для конкретного больного человека эти слова мало что значат.

Рухнувшую надежду на исцеление я обнаружил в туалете. Видимо, доведенный до крайности больной настолько отчаялся, что выбросил в мусорное ведро... картонную иконку, а с ней последнюю надежду.

Вскоре мне сделали операцию. Лежу в реанимации. Голова кружится. Пустой желудок изрыгает горькую желчь. Пить хочется, а нельзя. Справа от меня врачи «колдуют» над какой-то женщиной. Выходили – вернули к жизни. А слева мужчина ругается матом, срывает с себя послеоперационные трубки. Его упрощают, успокаивают, но он продолжает нещадно материться, и наконец, падает с кровати на пол. Его привязывают к койке. На третьи сутки меня транспортируют обратно в палату.

Через два дня в нашу палату заходит заведующий отделением и сообщает:

Эту палату займут женщины, так как в данный момент их в больнице большинство, а вас мы переведем в другую палату.

Ну что ж, надо, так надо. Мне все едино – ответил я.

После небольшой паузы врач возвращается и сообщает:

- Валентин Ефимович, вам повезло. Мы переводим вас в палату с телевизором и туалетом – поблагодарите вашего будущего соседа.

Так я оказался в палате № 11. «Хозяином», согласившим принять меня в «свои пенаты», был худой, высокий, еще не старый человек. Лицо его показалось мне знакомым.

- Сергей Афанасьевич Каракчиев – представился он.

Это был человек в Республике известный, правда с приставками «бывший»: мэр города Сыктывкара, член Президиума Верховного Совета Республики, депутат Государственного Совета, министр лесного машиностроения, транспорта и связи. В настоящее время он являлся заместителем руководителя Государственного автомобильного дорожного надзора по Республике Коми.

Вообщем, - человек из номенклатурной обоймы, чиновник высокого класса. Первая мысль, посетившая меня – как вести себя с таким человеком?

Я полагал, как и большинство из нас, что люди подобного положения далеки от забот простых людей, равнодушны к их нуждам, чванливы. Но Сергей Афанасьевич оказался совсем не таким.

Был он уже смертельно болен, хотя не знаю, сознавал ли это. По его поведению ничего нельзя было заметить. Он часто курил, и ему беспрерывно хотелось есть, так как его желудок, видимо уже не работал. Часто ему ставили капельницу с глюкозой. Вокруг Сергея Афанасьевича всегда были люди. Было в этом человеке нечто притягательное.

Сергей Афанасьевич заботливо относился и ко мне; помогал вставать после операции, двигал кровать, поправлял трубки, сердился и даже кричал, когда сестры забывали поправить или отключить капельницу.

- Валентин Ефимович, я же видел тебя раньше. Ты был такой сильный, накаченный. Вот что с нами делает болезнь: ты похудел, осунулся. А во мне когда-то было 120 килограммов, теперь вот – кожа да кости.

- У тебя все впереди. Ты еще молодой Сергей Афанасьевич. Это мои лета приближаются к семидесяти. Это даже не порог старости, а уже сама старость. Этот возраст традиционно считается сроком жизни человеческой. «Дни лет наших в нихже семьдесят лет» (Псалом 89) сказано в Библии. Смысл существования – постепенное угасание.

В беседах с ним, путая «ты» и «вы» мы обсуждали многое. Порой сокровенное.

- Да, – и вправду зачем жить, когда уже нет радости. Говорят, что есть страны, где стариков обретают на смерть, когда они уже не могут влезть на верхушку кокосовой пальмы. Как считаешь, Сергей Афанасьевич, мы с тобой еще сумеем это сделать?

- Не знаю, по кокосовым пальмам никогда не лазил, все больше по березам, черемухам да рябинам.

- Сергей Афанасьевич, у нашей болезни просто фантастическая скорость, она до неузнаваемости изменяет человека – его психику и поведение, отнимает у него физические силы, вызывает душевную и физическую боль.

- Что боль? Перестань жаловаться, терпи, сделай усилие воли, и боль уйдет – сказал он.

- Да, пожалуй, ты прав. Так же утверждал и доктор Рагин из рассказа А.П. Чехова «Палата № 6» и Марк Аврелий, книгу которого особенно любил Чехов. Она была его настольной книгой, и он ее бережно хранил в книжном шкафу красного дерева в Ялте. Древние правильно говорили... чтобы лучше понять жизнь, нужно помнить о смерти («*momento mori*»). Время быстротечно, а смерть неизбежна. По-настоящему люди отличаются друг от друга только умением умирать. К примеру И.А. Бунин панически боялся смерти, а Л.Н. Толстой ее не исключал, и частенько употреблял свое знаменитое «Е. Б. Ж.» («Если буду жив»). Рассказывали, что перед кончиной измученный бессонницей и щемящей тоской, Салтыков – Щедрин никого не принимал:

- Передайте, что очень занят – умираю.

По воспоминаниям Книппер – Чеховой, жены писателя, А.П. Чехов смотрел на смерть спокойно и умер легко. Доктор тогда велел дать ему шампанского. А.П. Чехов произнес по-немецки «*Jch sterbe*» («Я умираю») взял бокал и с удивительной улыбкой сказал: «давно я не пил шампанского». Потом спокойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолк навсегда.

Всю эту невеселую информацию Сергей Афанасьевич выслушал и сказал:

- Что-то мне не нравится твое настроение. Уныние – большой грех. Задуши эти мысли в момент зарождения. Отбрось сомнения, которые гложут твою душу, потому что тогда непременно возникнет тревога и страх. Смерть собирает жатву там, где дремлет дух. Сильных духом испытания только закаляют. Просто необходимо накопить неукротимую жажду жизни, которая одна рождает стойкость, и человек сможет тогда преодолеть голод, боль и увечье.

- Я не хочу считать себя списанным со счетов жизни и становится в очередь на кладбище.

- У меня есть дом, где меня ждут, есть сын Захарка, надо его растить. Я обожаю природу. Она не обманет, ее не купишь, ей не польстишь и она не предаст – лес, земля, деревья, дождь, трава, охота, рыбалка подкажут – как жить дальше. Не может же быть, что это только литература?

По вечерам Сергей Афанасьевич рассказывал мне как он прошел путь от простого рабочего до министра. Вообще оказалось, что он людей любил, никогда не бросал их в беде, чужую боль принимал близко к сердцу. Но вот болезнь не пощадила – против судьбы, видимо, человек бессилён.

Стебанет – зачешешься!

Сергей Афанасьевич частенько звонил на работу, друзьям. Однажды он позвонил своему приятелю в Ухту, и они долго о чем-то разговаривали.

- Очень собак люблю – сказал он мне, закончив разговаривать по телефону. Недавно собака моя погибла, хочу завести себе нового друга, вот и звоню.

- Сергей Афанасьевич, я бы назвал собаку «Зарни». Мне так нравится это слово – емкое, звучное.

- А что, я подумаю – сказал он. Но всё же, впоследствии назвал щенка так же, как звали прежнего. Однажды позвонил на работу и попросил, чтобы ему привезли зарплату в больницу.

- Знаешь, потерял большую сумму денег. Сунул куда-то и не могу вспомнить. Все перерыл, но так и не нашел. Даже обращался к предсказательнице, но она обнадежила меня и сказала какое-то таинственное напутствие: «шел, шел не дошел, ищи под носом». Вот все время думаю, что сие означает. Но деньги так и не нашел.

После операции у меня долго держалась температура. Как-то вечером я ему предложил:

- Сергей Афанасьевич, хотите я почитаю вам свои стихи?

- Валяй, - ответил он.

Что же ему почитать – думал я. Прочту-ка я стихотворение «Мой Сыктывкар», ему будет интересно послушать, ведь он бывший мэр города. И я стал читать:

Возьму гитару, споем на пару,
Как я скучаю по Сыктывкару.
Я Парме снежной, девчонке нежной
В любви безбрежной... Признаюсь!!!

Хотя я пришлый, но так уж вышло,
Я твой поклонник – рядовой.
Очарованье Сыктывкаром
Я называю своей судьбой.

Святитель Пермский крестом и словом
Наш край суровый освятил.
«Зырянский Пушкин» - Иван Куратов
Здесь жил, работал и творил.

И труд, и песня у нас в почете,
Но ярче признанных наград
Гремит немеркнущая слава
Героев зимних Олимпиад.

Тебе на верность присягаю,
Мой город мира – «миян кар».
Неповторимый, неотразимый,
Всегда любимый – мой Сыктывкар.

Он лежал на койке, затем приподнялся, сосредоточился и с каким-то удивлением начал вслушиваться.

Когда я закончил, он вдруг заплодировал мне, а потом сказал серьезно:

- Знаешь, Валентин Ефимович, в твоих стихах схвачено самое – самое главное.

- Я недавно стал писать и у меня есть небольшая нетиражная книжка. Могу и подарить, если хотите.

Жена принесла в больницу мою книжку «И этот миг пускай продлится» и я вручил ее Сергею Афанасьевичу и подписал: «Доброму сострадателю по палате № 11, облегчающему чашу моих страданий от роковых ударов судьбы. Август 2005 г.». Он прочел и сказал:

«Понадобится моя помощь, - звони, чем могу - помогу» - и продиктовал мне все свои телефоны. Кстати, я помогал выпустить в свет книгу нашего поэта В. Некрасова. Книга получилась интересная. Я тебе дам ее почитать.

Вскоре его выписали. Мы попрощались. Через три дня он навестил меня и принес в подарок книгу «Градона начальники Сыктывкара». Одетый в форму транспортного инспектора, он был несколько навеселе. Уместно в этом месте вспомнить всегда шутового Михаила Светлова, который при встрече частенько говорил:

- Зайдем в ресторан, мой рак хочет пива.

А в конце своей жизни изрек:

- Вот и я скоро... Как эта бутылка...
- Почему бутылка? – спрашивали его.
- А вы прочтите, что там написано: «Хранить в холодном, темном месте, в лежачем положении».

- Великий оригинал был этот М. Светлов.

Сергея Афанасьевича я проводил до дверей и он поделился со мной новостью:

Пришел из больницы и поехал на дачу, поздоровался и обнял по очереди все свои кедры, а я их сам сажал, своими руками – вздохнул полной грудью, и сразу на душе легче стало.

Наконец и я оказался дома. И вдруг телефонный звонок. Это был Сергей Афанасьевич, он поздравил меня с Новым годом, сообщил, что едет в Москву, в ЦКБ на операцию.

- Сергей Афанасьевич, а я ведь тоже снова ложусь в больницу. Мы пожелали друг другу терпения, удачи и ни при каких обстоятельствах не падать духом.

Затем был еще один звонок – уже последний. Он приехал из Москвы: операцию ему не стали делать, и говорил он уже не так четко, и в голосе ощущалась усталая обреченность.

- Снова ложусь в больницу – сказал он.

В одну из февральских пятниц и меня положили в больницу, а его в этот же день выписали насовсем. Получилось, что я опять его проводил.

Люди думают о смерти только в критические моменты жизни. А ведь мы неизбежно движемся навстречу смерти, не зная когда она придет. Ангел смерти ждет нас. Потому мы должны быть благодарны смерти за предоставленное «дополнительное время», ценить каждую прожитую минуту, каждый совершенный поступок и благодарить мать – смерть за то, что мы покидаем этот мир без страха и сожаления.

Много аплодисментов выпадало на мою долю – и в спорте, и на творческих вечерах, - но аплодисменты в онкологической палате № 11 вспоминаются мне снова и снова.

Говорят, онкология – это пожизненно.

В Африке есть племя, где при рождении ребенка, все воют и рвут волосы: сочувствуют, а на похоронах наоборот – пляшут. Видимо считают – человек отмучился, теперь ему легче.

Слышишь ли ты меня, Сергей Афанасьевич?

Пока дышу – надеюсь.

И вновь я оказался в больнице. На сей раз меня поместили в палату, где находилось уже шестеро больных - горемык. Мне предложили временно расположиться на небольшом диване.

Все мы прошли через этот диван, ожидая, когда освободится койка. Одни ждали день, другие – неделю, так что жди и не волнуйся, - говорили мне ребята.

Рядом со мной лежал 75 – летний старик – высокого роста, худой и сгорбленный, любитель поговорить о своей болезни. Говорил он с украинским акцентом, хотя большую часть жизни прожил в Сосногорске. Звали его Сергей К. Он никогда не унывал. В онкологических палатах, где царят надежда пополам с отчаянием, - такие люди скрашивают нелегкие больничные будни.

- Сергей, перестань спрашивать, надоел уже и врачам, и нам, - говорили ему. Но к замечаниям «коллег» он относился безразлично, к тому же был несколько глуховат. О таких людях говорят: «прост, как сатиновые трусы».

- Валентин, ты почему все время читаешь? – обращался он ко мне.

- А что делать? Беспрерывно говорить о болезнях? Сострадать и жаловаться?
- А я вот никогда не читаю. Зачем читать – вранье все это.
- А сколько классов вы закончили? – поинтересовался я.
- Четыре класса. Зачем учиться, все болезни – от ума и знаний. Меньше знаешь – дольше жить будешь. Вот ты институт закончил, а пенсию получаешь меньше меня, - с гордостью заключил он.

В стрессовых ситуациях такие простые, неунывающие, бесшабашные люди облегчают страдания, с ними – хоть не надолго – ты можешь забыться. Порой они способны даже рассмешить.

- Валентин, а тебя уже сажали в печку?
- В какую печку? – изумлюсь я.
- А на втором этаже: приходишь, ложишься на кушетку, сестра включает кнопку – и едешь в туннель. А там загораются разные лампочки и чей-то голос изда-лека говорит... Дышите!.. Не дышите!..
- Да, я уже проходил эту процедуру. Она называется компьютерной диагно-стикой.

Но ему таких объяснений и не нужно было, тут же он удивил меня вновь:

- Валентин, скажи сестре, пусть принесет гусака.
- Что еще за гусак? – удивляюсь я.
- Ну ходить в туалет по-маленькому.
- Это не гусак, это утка! Сергей, хватит утруждать нас досужими вопросами. Много спрашивать – себя не уважать.

Стояла суровая зима. Морозы под сорок. Но в палатах тепло. Кто-то из ребят принес в палату маленький телевизор. А в это время шли Зимние Олимпийские игры в Турине. Конечно, я не мог пропустить это событие и с удивлением смотрел сорев-нования лыжников. Вдруг слышу голос Сергея:

- Валентин, как выступил наш Коми лыжняк?
- Наш замечательный спортсмен Василий Рочев завоевал бронзовую медаль; с гордостью сказал я. Только он не лыжняк, а лыжник.
- Понятно! – ответил он. Это хорошо!

В конце февраля его выписали. Никто его не встретил. Сгорбленный, одетый в ста-рый полушубок уходил он по промерзшему искристому снегу. Губы его шептали мо-литву: «Господи, Иисусе Христе! Защити мя и помилуй душу мою окаянную! Греш-ника великого, странника земного, негодного раба твоего».

Владимир ОЛОФИНСКИЙ

* * *

Мичуринский парк, искусственный, чистый пруд,
Кругом рядами белые лавочки,
Гармонично сплелись асфальт, земля и цветы,
По которым гуляют аккуратно одетые парочки.
Тир, кафе «Встреча», качели волнуются,
А в качелях все те же парочки,
Обнимаются и целуются.
Колесо обозрения, любимого города,
Эскимо на палочке, девчонки в коротких юбочках,
И снова красивые парочки...

Мичуринский парк, заброшенный, дикий двор,

Веры чужой каланча, недостроенная красуется.
Нет лавочек, парочек нет, чья-то память и чувства
Выброшены на улицу, нет парка – Города нет.
Бомжи и другая разная публика.
Может спросит потомок через десяток лет:
А что была такая республика?

* * *

Он молился в холодной келье,
Он молился в душном приходе,
Он ходил уже еле-еле,
И от елея было тошно.
Понимал монах, что умирает,
И святые все отвернулись,
По фронтам детей разбросал он.
И они с войны не вернулись.
Он и сам воевал долго-долго,
А потом был убит под Веной.
Только ангел спасал от тлена,
И еще два раза из плена.
Убивали и те и другие,
Что в политике он понимает?
Думал Родину защищает,
Оказалось, что так не бывает.
И пришел в монастырь он, хромая,
И остался... Кому он нужен?
От дождя грозowego промокший,
От ветров холодных простужен.
Жизнь прожил, никого не обидел.
Всем молитвы воздал и поставил,
Хлеб последний поделен с нищим,
За детей все слезы проплакал.

Вот осела свеча догорая,
Словно жизнь вся сгорела до точки,
На столе только слезы-комочки.
Так и умер монах на коленях
За молитвой Россию спасая.
Пусть и била она по морде,
Но она все же больше босая.
Я боюсь, что не будет монахов,
Тех, что верят в Россию и Бога.
И останется наша Россия
Бессердечной, забытой, убогой...

* * *

А, в общем, были не близки,
Хотя дружили временами,
Когда вдруг тесно от тоски,
И нет кого-то между нами.
А жизнь проходит... Пустяки!

Еще успеем и поладим,
Еще не выпито вино,
На разговоры время хватит.
А помнишь в детстве мы рассвет
С тобой встречали на рыбалке,
А коль рыбалка надоест,
Играли в речке детства в салки.
Ловили раков и пекли
Их с прошлогоднею картошкой,
А бабушка поставит борщ...
Хлебали деревянной ложкой.
Промчались годы, память стерла
Минут неполных пустоту.
И мне казалось горло сперло,
И я признал свою вину.
За все успеем, время будет,
Поборем лень, придем потом,
За прерванные разговоры,
За бестолковый скорый спор,
За все, что просто мимоходом,
Махнуть большой толпе рукой,
Не даром мудрые твердили,
Ни что не вечно под луной.
И думалось, дела заброшу,
И побегу встречать рассвет...
А то что друга больше нету
Узнал сегодня из газет.

* * *

Страшное слово «потом».
Потом уже будет поздно.
Потом – уже гаснут звезды...
Потом не бывает потом.

Звереет тоска порой,
И заедает разлука.
А жизнь говорит: «Потом...»
И мы теряем друг друга.

Потом наступает сразу,
Как вирус заносит заразу.
Мы молемся все от сглазу,
И верим, пройдет потом.

А потом приходят потопа,
А мы не строим ковчеги.
Мы строить их не умеем.
Мы – грешные человеки.

Я закрываю веки,

И мимо бегут века
Забывших «потом» на веки
И вечных «потом» всегда.

Как странно мы говорили,
Что после нас хоть потоп,
Вы вдумайтесь, человеки,
Не прошибает ли пот

Холодный, соленый, липкий...
Такое придумал – хлипкий.
Он оставлял на потом
Страшное слово «потом».

Потом уже гаснут звезды...
Потом не бывает потом...
Потом уже будет поздно...

Вениамин ПОЛЕЩИКОВ

ЖЕНЩИНА ВИКТОРА КОРЧНОГО

В середине октября 2006 года составитель книги встретился с полковником ФСБ в отставке Константином Андроновичем. Он продолжительное время служил на различных руководящих должностях в органах госбезопасности в Республике Коми.

При встрече он поинтересовался, как идет работа над очередной книгой «От Воркуты до Сыктывкара», а затем сообщил, думается, интересный факт.

В 1978 году, когда на Филиппинах, в Багио, проходил чемпионат мира по шахматам между Анатолием Карповым и Виктором Корчным, ответственному дежурному КГБ Коми АССР из Центра поступило категоричное указание: «Срочно проверить по информационно-аналитическим учетам гражданку Лееверик». Цель запроса Москва не указывала и поэтому Андронович был в некотором недоумении. Обычно подобные запросы производились телеграммами. Поскольку был выходной день, пришлось вызвать сотрудника, который занимался ведением этих учетов.

Проверка показала, что гр. Петра Лееверик, 1928 года рождения, уроженка Вены, гражданка Швейцарии, вскоре после Великой Отечественной войны, в 1947 году, была арестована в Австрии советской контрразведкой «СМЕРШ» как американский шпион и приговорена к 10 годам лишения свободы. Наказание отбывала в «Воркутлаге». Освобождена в 1957 году и выехала в Швейцарию.

По словам Андроновича, будто бы, Лееверик была женой Виктора Львовича Корчного. Другими сведениями о ней он не располагал, но считал, что данный факт может заинтересовать авторов готовящейся книги.

В Национальной библиотеке Республики Коми обнаружили единственную книгу Виктора Корчного «Антишахматы», изданную в 1992 году.

И вот что мы узнали из этой книги о Лееверик.

Профессор Рудольф Загайнов, будучи одно время психологом Корчного, через 16 лет, в 1990 году, вновь встретился с Виктором Корчным. Приведем часть беседы между ними в изложении Загайнова:

- Сначала я (Корчной – В.П.) угощу вас кое-чем. Этот шоколад на каждый турнир готовит мне женщина, с которой я живу сейчас.

Я (Загайнов – В.П.)попробовал отказаться, но он сказал:

- Я хочу, чтобы вы оценили как профессионал.

- Фантастика! Она – большой мастер.

- О да, рассмеявшись, ответил он, - десять лет лагерей в Воркуте научили ее многому».

Из этого диалога еще не понятно, кто эта женщина и как ее зовут.

В своей книге Виктор Львович Корчной, описывая подготовку шахматного поединка с Карповым, вспоминает: «Я догадывался, что матч предстоит трудный, долгий, что по ходу его будет возникать множество юридических, политических, психологических проблем, что противник будет во всеоружии. Мне предстояло найти человека, способного самоотверженно защищать мои интересы в этой борьбе. У меня в Швейцарии есть друг – фрау Петра Лееверик, уроженка Вены. В 19 -летнем возрасте. Вскоре после войны, она была похищена из Вены советской разведкой. Пытками и многодневным карцером ее, женщину, не говорившую тогда ни слова по-русски, заставили подписать бредовые показания, будто она – агент американской разведки! Так называемое «особое совещание» приговорило Петру к 20 годам заключения, и без малого 10 лет она провела в сталинских лагерях.

Что говорить о беззащитной девушке, если даже руководитель австрийского Сопротивления Карл Сцоколь после освобождения Вены был выкраден из городской ратуши и оказался пленником СМЕРШа (см. «Московские новости» № 36, 1990)

« - Ты английский, американский шпион! – твердили следователи. – Ты хотел выведать и выдать наши планы...

Да, ему готовили участь Рауля Валленберга, таинственно исчезнувшего в 1945 году из Будапешта... Ведь СМЕРШ был той организацией, которая не отличалась разнообразием методов работы. Маршруты его жертв прочерчивались под копирку: Москва – Сибирь, далее – везде...»

Ее лагерь – Воркута – был описан Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ». Непосильная работа, нечеловеческие условия жизни навсегда подорвали здоровье молодой женщины. Зато фрау Лееверик узнала, почем фунт лиха! Узнала, что представляет советская власть, советское государство с другой, непоказной стороны! Ей не надо объяснять, кто такой бывший военный прокурор, полковник юстиции в отставке Батуринский (Руководитель советской делегации на матче Карпов – Корчной – В.П.) – верный служака, который в годы сталинщины не раз (уж будьте уверены!) ставил свою подпись, обрекая когда на медленную, а когда и на быструю смерть невинные жертвы.

Да, единственным человеком, который мог бы достойно противостоять советским, была эта женщина, и мы решили, что она будет руководителем нашей делегации».

Отметим, что Корчной к описываемому периоду времени был политэмигрантом, человеком без гражданства. В 1976 году, после одного из шахматных матчей, он по профессиональным мотивам остался в Голландии. Этим шагом он еще более ухудшил свое положение. В течение нескольких лет советское руководство не позволяло ему воссоединиться с женой и сыном, оставшимся в СССР, у него отобрали все шахматные звания и т.д. Не являясь гражданином какой-либо страны, он играл в шахматы без права на знамя и гимн.

В ходе проведения матча Петра Лееверик активно помогала Виктору Корчному. Так, седьмая партия была отложена в безнадежном положении для Корчного. В мировые средства массовой информации послали сообщение, что Корчному пора сдаваться. Чутье фрау Лееверик подсказало, что не все потеряно и она ночью приве-

ла секунданта Муррея к Корчному, вдвоем с которым был найден путь к продолжению борьбы. На другой день, Карпов, лишь взглянув на записанный ход, предложил ничью.

Матч между претендентами на звание чемпиона мира получился весьма скандальным. Противоборствующие стороны постоянно обращались с протестными заявлениями для прессы.

8 августа 1978 года одним из друзей Виктора Корчного было написано заявление. Сам Корчной перевел его на русский, фрау Лееверик – с русского на немецкий. Затем оно было переведено на английский. На английском оно было зачитано Лееверик. Главные пункты заявления приводятся в книге:

«Корчной выражает сожаление, что перед началом матча сам предложил пункт о рукопожатии. Сделал он это из уважения к филиппинской публике – чтобы хоть на сцене соблюсти приличия в этом странном матче...

Многочисленная, тщательно подобранная свита Карпова пытается убедить мир, что Карпов играет в «чистые шахматы», в то время как Корчной, грубо говоря, играет в политику.

Считает ли Карпов попытки Корчного вызволить свою семью из заточения в Советском Союзе неестественными? Считает ли Карпов, что Корчной, отказавшись от советского флага, потерял право на все остальные флаги? Разумеется, Карпова учили в школе, что его страна самая большая в мире. Корчной надеется все же, что интеллектуальный уровень Карпова позволяет ему разглядеть и некоторые другие страны.

Считает ли Карпов этичной свою попытку, используя услуги таинственного Зухаря (по мнению Корчного и его сторонников последний оказывал гипнотическое воздействие на претендентов – В.П.), снова без борьбы стать чемпионом эдакого советского мира в шахматах?

Что касается рукопожатия, Корчной заявляет, что покинул СССР, в частности, и ради того, чтобы быть свободным от отвратительной необходимости здороваться с такими людьми, как Карпов и его шайка. Корчной принял решение начиная с 9-й партии прекратить все отношения с Карповым. Ничья должна предлагаться только через главного судью.

Отныне Корчной будет играть с особым чувством – слыша, как в карманах противника звенят ключи от темницы его семьи; впрочем, как и в карманах невинного и честного ученого Зухаря или Батурина, который был и, без сомнения, остался профессиональным тюремщиком.

Корчной хотел бы, чтобы журналисты – представители стран, где существует свобода слова, известили читателей о его решении».

В ответ на письмо Лееверик советская сторона выпустила целый меморандум под заголовком «Шахматный матч на Филиппинах – не полигон для холодной войны», где заявляют, что фрау Лееверик «пытается помешать укреплению дружбы и культурного сотрудничества между странами», и обвиняют ее в антисоветской пропаганде. Но она, слава Богу, была не в Советском Союзе, а то бы снова оказалась в северных широтах. Она была всего лишь «рупором» Корчного во время матча. Значит, надо было прикрыть этот рупор. К сожалению, так вскоре и случилось. Она была выведена из жюри.

26 августа, перед 17-й партией, фрау Лееверик предпринимает последнюю попытку привлечь внимание мировой общественности к происходящим событиям на матче.

Вот текст ее заявления в сокращенном переводе с английского:

«1. Вопрос о швейцарской делегации.

Батуринский обвинил меня в том, что я сама себя назначила руководителем. Но у меня есть официальное письмо Швейцарской шахматной федерации, которым я назначена главой делегации со всеми полномочиями действовать от имени Корчного. Сам Корчной будет выступать за команду Швейцарии на предстоящей Олимпиаде в Буэнос – Айресе. Батуринский требует рассматривать нашу делегацию не более чем международную шайку пиратов, что вполне соответствует советскому образу мышления – мышления кандалов и наручников, мышления, игнорирующего любые права и законы, не согласующиеся с их собственным кондовым представлением об окружающем мире. Я хотела бы напомнить журналистам, что недавно мы отмечали десятую годовщину советского вторжения в Прагу в августе 1968 года. Хотя обоих шахматистов лишили возможности иметь на столе свой флаг, это никоим образом не лишает Корчного законного права на защиту со стороны Швейцарской шахматной федерации, которая уплатила взнос за его участие в первенстве мира и горда тем, что имеет его, одного из ведущих шахматистов планеты, в своих рядах. Надеюсь, я выступаю не за десять лет до советского вторжения в Швейцарию!

2. Антисоветская пропаганда.

Более того, Батуринский и Рошаль в советской прессе обвинили меня в пропаганде, наносящей ущерб «доброму имени» советского государства. Хотела бы напомнить прессе и общественности Свободного мира, что только государство, которое с неприкрытым цинизмом попирает Хельсинское соглашение о гражданских правах, может рассматривать призыв освободить семью Корчного из заточения в СССР как «антисоветскую пропаганду». Много ли еще в мире стран, которые отрицали бы естественное право человека, обманутого в надеждах и разуверившегося в прежних идеалах, - право покинуть свою родину?! Я прощаю Батуринскому и Рошально их нападки. Обитатели крупнейшего в мире концентрационного лагеря, они не имеют иного выбора.

3. Боец холодной войны.

Меня обвиняют в ведении холодной войны против советских, но Батуринскому хорошо известно, что я сопровождала Корчного на трех его предыдущих матчах – против Петросяна, Полугаевского и Спасского. Разве во время тех соревнований я выступала когда-нибудь против СССР? Я утверждаю, что в действительности именно советская делегация по заранее разработанному плану начала здесь холодную войну – с вопроса о праве Корчного на флаг. Не я же, а Батуринский в порыве бешенства угрожал, что они не появятся на церемонии открытия, если Корчному будет предоставлено право на флаг.

Батуринский заявляет, что я ненавижу Советский Союз. И впрямь, 10 лет, проведенных мною в советском концлагере, не способствовали тому, чтобы СССР стал моей любимой страной. Да, я не пою советский гимн в своей ванной. Однако, несмотря на свои личные чувства, я приложила все усилия для того, чтобы матч протекал в нормальной обстановке. Я разыскала лучшее в мире кресло для Корчного и во время предматчевых переговоров предложила такое же – бесплатно – для Карпова. С самого начала у меня не было иных желаний, кроме одного: чтобы для обоих участников были созданы равные условия и чтобы исход матча решался за шахматной доской, а не при помощи злобных выпадов в прессе или сомнительных маневров в зрительном зале.

4. Парапсихологический паразит.

К вопросу о Зухаре. Не играет роли, кто он – настоящий парапсихолог, знахарь или колдун. Присутствие в зале этого человека, крадущегося как можно ближе к сцене, - явный признак того, что советская делегация рассматривает его как важную персону, которая должна быть защищена, которая оказывает известное влияние на игру (неважно – благоприятное на Карпова или отрицательное на Корчного). При-

знаявая это, советские тем самым расписываются в своих попытках повлиять на результат матча нешахматными средствами... Мы собираемся вновь поставить вопрос о Зухаре на жюри и перед ФИДЕ, чтобы добиться достойных и равных условий для обоих участников столь важного соревнования...»

Для советской делегации и некоторых других организаторов матча такая активность фрау Лееверик пришлась явно не по душе. При счете 4:1 в пользу Карпова Корчной взял два своих последних тайм-аута и вместе с Лееверик уехал в Манилу отдохнуть и привести свои мысли в порядок.

В это же время была послана телеграмма в Австрию, президенту второй европейской зоны ФИДЕ Доразилу:

«Убедительно прошу Вас связаться со Швейцарской федерацией на предмет удаления Петры Лееверик с поста главы делегации Корчного. Матч на первенство мира находится в опасности из-за ее сомнительных действий и вызывающих политических заявлений. Если она сохранит свою должность, матч может иметь скандальный исход. Голомбек».

Оказалось, что Гарри Голомбек этой телеграммы в глаза не видел. Естественно, Доразил, группу Корчного не уменьшил.

Постепенно, казалось, Корчному удалось выровнять игру. Счет в матче стал 5:5, но 17 октября 1978 года Анатолий Карпов выиграл 32-ю, последнюю партию, и с нею весь матч.

Так закончилось самое склочное, самое скандальное мировое шахматное соревнование.

И весь трудный путь борьбы Виктор Львович Корчной прошел вместе с фрау Лееверик, человеком трудной и сложной судьбы.

Звонок из Центра в КГБ Коми АССР подтверждает мысль о том, что на «весы победы» чемпиона мира были брошены все силы государственного аппарата Советского Союза.

Валентин ОХАПКИН

* * *

Я тихонько гитару настрою,
И опять вам спою про любовь,
Сердце другу я настезь открою:
Ах, любовь! Не волнуй ты мне кровь!

Не буди позабытых желаний,
В сердце раны былые не трожь,
И мгновения воспоминаний...
Ах, любовь! Не тревожь, не тревожь!..

Но, любовь – это жизни обнова.
С новой силой волнуется кровь –
Неизбежно я чувствую снова
С приближеньем весны этот зов!

Я тихонько гитару настрою,
И опять вам спою про любовь.
Сердце другу я настезь открою:
Ах, любовь!.. Позови!.. Позови!..

* * *

Ты такая красивая,
Ты такая желанная,
Словно с неба сошедшая
Для меня, сумасшедшего.

Пусть улыбка манящая
От меня не скрывается –
Это чудо зовущее –
Знаешь, как называется?

Ты моя несравненная,
Ты моя несказанная,
Ты моя долгожданная
Для меня Богом данная.

* * *

Как по камере тюремной,
Я по комнате хожу,
И с тоскою беспредельной
Я тебя не нахожу.

О тебе опять скучаю,
Признаюсь тебе тайком,
Что как свечка догораю
Одиноким огоньком.

* * *

Если я оступлюсь, ты меня не осудишь,
Не предашь никому: ни друзьям, ни врагам;
Нерастраченный пыл ты своими губами остудишь.
Я воскресну. А небесный судья возвестит:
«Аз воздам!»

Екатерина ШИРШОВА

**ПЯТНИЦА, ТРИНАДЦАТОЕ
(рассказ)**

В микрорайоне Индюковка на улице Заморской стоит розовый кирпичный дом № 19. Ещё неделю назад во дворе этого дома красовались кусты сирени, чёрной смородины и акации, а высокие стройные берёзы красиво раскачивались на ветру, шелестя зелёной листвой. Для ребят из дома 19 двор был лучшим местом для прогулок и игр. Они устраивали танцы под сиреневым кустом, исследовали старое бомбоубежище, построенное для жителей дома на случай атомного нападения, и всё больше расписывали огромную железную колонну, служащую для вентиляции бомбоубежища. Вообще эта колонна была памятником двора - на ней были имена всех живущих во дворе детей, различные рисунки и наклейки. Ребята любили этот старый памятник, в летнюю жару под тенью колонны можно было слегка остыть. Проще го-

вора, двор был замечательный. Любой ребёнок из Индюковки мог позавидовать живущему в доме № 19, что на улице Заморской.

Но прошла всего неделя, и тринадцатого июня, в пятницу всё пропало. Сиреневые кусты, смородину и берёзы выкорчевали и увезли. Старое бомбоубежище было наглухо забито, его обещали разрушить. Колонна была покрашена в тёмно-зелёный цвет. И всё в один день!

Это всё, как оказалось, устроила женщина из второй квартиры дома № 19. Звали её Анжелой Викторовной Крыловой, она исполняла обязанности президента какой-то престижной компании, вследствие чего была хорошо обеспечена. Анжела приехала в этот дом месяц назад и начала глобальную перестройку дома. Сначала в её квартире появились два окна от пола до потолка, потом во дворе появилась новенькая брусчатка фирмы "Санкт-Петербург", а теперь и двор готовился к преобразованию. Также планировалось ограждение и охрана дома. Никто не понимал одного - зачем Анжела приехала жить в этот дом, которому уже пятьдесят лет, если могла жить где-нибудь в коттедже с евроремонтom? Зачем тратить деньги на старый дом, где все довольны своим жилищем? На эти и другие похожие вопросы никто не мог найти ответа.

Надо сказать, в то время в третьей квартире жил старик, Валентин Антонович Богомолов, которого все звали Антонычем. Хороший, добрый старик. И была у него внучка, кареглазая девочка десяти лет с русыми косичками по имени Дианка Богомолова. Жила она в Москве. Каждое лето Диану отправляли в Индюковку к бабушке и двум его собакам. Первого пса звали Устин. Это был длинный худенький спаниель серого окраса с грустными глазами, но весёлым характером. Вторую собаку звали Лёля. Это была коричневая такса, которую Диана в шутку называла "рыжей колбасой". Лёля считалась самой умной и ласковой собакой во всём дворе. Но у неё был "пунктик" - кошки. Как только бабушка выводил собак гулять, Лёля начинала свою охоту. Диана любила собак, а Антоныч, безусловно, был её лучшим другом.

И вот, в эту злосчастную пятницу бабушка собирался немного погулять с собаками. Он оделся, вышел в коридор и позвал внучку:

- Дианка! Пошли гулять!

- Ура! - подскочила Диана, сделала колесо и выбежала из квартиры. Вслед за ней с громким лаем выскочил Устин. Девочка потрепала его за уши и вышла во двор. Но стоило Диане оказаться на крыльце, как она увидела двор и вздрогнула. Как тут было не вздрогнуть! Все кусты во дворе исчезли, бомбоубежище заколочено, а колонна - родная, любимая колонна! - закрашена! Ни единой надписи! А главное - рядом с колонной выросла огромная гора чернозёма.

- Боже мой, что это? - возмутилась Диана.

Тут появился весёлый бабушка. Однако, как только Антоныч увидел свой двор, его чуть удар не хватил.

- Безобразие! - воскликнул он - Вот что это такое?

Диана пожала плечами.

- Похоже, это та самая тётенька из второй квартиры, как её... Анжела Викторовна! Да? - девочка посмотрела на бабушку. Антоныч покачал головой и молча побрёл по двору. Вдруг из соседнего подъезда выбежала подружка Дианы, Аня Митрофанова. Анюте тоже было десять лет, обе девочки росли вместе и потому крепко подружились. Сейчас Диана была особенно рада видеть Анюту, ведь та могла что-то знать. Диана бросилась к подружке.

- Привет, Аня! Ты не знаешь, это Анжела Викторовна? - сразу же спросила она.

- Да! - покачала головой Аня - Это Анжела. Она будет озеленять двор, ставить охрану, огораживать дом и стены красить. Бомбоубежище снесут...

- Зачем?! - воскликнула Диана.
Анюта поспешила остановить подругу:
- Тише ты, не волнуйся. Ангела говорит, что так будет только лучше для её двора.
Тут Диана вовсе вознегодовала:
- Её двора?! Да это не её двор! И дом тоже не её, правда?!
- Да ладно тебе, не волнуйся! Но ведь ты права, Дианка, ещё как права. Это ужасно! - покачала головой Анюта - Ангела Викторовна думает, что ей всё можно.
Диана цокнула языком и побежала за дедушкой.
- Это всё Ангела, дедушка! - сказала она, догнав Антоныча - Всё она, всё она!
Дедушка вздохнул.
- Да уж, не будет всё как раньше... Ужасно обидно, конечно, но ничего не поделаешь... А, может быть, это даже к лучшему! В нашей-то Индюковке другого такого двора больше не увидишь, правда? - попытался успокоить внучку Антоныч. Но Диана только покачала головой.
- Да, такого двора точно не будет... Не будет бомбоубежища и не будет наших любимых деревьев. Такого двора просто не будет!
И, словно в подтверждение этих слов, Устин глухо гавкнул, а Лёля тоненько тявкнула. Диана погладила собаку.
- Рыжая колбаса, - по привычке сказала она, - хорошая собака!
Устин (а так он делал всегда, когда гладили Лёлю, а не его) стал подскакивать в сторону Дианы. Антоныч усмехнулся.
- Вишь, Дианка, как тебя эта псина любит. Хорошая псина! - с этими словами дед подобрал с земли палочку и кинул её. Устин, словно сумасшедший, помчался за ней. Лёля внезапно заметила рыжую кошку, жившую в седьмой квартире семьи Шутниковых, и помчалась за ней. Кошке некуда было деваться - все деревья выкорчевали, оставалось только найти какую-нибудь помойку и спрятаться там. А Диана уныло побрела к колонне. Облокотившись об неё, девочка задумалась.
"Вот так пятница, тринадцатое! Да, похоже, что от детства моего ничего не осталось..." И тут в Диану как будто попала молния, а в животе что-то остро кольнуло. Детство кончилось! Диана твёрдо это почувствовала, и сердце забилося, как сумасшедшее!
- Ну, Дианочка, пойдём! - сказал внезапно появившийся Антоныч. Диана подскочила. - Ой, что это с тобой? Вид у тебя болезненный... Видимо, северный ветер в нашу сторону! Идём-ка домой!
Дед пошёл к подъезду. Диана поплелась за ним. Однако, когда все вошли в дом, девочка на пару секунд задержалась. Она в последний раз оглянула свой двор, пустила еле заметную слезу и зашла в дом.
Через пару дней за Дианой должны были приехать её родители. Девочка вместе с дедушкой ждала их во дворе. Вскоре подъехала машина, и из неё вышла дочь Антоныча Нина - мать Дианы.
- Привет! - воскликнула она, увидев дочку. Они обнялись. - А выросла-то как! Привет, пап!
- Здравствуй, Нинок! Как поживаешь? - обрадованный Антоныч подошёл к дочери и обнял её.
- Нормально, папа, - проговорила Нина. - Диана, заползай в машину!
Диана подошла к дедушке и обняла его.
- Приезжай на следующее лето! - сказал Антоныч. - Приедешь ведь?
- Да, - уверенно кивнула Диана и вместе с мамой села в машину. Громко газанув, машина поехала вперёд, в Москву.

А ведь Диана не сдержала своё обещание и не приехала к деду. Она уговорила родителей съездить за границу, в Болгарию. Может быть, девочке не захотелось возвращаться туда, где так внезапно закончилось её детство? Может быть и так, никто толком сказать не может. Однако Антоныч всё ещё надеется, что когда-нибудь внучка приедет к нему, и они с собаками будут вести беспечную жизнь. Кто знает, может, это ещё случится!

Евгений СУВОРОВ

* * *

Вгляжусь в синь небес - васильковые дали,
и вспомню поля из пшеницы и ржи.
А дети мои в поле рожь не видали,
и в золоте хлебном не шли вдоль межи.

Мой дед землешапец, отец землешапец.
А я журналист, хлеб не сею, не жну.
О Господи, что же поймут дети наши
о бедной России - в плену и дыму?

Дурманит нас Запад смертельной отравой,
пытаясь свободой грехов искушить.
Ну кто им дал право считать себя правым,
и править разврат в православной Руси?!

АНГЕЛ

Он прилетел издалека
в мою печальную обитель,
развеял в небе облака
и солнце опустило нити
на тихий лес, цветущий сад,
и стало тихо и спокойно.
Я был ему безмерно рад,
и думал: "Нет, я не достоин".
А он присел со мной за стол,
и говорил, в лучах блистая.
А я пред ним был наг и гол,
но чувство: крылья вырастают.

* * *

Небесный град, святой Иерусалим -
мечта любого грешного поэта.
Я жив еще и Господом храним,
и лишь могу мечтать о граде этом.

Попасть хотя бы в тот земной удел,
где наш Господь среди людей скитался.
Он лучшей жизни всем вокруг хотел,

а Сам навечно на кресте остался.

Там где земля Христа не приняла -
две тыщи лет соблазны и раздоры,
опять идет в Израиле война,
опять для нас закрыты коридоры.

Так хочется припасть к стопам Христа,
молить о милосердии и спасеньи,
и в храме Гроба,
около креста
принять огонь святого Воскресенья.

* * *

Прости нас грешных, Боже, и спаси
от мятежа, соблазнов и раздоров.
Опять лютует нечисть на Руси,
и снова управляют нами воры.

Разворовали бедную страну,
продали землю, недра и заводы,
и сами объявили нам войну,
все отобрав у бедного народа.

Уже гудит воинственный набат,
уже страна охвачена пожаром,
и вновь идет войной на брата брат.
Спаси и защити нас, Боже правый!

* * *

Я брожу по лесу пьяный,
короба мои пусты.
Опьяняет запах пряный
оппадающей листвы.

Все засыпаны дорожки
золотистой листвой.
Ворох листьев на сторожке, -
дух медовый и густой.

Отзвенело бабье лето,
кружат листья хоровод.
На Покров по всем приметам
снег на землю упадет.

* * *

Летняя, волшебная пора
для грибов, рыбалки и скитаний.
Потому: "Да здравствует жара!
и маршрут на речку самый дальний!"

Хорошо в березовой тиши
собирать боровиков и красных,
и не видеть ни одной души,
и не слышать сплетен самых разных.

Вот опять навстречу боровик
встал как гномик на пузатой ножке.
Рядышком лягушка - прыг, да прыг,
как царевна прыгнула в лукошко.

Расколдую дивную красу,
а потом как в сказке обвенчаюсь.
Целый час с собой ее несусь:
все сидит, знать обо мне мечтает.

Яков ЮДОВИЧ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА (очерк)

Впервые я услышал о нём где-то в начале 1970-х. Во дворе Института геологии мы устроили теннисный корт, где с нами играл и наш демократичный директор, которому в ту пору было лет 50. Он был не просто хороший директор. Он был фронтовик, член партии и еврей – стало быть, прошел в своей жизни огонь и воду.

– А, знаете ли, – сказал он мне, – какая со мною недавно история приключилась? Звонит какая-то женщина из Затона. Так, мол, и так – не нужен ли вашему Институту геологии доктор наук? И притом, заметьте, не геолого-минералогических, а физико-математических. Ну, я, конечно, поинтересовался – что этот доктор делает в Затоне. А на пилораме, говорит, работает...

– Ну, и что же Вы?

– Я вежливо ответил, что, к сожалению, в настоящий момент в Институте доктора наук такой специальности не требуются. Она что же – за дурачка меня держит!? Доктор наук! В Затоне! На пилораме! Да ведь и ежу понятно, как он мог там оказаться. Возьми такого – потом век не расхлебашься! Вы же понимаете – дело-то придется иметь не с Академией наук, а совсем с другим ведомством...

Директор был явно горд своей сообразительностью – как он ловко избежал опасности. Очевидно, что ему, с его советской жизненной школой, мысль о том, что помочь ссыльному интеллигенту – это хорошо, а отказать в помощи – это плохо, просто не приходила в голову.

В ту пору Президентом АН СССР был Келдыш – крупный математик, внесший огромный вклад в обеспечение ракетной мощи страны. Он сменил на этом посту чрезмерно свободомыслящего Несмеянова, стал энергично проталкивать в Академию наук директоров, но что самое главное – он единственный из всех президентов АН был членом ЦК КПСС! Поэтому с его мнением очень считались на самом верху. Деталей я не знаю, но именно Келдыш порекомендовал руководству Коми филиала АН СССР принять Револьта Пименова на работу. Нет никакого сомнения, что эта рекомендация была согласована с КГБ.

Так Пименов был принят на работу – правда, не к нам, а в соседний Институт биологии. Так сказать, для внедрения царицы наук математики в серую массу прочих естественных наук.

Он не был научным работником, как большинство из нас – он был Учёным с большой буквы. Я думаю, что люди такого интеллекта встречаются примерно один на миллион. Это значит, что во всей России учёных его масштаба наберется не больше сотни.

Характерным для Пименова было умение «переключить диапазоны» научного общения. Диапазон задавался уровнем интеллекта и профессиональной подготовки собеседника. Если этот уровень был достаточно высоким – то Револьт свободно общался с партнером на этом высоком уровне. Если же уровень оказывался низким (скажем, собеседник не знал даже элементарных вещей), то Пименов непринужденно «переключал диапазон», используя только те слова, которые были понятны собеседнику. Это качество присуще только Большим Учёным – узкие профессионалы, как правило, совершенно неспособны что-либо внятно растолковать «любителям».

Пименов же не просто умел – как прирожденный Человек Кафедры он очень любил «проповедовать», достигая удивительной простоты и доходчивости. Я помню, как на одной из организованных на квартире В.С.Никифорова «пятниц» я доложил реферат по книжке Шопенгауэра, которую дал мне Пименов. И как он потом обобщил и тактично поправил мой довольно бестолковый реферат (в Шопенгауэре я сумел понять далеко не всё) и в двух-трех словах кристально-ясно сформулировал суть воззрений Шопенгауэра, не забыв упомянуть о том, что причиной крайней желчности этого философа-диссидента была сжигающая его зависть к более удачливому «официальному» Гегелю.

Филиальское руководство действовало по шаблону: раз Академик-Президент сказал, что этот Пименов действительно крупный ученый – поставим его начальником, и пусть он создаст нам специальный Отдел математики. Отдел-то он создал, но начальник из него, по правде сказать, был никудышный. Он не умел администрировать – то есть подбирать и правильно расставлять кадры, следить за тем, кто, как и что делает, улаживать неизбежные конфликты в коллективе и решать постоянно всплывающие сиюминутные проблемы. Я помню, что вместо того, чтобы захаживать к начальству, которого он терпеть не мог (уверяя нас, что все они – стукачи!), он засыпал начальство рапортами и докладными. Мол, доведу до вашего сведения, что в Отделе нет того-то и того-то, и что ежели этого вскорости не будет, то я не отвечаю за последствия – и проч. Такие писульки страшно раздражали начальство, которое и без того Пименова не любило и боялось – как постоянно действующий источник, так сказать, идеологической радиации.

Но начальство было само виновато – истинное призвание Пименова было во все не в том, чтобы управлять Отделом математики. Для него идеальным вариантом была бы не существовавшая в Академии наук должность «научного руководителя». Ибо раньше всего он был Учителем, а для этого надобно иметь за душой некое богатство, которое можно передать другим. Интеллектуально-духовный потенциал Пименова был так огромен, что он мог практически без подготовки прочитать циклы лекций из области топологии, теории относительности, теории вероятности, истории России и СССР, философии, истории искусств, политологии или социологии.

Некоторое представление об этом потенциале дал нам его блистательный курс лекций по истории русской революции, который читался им в аудитории Сыктывкарского университета при огромном стечении народа со всего города. Между тем, это лишь малая доля того, что он мог бы еще дать людям. Дать нам, воспитанным в тоталитарной системе и глубоко пораженным внезапно открывшимся феноменом, –

абсолютно свободной, раскованной, дерзкой, парадоксальной, острой, как бритва, мыслью.

В 1970-80-е гг. он собрал вокруг себя небольшой кружок сыктывкарской научной и педагогической интеллигенции. Мы сходились раза два в месяц и чего только ни обсуждали! Кроме уже упомянутого Шопенгауэра мне почему-то запомнился блистательный реферат Пименова на тему «Женщины в жизни Наполеона».

Когда на волне горбачевской «гласности» стала издаваться самая невероятная литература, я впервые в жизни прочитал Евангелие от Матфея, выпущенное каким-то странным издательством, которые появлялись тогда, как грибы после дождя. Кое-что в манере поведения Иисуса из Назарета мне очень не понравилось – его черствость по отношению к матери, призыв к ученикам тунеядствовать («будьте как птицы небесные») и, в особенности, шокировала история с труженицей-Марфой и бездельницей-Марией. Я позвал Револьта с Виленой на чай, чтобы обсудить мои сомнения. Деталей его разъяснений уже не вспомню, но главную идею я понял: для того, чтобы быть понятым неграмотными и духовно неразвитыми соплеменниками, Иисус, как умелый преподаватель, должен был использовать специальные методические приемы в виде «доходчивых» притч и нарочито парадоксальных форм поведения...

Живя в Сыктывкаре, сперва в «законной», а потом уже в фактической ссылке (когда его принудили обменять ленинградскую квартиру на сыктывкарскую, чтобы не допустить его возвращения в Ленинград), Револьт Иванович поддерживал активную связь с остатками разгромленного правозащитного движения; в его доме всегда находили приют люди гонимые или безработные.

При этом весьма замечательной была его манера поведения. Прекрасно зная, что вся его почта перлюстрируется, а телефон прослушивается, он, тем не менее, занимался политической деятельностью совершенно открыто и дерзко – демонстрируя своё глубокое презрение к какой-либо «большевистской» конспирации.

Естественным следствием этого были вызовы на унижительные допросы в КГБ и полицейские обыски в его квартире с изъятием «самиздатской» и «самиздатской» литературы, а также его рукописей (которых было так много, что друзья продолжают публиковать их и до сих пор). Мог ли в те годы кто-то из нас поверить в то, что хорошо знакомая нам старинная пишущая машинка (его главный рабочий инструмент и объект многократных изъятий) будет еще до конца 20-го века красоваться в Краеведческом музее Республики Коми среди других экспонатов, посвященных правозащитному движению и личности самого Револьта Пименова?!

Револьт Иванович был самозабвенным, азартным, страстным шахматным игроком. При этом, как и многие настоящие ученые, он считал совершенно невозможным тратить свое время на серьезное изучение шахматной теории. Шахматы для него были только развлечением, разрядкой, спортом, соревнованием воли и нервов, и ничем иным. Его упорство и оптимизм были просто феноменальны. Бывает, проиграет с треском десяток партий заведомо более сильному игроку – и хоть бы что ему – никаких признаков подавленности или уныния. Проигрывая «всухую», ухитрится-таки вырвать хотя бы ничью и говорит, радостно потирая руки: «так, главное – это отделиться от нуля, теперь всё в порядке», и после этого зачастую начинает выигрывать у крайне раздраженного партнера. И каков бы ни был общий счет бесчисленных партий, он был готов сражаться всю ночь и никогда первым не предлагал прекратить игру.

Он живо интересовался всей занятой околосахматной политикой – его весьма занимали личности и поступки Спасского, Корчного, Фишера, Карпова, Каспарова. Перед тем, как по его выражению «лечь под немецкий нож» (в берлинскую раковую клинику), он просил меня прислать ему последние материалы об «очередном» матче Каспаров-Карпов (1990). Кроме того, Револьт Иванович более или менее сво-

бодно читал литературу на пяти языках, наизусть знал «Евгения Онегина» Пушкина, «Двенадцать» Блока, «Спекторского» Пастернака...

Долгие годы нам ввали, будто бы «незаменимых людей нет». Нет ничего более нелепого! Сколько уже людей ушло, которых некем и некому заменить: Александр Мень, Андрей Сахаров (который в мае 1989 г. специально приезжал в Сыктывкар, чтобы поддержать Пименова на выборах), Дима Холодов, Лев Разгон, Галина Старовойтова, Анатолий Собчак... Одних убили топором, других застрелили или взорвали, третьи до срока сгорели, торопясь наглотаться воздуха свободы – материи неслыханной для нашей страны.

Револют Пименов – в этом же мартирологе. Заменить Пименова в культурной и политической жизни Коми и России некем, его место до сих пор ощущается как зияющая рана.

Алексей ИЕВЛЕВ

КАРЛИКИ НЕ ВИДЯТ ВЕЛИКАНОВ

* * *

Карлики не видят великанов
И живут особенной судьбою,
Занимаясь разведением тараканов
И, опять же с тараканами, борьбою.

* * *

Куплю шары.
Пусть будет красным
Стеклянным яблоком рассвета
Один, в котором грезит лето
О невозможности зимы.

Другой пусть будет голубым,
Как те неведомые дали,
Которых мы не достигали...

А третий может быть любимым.
Пусть будет белым,
Как снега,
Упавшие на наши плечи
И заморозившие речи
Где-то в начале октября.

Канун зимы – смешенье красок
От жарко-красных до седых,
Как будто лица молодых
Ворует старость смертных масок...

* * *

Я еще не умею не верить.
Но твердят, что это пройдет.
И проснутся спящие звери,

Где сейчас человек живет.

Жизнь дохнет перегаром смрадным.
Душу вывернет, как носок.
И ударит маршем парадным
Опьяненный кровью висок.

Гляну в окна – какие рожи!
Гляну в зеркало – человек?
Под сукном человеческой кожи
Не найти библейский ковчег.

* * *

И только ночь меня спасет...
Она награды не попросит.
И неудобные вопросы
До лучших дней перенесет.

Как счет минутам скоротечен,
Когда на улице темно...
Как отрезвляюще беспечен
Дождь, колотящийся в окно...

Словам и разуму не властны
Ни дождь, ни темень за окном...
Ночь награждает только сном.
Во сне вопросы не опасны.

* * *

Альфие

В умении наполнить зал
Не только звуком, но и чувством
Я бы свидетельство искал
Существованию искусства.

И мир раскрылся для сердец,
И стало непривычно взгляду
Не видеть, что хотел Творец
Создать.
И высшую награду
Мы получили для себя –
Не брентную, не золотую –
А ту, которую, любя,
Хранят безмолвно, как святую.

Трехколесное детство

Альфие

Сын подрастает...
Куда нам от времени деться?
Крутит педали
Его трехколесное детство.

Может, догоним?
Какая смешная затея...
Что мы навеки теряем,
Навеки взрослея?
Перечислять –
Нам не хватит ни жизни,
Ни пальцев.
Странные люди
Из племени вечных скитальцев.
Наши дороги – не цель,
А в ее достижении средство.
Где-то отстало на них
Трехколесное детство.

Виктор ДЕМИДОВ

КРЕЩЕНИЕ У СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА (очерк)

Оказывается, Север вообще, Арктика и Северный Полюс, в особенности, где мало кому из нас привелось побывать, интересуют многих. Виктор Демидов беседует с сыктывкарцем, руководителем Росприроднадзора по Республике Коми Александром Поповым о его плаванье, его деловой поездке на полюс и к островам архипелага Земля Франца Иосифа...

Легко ли в Арктику попасть?

- Александр Николаевич, наверно, человеку, как и птице, свойственно стремление на Север. Вы – прирожденный северянин, коренной интинец, наверно, с детских лет мечтали об арктическом маршруте?.. Может, даже в роду у вас были предки, скажем так, - путешественнического склада характера?

- Да, со школьных лет мне хотелось своими глазами увидеть, своими ногами пройти то огромное пространство, которое по большому счету называется Севером. Мне интинцу, естественно, близки Приполярный и Полярный Урал, Инта и Воркута, которые изначально считаются городами-сестрами, реки Печора, Косью и Уса, Кара и Коротайка, побережья Печорского и Карского морей...

Наверное, действительно это заложено в крови, или на роду написано, как вы говорите. Мои корни уходят к поморам, которые издавна плавали на Грумант-Шпицберген, на матушку-Новую землю и в Норвегию, Англию хаживали...

- Конкретно, как родилась мысль этого похода и как ее практически удалось осуществить в наши непростые времена?

- Когда в душе живет и зреет заветное желание, мозг постоянно исследует малейшую возможность его осуществить. Восхождение к воплощению красивой затеи заняло более четырех лет. На рубеже нового века я был включен в состав экспертной правительственной группы, которой предстояло проверить состояние шахт Шпицбергена.

Увы, именно в 2000-м году Госкомэкология была упразднена, поездка не состоялась. Я стал выяснять, как по-другому можно побывать в Арктике. И в конце концов вышел на руководителя федерального заказника «Земля Франца Иосифа» Егора Данилова, управление которого находится в Архангельске. От него узнал, что

в летнее время для иностранных туристов проводятся экскурсии на этот архипелаг с заходом на Северный Полюс. Сотрудников у заказчика мало, им трудно обслуживать массу любознательных путешественников. Я выразил готовность помочь. Мы достигли понимания. В начале года я получил инструктивную литературу, прошел суровую, надо сказать, медкомиссию. Она дала «добро» на работу в высоких широтах при экстремально низких температурах на судах ледокольного флота, получил пропуск в пограничную зону. А дальше, как говорится, дело техники и терпения...

- Числа 14-го июля вы прибыли в Мурманск. Как дальше развивались события?

- Стремительно. Меня встретил коллега из Росприроднадзора по Мурманской области, помог энергично пройти необходимые формальности. Вскоре я был уже на борту атомного ледокола «Ямал» (бывший «Советский Союз»). Меня принял вахтенный старпом Алексей Юматов, разместил в двухместной каюте, где потом я жил один. Приятно было узнать, что Алексей – уроженец деревни Ляли Княжпогостского района, куда его отца распределили после окончания Архангельского лесотехнического института. Мир тесен – осмотревшись, я нашел на ледоколе еще одного земляка – главного инженера-механика Александра Ельчанинова. До пятого класса он подрастал и учился в Инте, в школе поселка Западного, где его отец–горняк работал на шахте.

... Вскоре тремя автобусами прибыли туристы: 87 человек с четырех материков и 14 стран.

- Каких, к примеру?

- Из Австрии, Бельгии, Германии, Франции, Италии, Испании, Швеции, Канады, Новой Зеландии, США, Японии...

- Языковые трудности в общении возникали?

- Естественно, не без того: поначалу какие-то шероховатинки были. Но за время плавания мы научились понимать и уважать друг друга. Все обладали каким-то запасом общеупотребительных слов, понятных каждому. Наш «Ямал» стал чем-то вроде модели разноязыкой Земли – нашего общего дома. Понимание этой простой истины роднило и сближало.

- В этой разноязыкой массе кто-то особо выделялся личностными качествами?

- Там, что ни человек, – то личность. В тринадцатой каюте жил американец итальянского происхождения Джован Джузеппе с 66-летней женой Натале Элен Мангрей. Мы поражались их бодрости, их общему стремлению открывать для себя Россию, Север... Ранее - до этого плавания - на ледоколе «Капитан Хлебников» Дальневосточного пароходства Джован прошел от бухты Провидения до Северной земли, на теплоходе – от Красноярска до Диксона...

По морям - по волнам, по разводьям и по льдам...

- На плавбазе «Полярная звезда», на рыбацких кораблях-сейнерах мне привелось бороздить Печорское, Баренцево и Норвежское моря. Не забыть колыбельное ощущение голубовато-зеленой океанской чаши. Как это было у Вас?

- 15 июля мы вышли из Мурманска. Два дня шли в этой «чаше» по чистой воде. По пути наблюдали рыбацкие суда. В районе 75-76-й параллелей попали в легкий четырехбалльный шторм. Вошли во льды после 80-го градуса северной широты. Поначалу это были легкие, разреженные льды. Затем начались ледовые поля, в которых мы встретили белых медведей. Всего – девять особей: два самца и три самки с медвежатами. Один медведь сразу убежал. Медведица с медвежонком отошла, но бди-

тельно наблюдала за нами. Второй медведь не захотел уходить, продолжал пожирать добытую нерпу.

Одну медведицу с двумя детенышами он прогнал, а с другой и ее медвежонком поделился остатками добычи. Они до блеска «отполировали» нерпичьи косточки, только ленточки кишок трепетали на ветру... Туристы выражали капитану восхищение: как вы все это ловко устроили: на крохотном пятачке столько медведей. Капитан – настоящий русский человек из Белозерья счастливо улыбался: «Такая работа!..» На судне он с 1992 года, с момента пуска ледокола в эксплуатацию. Для него это был шестой, для ледокола – тридцать второй рейс на полюс...

В ночь на 18 июля вошли в мощные – 9-10-балльные льды. Шли параллельно своему же проходу, проделанному ледоколом полторы-две недели назад. Движение вперед сопровождалось шумным треском крошащегося льда. Днем достигли 85-й параллели. Около 16 часов старший помощник капитана дал гудок, судно остановилось: дескать, дальше Бог морей Нептун не пускает. Был устроен шумный костюмированный праздник.

Нептун вопрошал:

- Кто такие, куда путь держите?..

Шефу турфирмы Лари Декстеру пришлось откупиться огненной водой и принести в жертву бочонок немецкого пива...

19 и 20 июля продолжали путь в матерых и торосистых льдах. К тому же здесь властвовало мощное трансарктическое течение. Ледокол с белозубой пастью, изображенной на носу, наезжал на лед, тяжело проламывал его, его корпус вибрировал... Льды скрежетали. И вновь наезжал, крушил крепкие ледяные покровы, останавливался, отработывал назад, и опять – напористо вперед... Некоторые туристы, по наивности своей, полагали, что это умело организованное представление. На деле шла трудная и сложная работа, шел настоящий шторм многолетних тяжелых льдов. Последние – до полюса – шестьдесят миль шли двенадцать часов.

Ровно пять суток занял путь к Полюсу. 15 июля в 23 часа 23 минуты мы отправились из Мурманска, а 20 июля в 23 часа 44 минуты вышли в географическую точку 89 градусов 99 минут 997 тысячных северной широты. То есть каких-то метров пять до этой самой неуловимой точки. На судне несколько датчиков и то один, то другой показывали: 90 градусов 00 минут... Есть Северный Полюс!..

Предполагалось, что именно на полюсе мы сойдем на лед. Но, по иронии судьбы, океанское течение, о котором я говорил, оттеснило коренные льды, нанесло ледовые поля с промоинами.

Поскольку наступило уже 21 июля, туристов отправили спать, а вахта ледокола принялась искать надежное. И нашла его часа через два с помощью вертолетной разведки...

Проснувшись, туристы спустились на лед, на котором установили символический знак Северного Полюса.

Подняли государственные флаги всех государств, чьи граждане присутствовали на борту ледокола. Взявшись за руки, участники плавания пошли по кругу хором. За кормой в промоине, проделанной ледоколом, устроили ритуальный заплыв. Не все, правда, решились окунуться в воды Ледовитого океана...

- А вы?

- А я всю жизнь мечтал об этом. И не отказал себе в таком остром удовольствии. Тем более, что температура на полюсе в то время была плюсовая. Правда, плюс всего лишь в один градус, но все-таки плюс!.. Вода, защищенная толщей льда, была чуточку потеплей: плюс семь-восемь... Разоблачился до плавочек, одел пояс со страховочным фалом и поплыл. Честное слово, не хотелось выходить. Но никому в арктическом маршруте не надо больных на борту, поэтому меня поторопили, - и

нельзя было не подчиниться. Факт купания в водах Северного Ледовитого подтвержден официальным сертификатом...

- Как себя вели на полюсе люди разных национальностей?

- По-разному. Кому-то приятно было, взявшись за руки, как бы окружить хороводом этот полюс. Кто-то мечтал побыть наедине с «Макушкой земли». Жизнелюбивые японцы встречали день зарядкой, а тут кто-то из них сказал: «За мной!» И они отошли, медитировали все вместе. Кто-то просто стоял и тихо радовался, кто-то выписывал круги по периметру судна. В общем, каждый радовался по-своему...

- Ваше личное ощущение полюса?.. Что это было: духовный взлёт, перелом в каких – то общепринятых взглядах и представлениях, чувство слияния с миром Природы, с Матерью-Землей?!

- Трудно двумя-тремя словами, фразами передать это многомерное чувство. Конечно, - духовный подъем, некое чувство личной гордости: да, я достиг, я – на «Крыше мира»!.. Конечно, - прикосновение к Вечному, подпитка энергетикой высоких широт. И, естественно, - ощущение новизны: и небо, и воды, и льды – всё представлялось особенным. И, может быть, самое главное – осознание гармоничного слияния со «средой обитания». И вопрос к самому себе: пройдена половина пути. Впереди – Земля Франца Иосифа. А дальше Что?!

- И, если не секрет, где же вам захотелось побывать после Северного Полюса?

- Естественно, для продолжения пути – на Земле Франца Иосифа?

- А затем?

- Естественно, побывав дома, захотелось хлебнуть южного моря, из которого бы тебя не выдергивали с помощью фала, что я позднее и сделал...

После ледяной купели появилось, а затем и утвердилось желание познакомиться, породниться с другими крайними оконечностями Земли: с российской Камчаткой, с африканским мысом Доброй Надежды или южноамериканским мысом Горн...

- Видимо, полюс пробуждает в человеке некое чувство вселенности, космического размаха желаний объять необъятное?

- Пожалуй, что да. Во всяком случае, побывав на Земле Франца Иосифа, я в этом масштабе, в этом межматериковом замахе укрепился. Хотя, может быть, годы, многие годы понадобятся, чтобы реально приблизиться к нему.

Земля суровая, но нашенькая

- Эту простую истину понимаешь раньше того, как реально увидишь сквозь окуляры бинокля россыпь темных пятен в зыбком белом пространстве...

Направляясь с Полюса к архипелагу, мы кое-что уже знали о нем... Существование такой земли предвидел и предсказывал еще Михаил Ломоносов. А открыли ее не так уж давно – всего каких 130 с хвостиком лет назад. Годом открытия считается 1873-й. Принято считать, что открыл ее Юлиус Пайер, который на судне «Тегетхоф» вел топографические исследования, совершил шлюпочный переход к Новой земле. Он и назвал вновь открытую землю в честь своего австро-венгерского императора Франца Иосифа, того самого зачинщика первой мировой войны... Лет сорок кто только ее не исследовал!..

В истории открытия запечатлены имена многих известных путешественников и ученых. В частности, - Нансена, Джексона, герцога Абрुцского, нашего Георгия Седова и многих других. На островах им посвящены многочисленные памятники и

знаки, Север хранит в неприкосновенности следы деятельности экспедиций, известных и безымянных открывателей...

Перед войной 1914 года на земле Франца Иосифа был поднят флаг Российской империи. И перед царем Николаем первым, а затем и перед Советской властью и общественностью встал вопрос: переименовать или оставить вошедшее в географический обиход имя архипелага. Делает честь императору и правительству новой России, что они сохранили название, данное первооткрывателями... Впоследствии на архипелаге была учреждена пограничная стража, охрана морских и земных рубежей России ведется здесь и сейчас.

Земля в иллюминаторе и под ногами – тоже...

- Так это бывает: сначала в белом шелестящем безмолвии появляется темная размытая расстоянием полоска, потом она проявляется и становится все чаще в окулярах бинокля, потом ты видишь ее то справа, то слева по курсу... И лишь затем на «ватных» ногах ты спускаешься к ней. И первое ощущение такое, будто она покачивается, как тяжелая морская зыбь.

Темной полоской открылась нам Земля Франца Иосифа 24 июля. Мы вошли в пролив Британский канал, который разделяет землю Георга и остров Солсбери, множество мелких островов... Низкая облачность скрывала вершины невысоких – от трехсот до пятисот метров – столовых гор. Все они плоские, как бы приглаженные крутыми ветрами, лишь кое-где в разрывах туч проглядывали островерхие останцы горных пород. В проливах довольно сильные течения, поэтому они были свободны ото льда. Мы потихоньку – на малом ходу продвигались внутрь архипелага...

- Не ощущали некоего внутреннего озноба, нетерпения, что ли, от ожидания встречи с неизвестным?

- Да, несколько позднее, уже на суше, я ощутил его. Мы подошли к острову Чампа, - и вдруг облака открыли для обозрения покатые вершины островов. Они очень хорошо просматривались вокруг до горизонта. На ледоколе было два вертолета. Один Ми-2 со сложенными лопастями стоял в ангаре, второй Ми-8 принял на борт первую партию путешественников. Первыми на остров сошли офицеры безопасности, затем - я, как полномочный представитель Росприроднадзора, сотрудники службы обслуживания и счастливики-пассажиры. Восемь, а может, - и все десять рейсов совершил вертолет, пока перевез всех желающих туристов на берег...

Высадились неподалеку от высокой скалы с птичьим базаром. Этот многотысячный птичий театр представлял захватывающее зрелище. Неумолчный гвалт, кормежка птенцов захватывают, их можно наблюдать до бесконечности. Ниже была каменистая осыпь, шарообразные конкреции – самые крупные метра под три в диаметре... Осыпь уходила вглубь в сталистого цвета воду, в которой парили медузы и резвились мелкие рыбешки. Ниже нас находилось гнездо большого поморника, который бесстрашно пикировал на нас, защищал потомство, – только что в волосы не вцеплялся.

... Да, это был мир контрастов. В непосредственной близости находились большой ледник и самая северная, самая стойкая растительность: низкорослая, ярко-зеленая трава, желтые цветы, видимо, - камнеломки, мхи и лишайники, похожие на те, которые выживают у нас на Полярном Урале... На мелководье приткнулась большая льдина, сотни три крикливых чаек вели на ней свой обычный образ жизни...

Часа четыре провели мы на этом острове. Потом ледокол переместился к другому – Альджерия или Альджер называется он на картах. Американцев и многих других туристов он заинтересовал поселком экспедиции Циглера, следами пребыва-

ния экспедиций Э. Болдуина (1901-1902 годы), Э. Фиала (1903-1905). Кто-то отправился к сопкам, кто-то рассматривал подобранные квадратные кованые гвозди, кто-то – и я тоже! – бродил вдоль берега, любовался живописными останцами... Когда шли вдоль чистой воды, вдоль припая, наблюдали чутко дремавших тюленей, за которыми бродили, которых, может быть, скрадывали четыре белых медведя. Прикрывая белыми лапами черные носы, они, конечно, хотели бы лежебоками поживиться... На плавучих льдах видны были и лежки моржей.

Через пролив Мак Клинтона мне хотелось снять панораму череды островов и даль океана. Зашел я за какой-то огромный камень, поднялся на какой-то взгорок... Тут-то и почувствовал кожей не слишком приятный озноб, о котором вы спрашивали. С одной стороны – это чувство величия стихий, а с другой – твоей собственной малости, незащищенности от них...

Хочется сказать: «б-р-р!» - и встряхнуться... Такое ощущение, что кто-то сверлит тяжелым взглядом твой затылок. Холодный пот потек по спине. Я сделал желанный кадр и поскорей отправился к спутникам по плаванию. И, что интересно, чем ближе подходил к ним, тем становился спокойнее и спокойнее...

- А дальше?

- Вернулись на судно, оживленно делились впечатлениями. Кое-кто испытал то же, что и я. Ледокол двигался по проливу к острову Гукера и бухте Тихой. Стояла ночь, облака раздвинулись и между них выглянуло солнышко. То слева, то справа от нас выныривали удивленные усатые тюлени. Справа заметили стайку резвящихся белух...

Рано утром встали у острова Гукера. Готовились к высадке на скалу Рубини-Рок и в бухте Тихой, где сохранились остатки советской арктической станции, закрытой лет сорок назад. Вообще ледокол мог бы пристать и к самой скале – она высокая и отвесная, возле нее – достаточные глубины. Но капитан не захотел тревожить птичье население. Остановились на малом ходу метрах в семидесяти. И опять отдались созерцанию птичьего базара – все-таки он зачаровывает... Наблюдая неутомимую птичью жизнь, мы потеряли чувство времени. Капитан напомнил: «Пора отчаливать!..»

Мы рассчитывали еще высадиться у полярной базы Мурманского биологического института, где когда-то жили ученые, изучали жизнь зверей, птиц и рыб. К общему сожалению, плотный занавес тумана наглухо закрыл остров. Природа как бы сказала:

- Полюбовались – пора и честь знать!..

Здесь мы реально столкнулись с явлением, которое называется точкой росы. При определенной температуре, при нуле градусов водяной пар конденсируется в виде тумана.

Сквозь туманную завесу мы приблизились к самой южной оконечности архипелага, к мысу Флора и островку Крестовой. В серебристой белесой опушке красиво смотрелась череда островов. А на мысе наши взгляды привлекали множество памятников, крестов. Последний из них посвящен Георгию Седову и установлен в 2005-м году Мурманским морским пароходством, Российским географическим обществом и МЧС. Здесь же – памятное место установки российского флага экспедиций Макарова на ледоколе «Ермак». И тут же – место спасения штурмана В. Альбанова, матроса А. Конрада из экспедиции Брусилова на судне «Святая Анна» (1912 год). Запомнилась так называемая Рубка – пристанище, сооруженное, скорее всего, из судовой надстройки яхты «Эйра»...

Протяжным гудком мы простились с Землей Франца Иосифа, но в душе живет ощущение, что он будет звучать в ней всегда...

- В чем-то изменились ваши представления после этого, прямо сказать, непотворимого маршрута?..

- Изменились представления в целом об Арктике. До этой поездки, как и все мы, я представлял ее, как некую непостижимую и недостижимую бесконечность, уходящую за горизонт. Водный и ледяной мир без конца и края. Таким он видится, когда видишь обычные географические карты. А в этом походе, на ходовом мостике, в повседневном обращении мы пользовались другими картами. Вглядываясь в них, осознавали: в центре - Северный Полюс, а вокруг него – государственные границы и берега Гренландии и Канады, стран Скандинавии и России... Приходило понимание, насколько органично большая часть наших северных территорий относятся к Баренц Евро Арктическому региону. Насколько хрупко это арктическое равновесие и как бережно мы обязаны хранить его в первозданной чистоте и гармонии...

Мы - просто малая частица Мировой гармонии. Надеюсь, и другие участники плавания осознали эту простую истину нашего времени.

«Я – всего лишь атом Человечества...»

... Приближается очередной – уже третий Социальный и экологический конгресс, который будет изучать и изучать ритмы мировой гармонии в северном измерении. И надеюсь, поможет осознанию общей ответственности за сохранность нашего северного трепетного мира в его первородной чистоте и девственности. И нам неизбежно остается общими усилиями только работать на благо Человечества. И помнить: каждое Я – всего лишь атом этой неизмеримой Величины.

Андрей ПОПОВ

* * *

Андрею Каневу

Не верьте, девушки, поэтам,
Поэты, словно моряки,
В любом порту у них мгновенье
Достойно искренней строки.

В любом порту у них волненье
Достойно пылкого пера –
То непосредственный румянец,
То локон, то изгиб бедра.

И в каждой луже вдохновенье
Штормит, оттачивая слог.
Но кончено стихотворенье –
И пароход дает гудок,

Уходит танкер или лайнер,
Да хоть корыто или таз.
Пора! Прощайте, порт Находка,
Сидней, Кейптаун и Мадрас.

* * *

Пойти на мост и вниз глядеть:
Снег на реке лежать оставлен,
А всюду стоял. Мост надет
Кольцом на город безымянный.
Следы по снегу. Прервались,
Как будто внутрь зарылась птица,
В гнездо, к птенцу, и обнялись,
И древнерусский сон им снится.

Альберт БЕРНШТЕЙН

ВСТРЕЧИ С МАРИОНЕЛЛОЙ ГЕОРГИЕВНОЙ (документальная повесть)

I

...— Марионелла Георгиевна, какие у меня шансы на благоприятный исход завтрашней операции, — с замиранием сердца спросил я накануне у главного хирурга отделения Калинич.

— Какие шансы? — повторила вопрос Марионелла Георгиевна. И после небольшой паузы последовал ответ, совсем не обрадовавший меня. — Фифти-фифти.

Даже оцененный по-английски мой шанс «пятьдесят на пятьдесят» прозвучал совсем не обнадеживающе. Из всех моих не столь уж многочисленных встреч с Марионеллой Георгиевной этот короткий эпизод я запомнил сильнее всего из-за весьма тревожной, почти панической окраски: «значит, могу и не проснуться после операции»...

Расскажу все по порядку.

В последние дни декабря 1973 года сложилась крайне напряженная ситуация со сдачей в эксплуатацию одной из основных шахт Воркуты после реконструкции: строители не успевали устранить все монтажные и строительные недоделки, а принимающие рабочие комиссии не имели права принять в эксплуатацию многочисленные объекты с серьезными нарушениями. А весь комплекс, как это и было положено в то время, надо было любой ценой сдать до 1 января и отчитаться об этом перед Москвой. Последние дни декабря приходилось быть на этой шахте практически круглые сутки и бегать по объектам (а за мной была закреплена их приемка в количестве почти трех десятков); строители же явно заняли выжидательную позицию: «подпишут комиссии акты и никуда не денутся» — срок сдачи был установлен на самом-самом верху.

Часа за полтора до боя курантов и выступления лидера страны по всем каналам телевидения акт сдачи шахты под давлением партийных органов был подписан государственной комиссией прямо в кабинете первого секретаря горкома.

А второго или третьего января уже нового 1974 года у меня резко ухудшилось самочувствие: кружилась голова, хотелось лечь и лежать, не вставая. Вначале я посчитал, что это сказывается нагрузка предпраздничных дней. Но усталость и слабость не только не проходили, но и нарастали. Я вынужден был обратиться к врачу. Диагноз был тревожным и не очень понятным мне: внутреннее кровотечение. И сразу же из кабинета врача я был отправлен на носилках скорой помощи в одно из хирургических отделений города.

Так почти мгновенно моя жизнь оказалась разделенной на две части: жизнь до болезни и жизнь в болезни. Стало так тревожно: сколько будет этой части жизни — годы, десятилетия, дни? А мне было всего тридцать шесть лет.

За месяц с небольшим консервативными методами удалось остановить кровотечение и почти восстановить уровень гемоглобина. А вот обнаружить язву (именно она предположительно была причиной кровотечения) так и не удалось.

Потом в течение года кровотечение возобновлялось два или три раза, но его удавалось быстро останавливать и без участия больницы: я был уже «грамотным больным», да и друзей-советников с медицинским образованием у меня хватало. Именно они и настойчиво советовали мне соглашаться на операцию, поскольку рано или поздно может начаться кровотечение, которое остановить только с помощью лекарств будет невозможно.

— Ложиться под нож только к Марионелле, — таков был вердикт моих советников.

Марионелла... Это красивое и редкое имя было в Воркуте, что называется, на слуху. Нередко можно услышать: «Меня сама Марионелла оперировала». Или: «На консультации был у самой Марионеллы». Или: «Марионелла сказала, что надо резать. Значит, надо».

Если Марионелла Георгиевна что-то сказала по тому или иному медицинскому вопросу, то это была истина в последней инстанции. Знала ли сама Калинич, что ее за глаза называют укороченным именем Марионелла? Скорее всего, знала. Ведь в этом укороченном имени не было никакого панибратства, а уважения было столько же, как если бы ее называли полным именем со всеми титулами и названиями занимаемых должностей.

Значит, и мне надо было попасть на операцию именно к Марионелле Георгиевне. Но сделать это оказалось совсем непросто. Дело в том, что район города, в котором я жил в то время, был территориально приписан совсем к другой больнице. Пришлось пойти на рискованную хитрость.

Когда при очередном возникшем кровотечении уровень гемоглобина стал приближаться к критической отметке, я на такси переехал на квартиру к своему другу Коле Третьякову, жившему в центре города. А уже с его квартиры мы вызвали скорую помощь, которая и привезла меня в нужное хирургическое отделение, где священнодействовала и властвовала Марионелла.

Спустя несколько минут в реанимационную палату, в которой поместили меня, вошла Марионелла Георгиевна в сопровождении дежурного врача и двух сестер. Так я впервые увидел знаменитого в Воркуте хирурга, так состоялось знакомство с Марионеллой. Прошу прощения, с Марионеллой Георгиевной Калинич, главным хирургом городского отделения больницы.

Высокая, стройная, красивая молодая женщина с гордым профилем и властным взглядом; в ее внешности, походке было что-то величественное, она не шла по отделению на утреннем обходе, а шествовала.

А ее удивительный голос... Она что-то говорила, не повышая голоса, дежурной сестре в одном конце длинного больничного коридора, а ее было слышно в другом. Профессиональные певцы называют это носкостью голоса. Стоило ей только рано утром появиться в отделении, как даже самые активные и беспокойные больные, заслышав ее голос, покорно ложились в постель: «Сейчас Марионелла начнет обход».

На следующее утро после операционного дня, окруженная свитой, она вошла в мою палату.

— Ну, молодой человек, как мы себя чувствуем? — Я, давась шлангом, пропущенным через носоглотку в желудок, ответил:

— Мы – по-разному. Я – хорошо. А вы? — Что за бред я несу: «я – хорошо». Я лежу с привязанными к кровати руками, опутанный какими-то трубками, шлангами, катетерами, отсосами. И этот самый страшный шланг, пропущенный через гортань и пищевод в желудок, это настоящая пытка.

— О, даже так, — удивилась моему ответу Марионелла Георгиевна. И добавила, — будет жить.

Но я уже не слышал ее обнадеживающего ответа, снова впав в забытие. И мне снилось или бредилось, что Марионелла Георгиевна снова заходит в палату и спрашивает: «Ну, как мы себя чувствуем?» И я снова отвечаю «хорошо» и снова впадаю в беспамятство и не понимаю, происходит это во сне или наяву.

В какой-то момент я начинаю понимать, что это бред, а она снова в который раз спрашивает меня о самочувствии. Усилием воли я отгоняю от себя такое состояние и прошу сестру:

— Снотворного.... пепольфен...

И теперь уже проваливаюсь в сон окончательно до следующего утра.

Вскоре мои дела пошли на поправку, и все шло к досрочной выписке. И вдруг резко подскочила температура почти до верхнего предела. Я впал в забытие, и мне все стало все равно: «Я – больной, а они – врачи. И пусть делают со мной все, что хотят». Наверное, так, или почти так равнодушно думал я в те тревожные непростые для Марионеллы Георгиевны дни. Около меня несколько раз собирался консилиум, неоднократно делали рентгеновские снимки каким-то портативным аппаратом прямо в палате. В непонятных медицинских разговорах мелькнуло слово «абсцесс». Я все это время был в каком-то полусне и до сих пор не знаю, вылечили ли меня врачи, или этот злосчастный абсцесс каким-то образом самоликвидировался.

Выписываясь из больницы, я не мог не задать вопрос, несколько выходящий за рамки традиционных бесед врача с пациентом.

— Марионелла Георгиевна, перед операцией вы сообщили мне о довольно не радостной перспективе «пятьдесят на пятьдесят». Обычно врачи скрывают от больного тревожную правду, а вы этого почему-то делать не стали.

Калинич рассмеялась:

— Я знаю, кому можно говорить правду, а кому нельзя. К тому же, в вашем случае операцию откладывать было нельзя: с каждым новым кровотечением ваши шансы на благоприятный исход сокращались.

— Наверное, это сложно начинать операцию, не зная заранее, будет ли больной жив. Это игра со смертью?

Марионелла Георгиевна на секунду задумалась.

— Это не игра со смертью, а борьба за жизнь, — уже совсем серьезно отвечала она. — Конечно, всегда помнишь, что имеешь дело с жизнью человека. А это груз ответственности, который всегда присутствует. К смерти нельзя привыкнуть. И нельзя оправдать себя даже в том случае, когда помочь больному было уже просто невозможно.

И, отвечая уже не мне, а каким-то своим мыслям, Марионелла Георгиевна очень серьезно дословно произнесла:

— Да, мы имеем дело с людьми...

II

... И вот спустя тридцать лет (почти по французскому классическому) произошла наша вторая встреча с Марионеллой Георгиевной.

Я всегда помнил, что эти годы полноценной жизни подарены мне золотыми руками Марионеллы Георгиевны, но встречаться нам не приходилось: ведь я был

всего лишь одним из многих тысяч ее пациентов. И, тем не менее, я знал, что за эти годы хирург Калинин М.Г. стала по должности главным хирургом, получила высшую категорию, звания «Отличник здравоохранения», «Заслуженный врач Республики Коми», «Заслуженный врач Российской Федерации». И только одно не изменилось в ее жизни: в больнице и в городе ее за глаза по-прежнему называли просто Марионеллой.

А поводом для встречи послужило следующее обстоятельство. Я уговорил известного российского тележурналиста Шадхана И.А., начинавшего свою телекарьеру в Воркуте в начале 60-х годов и хорошо мне знакомого по местным телепередачам КВН, в которых я принимал участие, сделать проблемный фильм о ходе переселения пенсионеров и инвалидов из шахтерских городов Воркуты и Инты. По сценарию в числе интервьюируемых должна была быть и Марионелла Георгиевна. За прошедшие три десятка лет она нисколько не изменилась: все та же величественная осанка и неповторимый теплый приятный тембр голоса.

С первых же минут встречи я понял, что она не узнала меня.

Шадхан с телеоператором и Марионеллой Георгиевной занялись поиском в отделении удобного для съемки места и самой съемкой телеинтервью. Я же устроился в кафе-столовой при больнице и занялся подготовкой материалов для последующих съемок.

Через полчаса съемка была окончена, и все трое присоединились ко мне за импровизированным ужином. По репликам Марионеллы Георгиевны я понял, что она очень недовольна собой и отснятым материалом.

— Игорь Абрамович, — почти умоляла она, — я прошу вас, уберите тот кусок из записи. Ну, вы так достали меня вопросами прямо до печени, что я сама не понимаю, как потеряла контроль над собой. Обещайте мне.

Действительно Шадхан славится умением разговорить собеседника и соответствующим образом подать материал. Недаром многие его фильмы были удостоены международных и отечественных наград.

— Конечно, мы что-то уберем, — как-то не очень определенно пообещал Игорь Абрамович, — надо еще над материалом работать и работать.

Потом разговор перешел на другие темы, вспоминали многих общих знакомых и их судьбы: «иных уж нет, а те – далече». В какой-то момент я счел удобным спросить:

— Марионелла Георгиевна, а меня вы помните? Я был вашим пациентом совсем недавно: всего лишь тридцать лет назад.

Она несколько секунд всматривалась в меня, потом призналась:

— Нет, не помню. А назовите вашу фамилию.

Я назвал.

— Постойте, постойте. Кровотечение, резекция желудка по схеме «Бильрот-два». А еще я вспомнила, что к вам приходила ваша жена, высокая красивая женщина. Мне кажется, она была даже выше вас ростом.

— Ну, если на каблуках, то возможно, — такая деталь, отпечатавшаяся в памяти Марионеллы Георгиевны, несколько смутила меня. — У вас просто феноменальная память. А осложнение после операции помните?

— Помню, то было с вами что-то не очень понятное. И еще помню, что к вам тогда прилетала мама – дама такая властная, напористая. Я не ошиблась?

— Не ошиблись. У меня просто нет слов. Если делаете в год две-три сотни операций, то за сорок лет их набирается тысяч десять. Неужели вы всех помните?

— Нет, конечно. Но сложные случаи запоминаются. А вот почему запомнила вашу жену и маму, объяснить не смогу.

Моему удивлению потрясающей памятью Марионеллы Георгиевны не было предела. Я тут же вспомнил почти трагикомический эпизод с этой самой резекцией по схеме «Бильрот-два». И я снова возвращаюсь на тридцать лет назад.

А дело было так. Марионелла Георгиевна перед самой выпиской решила еще раз с помощью рентгена посмотреть, что там у меня внутри. Аппарат был какой-то ультрасовременный для того времени, устроенный таким образом, что врач наблюдал картинку непосредственно на экране аппарата, а пациент – на мониторе, который стоял на столе за спиной врача. По команде врача я стал пить этот противный барий и наблюдать, как он начал двигаться по пищеводу, обволакивая затем желудок. И вдруг я с ужасом вижу, что этот барий вместо того, чтобы пойти в двенадцатиперстную кишку, расположенную справа от желудка, почему-то начал течь куда-то вниз, в кишечник.

— Марионелла Георгиевна, — почти в панике вопрошал я, — а почему барий пошел куда-то не туда. У меня что там – дырка в желудке?

— Куда надо, туда и пошел, — успокоила меня врач. — Теперь у вас тут в желудке все по-другому будет устроено. Не так как у всех. Такую вот схему придумал для таких пациентов, как вы, один хирург по фамилии Бильрот сто лет назад. Теодором его, кажется, звали, если мне память не изменяет.

Как звали этого Бильрота мне было совершенно безразлично, но потом по учебнику хирургии для студентов медицинских вузов я эту схему изучил. Молодец был этот Теодор Бильрот.

...Когда мы с Шадханом уже уходили из больницы, Марионелла Георгиевна еще раз страстно просила не включать в фильм какую-то часть ее интервью. Поскольку я на записи не присутствовал, суть ее просьбы мне была неизвестна. А что и как ей обещал Игорь Абрамович, я уже не помню.

III

Спустя несколько месяцев фильм Игоря Шадхана «Баллада о Воркуте» был показан по одному из каналов центрального телевидения. Его видели в странах СНГ, в Западной Европе, и даже в Америке. Я сужу об этом по телефонным звонкам, которые поступили ко мне от бывших воркутинцев, разбросанных волею судеб по всему миру от Новой Зеландии до Канады. По неофициальной информации от прессслужбы Главы государства, копия фильма была вручена и ему.

Посмотрев фильм, я понял, что именно хотела убрать из отснятого материала Марионелла Георгиевна. Талантливый журналист и тонкий интервьюер Игорь Абрамович так профессионально и психологически безупречно беседовал с теми, у кого он брал интервью, что перед ним буквально раскрывали душу, как на исповеди.

— Я в Воркуте с 1965 года, — рассказывала перед камерой Калинич, — так что я здесь уже сорок лет.

— В Воркуту в те годы ехали за счастьем. А вы?

— Меня муж сюда привез. Значит, я приехала уже со своим счастьем. Муж, сын, работа – это и есть счастье. Годы в Воркуте – это счастливые годы.

Я слушал искренние ответы Марионеллы Георгиевны и по интонации, по выражению лица почувствовал, как натягивается какая-то эмоциональная струна. Вероятно, в эти мгновения в ее памяти проносилась вся ее жизнь, все тревоги, заботы, удачи, огорчения и свершения за эти ох какие непростые и счастливые десятилетия. И вдруг – вопрос, короткий, как удар смычка по натянутой струне.

— Вы – воркутинка?

— Да, я – воркутинка. Это точно. Здесь моя родина. Меня всегда тянет и будет тянуть сюда.

Эти слова дались ей с трудом. Струна натянулась до предела и не выдержала.

— Сейчас плакать буду, — почти прошептала она и как-то по-детски закрыла лицо руками. — Ну, не снимайте меня. Прошу вас. Не снимайте.

Режиссеры, как и хирурги, жестокие люди. Они готовы вырезать лишнее: одни – для сохранения жизни человека, другие – ради идеи и художественности фильма. Они готовы что-то оставить из подлежащего к удалению для этих же целей, если в этом есть даже доля риска.

Шадхан этот кадр оставил в фильме, и тысячи телезрителей плакали вместе с Марионеллой Георгиевной.

IV

— Я этого вашего Шадхана убью.

С этих слов Марионеллы Георгиевны начиналась наша третья встреча, когда месяца через два после демонстрации фильма я привез его копию специально для нее.

— Я же просила его убрать эти кадры из фильма, а он взял и оставил. За сорок лет, что я здесь работаю, никто никогда не видел ни одной моей слезинки. А он на всю страну показал, как я разрыдалась перед камерой.

— Не только на всю страну, — добавил я, как бы сочувствуя. — Но и на весь мир. Мне из Америки, из Германии, из Израиля, из Белоруссии звонили и делились впечатлениями о фильме.

— Нет, я точно убью Игоря Абрамовича, — эта угроза жизни режиссеру прозвучала уже менее убедительно, и я не сомневался, что он успеет еще сделать много отличных фильмов. Впоследствии это многократно подтвердилось.

Наши встречи с Марионеллой Георгиевной стали регулярными: в каждую из своих командировок в Воркуту я обязательно заходил в хирургическое отделение проведать своего хирурга. Делал это, как правило, в те дни, когда Марионелла Георгиевна дежурила по отделению. В такие посещения я многое узнал о ее жизни в Воркуте и доворкутинский период.

Родилась Марионелла Георгиевна в городе Байя, сейчас этот город находится на территории Венгрии, в интеллигентной семье. Отец преподавал историю, а мать – французский и немецкий языки в гимназии. Мать, сербка по национальности, родилась в Белграде; отец по национальности русин, в его роду были и белорусские корни. Его фамилия, как и девичья Марионеллы Георгиевны, звучала довольно непривычно для русского уха – Станканинец. О такой же национальности – русины, я ничего не знал. Но безбрежное море Интернета выдало исчерпывающую информацию по этому вопросу.¹

— Родители очень хотели, чтобы мы, их дети, а нас было трое – две сестры и брат, стали медиками, причем обязательно педиатрами. Может быть потому, что в детстве мы все часто болели, — рассказывала о себе Марионелла Георгиевна. — Мама по одной немецкой книге «Инфекционные болезни» сама ставила диагнозы и сама же нас лечила. Но педиатрами у нас никто не стал: я – хирург, брат после окончания военно-медицинской академии стал организатором здравоохранения в армии, сестра – судмедэкспертом.

¹ Русины — этническая группа в Восточной Европе. Считают себя отдельным народом, населяют Закарпатскую область Украины, Восточную Словакию и часть Польских Бескидов, некоторая их часть проживает в странах, куда они переселились на протяжении последних нескольких столетий — Венгрии, Сербии, Хорватии, США, Канаде, России. Другими народами русины называются как угрорусины, угрорусы, карпатороссы, рутены.

Русинское население Закарпатья делится по этнографическим признакам на шесть областных групп — это лемки, бойки, гуцулы, верховинцы (покутяне и буковинцы) и долиняне (хайналы).

Когда Марионелла Георгиевна рассказывала о своей семье, она неожиданно сказала:

— А сейчас я Вашу память проверю. Вы помните, какой сувенир вы подарили мне после той операции тридцать лет назад?

Я, как ни напрягал память, не мог вспомнить, и сказал наугад:

— Может быть, вазу какую-нибудь.

— А вот и нет. Вы подарили мне некий сосуд с содержимым, выполненный в виде гуцула в национальном одеянии. А пробка этого сосуда – голова его самого. Не помните?

— Увы...

— Но это еще не все. Вот посмотрите, в этих шкафах и на них же куча всяких сувениров, подарков от больных. Чего здесь только нет, даже несколько картин. А некоторые подарки даже и не распакованы. Большую часть из этого постоянно пополняемого собрания я раздаю сестричкам, коллегам и ни одного из них не взяла к себе домой. А вот ваш гуцул, представьте себе, единственный сувенир, который находится у меня дома.

— Почему же такая честь?

— А вот не знаю. Может быть, потому что гуцул наш земляк? Причем по большим праздникам, когда приходят друзья, мы с мужем наполняем эту емкость соответствующим содержимым.

— Значит, эти тридцать лет гуцул был при деле.

— После окончания школы, — продолжала свой рассказ Марионелла Георгиевна, — я поступила в университет в г. Ужгороде на медицинский факультет и с третьего курса буквально «заболела» хирургией. Но на первых операциях постоянно падала в обморок.

— Если падаешь в обморок – будешь хирургом, – так изрек однажды профессор отделения хирургии, чем еще больше укрепил намерение студентки в выборе профессии.

— Последние курсы в институте меня мало интересовали другие дисциплины, — вспоминает Марионелла Георгиевна. — Я пропадала все время в отделении хирургии и домой приходила только переодеться и покушать. Из-за этого зачеты и экзамены по другим дисциплинам приходилось сдавать с помощью того же профессора: он звонил на какую-нибудь кафедру и говорил: «Там придет к вам одна моя девочка, так уж тройку вы ей не ставьте».

После окончания университета в 1962 году Марионелла Георгиевна получает назначение в г. Хуст, где была большая межрайонная больница.

— В эту больницу я поступила на работу практически уже подготовленным хирургом, — отмечает Марионелла Георгиевна.

Тем не менее, за время работы в этом закарпатском городке она успевает пройти пятимесячную специализацию и курсы усовершенствования в Киеве.

Трудно предположить, как сложилась бы судьба хирурга Калинич далее. Но все в жизни определяет Его Величество Случай.

В 1965 году в хирургическое отделение привозят молодого красивого шахтера из Воркуты, который, проводя свой отпуск в родных местах в Закарпатье, разбился на мотоцикле. Пришлось Марионелле Георгиевне его штопать и зашивать. И не заметила, как «пришила» этого шахтера-мотоциклиста Петра Калинича какими-то невидимыми нитями на всю оставшуюся жизнь к себе. А себя – к нему.

Начались ухаживания, букеты цветов, признания в любви и предложения руки и сердца, на что были потрачены оставшиеся дни длинного шахтерского отпуска. Потом отпуск закончился, и начался полугодовой период писем и частых телефонных звонков из Воркуты.

Порой телефонистки ручной телефонной связи в г. Хуст в нарушение всех инструкций вмешивались в разговор:

— Пани доктор, вжэ нэ мучайтэ того хлопца з Воркуты...

И далее – крутой поворот судьбы.

В мае 1966 года Марионелла Георгиевна приезжает в Воркуту невестой, становится женой, а в июне – врачом-ординатором хирургического отделения городской больницы. Так начинался счастливый и трудный период воркутинской биографии в заполярном городе, который станет для нее самым родным городом на земле. А в 1968 году она еще станет матерью сына Георгия.

Фраза, сказанная Марионеллой Георгиевной тридцать лет назад: «мы имеем дело с людьми», из-за значимости смысла и своеобразия формы настолько врезалась мне в память, что в наших последних встречах и беседах я часто возвращался к вопросам ответственности врача, хирурга за жизнь и здоровье больного.

Она не очень охотно участвовала в разговоре на эту тему, и мне это было понятно: нравственная позиция врача – это его внутренний мир, принадлежащий только ему, и вторжение в него и, тем более, попытка облечь сокровенные мысли и эмоции в какие-то словесные формулы всегда чревата упрощениями и даже примитивизацией.

И все же я попытался как-то свести воедино отдельные высказывания Марионеллы Георгиевны, сформулировав таким образом ее позицию врача, целителя, выполняющего свою великую миссию.

— Конечно, все понимают, — размышляла вслух Калинин М.Г., — что жизнь человека – это самое ценное. Жизнь каждого – это целый мир, данный свыше, и за его сохранение приходится отвечать перед человеком, его родными, перед самой собой. И жить с этим грузом ответственности невероятно трудно. Постоянно находишься в состоянии стресса – до операции, во время нее и после нее. С учетом накопленного опыта и определенных способностей хирургия в какой-то мере становится ремеслом. Но объект этого ремесла – человек. И в любой, даже в самой простой операции, всегда кроется опасность встретиться с неожиданной ситуацией. Волнение и напряжение есть всегда, но особенно тогда, когда помочь человеку уже нельзя. Жизнь человеку дана свыше, но свыше не дана возможность врачу быть всегда всемогущим для ее сохранения. Страшное чувство – ощущение своего бессилия перед неизбежным: опухоль с прорастаниями в другие органы, некроз тканей, нарушение кровообращения. Переживаешь глубокий стресс, когда теряешь больного. От этого нельзя освободиться, этот страшный груз свершившейся неизбежности всегда с тобой: на работе, дома, даже во сне. Вся рутинная работа, которой занимаешься целый день, как-то относит на второй план того больного, которому не можешь помочь. Но когда ты остаешься с самой собой один на один, то об этой рутине забываешь и все время думаешь о том, кто уже обречен.

Я попросил Марионеллу Георгиевну рассказать о каких-нибудь случаях из ее практики, которые навсегда остались в ее памяти.

— Таких случаев очень много, — продолжала рассказывать Марионелла Георгиевна. — Вот однажды поступила как-то беременная женщина со сроком беременности 30-32 недели с проникающим ножевым ранением в живот, которое нанес ей то ли муж, то ли сожитель. Когда вскрыли брюшную полость, то оказалось, что есть рана матки, в которую выпала пятка малыша. Надо было срочно решать, что делать с женщиной и ее беременностью. К сожалению, акушера-гинеколога срочно найти не удалось. И пришлось мне затолкать обратно эту пятку малыша, зашить стенку матки, а затем, обработав брюшную полость, зашить ее. На такое я решилась, видимо, по молодости. И все обошлось. Эта женщина в установленные сроки родила, но на пятке малыша – моего «крестника», как мне сообщили из роддома, была не-

большая ранка. В настоящее время хирург-гинеколог обязательно принял бы решение о кесаревом сечении и, может быть, даже удалении матки.

— Вспоминаю один трагический случай. Привезли мальчика-десятиклассника с проникающим ножевым ранением груди в области сердца. Я знала очень благополучную семью этого мальчика и его самого, поскольку мы были соседями. Очень хороший был парень. Единственный ребенок в семье, звали мальчика Игорем. Ранение он нанес себе сам кухонным ножом. Он дружил, как выяснилось, с девочкой из своего класса. И в один прекрасный момент она сообщает ему, что больше она с ним дружить не будет. Он хватает кухонный нож и наносит себе удар в сердце. В больнице сразу приступили к реанимации и операции. Вскрыв левую и правую половины грудной клетки, пересекая грудину, я, еще молодой тогда хирург всего с девятилетним стажем, думала справиться с теми ранениями, которые он нанес себе. Это было сквозное ранение сердца, с повреждением левого желудочка, перегородки, клапана и правого предсердия. Зашивая снаружи входную и выходную раны, я не могла представить себе весь объем повреждений внутри сердца. Мальчика спасти не удалось. И только потом на вскрытии стало ясно, что спасти его было невозможно. Стресс был ужасный. На несколько месяцев. Вот такая трагическая юношеская любовь....

...Перед отлетом из Воркуты, а это было в последних числах ноября прошлого года, я зашел попрощаться с Марионеллой Георгиевной. Вдруг она, неожиданно прервав разговор, спрашивает:

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально, — удивился я вопросу. — А в чем дело?

— Что-то вы мне не нравитесь сегодня, по-моему, немного бледный. Все в порядке у вас?

— В порядке. Здоровье соответствует, как мне кажется, паспортным данным, образу жизни и перенесенным душевным и физически травмам, — пытался я отшутиться.

— И все-таки давайте сделаем парочку анализов. Это быстро, я сейчас вызову сестру.

Я вынужден был согласиться.

Минут через десять принесли результаты анализов.

— Ну, что я говорила. Смотрите – гемоглобина у вас чуть больше половины нормы. Это очень мало для вас. Вы ничего за собой не замечали? Никаких отклонений?

— Не замечал, — ее тревога передалась и мне: меня совсем не радовала перспектива снова попасть на операционный стол.

— Оставайтесь в Воркуте, — предложила Марионелла Георгиевна, — мы сделаем детальное обследование. Если потребуется, то и операцию. Все будет в лучшем виде, я гарантирую. Я предполагаю, что у вас....– и она сделала предположение по диагнозу.

Поколебавшись, я все же не остался: мой дом теперь в Сыктывкаре, и пусть все, что предназначено судьбой, произойдет дома.

Так что улетал я из Воркуты с большой тревогой.

(Забегая наперед, скажу, что диагноз Марионеллы Георгиевны полностью подтвердился. Через неделю в Сыктывкаре мне сделали довольно непростую операцию, но Новый год я встречал уже дома. Поздравляя с праздником Марионеллу Георгиевну и сообщая ей о результатах операции, я вынужден был с благодарностью признать:

— Вы теперь мой штатный *ангел-хранитель*. Трудно предсказать последствия моей болезни, если бы она была обнаружена на несколько месяцев позже, чем это сделали вы.)

...Итак, ночным рейсом я улетаю из Воркуты. Дребезжащая всеми своими сочленениями престарелая «двадцать четвертая АНушка», словно вспомнив молодость, бодро взлетела над короткой воркутинской полосой. Впрочем, на короткой полосе всегда взлететь надо бодро, забыв о возрасте. Через замутненный иллюминатор смотрю на улетающие назад пунктиры уличных огней родной Воркуты. Вот промелькнула моя шахта «Заполярная», потом обогатительная фабрика, поселок Мульда и дальше – темнота ночной тундры. Часа через полтора я увижу в иллюминаторе сиреневый рассвет, а потом и восход над Сыктывкаром.

А в Воркуте еще долго будет длиться полярная ночь. И, может быть, уже этой ночью Марионеллу Георгиевну снова вызовут к неотложному больному, и она снова будет спасать еще одну чью-то жизнь, отдавая тихие команды ассистентам своим удивительным голосом. И пусть это великое служение родному городу продлится как можно дольше.

Храни меня, храни, мой ангел-хранитель с красивым именем Марионелла.

Храни нас всех.

Евгений ТЕКУЧ

СОЗНАНИЕ

Думать за двоих не больно,
больно видеть изнутри.
Та, что слезы льет неволью,
Ты со мной поговори.

Тот, кто думает о небе,
станет облаком седым,
неподвластным даже ветру,
бесконечно молодым.

Улетевших не хоронят,
убежавших не вернуть,
и одни лишь стены помнят
тех, кто потерял свой путь.

За свободу - все на свете.
За полет. За пять секунд.
Пусть свобода станет смертью -
я вернусь. Когда-нибудь.

ПРОХОДИТЕ МИМО

хочешь, я умру сегодня?
или, может быть, вчера?
хочешь, я закрою небо
и останусь до утра?

хочешь, я забью все двери
и не выйду никогда?
хочешь, в этом диком небе

будет новая звезда?

хочешь, я задую свечи?
хочешь, будет все всерьез?
хочешь, в этот зимний вечер
ты прольешь немного слез?

хочешь, завтра не настанет?
хочешь, будет все другим?
хочешь, все, что было лишним,
станет слишком дорогим?

...хочешь - быль, а хочешь - небыль,
хочешь - сказка иль мечта,
но сегодня мне приснятся
твои сладкие уста.

время дорисует тени
от прозрачного креста,
и тетрадь моих загадок
недосказано пуста.

хочешь, перепишем время
просто с чистого листа?..

МОСКВА

прощай! - кричит Москва цветными парусами.
мне больше не глядеть в твои глаза,
не обнимать тебя холодными руками,
не слышать льющиеся с неба голоса.

вполоборота рваная улыбка,
как талый снег на медных проводах.
моя последняя любимая ошибка,
дым в голове и шрамы на руках.

мне будет не хватать твоих рассветов
и музыки усталого метро,
на восемь лет просроченных билетов
в другую жизнь, в раскрытое окно.

но я вернусь не летом, не зимою,
и подарю засушенный букет.
мы снова будем счастливы с тобою
в мой день рожденья, тридцать восемь лет.

и небо станет жеваной салфеткой,
и чашкой кофе - лужа на бульваре.
сиянье улиц - жалкой опереткой,
написанной в предпраздничном угаре.

и площадей твоих растрепанные крылья
соединят пустые перекрестки,
я на лице твоём осяду серой пылью,
взойдя на полутьмы твоей подмостки.

я не забуду - веришь? - никогда,
как сладко (я откроюсь на прощанье)
встречать, в надежде затаив дыханье,
твоих звенящих улиц поезда.

Алексей ИЕВЛЕВ

ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО (отрывок из повести)

* * *

- Ваша станция, - в купе заглянула проводница. – Стоянка поезда - десять минут.

- Спасибо, Маша, - улыбнулся ей Николай. – И за напоминание. И за чай. И за красоту!

- Скажете тоже, - смутилась девушка. – Счастливо!

- Ну, ты – ловелас! Вогнал девчонку в краску, - укорил Николая Олег. – Старший брат, а какой пример мне подаешь?

- Зачем тебе мой пример? Красивая девушка заслуживает красивых слов! Ладно, хватит болтать. Бери чемодан и пошли. Подъезжаем...

У открытой двери вагона уже столпились обычные на таких провинциальных станциях продавщицы всякой всячины – от вареной картошки и соленых огурцов до игрушек и хрустальных фужеров. Прорвав их плотный, но малочисленный строй, братья оказались на перроне.

- Давненько мы тут не были... - задумчиво сказал Олег, ставя чемодан на землю. – Лет десять, наверно...

- Как мама умерла... - подтвердил Николай. – Я тогда решил, что каждый год буду приезжать на ее могилу, но... Не получается. Работа... И все время находятся какие-то важные и неотложные дела! Хотя, казалось бы, что может быть важнее – мама...

- Не кори себя, - остановил его Олег, и глаза его странно заблестели. – Я тоже не лучше... Пойдем?

- Погоди... Ты не знаешь, этот вокзал довоенной постройки? Или уже после войны возвели?

- Я-то откуда знаю? – искренне удивился Олег. – Мне в сорок первом только два года было. А тебе, по-моему, пять?

- А ты не помнишь, как мы отсюда отца провожали? – поинтересовался Николай.

- Я отца вообще не помню. Видимо, слишком мал был. Даже никаких ощущений не осталось, - извиняющимся тоном сказал Олег. – А куда мы его провожали? На войну?

- Провожали на военные сборы. А получилось – на войну. Это было одиннадцатого мая тысяча девятьсот сорок первого года. Дату мне мать потом сказала, когда я взрослым стал...

* * *

Перрон заполнен людьми. Но это не праздник, хотя флагов и транспарантов хватает. Стоят кучками, приглушенно переговариваются. Женщины то и дело утирают глаза платками. Нет-нет да одна из них заревет во весь голос, но остальные тихонько успокаивают ее.

Пятилетний Колька послушно стоит около мамы и тети Веры. Двухлетний Олег вертится на теткиных руках, норовя соскользнуть на землю.

Подходит баба Таня:

- Говорят, их сейчас привезут с призывного пункта. И сразу – на поезд, - и тоже едва не заходится в крике. – Проститесь-то хоть дадут?!

- Не плачь, мама, - успокаивает ее тетя Вера. – Это же призыв на учебные сборы. Не на войну же едет!

- Какие сборы, девка?! Не сегодня-завтра... - продолжает причитать баба Таня.

Откуда-то появляется отец и бросается к ним. Торопливо и молча целует женщин. Потом хватает на руки Кольку и прижимает его к себе. Крупные, горячие и соленые мужские слезы капаят на лицо мальчишке.

- Ты, Колька, мужик, старший... Береги маму и Олега... Я надеюсь на тебя...

Крепко поцеловав сына, ставит его на перрон. Затем подхватывает Олега, подбрасывает его вверх, целует. Ничего не понимающий малыш на всякий случай начинает громко реветь, но тут же затихает с открытым ртом.

На станцию с грохотом врывается и с лязгом останавливается поезд.

- По вагонам! – кричат военные, торопя призывников. Отец целует мать, в последний раз бросает взгляд на сыновей и поднимается на подножку.

Так на подножке он и уехал, махая рукой.

* * *

- Больше мы его не видели, - медленно, словно отходя от воспоминаний, произнес Николай. – Сначала он писал письма... Потом они перестали приходить. Похоронки тоже не было. Уже после войны, много лет спустя, мать узнала, что он погиб под Оршей в сорок втором... Пропал без вести... А это одно и то же.

- Тогда много народа погибло...

- Да... Из нашей деревни ушло, наверно, сотни две мужиков, а вернулись дядя Шура да еще трое. Но те что-то совсем израненные были. Недолго и пожили... А дядя Шура – молодец! Девятый десяток разменял.

- Эй! Николай Павлович! Олег Павлович! – окликнули их. Навстречу шел мужик лет сорока, за ним – юноша школьного возраста.

- Здравствуйте! Вы меня не помните? Я в соседнем с дядей Шурой доме живу.

- Володька, что ли? – признал его Николай. – Конечно, тебя сразу и не узнать. А вот сын твой, - кивнул он на юношу, - точная копия прежнего Вовки.

- Санькой зовут, - улыбнулся Владимир. – Нас дядя Шура попросил вас встретить.

- Спасибо! И извини за беспокойство. Добрались бы на чем-нибудь...

- Мне не в тягость. Санька, бери чемодан! И пошли! Машину я на привокзальной площади оставил.

Джип «Ниссан Патрол» сверкал на солнце, как концертный рояль.

- Шикарная у тебя машина! – не удержался Олег. – Ни за что бы не подумал, что в деревне можно заработать на такую штуку.

- В деревне нельзя, - согласился Владимир, включая мотор. – Я-то сначала, как все, в фермеры подался... Едва последние штаны не потерял!

Машина быстро выехала из городка на трассу. Владимир прибавил скорость и продолжил:

- А потом другая работенка нашлась... Вот благодаря ей и живу! А остальные... Кто спился, кто уехал, а кто и на погосте уже... А фермерствовать ни у кого не получилось. Кредитов не дают, а налоги дерут исправно! Вот и сгубили деревню...

- А дядя Шура как поживает? Тоже спивается? – сменил тему Николай.

- Одно время пил крепко, - согласился Владимир. – Бабка-то у него померла несколько лет назад. Один живет. А участникам войны пенсию подняли. Так он больше всех в деревне получал! Каждый день на бутылку хватало! Ему-то уж мало надо. Стопку выпьет и полдня спит. Но выпивох в компанию к нему набивалось... Вот деньги-то и текли, как песок...

- А сейчас, что, бросил пить? – удивился Олег.

- Как отрезало! – подтвердил Владимир. – Ходит трезвый. Прежнюю компанию разогнал. Да они сами перестали ходить. Не наливает, так чего зря ноги бить!

- А что случилось-то? – поинтересовался Николай.

- Да, вроде, ничего, - пожал плечами Владимир. – Говорит, что свою норму за жизнь выпил! Может, и так... А, может, занедужил, да никому не сказывает. Все-таки, девятый десяток...

- Дела... - неопределенно протянул Олег.

- А ты что скажешь, Санька? – неожиданно спросил сына Владимир. – Почитай, каждый день с ним на рыбалку на озеро ходите. Правда, рыбы я пока от вас не видел... Чего дядя Шура-то говорит?

- Мы об этом не разговаривали, - нехотя ответил юноша. – А про рыбу ты зря! Коту нашего улова хватает.

- А далеко ходите? Он ведь, наверно, теперь плохой ходок? – вмешался Николай.

- Близко, - ответил за сына Владимир. – На озеро ходят, что возле деревни. Там у дяди Шуры лодка да пара драных сетей.

- Не заросло еще? – удивился Олег. – Оно лет десять назад сплошь в кувшинках было. Я думал, заболотилось совсем.

- К тому идет, - согласился Владимир. – Но караси еще водятся. Да весной, как речка разольется, у нас тут море-океан! Вот и обновляется водичка в озере. А иначе давно бы стухла...

* * *

Дядя Шура ждал их, сидя на лавке возле покосившегося крыльца. Если бы не крепкий деревенский загар, то его искромсанное морщинами лицо ничем бы не отличалось от изборожденной трещинами и почерневшей от времени древесины.

Он, действительно, был трезв, как стеклышко, и по-стариковски свеж. Только глаза еще больше выцвели с момента их последней встречи. Цвет неба в них почти не угадывался.

Одет он был живописно. Вдрызг разношенные летние туфли, черные джинсы, порванные в нескольких местах, и немыслимой расцветки – ярко-зеленая в крупный белый и красный горох - рубаша с длинными рукавами, застегнутая на все пуговицы.

«Видимо, внуки привезли ненужную одежду, - догадался Николай. – Вот он и донашивает».

Старик по очереди крепко обнял и расцеловал приезжих.

- Давно не были, - то ли пожурил, то ли так поприветствовал он их. – Пошли в дом. Старуха-то померла. Но суп я вам сварил. Перекусите с дороги.

- Совсем не пьешь? – спросил Николай, когда все расселись на деревянных скамьях вдоль широкого стола, застеленного старой, вытертой и потрескавшейся клеенкой. – А то я коньяк привез. Французский!

- Доставай, раз привез, - махнул рукой дядя Шура. – С вами, глядишь, рюмку-другую и выпью... А так – желания нет. Не пью.

Николай достал бутылку, и пока старик с любопытством изучал и разглядывал этикетку, братья живо нарезали привезенные с собой хлеб, колбасу, сделали салат из свежих огурцов и помидоров.

- Где у тебя рюмки? – спросил Олег. – Там, где обычно?

- Там, - усмехнулся старик. – Глянь в комод. Никуда, поди, не ушли... Тьфу, старый! Про суп-то забыл! А вы молчите... Зря, что ли, старался?

- Не зря, - успокоил его Николай. – Сиди. Я принесу. Где он у тебя?

- За занавеской, на электрической плитке стоит. Ежели что, то можно поджарить.

- Вроде горячий, - Николай потрогал ладонью бок кастрюли. Затем взял с полки самую большую металлическую миску и выплеснул в нее все содержимое. – Да у тебя с мясом...

- Галя еще зимой кусок приносила. Телка они забили. Вот я и засолил.

- Ну, под такую закуску... грех не выпить! – сказал Олег.

- Наливай, - согласился старик.

Выпили, и Николай спросил:

- Ты про Галину говорил. Как у них дела?

- Костя куда-то пропал, - нехотя ответил старик.

* * *

- Опять в лес? – Зина с тревогой посмотрела на мужа. – Сколько раз тебе говорила, брось это занятие! И сына погубишь, и меня вдовой сделаешь!

- Не каркай раньше времени, - огрызнулся Владимир. – А что еще прикажешь делать? Зубы на полку и паленую водку пить, как остальные? Тоже долго не протянешь... А здесь деньги! И немалые.

- Мы же не первый раз идем, мама, - вступил Санька в разговор. – Будем осторожны.

- Да ведь мины-то не разбирают, кто первый, а кто последний раз пришел... Кто осторожен, а кто нет...

- Не причитай, Зина, - остановил ее муж. – Такая у нас работа.

- Сами вы эту работу нашли! – не унималась жена.

- Сами, - вздохнул Владимир. – В другое время бы и представить не мог, что буду с сыном по старым окопам лазить... А нынче вон какой спрос на антиквариат! Видела же сама, все что находим, покупают за милую душу! И ездить никуда не надо. Покупатели сами навещают.

- Знаю я ваших покупателей. Рожи бандитские у них, - снова завелась Зина. – И не заговаривай мне зубы! Антиквар хренов! Оружие им нужно. За него вам и платят. А медальки да фляжки – это для отвода глаз...

- Зачем ты так, мама, - снова вмешался Санька. – Я вон в прошлый раз эсэсовский кинжал нашел, так они даже не торговались! Где мы еще такие деньги зарабатываем?

- Кровавые это деньги, Санька, - тихо сказала мать. – Оружие просто так не покупают... Постреляет оно еще где-то, чью-то кровь пустит. И вы с отцом по краю

ходите... От мин уберезетесь, так участковый прознает про ваш промысел... Греха не оберемся!

Помолчали. Ободренная перерывом в разговоре, Зина продолжила:

- И не по-людски это – мертвых тревожить... Там же солдат погибло – страсть! А вы их, как мародеры, прости Господи!

- Ну, ты даешь, мать! – возмутился Санька. – Да они там полвека лежат никому не нужные! А мы все-таки несколько медальонов с адресами нашли, в военкомат передали. Может, теперь родным сообщат, что они не без вести пропали, а здесь погибли... Правда, у большинства медальонов нет... Или пустые они... Почему так? Ведь для такого случая они и выдавались... Чтобы опознать можно было...

- Говорят, считалось плохой приметой меж солдат носить такие медальоны, – сказал Владимир. – Дескать, точно убьют... Вот и выбрасывали их. Или не вкладывали туда бумажки с адресом и фамилией. Потому и лежат сейчас безымянные...

- Которые с именем, тоже лежат, – возразил Санька.

* * *

Николай обнимал за плечи плачущую навзрыд Галину. Олег стоял рядом и пытался как-то ее успокоить.

- Нам дядя Шура сказал про Костю, – начал Николай, когда Галина немного успокоилась, и все расселись за столом. – Но он и сам толком ничего не знает. Как дело-то было?

- А никак, – утерла женщина вновь набежавшую слезу. – Утром оделся, как обычно, – джинсы, кроссовки... И куда-то ушел... Я не спрашивала, куда. У нас идти некуда, кроме как в лес или водку пить...

- Погоди! Какая водка? Он же у тебя еще в школе учится, – удивился Олег.

- Учится, – согласилась Галина. – В десятом классе. Совсем ты, Олега, отбил от нашей жизни. У нас все пьют... И я иной раз от тоски беспросветной рюмку другую с нашими бабами выпью. Так и живем...

- Постой, – прервал ее причитания Николай. – А друзей его ты не расспрашивала? Может, они чего знают?

- Спрашивала, – махнула рукой Галина. – Говорят, что не знают, где он. Может, и врут... Да как узнаешь?

- А зачем он в лес пошел? Грибам-то еще рановато.

- Скажешь тоже... Какие грибы... – устало и печально ответила женщина. – Повадились тут к нам эти... По телевизору их «черными следопытами» называют. Сам знаешь, линия фронта-то чуть-чуть не дошла до нашей деревни. И бои были здесь страшные...

- Думаешь, Костя с ними пошел?

- Нет... Не было их нынче. Чужих в деревне сразу заметно. Никого не было, – снова утерла слезу Галина. – Да и не ходят они туда сами. Как-то пару раз подорвались их ребята на минах... А наши, ты же знаешь, с малолетства все эти окопы да воронки излазили. Вот и нашлась нынче пацанам да мужикам, кто посмелее, работа.

- Так Володька с Санькой тоже этим промышляют? – догадался Николай. – То-то у них джип, как у президента! Неужели за старый хлам так хорошо платят?

- Ну, ржавые гильзы да дырявые каски никому не нужны... А вот оружие берут хорошо... Говорят, восстанавливают и – в музей... Поди проверь... Но деньги платят сразу, наши ничего и не спрашивают. Жить-то надо... А когда есть оружие, то для отвода глаз они и весь остальной хлам за бесценку покупают. Может, что в музей и попадает...

- А участковый ваш куда смотрит?

- Туда же, куда и все, - махнула рукой Галина. – В рюмку. Да бабе своей под юбку... Думаешь, он не догадывается, на какие шиши Володькой джип куплен? Но помалкивает...

- Боится? – равнодушно поинтересовался Олег.

- Может, и так, - согласилась женщина. – А, может, и другое что... Может, ему приплачивают за молчание? Но наговаривать не буду. Сама ему денег не давала, и ни о чем таком не ведаю.

- Костя тоже продавал находки? – спросил Николай. Женщина кивнула:

- Вон телевизор купил... Хотел еще видеоманитофон...

- Н-да, - задумчиво протянул Николай. – В свое время мы с Олегом тоже всю округу излазили. Оружия тогда всякого в сарай натаскали...

- Может, что и осталось? – вопросительно посмотрела на него Галина.

- Может, и так... Мы ж тут десять лет не были. Пацаны, наверно, нашли все наши заначки.

- Нет, - отрицательно помотала головой Галина. – Я бы знала. В деревне ничего не утаишь. Целы ваши схроны.

- Ну-ну, поглядим, - неопределенно ответил Николай.

* * *

Деревня... Собственно единой деревни как таковой не было. Видимо, предки были чересчур вольнолюбивыми, и их мятежной душе требовался простор. Поэтому то там, то здесь группами по десять-пятнадцать домов красовались отдельные поселения, расположенные на вершинах многочисленных пологих холмов.

Родительский дом Николая и Олега был крайним. Никем некошенная трава подступила вплотную к изгороди, за которой в рост человека буйствовала крапива.

Перекосившаяся калитка, обросшая лишайником, как днище какого-нибудь морского лайнера, открылась легко и едва не слетела с проржавевших петель, державшихся на честном слове, потому что половина гвоздей уже выпала из трухлявого дерева. Сбив палкой стебли крапивы, Николай добрался до входной двери. Навесной замок легко открылся ключом, взятым у дяди Шуры.

Три ступени, служившие когда-то крыльцом, а ныне оказавшиеся внутри дощатой загородки, подняли мужчин на помост. Он крепко осел на одну сторону, но толстенные деревянные плахи по-прежнему плотно прилегали друг к другу.

Здесь все было так, как это помнилось братьям. На гвоздях, вбитых в стены, висела старая одежда. В углу синел рукомойник с почерневшим от времени медным тазом для грязной воды. На лавке стояли два оцинкованных ведра, перевернутые днищами вверх. А в другом углу находилась большая деревянная клетка. Когда-то в ней на ночь запирали куриц.

- Похоже, никто чужой не лазил, - сказал Олег и, открыв дощатую дверцу, заглянул в дровяник. – Даже дров полно. Никто не позарился. И колун цел.

- Ну, дядя Шура все-таки приглядывает за домом. Поэтому местные не шалят, а чужих тут не бывает... Давай-ка попадать в дом. Интересно, зачем такая связка ключей?

- Наверно, он по привычке хранит все. Вот и накопилось.

Третий или четвертый ключ легко повернулся в скважине, и Николай вынул дужку замка из дверных колец. Потянул за ручку, но дверь не поддавалась.

- Дергай сильнее, - посоветовал Олег. – Дом-то, ишь, как повело...

Со второго рывка дверь открылась, и, низко пригнувшись, братья вошли в избу.

* * *

Начальник РОВД Александр Парначев не удивился, застав в приемной главы местной администрации военкома Цивунина:

- Приветствую, Сергей Петрович! Тебя тоже вызвал? – кивнул он на дверь кабинета главы.

- Здорово, Александр Николаевич. Вызвал. А зачем, не знаю. И Катюша молчит, как партизан. Блюдет государственную тайну.

- Всегда Вы слово найдете с подковыркой, - засмеялась секретарь. – Блюдет... Блюду! Знала бы, что блюду – сказала. Велел пригласить Вас обоих – и точка!

- М-да... Юбилеев и праздников в ближайшее время не предвидится, - начал гадать Парначев. – Побегов из военных частей не было... Я прикидываю, в какую телегу нас с тобой, Сергей Петрович, вдвоем можно впрячь... Помогай!

- Никто из ветеранов, слава Богу, не преставился, - включился в гадание военком. – Груз-200 не поступал... До очередного призыва – как первогодку до дембеля... Ничего путного на ум не приходит!

- Катюша, ну-ка, признавайся, как на духу, кто до нас был у него на приеме? – Парначев нарочито сурово посмотрел на девушку.

- Не боюсь я Вас, Александр Николаевич! – блеснула улыбкой секретарь. – Никого вроде не было... Ну, главбух заходила... Марк Новоселов просил денег на издание своего сборника песен о нашем крае... Из газеты приносили на сверку интервью с главой, которое завтра будет опубликовано... Да вот еще звонили какие-то скауты...

- Скауты? – удивился военком. – У нас вроде такой живности до сих пор не водилось.

- Они чуть ли не из Питера. Ездят по местам боев. Ищут останки воинов, устанавливают их имена...

- Дело хорошее, не спорю, - сказал Парначев. – Ну, и ехали бы на свой «Невский пяточок»! Там такая мясорубка была, что это месиво вовек не расхлебать.

- Наверно, там тесно стало. Особенно, когда выяснилось, что отец Президента тоже там воевал. Это как раньше все чиновники в большой теннис бросились играть, так сейчас все следопыты на этот «пяточок» повадились, - военком задумчиво остановился у окна. – Вот не было печали...

* * *

Владимир с Санькой расположились перекусить у обрушившегося блиндажа. Окопы и ходы сообщений еще просматривались, но основательно заплыли и заросли травой и кустарником.

- Похоже, у наших тут оружейный склад был. Удивительно, что пацаны его за столько лет не нашли, - сказал Санька.

- Видимо, других находок хватало, - пожал плечами Владимир. – Николай Павлович, которого мы к дяде Шуре привезли, рассказывал, что сразу после войны здесь оружие лежало прямо на земле... Какое хочешь и сколько хочешь...

- Слушай, батя, не пойму, а чего бы нам весь этот склад домой не перетащить? А то ходим-ходим, берем по чуть-чуть...

- Опасно столько оружия дома держать. Нагрянет участковый с обыском – такой срок впаяют, жизни не хватит, чтоб весь отсидеть!

- И за один ствол могут посадить...

- За один отбремемся... Дескать, только что в лесу нашли, вот решили передохнуть с дороги – и сразу в милицию! Сдавать, а как же иначе!

- Слушай, а наши покупатели... Ну, ведь не в музей же они его тащат!
- Понятно, что нет, - кивнул головой Владимир. – Но если бы я подозревал, что оно уходит в Чечню, и там из него наших бьют – хрен бы я чего продал! Но у боевиков новенькие «калаши», «стингеры»...
- Куда же идут наши находки?
- Думаю, «братва» ими разборки устраивает... Дешево и сердито! А, может, перепродают каким-нибудь папуасам... Не удивлюсь... Про Афган как-то была передача, так там и с кремневыми ружьями против нас «духи» поначалу-то воевали.
- Может быть, - согласился Санька. – Знаешь, батя, о чем я думаю?
- Надеюсь, не о женитьбе, - попытался отшутиться Владимир. – Рановато тебе. Хотя Люба твоя хороша! Одобряю!
- Никакая она не моя! – покраснел Санька.
- Ладно, не дуйся, - шутливо ткнул отец сына кулаком в плечо. – Чего спросить-то хотел?
- Понимаешь... Стояли вот тут наши солдаты насмерть... Конкретно вот здесь – в этом лесу, в этом болоте, в этом овраге... И не прошел враг!
- Ну – и?
- Ну, и оказалось, что конкретно этот лес, это болото, этот овраг по большому счету никому не нужны!
- Как это – никому не нужны? Мне нужны! Я здесь родился. Здесь моя родина!
- Да я не об этом... Вот под Прохоровкой была грандиозная танковая битва. Сотни машин там сгорели... И ничего – расчистили «танковое поле» и посеяли хлеб. Значит, конкретно то поле оказалось нужным, его используют... А здесь? Сколько лет сюда нормальные люди – ни ногой? Полвека? А сколько еще не будут ходить?
- Не знаю... Говорят, еще с Первой мировой не все снаряды обезвредили... А со Второй-то долго не разберутся...
- Так, что, прав я?
- Думаю, нет... А объяснить не могу! – развел руками Владимир.
- Ладно, - перевел разговор Санька на другую тему. – Я где-то читал, или по «телеку» говорили, что ни на Куликовом поле, ни в Чудском озере не могут найти остатков оружия. А там ведь были большие сражения. Может, за сотни лет земля рассасывает железо? Как бы излечивается?
- Фантазер ты, - потрепал Владимир сына по голове. – Скорее всего, точное место сражений позабылось за столько времени. А потом, почему на Куликовом поле должно было остаться оружие?
- Ну, как здесь, - Санька мотнул головой, указывая на округу.
- Не путай! Тут повоевали и пошли вперед за отступавшим врагом. А там победили и не за кем не погнались, а остались хоронить погибших.
- Ну, на мертвых же должна была хотя бы кольчуга остаться...
- Почему? Оружие и доспехи ценились дорого и делались вручную. Мне кажется, хотя я и не историк, все железо – и целое, и разбитое – собрали. Времени для этого было достаточно. А кузнецы дома поправили, что можно, и перековали, что нужно.
- Что-то об этом не упоминают летописи!
- А мы много знаем о наших трофейных или похоронных командах? Думаешь, они по карманам да вещмешкам не лазали? Так все в землю и бухали?
- Не знаю...
- И я, честно говоря, не знаю!

* * *

- Здорово, дядя Шура! – войдя в дом старика, Галина огляделась. – Ну, вот дом на дом стал похож, а не на берлогу пьяного медведя.

- Ладно тебе, - отмахнулся старик. – Чего пришла?

- Что уж, тебя и проведать нельзя? Не чужие, - укоризненно ответила Галина. – Молока вот принесла литр. Пей. Это полезнее, чем водка!

- Опять ты за свое, - огрызнулся дядя Шура. – Ежели ругаться пришла, то вот тебе Бог, - показал он на божницу, - а вот порог!

- Да остынь ты, - миролюбиво предложила женщина. – Чего мне с тобой ругаться? Делить нам нечего...

- Ну, тогда присаживайся. Рассказывай, что в деревне делается.

- А ничего не делается... Твои гости – самая главная новость на деревне. Куда девал-то их?

- Родительский дом пошли смотреть...

- А... К нему, поди, и не пробраться? Крапива выше головы выросла в загородке-то...

- Прoberутся, ежели захотят. Конечно, надо бы сходить да обкосить вокруг дома траву да крапиву... Но, поверишь, сил нет. И желания тоже.

- На озеро-то с Санькой ходишь!

- Это же не работа, а так... В воду-то уже не лезу. Санька сети проверяет, а я на берегу сижу. Меня даже комары не трогают. Видать, кровь не та уже, не нравится им.

- Вот и пей молоко! Румянец появится во всю щеку, - пошутила Галина.

- Попью, - согласился старик. – Про Костю-то ничего нового не вызнала?

- Нет... Думаю, не к отцу ли в город подался?

- Тю... Вы же разошлись, когда Костя под стол пешком ходил!

- Ну, и что? Алименты он платит, от сына не отказывается. А что от меня отказался... так это наше дело!

- Я в ваши дела и не лезу, - отрезал дядя Шура. – Ты скажи, на кой ляд он к отцу-то поехал?

- Так он же автодело преподает. А Костя-то один в классе остался. Все остальные в город уехали, в ПТУ поступили. А мой-то не собрался со всеми, вот и мучается. Несколько раз заводил разговор, что поедет к отцу и через него попытается попасть в училище.

- Он – дитё неразумное! А ты-то чего молчала? Чем ему отец сейчас поможет? Вот будет очередной прием, пусть пробует, как все... Может, тогда и отец пособит.

- Да говорила я! Но разве ж он меня слушает? Деньги вот копил на видеоманитофон... Я глянула, денег нет. Значит, с собой взял.

- Ну, ежели к отцу наладился, то скоро вернется, - убежденно сказал старик. – Он – не медаль. У отца на шее своя семья имеется!

- Скорей бы уж... вернулся, - шмыгнула носом Галина. – Не дай Бог, свяжется с какими-нибудь прохвостами в городе... Пропадет!

- Пусть рот не разевает! Пропадет... Я чуть старше его был, а меня уже в окопы с винтовкой сунули! Не пропал! - завелся старик. – Всю войну возле Ленинграда... и до сих пор жив!

- Корень, видать, у тебя крепкий, - попыталась утихомирить его Галина. – Мать-то наша до восьмидесяти семи дожила.

- И я скоро до этого срока дотяну, - чуть спокойнее продолжил дядя Шура. – Но не в корне дело! Приноравливаться к обстоятельствам надо, чтобы выжить... В самую смерть нас совали, а я все одно – выжил! Меня отделенным назначили, и на танковой броне – вперед за Родину! Отделенный-то за башней сидит, о остальные –

где кто примостится... Меня ни пули, ни осколки не задевали... Оглянешься во время боя, а на броне-то никого... Пусто!

- Ты к чему это в воспоминания-то ударился? – удивилась Галина.

- К тому... - буркнул старик. – Поосторожней надо быть твоему Костику. И в городе, и здесь, когда в лес ходит... Шальной он у тебя бывает. Того и гляди, не убежится!

- Один он, что ли, туда ходит! Санька твой разлюбезный тоже там с отцом пашется!

- Я ведь не осуждаю, - спокойно посмотрел на Галину дядя Шура. – Просто там – смерть кругом. А смерть не убьешь! Она сама кого хочешь убьет... Поосторожней надо...

* * *

- Здесь все по-прежнему... Даже пыли почему-то нет, - удивился Олег.

- Пылить некому... Помнишь, какие мы тут игры устраивали? Шума и гама было на всю деревню, - улыбнулся Николай.

- Да... Нет, смотри, никто ничего не взял!

- А чего тут брать? У всех в деревне такое же добро, - пожал плечами Николай. – Лавки, столы, посуда... Это уж если, не приведи Господи, погорельцам что-то отдать на обустройство на первых порах... А так... Это для нас эти вещи ценны как память. А на базаре им цены нет!

- Бесценны, значит, - поддержал шутку Олег. – Ну, ладно... Здесь все нормально. Игрушки будем смотреть?

- Давай, ради интереса, проверим те, что в дровянике.

Братья снова прошли на помост и, открыв дощатую дверь, спустились к поленице.

- Придется поленицу переключивать, - почесал затылок Олег.

- Давай ее пока не будем трогать... Тут возни на полдня, и вымажемся с ног до головы! Объясняй потом дяде Шура, чего мы по углам выискивали... Найди лопату!

- Чего ее искать? Вот, рядом с колуном стоит... Где ковыряться-то хочешь?

- Да вот в этом углу...

- Не припомню я, чтоб мы туда чего-нибудь прятали... Я по ночам, когда маленький был, в этот угол писать бегал, чтоб на улицу не выходить... Страшно же, особенно зимой!

- Да ты обоссал весь мой арсенал! – притворно ужаснулся Николай. – Тут я еще в войну один интересный наган припрятал. А то мамка жуть как ругалась! Хотела отобрать и выкинуть. Я спрятал, а ей сказал, что потерял.

- Ну, копай... может, не заржавел.

- Не должен бы... Я его в масляную тряпку завернул и в железную коробку положил. Вряд ли твои струи проббили эту защиту!

Коробка изрядно поржавела, но сохранила содержимое.

- Какой он маленький! Как игрушка, - удивился Олег.

- Мне и дали его, как игрушку. Мне было тогда шесть лет, - пояснил Николай. – У него пружина сломана, вот взрослые и думали, что он безопасен. А я починил... Патронов у солдат можно было много выпросить. Настрелялся досыта! Как только сам не покалечился и никого из друзей случайно не убил?.. Уберег Господь дитя неразумное...

- Ну, что ж... Права, Галина. Целы наши заначки.

- Вот и пусть дальше лежат! А помнишь, как мы по Ленинграду ходили, вооруженные до зубов?

* * *

- Вот зачем я вас пригласил, - начал глава администрации, - состоялся у меня разговор с руководителем приехавшего к нам отряда скаутов. Зовут его Глеб Маралев. Они из Санкт-Петербурга. Занимаются поисковой работой. Вот к нам пожаловали... Из области уже звонили, просили оказать содействие.

- Да мы всей душой! – откликнулся военком. – А что они хотят-то?

- А хотят они, Сергей Петрович, побывать на местах боев. Отсюда ведь фашистов назад погнали. Вот и желают они ознакомиться, так сказать, на местности...

- Алексей Иванович, вы у нас недавно в районе работаете, - подключился к разговору Парначев, - многого не знаете. Но, помните, несколько человек подорвались на минах в лесу? Я Вам докладывал. Так это как раз на местах прежних боев.

- Ну, направьте их туда, где мин нет. Кстати, Александр Николаевич, надо будет организовать сопровождение отряда вашими сотрудниками. Чтобы порядок был, да и мало ли чего...

- Сопровождать – дело нехитрое! Но поймите, Алексей Иванович, линия фронта в нашем районе проходила по лесам да болотам. И как она ушла на запад, так никто про нее и не вспоминал. Поначалу таблички поставили «Мины!» А потом те сгнили да поломались... И кто теперь знает, где есть минные поля, а где нет?

- А что ж раньше-то не разминировали?

- За предшественников не скажу... Не знаю! – ответил военком. – Скорее всего, руки не дошли. А потом, наверно, привыкли... Привыкают же к тому, что у соседа злая собака, вот и не тревожат попусту. Так и тут. Особой нужды в этом участке леса и в этих болотах не было, вот и забросили их.

- Ну, а Вы, Сергей Петрович, почему не ставили этот вопрос?

- По той же самой причине. Мы ветеранам по сто рублей к празднику с трудом находим, а тут такие площади разминировать!

- А просто вызвать саперов нельзя?

- Если б мы бомбу или снаряд вблизи жилья нашли, тогда нет проблем! Они бы в миг прибыли и все сделали. А здесь – какая такая первоочередная нужда? Ну, гнили боеприпасы полвека в земле, пусть и дальше гниют. Авось, рассосется...

- Да... Что делать будем?

- Я так скажу, Алексей Иванович, - решительно заявил военком. – Я только-только начал отвыкать встречать из Афгана да Чечни груз-200. И не хочу, чтобы мы стали отправлять такой груз от нас. Не поведу я ребят в лес!

- Не кипятись, Сергей Петрович, - остудил его пыл начальник милиции. – Никто тебя туда и не просит их вести. Более того, если вздумают сами туда сунуться, я весь райотдел поставлю на ноги, переловлю их и отправлю назад – к маме, к папе... к черту!

- Теперь и ты завелся, Александр Николаевич, - примирительно поднял руку глава администрации. – Повторяю вопрос. Что будем делать? Назад отправим?

- Зачем? – удивился военком. – Что у нас – ветеранов нет? Сколько угодно! И стариков, и молодых. Вот и пусть с ними встречаются, беседуют, галстуки пионер... тьфу, скаутские повязывают! И ветеранам бальзам на душу, и патриотическое воспитание на высоте.

- Так-то бы оно так... Но, похоже, этот Маралев – шустрый парень! Как бы не занялся ненужной самодеятельностью.

- А вот тут, - твердо сказал Парначев, - проявите власть, Алексей Иванович! Так ему и скажите – партизанить не позволим! Пусть пляшут под нашу дудку!

- А если откажутся?

- Тогда - скатертью дорога!

- Точно! – поддержал его военком. – Есть такая английская поговорка – леди, сходящая с повозки, облегчает работу лошади!

* * *

- Здорово, Глеб, - окликнули Маралева. Он оглянулся. Из «мерседеса» вышел парень, затянутый в кожу. Глеб узнал Лавриненко:

- Привет, Сергей.

- Не вижу, коллеги, радости на лице. Ради приличия бы спросил, мол, какими судьбами?

- Чего зря языком трепать? Куда конь с копытом, туда и рак с клешней...

- Ну-ну. Новый регион решил осваивать? Под Питером тесно стало?

- А там народу – как на войне! И сразу командующие появились. Когда мы в грязи по пояс лазали, я этих командиров не видел. А как стало известно, что там отец Президента воевал, столько dobroхотов из всех углов выперло. И все стараются что-нибудь организовать да с блеском отчитаться! А в грязь лезть не хотят. И нам не дают...

- Понятно, - протянул Сергей. – Я тоже бегу от суеты людской...

- Твоему бизнесу лишние глаза ни к чему, - согласился Глеб.

- У меня свои дела, у тебя свои. Разве я тебе мешаю?

- Да после вас, как Мамай прошел! Голяк! Или все перемешано! Кости-то бы хоть не тревожили... Креста на вас нет!

- На мне есть, - спокойно показал золотой крестик Сергей. – Что ты на меня попер? У меня у самого дед в ту войну пропал без вести... Мало я тебе смертных медалей передал с записками? Другой бы их выкинул, и концы в воду...

- Ладно... Чего хочешь-то? – поинтересовался Глеб. – Может, что продать намерен? Так у меня, сам знаешь, денег нет...

- Покупателей без тебя хватает... А ненужный хлам – каски дырявые да сапоги рваные – мы на тридцать втором километре, у беседки на краю трассы выкидываем. Там уже целая гора... Покопайся, кое-что тебе подойдет для отчета. А в лес не суйся и ребят своих не води.

- Угрожаешь?

- Предупреждаю. Мины там. Кругом мины... Наши двое не убереглись.

- А как же ты хлам насобирали? Тот, что на тридцать втором километре выбросил?

- Применил научную организацию труда, - ехидно ответил Сергей. – Местные-то сидят без дела и без копейки денег. А округу еще пацанами излазили. Вот я у них и скупаю все подряд.

- Меценат! Собиратель ты наш! Прямо Третьяков! Галереи только не хватает!

- Ладно, пока! А совет прими. В лес не лазай... Там смерть.

* * *

Пятеро деревенских мальчишек собирались в сарае уже не в первый раз. Поэтому без лишних слов двенадцатилетний Колька раскрыл школьный атлас и начал излагать план:

- Смотрите. Первым делом идем на станцию и на поезде доезжаем до Ленинграда...

- А... - перебил его Олег, но брат не дал ему продолжить:

- Погоди, Олег. Сначала я изложу весь план, а потом будете задавать вопросы! Так вот... Пешком выберемся на берег Финского залива. Найдем или украдем боль-

шую лодку и на ней по морю обогнем с севера Европу, - Колькин палец уверенно двигался по карте. Ребята, затаив дыхание и сдвинув головы, неотрывно следили за его перемещением.

- Затем поворачиваем на юг и по Атлантике доплываем до западного побережья Африки...

- Здорово! – опять не выдержал Олег.

- Не перебивай! – снова одернул его Колька.- Вот здесь, в районе экватора сойдем на берег... И пешком двинем на восток через Бельгийское Конго, Танганьiku и Мозамбик, - палец мальчишки продолжал пересекать меридианы. – И где-то напротив Мадагаскара выйдем на восточное побережье Африки... А там найдем какое-нибудь попутное судно, договоримся с капитаном и вернемся домой!

План был хорош! Лица Колькиных слушателей выражали восторг и полное согласие принять участие в таком походе.

- А в чем мы будем ходить по Африке? – вдруг засомневался Толя. – Не в фуфайках же...

- Да там жара, как у нас летом! Никакой одежды не надо!

- А что будем есть? – продолжал упорствовать Толя.

- Ты что, - искренне удивился Колька, - не прокормишься в лесу или у речки? Настреляем птиц, наловим рыбы... А сухари насушим и возьмем с собой.

- А дикари? – задал, наконец, мучавший его вопрос Олег. – Вдруг они на нас нападут?

- Могут, - согласился Колька. – На то они и дикари. Но мы возьмем с собой оружие. Его в лесу много валяется. Возьмем пистолеты, патроны, ножи... Отобьемся!

- А деньги на дорогу где взять? – подал голос Женька. – В Африке, понятно, они не нужны. Но на билеты до Ленинграда...

- Вот именно, - поддержал его Толя. – На что билеты купим? Или «зайцами» поедем?

- Могут схватить! – вмешался Слава. – Отдадут в милицию – и конец нашим странствиям!

Все замолчали. Олег с надеждой смотрел на старшего брата, ожидая, что тот, как всегда, найдет выход.

- Деньги надо заработать, - решительно заявил Колька. – Другого выхода нет! Не воровать же деньги у мамок... Им и так тяжело.

- А как мы их заработаем? - удивился Олег.

- Будем сдавать кору! В лавке ивовую принимают по сорок копеек за килограмм. Надо только где-то сушить ее.

- Можно и еловую сдавать, - сказал Слава. – Правда, за нее дают всего десять копеек, но зато на старых вырубках ее пропасть! И она уже сухая!

- Правильно! – поддержал Женька. – А еще можно наловить кротов, их шкуры тоже берут! Платят от полтинника до девяносто копеек за шкурку.

- Молодец! – похвалил его Колька.

- Медь и железо тоже в лавке принимают, - сообщил Толя. – Полазаем по кустам. После войны там этого добра – море!

Не остался в стороне и Олег:

- Можно ягоды на станции продавать!

- Ну, что? За дело! – подытожил Колька. – Сейчас начало весны. Будем зарабатывать деньги. А летом...

* * *

Парначеву позвонили из области:

- Александр Николаевич, обрати внимание вот на что. Есть сведения, что из твоего района начало поступать огнестрельное оружие. Довоенного и военного производства. Исправное, чуть ли не в заводской смазке.

- Откуда такие новости? – поинтересовался начальник милиции. – Источник надежен?

- Надежен, - утвердительно ответили в трубке. – Чего удивляешься? У тебя лес рядом, а там после войны и танк при желании можно найти!

- Ну, хламье и старье пацаны всегда умудрялись где-то раздобыть, - согласился Парначев. – Из-за этого Вы ведь не стали бы беспокоиться?

- Ты прав. Здесь другое. Кто-то, видимо, нашел брошенный армейский склад времен войны.

- Кому нужно это старье? Сейчас любой прапорщик за деньги со склада ракеты упрет!

- Вот именно – за деньги! А здесь бесплатно в земле богатство лежит. Только нагнись, и оно твое! А что не современное... Если исправное и с патронами, то, поверь мне, желающие купить его найдутся! В Чечне, когда изымали оружие у населения, таких раритетов и древностей насмотрелись! Даже в музеи кое-что отправляли. А лупили по нам из этих древностей за милую душу!

- Да... Задали Вы мне задачку...

- Не мне тебя учить, как решать такие задачи! Пусть участковые будут повнимательнее. Наверняка, чужие к кому-то регулярно ездят. У кого-то, может, деньжата вдруг завелись... Да и сам пошевели мозгами!

- Не успеваю шевелить! – признался Парначев. – Скауты вот еще на нашу голову пожаловали...

- Знаю... К ним тоже присмотришься. Они ведь разное могут находить... И оружие тоже! Дети-то, может, и не при чем, а вот руководитель... Хотя в Питере о нем отзываются хорошо. Толковый!

- Ну, оружием тоже не бестолочи торгуют, - не согласился Парначев. – Тут и ум, и смелость нужна!

- Ты, наверно, хотел сказать – изворотливость и наглость?

- Это синонимы...

- Ладно... Языковед! За оружие с тебя будем спрашивать!

- Спросите – отвечу! – отрезал Парначев. – Да понимаю я, что кто-то из наших подрабатывает таким образом! Другой-то работы на деревне нет...

- Ну-ну, не оправдывай их! Так ты и к киллерам жалость проявишь.

- Это другое дело!

- Другое, - согласились на том конце провода. – Но очень близкое...

* * *

- Слушай, Николай, а, может, сдать это оружие участковому? – спросил Олег, когда они вернулись в избу. – Оно как будто не в земле лежит, а на сердце...

- Чего это вдруг? – удивился брат. – Столько лет лежало... Как ты себе это представляешь?

- Очень просто! Напишем объяснительную, что, дескать, пацанами нашли... С малолеток какой спрос?

- С малолеток – никакого! – согласился Николай. – Только мы с тобой, Олег, на малолеток не похожи! Тебе уж шестой десяток! Вот и спросит нас участковый, задушевно так спросит, чего, мол, столько лет хранили? На что надеялись?

- Ну, сейчас не те времена! – отмахнулся Олег. – Подготовку покушения на товарища Сталина нам уже не пришьют!

- Что не пришьют, то отпорют... Времена, Олег, всегда те, когда есть желание и желающие засадить человека в тюрьму! Вот участковый-то тебе обрадуется! Ему еще и медаль дадут!

- За что?!

- Ему – за то, что раскрутил двоих дурней, прятавших целый склад исправного огнестрельного оружия! А двум дурням влепят по полной за хранение оружия! А я в дурни не хочу записываться.

- Умеешь ты, Николай, все доходчиво объяснить... А вдруг кто-то найдет да еще палить из него вздумает?

- Если зря болтать языком не будем, никто его никогда не обнаружит!.. Помнишь, в детстве на чердаке банку нашли, а в ней целая пачка денег? Я таких и не видел раньше – и с Николаем, и с Екатериной... Красивые...

- Помню... Мать тогда удивилась, сказала, что дед, наверно, припрятал. А потом, наверно, забыл...

- Как же! Забыл... Революция грянула, и деньги стали бумажками. Мать говорила, что у них комод изнутри был ими оклеен для красоты. Выкинуть жалко было, а хранить бессмысленно...

- Вот и мы это оружие храним бессмысленно!

- Смысл, Олег, очень простой – там закопаны грехи нашего детства! Детство, увы, не вернуть... Давай, и грехи не будем тащить в нашу сегодняшнюю жизнь!

Тамара КУРОЧКИНА

ПРИМЕТЫ ОСЕНИ

Приметы осени-крутихи:
Парад косых, грибных дождей,
Лукошки полные брусники,
В награду несколько груздей.

Автобусы штурмует спозаранку
Народ в заготовительной запарке.
И стар, и млад в лесу при деле.
И даже дачи опустели.

Желудку и душе в угоду
Село и город – на природу!
Чтобы зимой соленые грибочки
Пришлись по вкусу сыновьям и дочкам.

ДЕКАБРЬ 2006 ГОДА

Надоели эти непонятки,
То ли дождь идет, а то ли снег –
Заигралась зима в прядки
То ли есть она, а то ли нет.

Никак декабрь не перекинет в зиму мост,

Не светят звезды ночью темноокой,
Дни коротки, как исчезающей кометы хвост,
На улицах пустых так зябко, одиноко.

А за спиной у января
Весна в февраль влюбилась
И строит козни почему зря,
Чтоб речка льдом и вовсе не покрылась.

ОДА СТИХУ

Нет крыльев? Ты не птица!
Нет голоса? Ну, явно не певица!
Нет вдохновения? Зачем же суетиться,
Стих сам придет, как феникс-птица.

Тебя настигнет на пороге,
Догонит где-то по дороге,
В твой сон ворвется он без спроса,
Не зря зовут его занозой.

В мозгу сверлит, с тобой повсюду,
Его ты гонишь, зовешь «занудой»!
И он уйдет. Тихонько, не заметно.
А без него вдруг все померкнет.

И ты опять зовешь, стенаешь,
Послушницей его быть обещаешь.
Он возвращается. И это так отратно,
Но чаще стих уходит... безвозвратно.

СВЕТИЛО

Ночь черна. Луна светила,
Светила ярко – она ж светило!
Кокетка! Развесила рога, красуясь,
Не те рога, что вспоминаем всуе.
Мерцали звезды, падали и гасли,
Не те, что суетятся среди людей так страстно,
А те, которых вспоминаем мы негласно
И вскоре забываем, а напрасно!
...Луна светила, она ж – светило!

ПРОЦЕСС ПОШЕЛ...

(повесть)

Предки Потапова. Прочие подробности

Поженившиеся приволжские пчеловод Пантелеймон Потапович, полевод Парасковья Порфирьевна понемногу притерлись, постепенно поняв пословицу, предсказывающую понимание, покой. Потом появилась прелестная парочка – Петр, Пелагея. Почти погодки.

Пантелеймон Потапович поведал подростку Петрухе подробности. Предки Петра (прадедушка, прабабушка) – простой пахарь Потап Прокофьевич, Полина Прокопьевна – поселковый пчеловод. Парой прожили полвека. Приволжане помнили предков Петра Потапова...

Пасека Пантелеймона процветала, принося приличную прибыль. Прибыток приносило подворье. Парасковья пахала, поливала поля, полола посевы, прореживала. Поженившаяся пара прожила припеваючи пятилетие. Передовики производства Потаповы пользовались почетом, полновесными привилегиями: получки, премии, поощрения, послабления, президиумы, приглашения, подарки, путевки...

Прискорбно... Пехотинец Пантелеймон погиб под Полтавой. Пришельцы-поработители покосили пулеметами половину пехотного полка. Параня, прочитав полученную похоронку, постоянно печалилась, плакала. Поседела. Парасковья проклинала поганых паулей, петерсов, прочих противников-пришельцев (пехотинцев, пулеметчиков, парашютистов, подводников), пришедших поработить поселян, подлых Потаповым.

Приволжане помогали Паране поднимать подрастающих пацанят...

Поселку позарез потребовался пиловочник (подправить производственные помещения). Парасковью плюс пятерых подружек-полеводов позвала парма (повал). Пилили...

Прошло полгода. Парасковья, поскользнувшись, повредила позвоночник. Пока подружки припёрли побелевшую Параню, прошло полсуток. Парасковья простудилась.

Почувствовав плохое, позвала Петра, попросила прощения, прошептал:

– Петруша, прости! Помогай Пелагее, пока подрастет... Позаботься... Побожись, перекрестись...

Подросток побожился, перекрестился, подтверждая просьбу помогать Пелагее, пока повзрослеет. Предчувствуя плохое (птицы пели петухами), прошептала: “Помираю...”

Парасковья померла. Похоронили просто (погост – посредине просторных полей). Получили положенное пособие, поплакали... Председатель пообещал помогать пострадавшим подросткам.

Погодкам, пока повзрослели, пришлось побираться. Подростая, похорошевшая Пелагея повертела подолом платья перед парнями. Повалялась по постелям. “Пелагая – позор Приволжского”, – постоянно перешептывались престарелые пустомели.

Познав прелести прелюбодейства, Пелагея продолжала “пустячные похождения”. Поселковые подвыпившие парни постоянно подкалывали (подначивали) Петра: “Пелагея – промокшая подстилка. Путана”. Потапов пытался перевоспитать плутовку. Правда, получалось плохо.

– Прекрати, потаскушка, позорить память Потаповых (прадедушки, прабабушки, погибшего папы, покойной Парасковьи Порфирьевны). Питаешься падалью,

паскудница. Пробу поставить – подумаешь... Прекрати, пожалуйста, – просил Пелагею Петр. – Подобное поведение – позорище! Пощади память прекрасных предков.

Пунцовая Пелагея, прищурившись, передергивала плечами: “Память предков, память предков! Подумаешь...”

– Пропади пропадом, потаскуха, – проклял Пелагею побагровевший Петр. – Пададь!

«Подзалателя», – помертвев, подумала пятнадцатилетняя Полина...

Прелюбодейница “прижила” пару прелестных пацанят – племяшей Поликарпа, Полинку. Помня просьбу покойной Парасковьи Порфирьевны, Петр простил Пелагею, помогая поднимать племянника, племянницу.

Поселок Приволжский посетил проездом прапорщик Пиотровский – приехал погостить. Прапорщик привез подаренную полковником папаху – похвастаться. Примеряя папаху поверх платка, Пелагея придуривалась, прикладывала пальцы, поглаживала подарок:

– Полковница Потапова приказывает прапорщику Пиотровскому подарить простушке Пелагее прекрасное подвенечное платье!

– Приказ понял. Повинуюсь!

Пелагея, посмеиваясь, подмигивала писарю:

– Порядок! Потапова принимает подношения постоянно.

Поседевший полковой писарь – прапорщик Пиотровский подобрал потаскушку Пелагею. Поженились. Потомство путаны «прапор» принял...

Почта принесла прапорщику пакет. Писарь прочитал предписание: “Полк перебазирован под Пензу. Приказываем прибыть поскорее”.

Поезд приходил полпятого. Потаповы, Пиотровские пёхом потопали потихоньку. Полверсты прошли по путям. Показался полустанок.

– Пых-пых, – пыхтел паровоз.

Поднялись, придерживаясь поручней. Подняли пустые полки. Присели. Поцеловались, попрощались. Прослезились.

– Прощай, Пелагея, прощайте, племяши!

– Прощай, Петенька...

Пелагее повезло: подвернувшийся примитивный прапорщик (предвестник покаяния путаны) позволил придать перебесившейся потаскушке пуританство. Потом потомство Пиотровских пополнилось.

Потапов, погода, продал подворье. Прибыток поделил поровну. Половину послал Пелагее почтовым переводом. Потом подросток подался подзаработать. Поскитался подобно перекасти-поле. Паренек перепробовал пропасть профессий, пока полюбил плотницкую.

...Петру писали: “Пятнадцатилетний племянник Поликарп погиб по пьянке: получил поленом по потылице. Помер. Последнее печальное пристанище племянника – погост поселка Приволжский. Подонка-пьяницу посадили: припаяли пятнашку (потом повыше приговор преступнику подтвердили).

Прочие Пиотровские прекрасно приспособились...

Пробы пера

Перед призывом паренек помотался по просторам провинций. Петр Пантелеймонович Потапов перепробовал профессий пятнадцать (почтальона, полевода, плотгона, пилостава, плотника). Профессию плотника полюбил. Паренек почитывал периодическую печать, постоянно посещал публичку. По пятницам, понедельникам периодически прослушивал понравившиеся передачи по приемнику.

Петр привык париться, потом – поплескаться, подурачиться, промерзнуть, повторно попариться, поваляться, пупок пощупать, помассировать подбородок, переносицу, пульс проверить. Полки парилки, предбанника, прорубь прекрасно позволили парню, повторявшему: “Пороки, погодите!”, пристойно проводить предвыходные пятницы.

Потапов почитывал произведения просветителей, пророков, прорицателей, профессионалов, писателей, поэтов: Платона, Плутарха, Петрарки, Пушкина, Пастернака, Писемского, Пьюзо, Приставкина, Петра Проскурина, Паустовского, Пруткина, Пущина, Птоломея, Птолемея... Прочитанные повествования про прикованного Прометея, Понтия Пилата, Паганини, Петра Первого, про печенегов, половцев, прочих персонажей прошлого, про пиратов, питерского попа-провакатора, Пол Пота, про прочих проходимцев плотник помнил, пересказывал приятелям. Получалась просто прекрасная песня. Петр пробовал поймать, приручить Пегаса!

Плотник пописывал прозу. Писал правдиво про пожары, пограничников, пастухов, парикмахеров, пахарей, пассажиров, полярников, попутчиков, пилотов, продавцов, путешественников, полеводов, полицаев, партизан, программистов, приемщиков посуды, писателей, поэтов, проводников, печников, полиграфистов, плотников, провизоров, побирушек, путан (проституток), пионеров, путейцев, полуопустившихся пьяниц, попов, прачек, прапорщиков, подрядчиков, педагогов, плутов «прихватизаторов» (приватизаторов), полковников, паспортисток... Петр придумывал палиндромы!

Писал по-русски. Подводили плеоназмы, пунктуация: путался... Писал, показывая пикантные подробности. Пробы пера посылал прессе почтой. Периодически печатали. Платили плохо. Прозябал...

Писанина поднадоела. Потапов порой подумывал прекратить побираться, поскольку пишущего плотника периодическая печать поощряла прескверно.

– Пишешь, пишешь – получаешь полный пшик, – признавался Потапов прорабу Пручкину.

Прораб посмеивался, приговаривая:

– Перетрудился, праведный Петруха. –Поостынь! Пиши, пробуй, переписывай, присматривайся, перечитывай произведения популярных прославленных прозаиков. Помогает...

Памятуя подсказку Пручкина, плотник Потапов превнимательно перечитал прорву прекрасных произведений популярных прозаиков, подчеркивал понравившиеся предложения.

Почесывая подбородок, приятель Павел Птицын (по прозвищу “Пончик”), полущутя посоветовал:

– Пиши повесть!

Правщик Потолицын

Потапов принял предложение, понимая: постарайся – получится! Повесть “Придурки” по-прежнему послал почтой. Попала профессиональному правщику Прохору Потолицыну. Почеркал прилично...

Повесть публиковали петитом понемногу по пятницам. Подписчики полностью прочитали первое полновесное произведение Петра Потапова. Понравилось. Потоком пошли письма: писателя просили подбирать присказки, притчи, поговорки, прибаутки, придумывать приколы, палиндромы, пародии про парламентариев, президентов, попробовать писать пьесу...

Полученную прессой почту показали польщенному прозаику Потапову. Петр поблагодарил подписчиков, правщика, печатников.

Потом, понятно, пришел первый приличный перевод: почтальон принес пятьдесят полусотенных. Потапов пригласил правщика Прохора Потолицына. Посидели. Полтысячи просадили. Приятели придумали появившемуся писателю псевдоним «Питирим Потешный». Прикол помогал. Перезваниваясь, приятели произносили простенький пароль «пи – пи – пи!» (посторонних посетителей попросил покинуть помещение).

Плотнику претили предательство, подхалимаж, притворство, политиканство, претенциозность...

Потом пошло-поехало. Потапова прорвало: пуще прежнего принялся писать пространные прозаические произведения: повесть “Пигалица”, пьесу “Порча”, пародии, приколы... Придуманное посылал правщику Потолицыну, приписывая:

– “Подойдет прессе? Понравится – правь, проталкивай... Пособи, приятель! Пока!”

Подходило. Посланное публиковалось постоянно.

Писал Петр повествование про пьяниц...

Петр Потапов попробовал писать повествование про пьяниц. Перво-наперво прозаик поднабросал пункты подробного плана: “Примеры просто потрясают; Плотник Пузырев по прозвищу “пузырь”; Получка плотника; Пузырев повстречал приятелей; Пять поллитровок “Прилузской”; Пили, пели, плакали, плясали... Потасовка; Павел проснулся после пьянки; Подруга Платонида пыталась поучать плотника; Причитания Платониды перед председателем профкома Похлебкиным; Председатель пообещал помочь; Прочее”.

Перечерканный подробнейший план Петр, перелистав, подправил пропуски, переписал, потом поутру принялся печатать повествование про пьяниц. Получилось. Перепечатав писанину, перечитал. Петру повествование понравилось. Послал правщику Потолицыну. Получил письмо. Первое предложение Прохора порадовало: “Повествование принято”.

Пока появится публикация, прочитаем потаповскую писанину (“Пьянство – позорный порок”).

... Плотник Пузырев Павел, по прозвищу “пузырь”, пошел получать получку. Показав паспорт, поставил подпись. Пересчитав полученные пятидесятирублевки, поморщился:

– Пашешь-пашешь – получаешь пшик. Проклятое производство. Паразит прораб, плут-приемщик... Паскудство получается.

Помяв “Приму”, прикурил. Пройдя проходную, плюнул, потом пошел по поселку, посвистывая. Поскрипывал песок под подошвами полуботинок Пузырева, пиджак поблескивал перламутровыми пуговицами.

Павел повстречал понурых приятелей, подстриженных под полубокс, – пилостава Похмелкина, помощника плотника Птичкина, полевода Педоренко. “Пузырь” подождал, пока приятели подойдут. Поздоровался: «Привет, пролетарии!» Поболтали, позубоскалили, покурили, потолковали.

– Парни, получку получил, – похвастался плотник. – Поставлю пару поллитровок, партизаны-подпольщики. Принимается предложение?

– Похвально, “пузырь”, – повеселели повстречавшиеся. – Понимаешь положение, палы-ёлы... Поспешим!

Приятели похлопали Пузырева по плечу: “Пошли. Продавщица “Продмага” подошла!”

Притопавав, по привычке поприветствовали привлекательную пройдоху-продавщицу. Павел попросил пару поллитровок “Прилузской”, пачку печенья “При-

вет”, полбатона, пяток помидорин. Потом приятели примостились поблизости “Продмага”.

– Подлечите похмелье, пацаны, – предложил Пузырев, плеснув потресканными пальцами приятелям по полной.

Поддав, повторили, похвалив Павла: “Понятливый парень! Понимаешь простых пацанов...” Посидели, поболтали, потом повторили. Пузырев приволок пару поллитровок “Пшеничной”, пять – пива. Пошло-поехало: пирушка продолжалась. После привычных повторов “поднятия посуды” приятелей, “пузыря” понесло.

Приятели-правонарушители полдня пировали, прескверно пели петухами про паромщика, пятерых проказников-поросят, «Погоня», «Прорвемся», «Пока-пока...», «Позови...», «Полюшко-поле...». Парни плакали, плясали, подначивали покупателей, прохожих. Похмелькин подавился печеньем, Птичкин поперхнулся пивом, Педоренко прыснул, Павел пустил препротивные пузыри... Потеха!

«Певчим птичкам пытаетесь подражать, пьяные придурки? Постыдитесь! Плохо поступаете», – презрительно поморщившись, произносили покупатели, пытаюсь поскорее покинуть “Продмаг”.

Продавщица, психанув, прогнала пьянчуг прочь. По пути приятели повздорили (поссорились, переругались, подрались). Павлу попало по подбородку, переносице, почкам. Пузырев, подобно парашютисту, приземлился попой, потом пополз попластунски.приятели пошли порознь. Попозже, привстав, Павел побрел. Пёрся прямо по помойкам. По пути повстречался приبلудный пес Полкан. Павел протянул попрошайке половину пирожка. Понюхав пирожок, Полкан попятился (псы пьяных переносят плохо).

– Побрезговал, – прокричал плотник. – Падла, пасть порву! Поганая псина...

Пузырев пнул Полкана полуботинком. Пёс, прорывав, прокусил “пузырю” палец. Повалив, порвал пиджак...

Пьяный плотник приволокся поздно. Проспал полсуток. Похрюкал... Похрапел... (получились причудливые переливы). Привиделось Пузыреву прескверное: призраки, покойники, подло подмигивавшие. “Пропал!” – подумал помертвевший пьянчуга. Перепугавшись, подскочил, перекрестился, потом, присмотревшись, понял: привиделось, почудилось. Пригорюнился плотник: пиджак прожжён, порван, перемазан, поцарапана переносица, поранены пальцы, потерян полуботинок, проколота пятка, подмочен паспорт, портмоне – пустой... Побаливала печень. “Плохие последствия попойки, – подумал Пузырев. Посидев, Павел прохрипел. – Пойду по правильному пути – прекращу пить. Покаюсь! Пойду поломником»...

Появилась подруга Платонида. Пришедшая повыбрасывала прокисшую пищу, перемыла посуду, пришпандорила потерянные пуговицы, помыла пол, прибралась, приготовила поесть, потом, похрустев пальцами, попыталась поучать “пузыря”. Припугнула: “Перестань пить, прошу! Павел, пропадешь...”. «Попал под пяту Платонида, – подумал «пузырь». – Пропаду!»

– Поди прочь, потаскуха, – прорывал Пузырев. – Получишь поленом по потылице. Посмотрела, полюбовалась – покинь помещение. Проваливай! – побагровев, приказал Павел. – Пошустрее поверти пропеллером, подруга. Пока погода подходящая. Прощевай покуда!

Постучав папиросой по портсигару, прикурил, прикрыв пламя пятерней. Подзатянувшись, плотник помягчел. «Прощай!» – проговорил.

«Попытка перевоспитать Павла провалилась, – пригорюнившись, подумала Платонида. – Прогнал... Послал подальше... Почему Павел позволил подобное, почему поступил плохо? Плевать! Похоже, потянула пустышку. По пьяни помешался. Психопат», – плаксиво протянула подруга.

Печальная Платонида, поплавав, покинула помещение, пошагала по пыльному переулку...

– Пузырев пьет по-черному, паразит, – причитала прогнанная «пузырем» подруга перед председателем профкома Похлебкиным. Попросила: «Помогите! Приструните продавцов. Пусть прогоняют пропойц. Получки-то полностью пропивают. Пацаняты пропадают, подражая пьянчугам. Пьяницы – плохой пример»...

– Правильно, поддакивал Павел Петрович. – Попробуем парню помочь. Придется Пузыреву перебороть пагубную привычку. Послезавтра профсобрание потребует... Приходите, приводите Павла: пусть покраснеет перед представительницами прекрасного пола. Правильно?

Пообещав Платониде помочь, Похмелкин подумал: «Потуги-потуги... Проку, пожалуй, процентов пятнадцать. Прогрессирующее пьянство погубит поселок. Пойду-ка приму полстаканчика “Посольской”, перекушу, перекурю, посплю”. (Председатель профкома предпочитал понемного потреблять «Посольской»). Потом Павел Петрович полушепотом пробормотал: «Постоянные поблажки «подкузьмили» – плотник Пузырев приноровился постоянно пакостничать Платониде. Плоды просвещения, плоды попустительства...»

Покачиваясь, Похлебкин попылился напрямиком – по полю, предвкушая прекрасное, приятную процедуру. Пообещав просительнице помощь, председатель профкома подытожил: “Просите профсоюз помочь – пожалуйте! Потом поблагодарите...”

Пели птицы, пахло полынью. Пыля по полю, Похлебкин повторял: “Пьянство – позорный порок, примерное поведение – похвально».

Пришла популярность

Пухлых потрепанных папок помаленьку прибавлялось. Потапова печатали, переиздавали предыдущие произведения, просили присылать последующие постоянно.

Писатель презирал прохиндеев, прохвостов, подонков, паразитов, подлецов, подхалимов, перекасти-поле, поганцев, подлиз, потрошителей, приставал, пустозвонов, перестраховщиков, педиков, плутов, пропойц, пустомель, предателей, популистов, подкаблучников, перебежчиков, прожженных политиканов... Поразительно: Потапов почему-то прощал приятелю Птицыну плохие поступки, панибратство.

Петр почти перестал пить (понемногу пригубливал портвейн). Приструнил преданную подругу Полину Прокофьевну Прокушеву – преподавателя политэкономии пединститута.

Пухленький Полинин пацан Павлик, посещая Потапова, проказничал, преподносил пилюли. Петр прощал парнишке постоянные проделки, понимая: повзрослеет, перебесится, поумнеет. Писатель Павлика пожалеет, приласкает, приголубит. Парнишка притихал.

Полная Полина пыталась похудеть. Потела... Потапов посмеивался: ”Примитивно, Полинушка!” Подруга приделалась по последнему писку...

Потапов писал, писал... Пепел постоянно переполнял подаренную прорабом пепельницу (Петр по привычке покуривал полюбившиеся папиросы “Повет”, предварительно помяв пальцами, продувал). Придуманное по-прежнему посылал почтой.

Петр прекрасно плясал (притопы-прихлопы), прилично плавал, пел – прескверно: пускал петуха (пытка публики пением!). Порой приятели приглашали плотника походить по пляжу, поглазеть-подивиться, побродить по перелескам (пособи- рать подберезовики, путники, попинать поганки), просто подышать, поплавать по притокам (плоскодонку позаимствовали), палатку поставить, поохотиться (постре-

лять по парнокопытным, птицам), порыбачить. Потапову почему-то постоянно попадались пескари, проволока, пленка... Приятели, подтрунивая, подбадривали:

– Пригодится, Петруха! – Подначивая, приговаривали: ”Постарайся! Палтус полукопченый, плотва подсолненная попадутся... Под пиво подойдет! Поплавки-то прекрасные – пробковые...”

После приличного проигрыша плотник покером пренебрегал. Петр – принципиальный противник порнографии. Пасьянс – полюбил... Порой полистывал «Плейбой».

Потреблял полуфабрикаты продуктов питания: поджарку, печень, почки, потроха, паровую поросятину, птицу, пельмени, покупал пироги, персики, помидоры, патиссоны, перец, петрушку, пирожки, подосиновики, подберезовики, пробовал привозную пиццу, повидло, пудинги, приготовленные подругой порции пугассу, плотвы, пил позавчерашнюю простоквашу, “Пепси”... Полина пробовала печь пироги, пампушки. Признаться, получались прекрасные!

Просроченные продукты питания Петр покупать перестал. Привередливый потребитель, понятно, прав.

Писатель пользовался профилактической пастой “Парадонтол”, порошком. Потапов, покупая, платил: “Пассаж”, «Полюс плюс» (по проспекту Пугачева), пивные, прочие пункты покупок получали прибыль. Петр Пантелеймонович подойдет, постучит по прилавку, подзовет продавца, попросит: “Полкило помидоров, пожалуйста...” Почтительность помогала: писатель постоянно получал продукты получше, посвежее.

Почувствовав подвох, произносил (припечатывал): “Прохиндиада!”

Потапов прикупил посуды, постельных принадлежностей (полотенец, простыней, подушек, пододеяльников, покрывал), патефон, проигрыватель, пластинки, полутемный полубубок, полупальто, пуловеры, пиджаки, портки, плащ, посох, личные полуботинки, пять пар перчаток, плавки, прекрасный пылесос, помпезный полудворец (положил протравленную приманку-яд паразитам-переносчикам погибельного: проказы, прочих пакостей). Правда, палисадник повалился. “Полбеда, – подумал писатель, – потом подправлю”. Петр палисадник подправил: пригодились плотницкие принадлежности.

П.П. Потапов приобрел подержанный пикап, поменял подфарники, передние приводные крышки (протектор поистерся). При поездках подвозил престарелых пенсионеров. Предупреждая пешеходов, пипикал. Пикап припарковывал правильно. “Правила” почитал. Павших (погибших) помнил, переживал: памятникам поклонялся.

Петр посадил пихты, померанец, пионы, помидоры, порей... Провисшие провода подтянул.

Потапов повыбрасывал, пардон, подштанники, пуфики, прочие пустяковины. Перекрасил потолок, полки, переложил печку, переслал паркет (приглашал паркетчиков), поменял подоконники, писсуар, плитусу, плафоны, приладил подсвечники, повесил подаренную подкову.

Прибираться помогала преданная Полина: подкрашивала, подметала, пылесосила... Плесень, пыль, паутину победила! Полина прилежно покрывала постель Потапова парчой.

Прачки подпортили постельные принадлежности: порвали пододеяльники, простыни получились противными (пятнистыми). Петр предъявил претензию. Прачки плакали, просили простить. Подумав, писатель простил. Прецедент потом помогал. Подобное повторилось. Парикмахер, помажав помазком, помылил: приятная процедура! Пришедшему побриться Потапову парикмахер порезал подбородок. Пена

пощипывала порез. Парикмахер полусмущенно попросил прощения. “Пустяки, – пробормотал прозаик. – Прыщик попался...”

– Приходите, пожалуйста, постоянно, – попросил парикмахер.

– Приду, приду, – пообещал Петр.

Праздники, праздники... Первомай – праздник пролетариев, патриотов. Праздник Победы – праздник, пропахший порохом, Петру приоритетен. Проснувшись пораньше, писатель поминал павших, погибшего Пантелеймона Потапова парой полустаканов “Посольской”. Позавтракав, прихорашивался. Потом – Площадь Победы. Правители провинции (Пиридонов, Порисов, Порлопов, Патунин), парламентарии, представители партий, предприятий поздравляли присутствующую публику, передавали пламенные приветствия. Попозже – парад, прием пионеров, пение, прослушивание песен: победных, патриотических, партизанских... Петр, подпевая, плакал. Попоев – поплачет, поплачет – подпоеет...

Песни победы постоянно помогали писателю перебороть подступавшую пустоту, приступы потерянности, плаксивости, полнейшей прострации падшего пассивонария.

Перед престольными праздниками Петр преподносил подруге Полине подарки – прелестные побрякушки, первые подснежники, причудливые пеньюары, полезные пустяковинки-прибамбасы, парижскую, польскую парфюмерию... Памятные подарки Прокушева, посмеиваясь, принимала. Почтительность признанного прозаика, понятно, привлекала польщенную Полину. “Приятно получать подарки”, – придыхая, признавалась Прокушева проверенным приятельницам.

Потапов подвальное помещение переоборудовал, полки под пустую посуду приколотил, покрасил. Продырявил половое покрытие, пол пробил – приличный погребок получился! Проводку провел. Пригодились паяльник, плоскогубцы, пила, противовес, прочие плотницкие принадлежности.

По привычке Петр постоянно покупал пакетами поджаристые пирожки, пончики, папиросы “Повет”, посещал пиццерию, прачечную, парикмахерскую, пункт проката, почтамт. Предпочитал подстригаться под полубокс, подкрашивал поседевшие пряди. Перхоть постепенно победил.

Приболев, посещал прикрепленную поликлинику, принимал прописанные процедуры, пережевывал противные пилюли (пираретам, профилактин, пентоксифиллин...), пил пустырник, прополис, пиявок присобачивал... Платил! Правомерно постановление правительства провинции предоставлять платную помощь? Петр Пантелеймонович последовательно преодолевал препоны, подстроенные проказницей-природой. Преуспевал!

Плебей Потапов перестал плотничать: писателю положено писать! Призвание! Петух прокукарекает (пропоеет) – Петр просыпается. Потом придумывал повороты помудреннее, посмешнее, позаковыристее. Пенал – пристанище письменных принадлежностей – появлялся перед писателем перед прогулкой. Поутру, помахиывая посохом, прогуливался по парку прямой походкой. Посвистывая, подражал пернатым. Порой противно пел популярные песни, пугая пичуг, прогуливавшихся пенсионеров. Пел, пытаясь побороть полудрему...

– Предъявите паспорт! – постоянно приказывали постовые правительственных помещений. Писателю приходилось повторять: “Пропустите, пожалуйста!”, пообещав потом получить постоянный пропуск. Потапова пропускали, придирчиво проверив паспорт, предупреждая: “Позаботьтесь!.. Предупреждаем персонально...”

Перед Покровом покалечил пальцы. Потом полено, полетев, “подправило” переносицу. Писать перестал: передохнул, пока поправился. Потом Петр по-прежнему писал – подготовил пенталогию: повести “Передел”, “Проклятые, позабы-

тые”, “Прокурор похож?”, “Покровители пороков”, “Период полусрапада”; приколы: «Похолодало...», «Пограничное происшествие»; пустяковинки-побасенки...

Произведения Потапова переводили: Польша, Прибалтика, Панама, Португалия, Парагвай... Порой Петр просил прессу печатать пародии под придуманным приятелем псевдонимом – Питирим Потешный. Поступали полновесные переводы (привет, праздники!).

Пришла популярность. Почитатели присылали посылки подарков. Пожарные подарили пояс, парашютисты – парашют, пастух Петухов – пестерь, поп Пафнутий – потрепанный “Псалтырь” (переплет – пурпурный), пограничники прислали противогаз, подводники – престижный “Паркер”, политрук Пыстин – пятьсот пятьдесят пять презервативов, полярники – портфель, перья пингвинов, портной Павлов – попону, подстилку псу. Примадонна Пугачева посвятила Потапову песню “Пойдет путем...”, путаны предлагали переспать, пошехонцы просили посетить Пошехонье (Потапов пообещал приехать)... Прелесть!

Перед Пасхой пожилые пенсионеры приносили просвиру, перед праздниками – пироги, пирожные, пряники. Просили попробовать. Прекрасно! Писателю, приятно, приятно получать поздравления, подарки. Популярный писатель познал почести, получил постоянные пропуска (по привычке повсюду проходил по персональным пропускам). Пишущая публика, профессора признали Потапова писателем. Петру присуждались полновесные престижные премии, предлагались путевки... Подражали подростки. Правительство провинции поддерживало.

Подшло пятидесятилетие. Потапов подсчитал: пресса поместила пятьсот произведений, постоянно печатались портреты, панегирики... Периодика пометила постеры «Писателю Потапову – пятьдесят!» Пришлось Петру Пантелеймоновичу пирушку приурочить: повод подходящий. Писатель позвал приятелей, пишущую публику. Поздравляли... Потапов, пытаясь перекричать пронзительные пожелания-поздравления пришедших пировать, прорычал:

– Погодите, приятели! Позвольте поблагодарить пришедших персонально...

Пунктуальный Петр покровительствовал провинциальным прозаикам, приглашал поужинать. Приходили. Потрескивали поленья, пили понемногу портвейна. Простой приволжский парень преобразился: приосанился, приделся. Правда, появилось полузаметное пузцо, плешина. Писатель переживал, притом постоянно пытался плоско подшучивать: “Перхоть подводит! Прямо-таки подарочек природы... Победю перхоть!»

Появляющиеся плакаты («Продолжается подписка: приглашают подписные пункты... Поторопитесь!!!) побуждали Потапова поторапливаться подписаться.

Пора потерь

Порадовал простофилей, пролетариат, пахарей, простачков-простолюдинов, “Прожектор перестройки”. Пролетарии, приснопамятные прорабы-“перестройщики”, партийцы-перевертыши, партаппаратчики-попрыгунчики, провокаторы, прощельги, побросав партбилеты, подыскивали “производство” потеплее, похлебнее, поприбыльнее. Помогли путч, проклятые пирамиды...

Письма Петру Потапову, по-видимому, перлюстрировались: Петру Пантелеймоновичу по-прежнему приходили полузаклеенными.

Потом приковыляли пять “П”: предательство, передел, перестрелки, поголовное пьянство, проституция. Патриотическая пресса (“Правда”, “Патриот”...) писала: “Правители – пресловутые президенты: продажный пустомеля, пьяница, потом преемник-питерец...” Про питерца популярные публицисты, признанные поэты – Подоров, Пименов, Пьянков, Подглузский, прочие – пишут, печатают приличные (просто

прекрасные!) повествования, поэмы. Полюбопытствуйте, прочитайте! “Правда, пишущие пигмеи постоянно пытаются подгадить, – признался приятелю поэт Подглузский. – “Писаришка” Пуркин периодически печатает препохабные (полуглупые) пасквили, пытается представить Подглузского подлизой. Противно! Приверженцы президента, патриоты постоянно помогают, поддерживают: присудили первую премию!”

Правозащитники пока попискивают, патриоты протестуют, пытаются победить произвол посулами, пикетами, пустыми призывами, плакатами, потасовками... Примитивизм!

Почти половина простых пенсионеров постоянно плачется: пожилым приходится продавать последнее – пенсии плохонькие получают, папаши – подобные получки-подачки...

После “перестройки” последовал постсоветский переворот. Подожгли парламент. Пришла пора потерь: прирост пацанят приостановился, преступность помолодела, пожилые помирают пачками... По-видимому, принята Программа повсеместно предоставлять погосты пожилым: побольше похоронить! План постоянно перевыполняется. Пунктуальные приватизаторы постарались... Пожинаем плоды проклятых популистов, прожженных политиканов, прохвостов, перевертышей – предателей. Порядки... Пропадите пропадом!

Пьянство, прочие «П» плюс постоянно присутствующее пресмыкательство перед правителями подтверждают: проводимые псевдореформы провалились. Псевдореформы погубительны!

Престарелые пенсионеры приходили (приезжали) поплакаться по поводу презренных подачек, просили писать письма парламентариям, представителям политических партий, президенту. Просили повысить пенсии, проклинали противного Починка, партию Правых, прожорливых приватизаторов. После предпоследней “прибавки” пенсий полуоскорбленные питерские пенсионеры показали пример. Полученные пенсионные “прибавки” питерцы пересылали президенту почтовыми переводами, приписывая: «Прямо-таки прицельный презрительный плевок правительства. Позорно получать подобные подачки...»

– Придется похлопотать, – произносил писатель. – Пусть правительство позаботится. Позорные подачки пора похоронить...

– Приспичило пожилым, просто поразительно, – поддакивала подруга Полина Прокофьевна. – Положение престарелых плачевное: пища – плохая, приобретенное – прохудилось, потерялось, потрепалось... Поехать порой поездом похоронить покойника – пиши пропало...

Полина поворачивалась. Показывать Потапову пару повлажневших прорезей побаивалась: Петр презирал плачущих просителей, подругу, посетителей, приятелей.

Проделанное, похоже, подействовало: пенсии потом проиндексировали, подсластив прогорклые пилюли. Постоянная пенсионная прибавка потяжелела понятно почему: президент повелел.

Писатель подразделял посетителей по половому признаку. Прохвостов, просивших помощи, посылал подальше, приказывая проваливать подобру-поздорову. “Подите прочь, прохиндеи!” – прогонял Потапов подобную публику. – Попрошайкины! Подскажу пути преодоления проблем. Потрудитесь посетить придорожный пункт приема пустой пивной посуды. Поллитровки принимают по полтиннику. Поработайте! Пособирайте посуду – пользу природе принесете. Постарайтесь! Пусть предприниматели позавидуют...» Произнеся подобное, Петр Пантелеймонович прекрасно понимал: попрошайки, притворно повздыхав, поплюются, пошлют проклятья, потом повторно припрутся по привычке просить подаяние. (Признаться: постоянное паломничество попрошаек прозаику порой поднадоедало).

Процентов пятьдесят просителей персональную потаповскую помощь получали. Просители почитали Петра Потапова праведником.

Писатель порой призадумывался: «Похоже, пора признать: порыв послушания прошел. Поразительно! Приоритетные пенсионные программы попали под прицел президента?» Пожилые по-прежнему постоянно просили побеспокоиться, пояснить: «Попадет президент? Получим прибавки, послабления?» Простота... Прорва проблем! Пурген поможет правительству. Правительство пытается положить прибор... Приватизация пожирает подданных, правительство поиздеваться привыкло». Почухав потылицу, почесав подбородок, Петр произнес, плюнув: – Пакость! – Полуобернувшись, пояснил Прокушевой. – Потапов, получается, – полузащитник пожилых. Плохой полузащитник! Прискорбно... Прескверно».

Петр Пантелеймонович подспудно подумывал подкорректировать программу персональной помощи престарелым: прибавить процентов пятнадцать. Полученная помощь, плюс пенсионная прибавка – приличное подспорье пожилым. Пусть побалуются покупками – порадуются!

...Писатель пригласил Председателя Правительства (популярного политика подводило произношение!) посетить провинцию. По понятным причинам премьер приглашение проигнорировал. Потом произошло прямо противоположное: Председатель Правительства «полетел» (потерял пост). «Профессор простоял полминуты подле прибора, – подумалось Потапову. – Презабавно!»

Программа «Переселение» пробуксовывает: прилипалы пытаются пожить – побольше присвоить! Приполярные (полярные) просители, подпадающие под правительственную программу переселения, протестуют, подозревая: пенсионеры пропадут! Перемерут, пока переселятся... Поустопорожные посулы Правительства переселяемым приелись! Проблем полным-полно... (Прожекты правительства проваливаются!).

Потапову понравилась правительственная программа «Плоды просвещения»...

Поганое приключение

Писатель полюбил путешествия (покорял пространства!) – посетил Париж, Пекин, Пицунду, Пакистан, Прагу, Приднестровье, Перу, Поволжье, Прибалтику, Петрозаводск, Пензу... Путешественник привез полузабавного попугая, повторявшего: “Петя придунок! Придунок Петя”. Путешествуя, приобрел портмоне, прочие прибамбасы, пуховый платок, помаду, побрякушки Полине, пикантные подтяжки Потолицыну...

Петр потом просматривал путевые пометки. Память плавно подбрасывала подробности.

– Приднестровье. Пионерки преподнесли пилотку... Противная престарелая путешественница почему-то полоснула пальцами по переносице писателя.

– Пакистан. Перелет перенес плохо. Пейзажи поразили (предгорья, плоскогорья, пещеры, пустыня, перевалы, плесы). Прилетал посмотреть памятники, природные парки. Потревоженный посетителями паркового павильона, “пароход пустыни” прицельно плюнул. Пена потекла по переносице, подбородку. Противно!..

– Прибалтика. Поразил порядком подвыпивший полный подводник. Плюнув, прорычал: “Палундра!”. Подводник постарше попытался помочь приятелю, поваленному полисменами. Поскользнулся. “Представление” поразвлекло публику. Потешился предостаточно...

– Пенза. Пил прекрасное пиво “Пит”. Посетил «Парк периода палеолита». Посмотрел постановку «Пигмалион».

– Польша. Привлекательные «пшечки» (полячки) порой подрабатывают, при-
торговывая прелестями. Попытки «присосаться» постоянно пресекал: посылал при-
ставучих путан-прелестниц подальше.

– Пустозерск. Переходил по пантонной переправе... Поскользнулся...

– Петрозаводск. “Посеял” приличный плащ... Перебранки путешественников
пресёк!..

– Поволжье. Попутчицам по прогулкам покупал приглянувшиеся пионы...

– Питер. Подземные переходы (продающиеся подснежники, прокисшее пиво,
полиэтиленовые пакеты, подмости), пестрая публика: певцы, пьяные подростки,
поп-музыканты, поднадоевшие приставы, проститутки, просящие подаяние пенсио-
неры, продавцы прокладок прекрасной половине... Пальмира, Пальмира!.. Правда,
писателя порадовало посещение питерского планетария.

– Первопрестольная. Полюс политиканства, пристанище прожженных поли-
тиканов. Первопрестольная преобразилась: помолодела, похорошела, прибавилось
памятников. Посетил Публичку, Панораму, повидал популярных писателей, побро-
дил по площадям, походил по Поклонной, Патриаршими прудами полюбовался...
Пенсионеры подбирали пустую пивную посуду. Прискорбно!

– Павловский Посад...

Петр поёжился, припоминая пренеприятное происшествие (приключение по-
трясло). Прошедший подонки, приставив пистолет, прохрипел: “Портмоне! Пожа-
луйся – прикончу!” Пришлось подчиниться приказу. Правда, паразит пристрелить
поостерегся. Пнув полуботинком (Потапов поспешил прикрыть пах), подонки побе-
жал прочь. «Пиши пропало, – подумал Потапов. – Потеря приличная. Получил пинка
под попу, – проанализировал происшествие перетрусивший, полуограбленный писа-
тель. – “Приятный” павловско-посадский подарочек... Понаплодилось преступников!
Пропадите пропадом, паршивцы поганые!»

Потапов, посылая подобные проклятия, побрел по площади. Потрясенного
путешественника (полнейшая протрация!), простите, пронял понос. Пригодилась
приобретенная пачка памперсов. Потом пришлось позвонить подруге Прокушевой
(попросил поскорее прислать перевод). Приехав, заплакался Полине. Посочувство-
вала, подбодрила. Поблагодарил преданную подругу.

Приятель “Пончик” происшествие прокомментировал привычно – прибаут-
кой:

– Помнишь, писатель, присказку: «Помаленьку-потихоньку Прохор портит
поросенка”... Посыпать пеплом... – погоди! Подумаешь, проказник повстречал пер-
вого попавшегося – Петра Пантелеймоновича, прихватил персональное портмоне.
Понятно, подонки, позарившись, прикарманил пухлое потаповское портмоне, прива-
тизировал прибыль... Писателю приключения помогают писать правдиво! Прямая
помощь павловско-посадского потрошителя писательскому процессу...»

Полина посоветовала: “Тиши павловско-посадскому прокурору!” Потапов
послал протест против произвола. Простым письмом. Просил прищучить потроши-
теля. Приметы подонка поднабросал...

Прошло полмесяца. Письмо переслали: Петр получил повестку... Приглашала
прокуратура. Пошел. Пришел. Показал пропуск. Пропустили.

Приемная прокурора пустовала. Потапов присел передохнуть. Подождал.
Прибежала полузапыхавшаяся перекрашенная представительница прекрасного пола.
«Простите», – прошептала. «Пожалуйста», – произнес писатель. Представившись,
пояснил причину прихода, протянул повестку.

Перекрашенная, прочитав повестку, подала пакет. Петр Пантелеймонович
процитировал: “Подозреваемый Парфентьев П.П. признался. Просит простить. По-

хищенное получите почтовым переводом. Прокурор Порфирьев П. (подпись). Павловский Посад”.

– Понятно, – пробормотал писатель. – Постарались! Превосходно!

Потом притихший Петр Пантелеймонович, попрощавшись, потопал прочь по паркету приемной прокурора. Помолчав полминуты, Потапов произнес: “Прощать потрошителей? Посоветуемся, подумаем...”

Писательские проекты

Писатель похвалялся прекрасной памятью, поражая приятелей, почитателей, просителей. Петр постоянно повторял: “Помнить – проще простого. Попробуйте, потренируйтесь! Получится...”

...Пьесу “Порча” поставили. Премьера, последующие представления публике понравились (потом прошло пятьдесят представлений). Приняли пьесу “Поцелуй предателя”. По прошествии полугодия поставили. Публика постановку приняла превосходно. Потом по почте писателю пришло послание: «Потапов!!! Приветствуем! Понимаем! Поздравляем! Псков. Постаревшие, повзрослевшие, потолстевшие, преданные поклонницы...» «Прекрасно проренцензировала пьесу публика, – подумал Петр. – Приятно!»

Проводились презентации произведений писателя. Присутствуя, Петр прилюдно почесывал переносицу пожелтевшими (прокуренными), потрескавшимися пальцами. Противная привычка, похоже, подвигла Потапова поправить положение. Писатель прятал пальцы под подаренный попом Панфутием “Псалтырь”, под полы приталенного пиджака, прикрывал перчаткой...

По просьбе прессы по подстрочнику переводил “Приключения”, произведения польских публицистов.

Предусмотрительный Петр Потапов, придумав проектов предостаточно (пятнадцать пунктов), претворял по плану – поэтапно.

...Популярному писателю положены погоны (присягу принял после призыва). Первоначальное присвоение («прапорщик») перескочили: получил подполковничьи погоны: принесли, поздравили...

Попозже Петр Пантелеймонович посетил Пошехоньеж. Прозаику понравились праздники, проводившиеся по-сельски: полупьяные песни, подначивания, перебранки, полуозорные припевки, потасовки, поцелуи примирения, похмелка...

Подростки повизгивали, пацанки-подлетки, посмеиваясь, прыскали, подчас пуская пузыри. Прадеды, подтянув посконные панталоны, поправляли подтяжки, перекуривали, переглядывались. Позабытая патриархальщина!

Парни постарше (пошустрее!) потискивали подружек, пытались поцеловать, порой получая пухленькими пальцами привиред пощечины. Провинциальное простодушие, потешая, приносило писателю покой. Потапов привез путевых пометок предостаточно: пруд пруди! Пригодятся...

Подранок

...Потапов подобрал покалеченного пуделя: пожалел! Песика принес под полой плаща. Приютил, поглаживая подобранный подранок, Петр приговаривал: «Песик-песик! Поживешь, подхарчишься – поправишься!» Писатель прозвал пса “Попс”. Повозиться пришлось: промывал, перевязывал, перебинтовывал, подносил, поднимал... Помогали перила полуосвещенного подъезда.

Попс поправился, привязался, полюбил писателя, постоянно показывал пугающую преданность. Полузажмурившись, пёсик попискивал, подлизывался, полуот-

крывал пасть, подползал, переворачивался, потягивался, подпрыгивал, преодолевал преграды, прижимался, подкрадывался, покусывая пятки, плечи, пальцы... Пудель по приказу приносил поводок, прочие понадобившиеся пустяковины, палки...

Поутру, подковырнув пододеяльник, Попс поудобнее пристраивался под правое плечо Потапова, посапывал. Порой пудель пытался протрубить поутру побудку (подъем): подпрыгивал, прыгал, потягивался, полизывал пятки. Потом прильнет под плечо.

– Поластиться пришел, – проснувшись, погладит песика Петр Потапов. – Проходимец!

Писатель прижмет Попса подушкой, полушутя пригрозит: «Потемки получишь!» Пёс пыхтел, пищал, пытаясь прогрызть подушку. Подскочит, поворчит, потянется. Перевернувшись, приляжет, притихнет. Потом попеременно праздновали победу.

Поутру, прогуливаясь по парку, писатель, помните, пробовал петь (прескверно!) популярные песни. Пудель подвывал, полурычал, постоянно понюхивал полы пальто, плащей понравившихся повстречавшихся прохожих, пугал птиц.

“Прикольная порода”, – полувосхищенно произнес, плутовато поглядывая, повстречавшийся полный парнишка. Петр Пантелеймонович подумал: “Пушай позабавляется, придумщик!..”

Понятно, Попса полюбили Полина, Павлик. Пацан, приходя, приносил полиэтиленовый пакет поджаристой пахучей печени. Потчевал пуделя. Попс пережевывал приношения (поданные порции печени) плохо: проглатывал, пуская пузыри. Павлик, придуриваясь, подзывал песика: “Пузик, ползи!” Пудель, попискивая, полз.

Пацан планомерно проказничал: платком поперек перевязывал пёсика, появлял панамочки: прилаживал пластмассовые прищепки, пинетки, под пузом прикреплял пестрые петушиные перья... Покатываясь по паркетному полу, поочередно подзывал Петра, Полину:

– Посмотрите!.. Полюбуйтесь!.. Прабабушка пучеглазая... Пугало провинциальное... Папуас... Питекантроп...

Павлик прыгал подтелком, пытался пободаться. Попсу проделки Павлика приходилось переносить: печень – полноценное питание! Печень – прекрасное подспорье потаповской продовольственной программе, предназначенной пуделю!!! Притом – постоянное подспорье...

Полина порой пыталась приструнить подростка. Писатель посмеивался: «Пусть побалуется, Полинушка! Понарошку проказничает...»

Павлик прозвал пуделя “Пупсик”. Порой прогуливали по проспектам, пригородам. Появляющуюся парочку провожали полдюжины полуоблезших, пропахших помойкой, псов (пытались помешать переходить перекрестки). Писатель прогонял псов посохом.

Получасовые прогулки приободряли, позволяли подышать, подумать, покаяться... Прегрешения, понятно, появлялись: почитай, полвека прожил Потапов! Попс полюбил прогулки по полям, перелескам, перепрыгивал притоки. Подпасков побаивался: парнишки пытались пёсика пнуть.

Петр подумывал: “Повесть получится приличная. Пёсик-то подвижный, преразбавный. Понаблюдаю...”

Пудель плохо переносил плохую погоду, показывая полную пассивность: перед прогулками прятался под полати... Причесывания понравились: пудель прямо преображался.

– Похорошел, похорошел, – похваливал Попса писатель Петр Пантелеймонович после проделанной приятной процедуры. – Попробую подправить прическу.

Прямо принц. Пригоженький! Пусть полюбуются подружки, по-собачьи позавидуют...

– Пудель приплясывал.

Прогуливаясь, Попс пулей полетел по помойке. Потапов, прикрикнув, пригрозил:

– Помоечник! Получишь... Пасть порву, порсячья поганка! Пойдем, пойдем, приблуда...

Пудель плутовато посмотрел прелестными пуговками. Петр прочитал просьбу: “Подумаешь!.. Позволь противных пернатых погонять! Помойку превратили... Пададь подбирают... Птичий пир, понимаешь... Пугнуть пора. Передней пятерней повыщарапываю...”

– Пошли, пошли, – позвал Попса писатель.

Пудель, послушавшись, понуро поплетется, поскуливая, позади Петра.

Приспела пора походов по пригоркам, просекам, полянам, подсекам, перелескам. Потапов пожинал плоды – подготовленные природой подарки: подберезовики, подосиновики, подгруздки, подгрузди, путники...

Петр потихоньку подойдет, присвистнет, пораженный подосиновиковой поляной. Прямо пятиалтынные пуговки-подосиновики повылазили. Полным-полно! Понятно, попадались покрупнее, перестарки (перестарков Потапов пинал). Писатель посрезает пуговки. Пригодился подаренный пастухом Петуховым пестерь. Понимаете, половину пестеря преподносила поляна подосиновиков! Порой Попса, подждавшего Петра Потапова, подпирал под попу пятнадцатисантиметровый (порой пудовый) подосиновик.

– Персональную подставку присмотрел? Проказник! – посмеется писатель. – Пошли! Полянку заметим: пни посчитаем, пустую пластмассовую посудину подвесим... Пойдем, посмотрим подсеку. Пожухшим папоротником пошуршим, птиц послушаем, побродим по пажитям...

Парма приветливо принимала парочку, пересекавшую перелески, пажити, поляны.

– Попс, посмотри – прекрасный плес. Привал! – приказывал Потапов. – Полежим, передохнем. Попробуем Полининых пышек-пампушек, пожуем... Притока поблизости: поди, полакай, попробуй поплавать, поостыть. Поди, притомился, пережарился, подлинный путешественник...

Пудель постоянно помечал полусгнившие пни, пугал перекликающихся птах, прыгал по периметру плеса. После привалов пёсик поднатуживался, пардон, пукал, писал, погавкивая. Песочек поковыряет, поразбрасывает. Порой процедура получалась посложнее! Попс, присыпая, прятал «позор» под перелопаченным песком. Потом поиск подарков природы продолжался. Постепенно пестерь пополнился. Пудель по-прежнему помогал Потапову пополнять пестерь.

– Полнехонёк! – порадуется писатель. – Потопали, Попсик, пора...

Походы периодически повторялись. Припасы продовольствия пополнялись.

– Попсик – первоклассный поисковик. Пионер! – подхваливал пуделя Потапов Полине, перерабатывавшей подарки природы. Помощник. Послушаем... (по просьбе писателя передавали песню про пристань подгулявшего поэта). Подкрутив приемник, писатель прослушивал песню полностью. Потом передавали прогноз погоды. «Прескверный», – подумал Петр Пантелеймонович.

Походы позволили писателю (по просьбе прессы) подготовить проблемные публикации: «Пни – пиррова победа», «Популяция птиц погибает», “Природа просит: помогите!”, «Пощадим Природу», потом – «Плач плавающего поселка Поречье». Последнюю публикацию, помимо прессы, Петр Пантелеймонович послал письмом Председателю правительства провинции Пиридонову. Писал: «Пострадало

подворье престарелых пенсионеров Пилюгиных: паводком подмыло постройки. Просьбу пенсионеров помочь пиломатериалами председатель Поречья П.П. Павлюченко просто проигнорировал. Помогите пострадавшим Пилюгиным переселиться. «Прижмите» прохвоста Павлюченко. Попустительство подобным павлюченкам противопоказано!»

Письмо популярного писателя помогло... (подготовленную Петром Пантелеймоновичем представление-просьбу полномочному представителю Президента Павлу Прыткому помочь пострадавшим пенсионерам Пилюгиным пришлось порвать).

Полиция против писателя

Прозаик Петр Потапов полученные по почте письма-предупреждения просто повыбрасывал, полагая: произошла путаница. Потом пришло платежное поручение. Полицией предписывалось погасить просроченный платеж подоходного плюс приличные пени. Писатель персонально предупреждался: повторная просрочка платежа повлечет печальные последствия (принудительный привод полицейскими, получение платежа приставами, прочее).

– Приставы поработают, – подумал Потапов. – Попробуй потягаться... Поседеешь...

– Попалась птичка, – пошутила подруга Полина. – Помучают... Портки последние продадут.

– Почему просрочен платеж подоходного? – передернув плечами, переспросил Петр Пантелеймонович, показывая подруге полученное предписание. – Поняв, попытаюсь преодолеть путаницу. Почтовые переводы придется поднять: понадобятся. Посчитаем-ка последние проданные пачки повестей. Полиция пугает, – пояснял писатель Полине. – Придется походить... Пусть поведают, почему получилось подобное представление. Погрешность полицейских?

Поутру Потапов подготовился. Прихватив папку, Петр Пантелеймонович покорно пошагал. Постучался. Полицейские приветливо пригласили присесть. Писатель показал предписание, предъявил принесенные почтовые переводы, попросил пояснений...

– Плановая проверка показала: пренебрегаете, Петр Пантелеймонович, платежами подоходного...

– Постойте-постойте, – принялся пояснять писатель. Прокашлялся, пошутил, пристально посмотрев: «Погодите петь прекрасную песню».

– Продавали произведения? Подарки получали?

– Получал, – покраснел Потапов. – Прицеп, патефон, подлинники писем покойных популярных поэтов, писателей, принтер, приставку, процессор, путевку...

– По положению, – пояснили Петру, – подоходный положено платить. – Полицейский (полненькая представительница прекрасного пола) переспросила: «Понимаете? Получается, Петр Пантелеймонович, подкузьмили полученные подарки-то...

– Простите, позабыл, – побагровел писатель. –Прокол получился...

Пухленькая произнесла: «Подсчитываем... Причитается погасить подоходный плюс пени. Посмотрите, правильно? Подпишите протокол».

– Правильно, – поёрзав, подтвердил писатель, поставил подпись. – Платеж погашу послезавтра. «Платить придется по полному преysкуранту, – почему-то подумалось Петру Пантелеймоновичу. – Полицейские подозревают: писатель попытался прикарманить подоходный». Потапов, пыхтя, повторил: «Платеж погашу послезавтра».

– Похвальное понимание, – порадовалась пухленькая. – Понимаю, приемлете противостояние. Прощайте...

Потапов платеж погасил. Полицейские прекратили преследование писателя. Происшедшее принципиальное противостояние полюбовно прекратилось. Признательные показания, примерное поведение, покладистость популярного писателя понравились полицейским.

...Прошло пятилетие после памятного потаповского похода. Полицию «похерили», полицейских порассовали по правоохранительным подразделениям, помещения, понятно, передали правоохранителям. Проходя порой по переулку, писатель посмеивался, полушутя-полусерьезно произносил: «Помню-помню: победили полицейские! Петр Пантелеймонович потерпел позорное поражение... Правильная правоохранительная практика, – подытожил посрамленный писатель. – Полицейские пути простачков приручают... Попробую-ка подготовить прикольчик «Поступил приказ полковника: провинившемуся паникеру – пуля!» Потом, подумав, перерешил: «Поставлю подзаголовок покороче («Паникеру – пуля!»).

Порадовал «Пачемыш» приколами...

Почту Петру Потапову постоянно приносила полненькая пятидесятилетняя Патриция Панскова. Передавая письма, пакеты, почтовые переводы, платежные поручения, прессу («Патриот», «Правду», «Полярный пограничник», «Палевицкий полевод», «Пачемыш», «Пульс Печоры», «Пик Приполярья», «Подворье») почтальонша плутовато (полувопросительно!) приговаривала: «Просвещаетесь, Петр Пантелеймонович? Полезно!..» Потапов почему-то подумал: «Посредством писем побеждаются пространства. Почта помогает прилежным письмоносам передавать приветы, поздравления, пожелания... Преданные подписчики, получая прессу, прочитывают прелюбопытные публикации... Похоже, получается панегирик почте».

Попрошавшись, писатель просматривал полученное. Приятно порадовал популярнейший поволжский «Пачемыш», поместивший полусексуальное прозаическое произведение «Пляжный прикол». Петр произведение прочитал полностью. После прочтения понравившейся «пустяковинки» прозаик послал пачемышцам поздравление, приписав: «Правильно поступаете, печатая подобные прикольные произведения. Порадуйте подписчиков подобными приколами. Подписка, пожалуй, поднимется. По-прежнему поддерживайте прозаиков. Популярность «Пачемыша», понятно, повысится. Писатель Потапов».

Петр поставил подпись поразмашистее.

Петр Пантелеймонович переснял пачемышские приколы. Принеся переснятое, проговорил: «Пригодится. Прочитаю потом перед публикой, поскольку постоянно приглашают».

Друзья, читаем «Пляжный прикол», переснятый Потаповым.

«Пашка, Петька – провинциальные парни, приехавшие передохнуть по путевкам, прогуливались по побережью. Песчаный пляж пестрел полуобнаженными представительницами прекрасного пола.

– Приколемся? – предложил Пашка.

– Попробуем, пожалуй! – поддержал приятеля Петька.

Пашка, пытаясь подурочиться, положил под плавки пару помидоров. «Плоти побольше!» – посмеиваясь, пояснил приятелю прелюбодей.

Первая попавшаяся пляжница («Похоже, путана!» – подумал парень) повиляла пухленькой покрасневшей попой. Приятели подошли поближе.

– Привет, пампушечка! – поклонился Пашка.

Пляжница, повернувшись, пискнула: “Приветик!” Пашка переминался, подчеркивая полноту плавков. Помидоры подрагивали, пампушечка пристально посматривала – Пашкино поддельное пугало похотливо притягивало... Пляжница плотоядно продолжала посматривать.

– Пойдем... Погуляем? – приветливо пробасил Пашка.

Пугана призадумалась. Поднявшись, промолвила: “Пошли... Пусть приятель посторожит платье, прочие прибамбасы”.

Петька, понимающе подмигнув, пожелал порезвиться.

Пашка, пытаясь поцеловать, повел подружку под платан, повитый плющом. Прошло полминуты. Подражая прыгуну, “прикольщик” продемонстрировал полет птицы. Плюхнувшись, подмял подле Петьки песок. Потом прилетели помидоры, попав приятно по плечу.

– Прокол получился! – поднявшись, прохрипел Пашка. – Потенциал подвел: поник! Пинком пугана поддала... Пощечину получил!

– Понятно, – попытался посочувствовать приятелю Петька. – Пропади, паскудница, пропадом. Пошли прочь! Проиграл, Пашка...

Пашка подтянул плотно прилегающие плавки, поднял помятые помидоры, подбросил».

Падая, помидоры попали по прогуливающейся по пляжу паре. Приятели (посрамленный, притихший Пашка, приунывший Петька) понуро поплелись попить пивка. Перед первым повесой Пашкой Петька просто преклонялся.

Позвольте поинтересоваться: понравилось приведенное пачемышское произведение “Пляжный прикол?”

...Пачемышцы потом прислали письмо, попросили Потапова предоставить парочку прикольных произведений. Послал почтой. Поместили под подзаголовком «Пять партийных приключений». Потом писателя поощрили повышенной премией. Прочитайте «Пачемыш»!

“Прекращайте пить, пьянчужки! Пора поля пахать...»

Петр Пантелеймонович (противник похабщины) подбирал понравившиеся произведения: прибаутки, приколы, присказки, пьески, полублатные песенки, прочие пустячки. Пресса, письма просителей, постоянных почитателей порой преподносили писателю прелюбопытное, презабавное. Почтальонша принесла прозаику пакет (письмо!) педагога Патрикии Пахомовны Поплавской. Просительница приписала постскрипту: “Посылаю, Петр Пантелеймонович, первую пробу пера – прозу про поселковую продавщицу Пульхерию Печорскую. Прочитайте, пожалуйста!..”

Потапов посмотрел писанину почитательницы.

“Позвольте представить персонажей пространного прозаического повествования (прионежский поселок Пустошь), – писала Патрикаия. – Представляю поименно:

Печкин Прокопий Петрович – почтальон; поклонник Печорской;

Пустыркина Павлина – продавец поселкового потребсоюзского промтоварного павильона;

Пескарев Павел Парфенович – председатель потребсоюза;

Печорская Пульхерия – привлекательная продавщица «Продмага».

... Псковская проныра Пустыркина, прибывшая по профсоюзной путевке, пригласила приехать (погостить!) пышную подругу Печорскую. Приехавшей привлекательной приятельнице поселок понравился: Пульхерия пожелала поработать продавцом продмага, пожить по полной программе, пошиковать.

Печорская, получая прилично, приобрела просторную пятистенку (паркетный пол), погреб, постройки-пристройки... Пульхерия постоянно подрабатывала, пуская

пожить приезжих пожилых постояльцев. Прикидываясь порядочной, продавец подсовывала поселковым покупателям продукты питания похуже: подпорченные помидоры, подмоченные папиросы, переломанную путассу, позеленевшего (посоленного Пульхерией) палтуса, пересохшую пикшу, переокисшую простоквашу, прогорклые пряники, печенье, перемятые подушечки, попревшее пшено, полуразложившуюся печень, полусохшее повидло, пережаренные пирожки, просроченное пиво...

Продукты получше проныра припрятывала под прилавок, продавала подороже представительным покупателям. Прибыток Пульхерия прятала под пуховой периной, пересчитывая пухлые пачки пятидесятирублевых постоянно. Подобная привычка пагубна. Простим Печорскую!

Полгода подряд привереда Печорская пополняла приданное: прикупила пуфик, подсвечники, подушки, парижские полотенца, прекрасный пеньюар, пальто, пимы, побрякушки... Последнее приобретение – пианино.

Принося припасенное печенье «Причуда», Пульхерия предлагала Печкину попробовать – полакомиться прекрасным продуктом. Печорская постоянно потчевала понурого почтальона-поклонника.

После, повернув пианино, продавщица протирала попку плюшем. По просьбе поклонника Печкина, потрогав последнее приобретение, правыми пальцами пыталась подобрать простейшие популярные песни. Прокопий преобразался: покачивал плечами, притопывал-прихлопывал, подмигивая, подпевал... Получалось презабавно, полукомично. Потом подруга, посмеиваясь, полувопросительно произносила «приговор»:

– Пора пристрелить пианистку, правда?

– Почему? – переспрашивал, передернув плечами, поклонник. – Потрясающе получаются песни. Потрясно, правда... Позавидуешь. Последний писк! (Попробуем петь песни «Парлакачика», «Приходя приходи!»).

Почтальон Печкин признался: Пульхерия приворожила привлекательностью, приличным приданым (пятистенка, погреб, подвальное помещение, постройки-пристройки, подтелок, пять подсвинков, птицы, посева, посадки...), притом пекла превкуснейшие пироги. Прыщавая паскудница прижметя, погладит, поцелует – почтальон понимал: пресноводная приставала погубит.

Побалуется продавщица, потом плюётся: плешив полубовник-то, примитивен. Пора менять – прогнать... Предыдущие претенденты Печорской почему-то пили пакость, привезенную приезжими перекупщиками (полным-полно появилось поселковых притонов!). Парни постоянно пропивали полочки полностью.

Пульхерия посылала пьяниц-претендентов подальше, повторяя: «Перебьетесь, прилипалы. Прекращайте пить, пьянчужки! Пора пахать: поля полынью, пыреем позарастали. Поднимайте птицеводство: прибыль получите! Пора пользу приносить... Понаплодилось пигмеев! Проклятье...»

Пятнадцать пустошских подворий промышляли первачем: Пятихатко («Петровна»), Порошкины, Перебейносы... Полпоселка посещало Петровну, продававшую первосортный первач. Пустошцы поговаривали: «Пятихатко подмешивает птичий помет, потчует первачом. Продирует!..» Пьянь-то по-прежнему просила продать поллитровку. Петровна подсобляла подлечивать похмелье.

Пагубная привычка пить палитурку по-прежнему правила поведением поселковых пьяниц. Пропойцы посмеивались, правда, проштрафившись, порой печалились... Пожитки пропивали по-прежнему, приворовывали плохо положенное пенсионерами.

Почтальон Печкин – плюгавенький, приземистый, полурослый, подслеповатый парень постоянно предлагал Пульхерии пожениться.

– Повременим, Прокуша, – приостанавливала порывы почтальона продавщица. – Пора приодеться, – приказывала Печорская претенденту Печкину. – Поизносился...

Прокопий, притворно повздыхав, промямлил:

– Правильно. Пойду покупать пиджак, полуботинки, пальто... Подумаешь, пара пустяков!

– Пора-пора, – проворковала Пульхерия, подталкивая Прокопия под правое плечо.

Приобретя перечисленное, Печкин постригся, побрился, причесался, принарядился. Правда, после покупок портмоне почтальона порядком похудело. Прокопий приуныл, продолжал плакаться, причитать. Постоянно происходили перебранки, примирения. Пара препиралась по пустякам, потом поцапалась по крупному: поругались! “Пооди прочь, пентюх противный!” – приказала продавщица. Получилось прескверно: Прокопий потерял потенцию.

“Позор!” – пригвоздила Пульхерия Печкина, презрительно посмеиваясь. Прокопий просил: “Помилуй, подруга!» Помогло плохо. Печорская, пытаясь похохмить, посоветовала Прокопию: “Подлечись, парень! Пора понять происходящее. Поняв, принять. Понял? погоди печалиться, перестань паниковать... Показывайся периодически приезжающему парапсихологу. Проваливай!»

– Пойми, Пульха! Пить – пью: пьяным по половине пройду, под плащ-палаткой пересплю, – пытался поправить положение почтальон. – Пробросаешься, просчитаешься!.. – пускал петуха Прокопий. – Поздно поймешь: прогнала понапрасну!.. Покажусь проктологу, парапсихологу...

Пока Печкин полгода посещал поселковую поликлинику, Пульхерия приглянулась простофиле-претенденту побогаче, попримичнее – порядочному, правда, полупысому председателю потребсоюза Павлу Парфеновичу Пескареву, предложившему продавщице пожениться.

Помолвке предшествовала пятница. Пульхерии пришлось похлопотать. Поселковых приятелей-приятельниц пришло предостаточно. Притопала последняя приглашенная пара. Пили, пели... Поздравляли просто: Пескареву, Пульхерии понравилось. Приятельница Павлина Пустыркина, позавидовавшая Пульхерии, перебесилась, примирилась, порадовалась: повезло подруге! Павлина, понятно, поздравила, пожелала паре постоянства, пятерых прелестных пацанят... Пусть Пескаревы послужат примером пустошцам, пускай порадуются примирению подруг-продавиц. Пускай поубавится пустошцев-пьяниц!”

Петр Потапов, понятно, прочитал полученное послание П. Поплавской. Позвонив, предупредил: «Перезвоню!». Попозже проговорил полчаса: “Присланная проза понравилась. Правда, подправил, подчистил произведение. Послушайте, прочитаю после подработки... Принимаете правку? Принимаете... Предложу “Подворье”. Полагаю, поместят”.

Признательная Патрикия, прослезившись, поблагодарила популярного писателя, пообещала похвастаться первой победой перед поселковыми приятельницами.

“Подворье” (прождали полмесяца) порадовало правщика-писателя П.Потапова, П.Поплавскую, поместив половину повествования педагога “Прекращайте пить, пьянчуги! Пора поля пахать...”

...Пухлая папка “П” периодически поглощала подобранные писателем произведения, переснятые публикации. Папка пополнилась приличной подборкой: «Пушай!», «Потери предпринимателя», «Пошто подначивал Преосвященство?», «Петрухины ползунки», «Почему плохо пожилым?», «Пришел проведать, привет передать», «Противные пауки», «Привилегии паскудников», «Пристанище», «Пилигрим», «Примадонна», «Папа, поняв побледнел...», «Площадь протеста».

Потапов помечал публикации, памятуя: плагиат – преступная привычка, притом – прескверная. Периодически просматривая пожелтевшие приобретения, Петр Пантелеймонович полушепотом приговаривал: “Пригодятся. Пожалуй, прочту под-росткам-пэтэушникам: пусть пацанята посмеются, порезвятся». Порой, перечитывая письма, плевался: “Прескверно, примитив!”

По привычке почтальоншу Патрицию Платоновну Потапов постоянно поджидал: почта помогала писательскому процессу, подбрасывая правдивые подробности про положение поселян, просителей...

Потапов предложил посетить Пицунду

Прочитанный пачемьшский “Пляжный прикол” подсказал Потапову: пора пригласить проверенную подругу Полину, пацана Павлика попутешествовать – подарить паре приятную продолжительную поездку по побережью.

– Пицунда прекрасна: песчаные пляжи, пальмы, платаны, прогулки по побережью. Полина, Павлик: приглашаю посетить Пицунду. Поедем! Прекрасное получится путешествие, – предложил писатель. – Посмотрите: понравится!

Перспектива посетить побережье прельстила Полину. Павлик прыгал подтелком, приговаривая: “Пицунда, передаю пламенный привет! Поеду погулять, поотрываюсь... Приятели просто пообзавидуются. Получится прикольно!”

Полина приглашение Петра Пантелеймоновича приняла. Приобрел путевки, Петр, Полина, Павлик поехали поездом. Проводник притащил постельные принадлежности. Питались прихваченными продуктами, покупали приготовленное поварами пункта питания поезда (приносил пищу проводник), пили пепси, пиво... Павлик половину пути проспал.

Прибыли поутру. Подхватив поклажу, побрели по перрону. Поблескивала паутина пристанционных подъездных путей, почерневший путепереход, потресканные парапеты. Подскочил потрепанный полупьяный парень.

– Помочь поднести поклажу? – предложил помощник прибывшим путешественникам.

– Пожалуй, помоги...

– Полсотня, – промямлил парень.

– Понятно.

Путники, передав поклажу, пошли. Пешеходов поджидал “ПАЗик”. Подмигнув Павлику, парень получил помятую положенную полсотню, посадил Полину.

Просторные полулюксы, показанные парнем-портье, приедем понравилась. Повторюсь: путешественники, прибывшие поутру, помылись, переоделись, поели-попили, прилегли передохнуть. Полина покрасилась, попудрилась. Поспав, пошли побродить по песчаному пляжу побережья Пицунды. По пути попадались пункты приема пустой посуды, пиццерии, пивные палатки, павильон “Приют пиратов”. Пожилые приветливые (полные!) продавцы предлагали пепси, пирожки, полукопченного посоленного палтуса плюс пиво...

Прибой повыбрасывал пустую пластмассовую посуду, поседевшие пни, поролон, пластиковые плиты, подгнившие подрамники, полиэтиленовые пакеты, презервативы, покрывшиеся плесенью продукты. Пищу пожирали приبلудные полуоблезшие псы... Приглянувшись песиков Потапов, Полина, Павлик потом постоянно подкармливали. Питомцы-приблуды, почувствовав покровительство, постоянно пытались провожать путешественников по пляжу, потешая публику...

Продолжая прогулку, прибывшие поотдохнуть повстречали пятерых подгулявших представительных поляков-путешественников, простых пьянчужек, прогуливающиеся полуголые пары.

– Покажешь пещеры, питомник? – попросил Петра подросток. – Пав, павианов посмотрю, полюбуюсь, потрогаю, подкормлю.

– Покажу потом, – пообещал Потапов. – Поедем поездом. Попозже. Пока позагораем, пляжный песочек пузами помнем, поплаваем. Приготовь пляжные принадлежности: плавки, панамки, полотенца, простыни...

Пробежки поутру, прогулки, плавание, полноценное питание, поиски подходящих подарков приятелям-приятельницам, посещение поп-концертов, представлений, постановок, привлекающих публику – почти полный перечень проживания путешественников. Прошло полмесяца. Поплавали, поплескались, побрызгались, подуррачились, подзагорели прилично, достаточно побродили по переулкам, проулкам Пицунды, побережья, посетили порт.

Плакаты («Пообещал – помоги!») призывали помогать пострадавшим погорельцам.

Павлика Пицунда поразила: природный парк, пальмы, платаны, плющ, певчие пичуги, павлины, попугаи, полосатые переходы, пышногрудые представительницы прекрасной половины, причудливые постройки, памятники, причалы...

– Поедем, пора, приматов посмотрим, – похныкав, приставал подросток.

– Пора-пора посетить питомник, – похлопал по плечу парня Петр. – Поедем послезавтра пригородным поездом.

Поехали. Пацана привлекали прекрасные пейзажи, придорожные посадки, посеи, перелески, пожелтевшие поля, полянки, папахи пастухов, псы, пасшие племенных парнокопытных, промелькнувшие полустанки, похоронные процессии, предгорья, протяжные песни перронных попрошаек, предсказания полуслепых “прорицателей”, пыльные полуразбитые подъездные пути.

... Пятница. Питомник принимал посетителей. Павиан по прозвищу “Плут” полулежал. Подруги помоложе поглаживали павиана, постарше – попрошайничали, принося подавание “папочке”. Получерствыми пирожками, поданными публикой, плевались, перебрасывались прочими продуктами.

Присутствие подглядывающих посетителей, поглаживание подруг “Плуту”, по-видимому, поднадоело. Павиан показал полураскрытую пасть, похлопал по покрасневшей попе, похотливо поглядывая, показал посетителям питомника письку, проделал понятную «процедуру»: прилюдно поимел подругу помоложе. Публика, посмеиваясь, приговаривала: “Приспичило “Плуту”. Полина, полусмущенная, произнесла: “Паскудство, – потом попросила Павлика, – повернись!” Пацан, Петр Пантелеймонович переглянулись. Павлик, поперхнувшись, прыснул, пуская преобладающие пузыри...

Посетителей питомника попросили прервать посещение.

– Пора, – произнес писатель. – Половина пятого...

Покатили пригородным поездом, потом, приехав, потопали потихоньку пешком. По пути Полина пела. Петр, Павлик подхватили песню Пугачевой “Позови...” Получилось.

– Понравилось посещение питомника? Поглазели?

– Понравилось-понравилось, писательское Превосходительство! – пробормотал подросток по прибытии. – Поездка – прекрасный подарок, Петр Пантелеймонович.

Пикнуть против “папы” Павлик просто побоялся, правда, предложил: «Пожрать пора. Проголодался». «Пожалуй, – поддержала Павлика Полина Прокопьевна. – Пора перекусить».

– Понравилась поездка, – произнесла, поев Полина. – Познавательное! Перед подругами, приятельницами пединститута похвастаюсь.

– Пэтэушники позавидуют, – прокричал подросток. – Подобные подарки-путешествия получать, признаюсь, приятная приятность. Прелесть! Почему предложил поездку поздно? – полюбопытствовал парнишка. – Потеряно пятилетие...

– Прошу прощения, – поклонился Петр Пантелеймонович. – Пойми: постоянно получать подобные подарки положено послушным пацанам, понятно? Поразмысли! – посоветовал писатель. – Потом потолкуем.

– Понятно, – подумав, произнес подросток, потом промямлил, – постараюсь постепенно подправить персональное поведение, постигну премудрости по писательским подсказкам, Петр Пантелеймонович.

Потапову, признаться, понравилась похвала пацаненка. Петр подумал: “Пусть помнят посещение Пицунды, питомника. Познание природы – полезно”.

Потапов повел путешественников поехать.

По прошествии пятидневки путешественники посетили пещеры (по преданиям – преисподняя!) Потрясающе...

...Прошло полгода после памятных поездок по побережью. Пожилые, пенсионеры, прочая публика поджидали первое послание президента. Послание полностью прозвучало по приемнику, потом печаталось прессой. Президент, перечеркнув (“похерил”) подготовленные парламентариями проекты, поехал пообщаться, поглазеть, полюбоваться прекрасными памятниками Парижа, прелестными произведениями Пабло Пикассо, Писсарро, постимпрессионистов... Похоже, послал публику по-дальше. Проворен президент!

Получилось презабавно. Поясню: получасом позже после прозвучавшего послания президента по приемнику популярный певец прокричал песню “По Парижу, по Парижу...” Писатель Потапов, послушав послание президента, понравившуюся песенку, подумал: “Придется порадовать Полину – показать Париж, простых парижан, памятники, прочие прелести... Преподавателю пединститута подобное путешествие понравится, пригодится”.

Потапов посетил поликлинику, персонально попросил привить подростков-пэтэушников – приятелей Павлика (по просьбе пацаненка).

Перемены, прогнозы, пересуды...

Произошли перемены: Павлика призвали. Получился превосходный подводник. Парень писал Полине, Потапову письма (по полстранички!), посоветовал пожениться: “Перископ подлодки показывает: перезреете подобно персикам. Поторопитесь!»

Подводник Прокушев пририсовал постскрипtum: «Перископ постоянно показывает пирс. Пирс Потапова плюс Полины плюс Павлика! Понимаете? Подводник Павел Прокушев».

– Пострел поспел, получил прострел, – пошутил Петр Пантелеймонович, получив письмо. – Прикольный парень! Пора послушаться пацана, преданная подруга! Принимаешь предложение пожениться? Правда, пора!

Пора, пора, – подтвердила Полина. – Павлик, пожалуй, порадуетя...

Поскорее перебирайся: переноси пожитки!

Полина, помимо письменных принадлежностей, принесла парфюмерию, при-бамбасы-причиндалы. По пути Прокушева прихватила пару пачек порошка «Пемос» (простигнуть подштанники Петра Пантелеймоновича, полотенца). Потом, придя, пришпандорила потерянные писателем перламутровые пуговицы.

Поженившись, перевезли прочие пожитки: постельные принадлежности, половики, поварешки-половники, подставки, проигрыватель Павлика... Прикупили

полпуда подсолнечника, послали письмо Павлику. Подводник поздравил пару, пожелал приятного проживания...

Потапов, почитывая прессу, просматривая передачи “Пармы плюс”, постоянно поражался: паводки, потери, погибшие, падеж поголовья, пикеты, протесты... Помечая, подчеркивал поразившее: “Правит пентагоновский прокуратор, придумывая причудливые проекты”; “Платежеспособные пенсионеры платят по полной программе”; “Прихватизаторы”, понятно, попирают права пролетариев. Простолюдинов, пожилых приватизаторы пытаются погубить преднамеренно”; “Псевдореформаторы, псевдореволюционеры пытаются перечеркнуть прошлое. Память подводит? Подобный подход (подтасовки!) – противоестественен, пагубен. Перебор!”; «Правые подводят платформу под Путина», «Пушки под прессом»...

Писателю почему-то припомнилось присловье: «Пучина – гибель, плен – позор». Подумалось: «Пучина-приватизация похотливо поглощает простолюдинов, пенсионеров, поколение пожилых. Прожорлива преступная «прихватизация»! Приватизаторы подобны прожорливым пираньям. Пора прохиндеев прищучить – привлечь (поприжать, пошерстить, пересажать!). Пусть Прокруст постарается...”»

Писателю понравилась прочитанная пространная публикация-прогноз “Пармит предсказывает перемены”, принадлежащая перу признанного публициста. Подглезский писал: “Провинциальные политики – правители-призраки! Перегрызутся! Позор предстоит персонажам прогноза: придется покраснеть перед простой публикой”. Подглезский, продолжая, писал про предпринимателей: “Приведу пример. Полчища проверяющих, подкуп, постоянные придирки, произвол – последние предприниматели перемрут. Прохиндеи, паханы, прощельги присваивают производственные помещения, перепродают, переприватизируют промыслы, перерабатывающие производства. Половина подчиненных проворовалась. Политика правительства пробуксовывает...”»

“Правильно пишет, – подумал Потапов. Пробормотал. – Поддерживаю!”

– Передохни, Петруша, – посоветовала Полина. – Погутаим, посудачим, посплетничаем...

Петр Пантелеймонович побряхтел. Потянувшись, переспросил: “Посудачим? Пожалуй!”

– Погутаим, посплетничаем, – подтвердила потаповская половинка. – Про Пугачиху, про Преснякова, про поп-звезд...

Полина, паясничая, поведала Потапову: «Последнюю пластику певица Пугачева психологически перенесла плохо. Примадонна потом приобрела проблемы: поправилась, прибавив полтора пуда (попрешь против природы?) Полнота, понимаешь, Пугачихе – пытка! Позже пластика помогла прославленной популярной певице. Примадонна прямо-таки превосходна, – подытожила подруга».

– Полусплетни приходилось “перемальвать” постоянно. Пересудам подвергались продюсеры поп-звезд, певцы Паворотти, Пресняков, певицы Пъеха, Панаровская, Пиаф (при посещении прекрасного Парижа путешественник Потапов полюбил песни Пиаф. По пояснениям прохожих, песни певицы помогали простым парижанам победить плохое), про примитивную попсу, порой похабную-препохабную, про политика Примакова, про повсеместно популярного Поттера...

– Петр Пантелеймонович, посмеиваясь, подчас приговаривал: «Прямо полномочный представитель попсы. Принцесса «Пирлипат». Пластика?! Подумаешь, панacea... Переживут! Похоже, поп-звезд поразила паранойя.

Правда, писатель похваливал постановщика Первопрестольной Пити – приглашенного парижанина. Пити получил престижную, приличную (почти полмиллиона!) президентскую премию.

Пересуды Полиной преподносились Потапову презабавно: психологическая потребность подруги!

... Прогуливались парой (Петр приобщи́л половинку!). Пешие прогулки, понятно, полезны. Попс приплясывал позади. Походы, прогулки по перелескам, полям, пригородам Полине понравились. “Потрясно”, – попискивала подруга. Петр подтверждал: “Прекрасно!»

Потаповская половинка помогла Петру по-настоящему полюбить поэзию: подбира́ла, покупала, приносила произведения популярнейших поэтов.

Прозаик писал по-старому подростковым почерком – перьями, пользовался промокашкой. Пегас посещал Потапова по-прежнему: писалось! Парнас приветливо принял писателя, приручившего Пегаса.

Потом Петра Пантелеймоновича прихвати́л пародонит, после простуды под подбородком появились противные прыщи. Простуда “подкузьмила”: появился проно́с (Полине потаповский проно́с понравился!)

– Пройдет, пройдет... Попозже! Придется поприимать процедуры – прогреться подогретым парафином, – подсказала подруга. – Посещай поликлинику.

Петр Пантелеймонович, поверив предсказанию Полины, повеселел: “Похожу...” Приняв повеление Полины Прокофьевны, писатель посещал поликлинику. Принимая парафиновую процедуру, подслушал причитания полного пациента, плакавшегося психотерапевту:

– Понимаете, позавчера проснулся потный. Приснилась пустыня, песок. Ползу, ползу. Плачу, плачу, плачу!..

Психотерапевт подъюморил:

– Принесите подарок подороже. Приснится «Пежо». Прокатитесь по пустыне. Посмеётесь.

«Посредник пилюль» Павел Панев предложил Потапову приобрести пумпан, папазол, папаверин, панангин, пирацетам, парацетомол, пентоксифиллин, посоветовал простодушному пациенту потреблять препараты парами – поочередно (попеременно), паки прежнего поостеречься парной под пивными парами.

Потаповых, признаться, порядком пугает проклятая пневмония (планета прямо-таки перетрухнула!). Перемещавшаяся прыжками по просторам провинций, паскудница поражала подряд (приносила погибель): почти полк покойников. Повсеместно пытаются получить противоядие. Пока проблематично. Придется помолиться, попросить пощады: природа, пожалуй, помилует...

Приняв пяток процедур, писатель положение поправил.

Процесс продолжается...

Приятелю Павлу Птицыну, посоветовавшему писать повесть, Петр Потапов подарил пальто, правщику Прохору – позолоченный портсигар, Полине – перстень, полусапожки, полшалок, пимы, побрякушки, пинцеты. Подарки перепали печатникам. Послал пожертвования пятнадцати приютам престарелых, подростков.

Плодовитый Потапов по-прежнему продолжает писать. Плодотворно. Публикуется постоянно. Профи! Пробился плотник – покоритель Парнаса...

...Путь признанного прозаика Петра Потапова продолжается. Процветает! Пишет пятикнижие (пенталогию): повести “Погибель простолудинов”, “Потерянное поколение”, “Презрение прелюбодеем”, “Погодите, партийцы-перевертыши”, “Покайся, повелитель!” Петр Пантелеймонович почти подготовил пьесу “Период полураспада”. Писатель послал «Пачемышу» пустячок про полувиртуальные получки, придуманные почти повсеместно «предпринимателями»–прощельягами. «Пустячок» получился после прочтения послания плотника Пафнутьева, писавшего:

– Прорва проклятых проблем поднакопилась: поросенка покалечили, петух пропал, полочки постоянно подзадерживают... Призадумайся!

Поганое положение подправил приятель Просvirкин, повстречавший Пашку поутру.

– Поспешим, парниша, – пыхнув перегаром, произнес полупьяный Поликарп. – Получку привезли...

– Потрясно, – прокричал Пашка. Переспросил. – Пятидесятирублевками, пятисотками?

– Парагвайскими песо, придурок, – побагровел Просvirкин. Плюнул, потом продолжил. – Позабудь про «пиастры», пентюх поселковый. Получишь продукты питания, пиломатериалы, постельные принадлежности...

– Принадлежности, продукты?! Пора поубивать паразитов!

– Поостуди-ка пыл, – посоветовал приятель. – Подумай: покочевряжишься, повыпендриваешься – помрешь, пока получишь «пфенниги». Подохнешь, – припечатал Просvirкин. – Полпоселка получили продукты. Прикинь-ка! Получим пиломатериалы, предложим перекупщикам... Потом презренной политуры поднакупим, погудим по полной программе. Принимается предложение?

– Принимается, – пробормотал Пафнутьев.

Приятели поспешили получать подзадержанные полочки. Пафнутьеву причиталось пятьсот пятидесятирублевков, Просvirкину – пятьдесят пятисотенных. Пашка по пути попросил прощения: «Прости, Поликарп, поначалу погорячился. Прости!»

– Порядок, – приободрил Пафнутьева Поликарп.

Приятели представляли: после полочки пир получится полноценный. Потрясающий! По полной программе... Полнейшая полифония!

...Потом, поработав, писатель предложил петрозаводскому «Пуналиппу» странное повествование «Предтеча». Помнится Петру пурга, пытавшаяся (пока прозаик перебежками перемещался по проспекту Партизан) повалить Потапова, прятавшего под пальто пухлый пакетище... Пакет писатель по-прежнему посылал почтой. Пусть прочитают, переведут... Потапов помнил: Петрозаводск появился по повелению Петра Первого. Повествование «Предтеча» Потапов посвятил Петру Первому.

Петр Пантелеймонович политически прозрел, понимая: прислужницы пресслужбы попросту путают причины (подчиненным приходится повиноваться приказам провинциальных повелителей-правителей). «Появившиеся проблемы просто переиначиваются. Поймите, – призывал писатель профлидеров, провинциальных правителей-перестраховщиков, – придется понять причины проблем. Пиарить противно, подлю, преступно...» Принятое правило «прогибаться» (пресмыкаться!) перед Первопрестольной – прескверная привычка».

Первопроходец публичной политики провинции Прокопий Пиридонов прилюдно поблагодарил Потапова.

Пришла припозднившаяся Полина...

Потапов приготовил поесть: поджарил печенку, посыпал пахучими пряностями, порезанной петрушкой, помыл пару помидорин покрупнее... Поджидая Полину, Петр поправил подушку, прилег передохнуть. Писатель пытался побороть полудремоту. По потолку полз преогромный паучище, потом «пластун» плел паутину. Паук попозже попытался приземлиться: прицельно, подобно профессиональному парашютисту противника.

Петр Пантелеймонович, презиравший предрассудки, попытался проанализировать, понять, предугадать предстоящее по поверьям, приметам. «Паук – предвест-

ник предстоящего, – подумал писатель. – Плохого, положительного? Придется помочь пришельцу».

Подставив пятерню, Потапов помог пауку приземлиться. Подоконник принял посаженного Петром парашютиста. Петр Пантелеймонович пальцами попытался подсобить первопроходцу, прокладывавшему прямой путь: побеленный потолок – подоконник – паркетный пол. Прыткий паучище прополз по подоконнику полметра, потом притаился под полиэтиленовым пакетом.

Полудрему прервал пронзительный писк «переговорщика». «Поднимайся», – пригласил Потапов позвонившего приятеля Потолицына (Полина почему-то припозднилась!). Петр Пантелеймонович поставил пару причудливых поллитровок прекрасного приднестровского портвейна, принес (приготовленную Полине!) пищу. Приятели пропустили по полстаканчика, перекусили, поочередно подкалывали (подначивали): просто поболтали («побазарили»). Повторив, подкрепились, побалагурили, покурили, проникновенно пели протяжную песню Пахмутовой «Подлодка»...

– Пережевывай, Прохор, пищу получше. Подавишься, – подмигнув, пошутил Потапов. (Петру пошутить, побалагурить – прямо-таки праздник!)

– Проскочит, Петруха. Питательная пища, приготовленная персонально писателем, проскочит, – пробормотал Потолицын, потирая простуженную поясницу. – Прохор привык потреблять профессионально приготовленную поджарку...

– Постарели, Прохор, постарели, приятель! Пора, пожалуй, погост посетить, площадку получше подобрать, пока подешевле продается, – произнес, помолчав, писатель. – Преогромный паучище (Петр, показав пальцем, погрозил пауку!), по-видимому, плохое предвещает. Пневмония поганая, поди, попытается пришвартоваться. Перекособочит...

– Преувеличиваешь! Полжизни пока прошло-пробежало, писатель Петр Пантелеймонович Потапов, – произнес Прохор, припевая: «Привет-привет, прекрасная принцесса...» Правщик Потолицын продолжать подтрунивать:

– Процесс пошел... Погоди помирать! Пожинай плоды популярности. Поживи, порадуйся! Прочь печали! Посмотришь, позвонит президент. Поздравит. Подбирай площадку под постамент – памятник поставят, понимаешь... Поднимай, Петр, планку повыше! Получишь приличную персональную писательскую пенсию...

Потапов принимал подтрунивая приятеля-прорицателя. По-простецки подмигивал, подыгрывая Потолицыну:

– Попробуем прорваться, премудрый пророк Прохор! Пророки, помнится, придуркам постоянно пророчат правду. Правда? Прославление, понимаешь, – переходящее... Поведай: применима парадигма? – полюбопытствовал писатель. – Псевдоизвестность противна!

– Применима-применима, – подмигнув, процедил правщик Прохор. – Посмотри, Петруха, прелюбопытную передачу «Попробуй, поймай...» Послушай, писатель: постулат простой – проще пареных патиссонов... Помнишь пословицу прагматиков?

Поджидая Полину, приятели прекрасно провели полчаса.

Пришла припозднившаяся Полина. Переступив порог, побросала перчатки, портфель, повесила пальто, поставила пимы под полку, поприветствовала Потолицына.

– Празднуете? Погода прескверная: пурга, поземка. Продрогла, пока пришло пала. Прогноз погоды предсказывают плохой, – произнесла пришедшая, потом поправила прическу.

– Попробуй пельменей «Петушок»! Прохор притащил пару пачек.

Петр принес посуду, половник, положил Полине приличную порцию – пятнадцать пельменей, подвинул пирожное, пиццу, придвинул пиво, предложил портвейна.

Поужинав, приятели продолжили прерванные подначивания.

– Петросяны! – пристыдила Прокушева, повинувшись прекрасному порыву. – Программа перекисла. Постыдитесь... Переключите программу! Пробки перегорели? Прекратите поливать Петросяна помоями...

– Петросяны, Петросяны! Пых-чих, – парировал Петр. – Подумаешь, Петросян... Похлеще придумаем. Петросяну-панорамщику пишут пародии писатели. Пусть Петросян подражает, поучится... Правда, Прохор?

– Повело помело, – прищурилась Прокушева. – Поостынь... Пошутили – пора прекратить, – предложила премудрая Полина, послушав подкольщиков. – Подождите, пока первоапрельские подколы понадобятся. Правильно? Помогайте потерянному поколению, провонявшему пивом, потребляющему психотропные препараты (пилюли, порошки)... Побольше положительных примеров!

Приятели переглянулись. «Пантера, – подумал Потолицын, потом пробормотал. – Путное предложение. Пожалуй, переусердствовали... Прислушаемся!

Потолицына поддержал Петр.

Полина после препирательств приятелей поднялась. «Пойду-ка посуду помою, потом Платона почитаю...»

Прохор, посидев полчаса, попрощался...

...Пантифик (Папа) произнес проповедь, посвященную престольному празднику – Пасхе, перед полумиллионной паствой. Петр пересказал Полине прослушанную передачу по приемнику (по первой программе) перед приходом Потолицына, прокомментировал. Пospорили...

Представление «Подсолнухи»

Полина принесла преподнесенное преподавателями-приятельницами приглашение (подарок!), показала Петру. «Представление «Подсолнухи», – прочитал Потапов.

– Пойдем послезавтра, посмотрим, – предложила половинка писателя. – Подразвлечемся...

– Пожалуй... («Придуманная Полиной попытка примирения, – подспудно подумал Петр. – Придется подчиниться. Пойдем...»)

...«Прикид» по правилам певца Подгурского публике понравился: подходящий! Проектора прорезали полумрак.

Подмигивая, пижон прилюдно признался:

– Предложил претенденткам представления: пока пою «Паранойю», продемонстрировать публике прелести, походить по подиуму, полненькими попками повилиять – похвастаться, подурачиться, порадовать публику приколами, подрыгаться.

Потом появилось полдюжины полуголых претенденток (подмышки – потные!). Походили по подиуму, повилиляли пухленькими попами. Потрясывая подбородками, помахивали пальчиками... Претендентки профессионально показали (пронесли по подиуму, потом по помещению) противСПИДовские плакаты. Пышные прически поправлять пальцами перед публикой побаивались.

Помощница продюсера, почувствовав подвох, попробовала перепроверить пижона. Провякав, переспросила:

– Попросят претендентки пощады?

Подвергнутая полунасмешке пигалица попыталась поправиться перед патронном (прекословить пижону поостереглась), потом плоско пошутила: «Попытка – пытка!».

Понадобились перлы-приколы Петросяна. Пижон предложил претенденткам подбирать (придумывать!) похожее. Получалось плохо, просто прескверно. Публика

переглядывалась, посмеивалась, порой пыталась поплодировать – похлопывала. Подстриженные под полубокс парни (половина партера), поднакачавшись «продвинутым» (правильным) пивом, посвистывали.

Подгурский, притопывая, прокричал пять полублатных песен... Примитивное представление полуодичавшая провинция (подобную пакость) проглотила! Постепенно представление приугасало.

...Предприниматель, посуливший победительнице прекрасный приз (путешествие по планете!), пощелкав перстами, проквокал:

– Планету покорять поедет Патрисия Прилуцкая. Принесите путевку-приз (пик победы!).

Потом принарядившиеся победительницы принимали поздравления, подарки, презенты...

Покидая помещение, Петр Пантелеймонович пожалел: приятная (привлекательная) претендентка поединок почему-то проакакала. «Переволокновалась перед публикой», – предположил писатель.

Претендентку, понравившуюся Потапову, подвело полузабавное происшествие. Пронося плакат, пышногрудая повернулась. Подцепив палкой подол платья подруги, потянула плакат, порвала петельки. Платье «поползло», потом «подмело» пол. Претендентка подхватила платье. «Парад» поломался...

– Похоже, приезжие «Подсолнухи» провалились, – произнес Петр.

– Пессимист пессимистом, Потапов, – приватно проронила Полина Прокофьевна. – «Парма» призывает посетителей посмотреть постановку «Парад планет».

Петр Пантелеймонович промолчал.

Продолжая повествование...

Понравился подзаголовок «Пора потерь...» предлагаемой повести? Призадумаемся, проанализируем, продолжим печальное повествование?

Примазавшиеся попугачики, предав патриотов, переметнулись: пытаются «полизать» попы псевдореформаторов-приватизаторов, получить «признание» правительственной (президентской) партии. Противно! Партфункционеры привечают перебежчиков подарками-призами, пышными приёмами-презентациями, постоянно приглашают попробовать «правильное» пиво, посетить Первопрестольную, придумывают прочие поездки. Пропала протестность!

...Повзрослевшим подросткам (поколение «пепси-пиво», постоянно потребляющее психотропные пилюли, порошки, прочую пакость – потерянное поколение!), похоже, предстоит пережить потрясение: пожинать («покушать») плоды поганых псевдореформаторских «побед». Потерянное поколение повспоминает пращуров, попросит прощения?

Припоминаете: президент-пустомеля произнес пресловутый прикол «Процесс пошел», покоровивший планету. Процесс-погромщик, понятно, пошустрил по плохому пути, позабыв пассажиров-простолюдинов (пахарей, пролетариев...). Пошел, подставляясь, получая подножки, падая, приподнимаясь. Пока прескверно получается. Похоже, процесс (пора потерь!) ползет по просторам провинций по-пластунски, пюзом постоянно подминая подряд посиневших простолюдинов, повсеместно пополняя погосты. Положение прямо-таки плачевное! Процесс ползет, привычно показывая порванные портки, полуголую попу. Прискорбно: ползет под понукание поганых псевдореформаторов-пираний. Посмешище планеты!

Погодите: пресловутая Пандора, похоже, пока приоткрыла полнехонькую посудину пакостей (пороков, проклятий, потерь...). Поганный процесс пока продолжается.

Персонаж прошлого Персей-победитель, проанализируй по просьбе простолюдинов положение, потрясенный, пожалуй, прослезится. Пройдет проклятущая пора потерь (перестраиваемся пятнадцатилетие)?! Поживут поколения простолюдинов по-человечьи? Парад победителей-приватизаторов прекратится?

Попробуем проследить поведение (перспективы!) персонажей прикольной повести «Процесс пошел...»

П.П.Потапов по-прежнему переснимает произведения (папка «П»), переписывает понравившиеся предложения прессы, пополняя потрепанную папку. Последние «приобретения» Петра Пантелеймоновича:

«Падают показатели производства промышленной продукции»;

«Приватизаторы «прибрали» промыслы»;

«Президента по-прежнему поддерживает провинция»;

«Прятели-партнеры перестарались... Паяцы!»;

«Пожилые патриоты-пенсионеры получили поддержку»;

«Подчас пышно процветает паразитизм»;

Президент Промышленно-торговой Палаты Примаков предупреждает: падение производства пагубно повлияет...»;

«Проведенные пикеты против порабитителей-янки (Пентагон) поддержали панки»;

«Правда: популярность патриотов повысилась. Политический парадокс! Последствия полученной поддержки подробно проанализировал психолог Прыщиков. Пессимисты посрамлены...»;

«Палестинцы предложенное противником перемирие проигнорировали: подрывы по-прежнему продолжались»;

«Прославленный Перебейнос покорил Памир, Пик Победы»;

«Противоречивые постановления префектов Первопрестольной приезжие понимают плохо»;

«Перехватчик прочертил прямехонькую полосу: пилот Петраков постарался»;

«Похоже, поможет публично-показательная порка президентского партфаворита – партайгеноссе Прызлова (пост – правительственный!), присмотревшего преогромный потрескавшийся «почетный» пьедестал... «Правда»;

«Подписав постановление, правители провинции полагали: предприниматели поймут – погасят просроченные платежи, пени. Провалилась попытка: предприниматели посмеялись! «Погодите, пройдохы, припомним!», – пригрозили правители».

...Помимо прочего, Потапов подбирает публикации про полтергейст.

Пиотровские пишут Петру Пантелеймоновичу: прапорщик-пенсия, посевшая племянница. Пелагия понемногу подрабатывает. Правщика Прохора Потолицына повысили, педагога Поплавскую после первой публикации признали (помощь Потапова!), печатают постоянно. Плотник Пузырев, подлечившись, прекратил пить. Платонида простила Павла (поженились!). «Пузырь» (пожиратель папайи) постоянно поощряется премиями, прогрессивкой, путевками, продуктами питания... Пилостава Похмелькина (прогульщика) посадили, полевод Педоренко пропал, помощник плотника Птичкин повесился, председатель профкома Похлебкин помер.

После пятидесятилетия писатель Потапов прихворнул. Петр Пантелеймонович проверил пульс. Пульс прерывался: «Плохо, – подумал писатель. – Придется позвонить, пригласить «посредника пилуль» приятеля Павла Панева. Пусть посмотрит, проверит: почему пульс прыгает, прерывается?»

Прибывший Панев, проверивший пульс Петра, предложил принять порошки, пилули, приказав:

– Порадуй! Проглоти, профессиональный пессимист. Подстрахуйся! Придется полежать... Передохни, писатель! Поутру позвони, проинформируй. Приеду, посмотрю.

– Пока, – попрощался «посредник пилюль». – Предварительно позвони...

Порошки, пилюли, предложенные профессионалом Паневым, Петру Пантелеймоновичу помогли: пульс прыгать перестал. «Паникер паршивый, – произнёс Потапов, посмеиваясь. – Поживём!»

Полина Прокофьевна – преподаватель пединститута. Постаревший пудель «Попс» по-прежнему проказничает. Пачемышцы прислали Потапову письмо, поблагодарили, пригласили писателя печататься.

Прионежский поселок Пустошь? Плешивый почтальон Печкин «подженился» (повысилась потенция), потускневшая продавщица промтоварного павильона Павлина Пустыркина «попалась», Пескаревы (Павел Парфенович, Пульхерия) переехали. Поговаривают, пару приютила Пенза. Полинин парень (подводник Павлик) прослужил полсрока. Пишет...

Потапов пишет послесловие (подзаголовок «Предел дозволенного»).

Про пиво

Повсеместное пропихивание (пропаганда) пива производителями, представителями президента поднадоело, приелось: противно! Писатель Потапов пытался подготовить протестное письмо. Потом почта посредством прессы принесла поучительную «Пивную побасенку». Петр Пантелеймонович попросил провинциальную прессу перепечатать привлекательную побасенку. Перепечатываем! Предлагаем прочитать перепечатку побасенки.

... Поликарп Поликарпович Полонский – профессор-политолог – по поручению президента поехал по поселкам Приморья, пропагандируя пользу пива (правительство Приморья предусматривало постройку пятнадцати пивоваренных предприятий). Поселяне приветливо приняли посланца президента. После приветственных почестей посадили потрапезничать, попробовать пивка приморского производства. Потчевали по полной программе – Поликарп Поликарпович посетил почти полсотни подворий, периодически провозглашая: «Пейте пиво пенное!..»

Привычка порассуждать помогала профессору:

– Почему повсеместно предпочитают пить пиво?! Первое: пиво – питье правильное, продвинутое!.. Потом – пить приятно! Положим, портвейн – покрепче, политура – позабористей... После подобного пойла пригубишь пивка полстаканчика – почти поправился!

Приморцы поддакивали понимающе. Поднося полную посудину, посмеивались.

Поликарп Поликарпович поздно понял – пора помочиться!

– Пропустите, пожалуйста, пропустите! – пытался пробиться профессор.

Пиво побулькивало, пузо пучило... Поликарп Поликарпович почти плакал.

– Перебрал, Поликарпыч? – профессору преградил путь подвыпивший плюгавый паренек, поддержав пошатнувшегося Полонского.

Прорвавшее преграду пиво пенным потоком потекло по полу.

«Похоже, прободение полости... » – подумал профессор, потом последние проблески померкли...

Предприниматели Приморья, посоветовавшись, порешили просить президента посмертно присвоить Полонскому почетное прозвище «Поборник пивного производства».

Понравилась побасенка?

ПОСТСКРИПТУМ:

Поблагодарим правщика Прохора Потолицына, помогшего почистить (подправить) первую прикольную повесть плотника Петра Потапова “Придурки”, понравившуюся подписчикам. Подфартило приволжанину. Позавидуешь!

Попробуйте повторить подвиг популярного писателя П.П.Потапова, потрудившегося подобно пчелке-пчелушке...

*) «Пачемыш» («Скорпион» – 2002, № 7-8, с.6; автор М.Трофимов) – журнал сатиры и юмора, издается в Йошкар-Оле.

**). Фамилии персонажей – вымышленные.

***). В.Соловьева. Пивная побасенка. «Чаян», 2003, № 21, с.11.

Валентина КАПИШИНА

* * *

Песня льется, сердце бьется,
Но сжимается в кулак.
Будто что-то не срастется,
Не распустится никак.
Душит веру плоть немая.
Лишь меня не обмануть.
Что даешь - все принимаю,
Не заглядывая в суть.

Я СВОБОДНА ОТ ВАС

«Мне кажется, что вы больны не мной»

М.Цветаева.

«Я свободна от Вас»,-
Вслед бросаю слова позолотою.
Я свободна от Вас,
Хоть и, кажется, что пленена.
Я свободна от Вас,
Даже если печаль за воротами.
Я свободна от Вас?
Или может, я Вами больна?

* * *

Запирайте чувства на замок.
Пусть их кроме вас никто не слышит.
И зловеще пусть на них не дышит,
Извергая зависти поток.
Запирайте чувства на замок,
Чтоб жалеть потом не приходилось,
Ненароком чтобы не случилось
То, что он простить тебе не смог...
Запирайте чувства на замок.

ОКНО

Вечерний свет струится вдалеке.
Там жизнь бурлит и варится картошка.
Душа моя сегодня налегке,
Но не горит судьбы моей окошко.
Темно в окне, и полумрак во мне.
И света нет, хоть светел каждый дворик.
Надежды луч мерцает в полутьме,
И блеск его мне бесконечно дорог.
Судьба опять сулит нам поворот.
Луч света в нем не очень- то заметен.
Лишь луч надежды бесконечно светел,
Ведь он зажжет желанный небосвод.

* * *

Уткнуться бы в твое плечо,
Забыть о том, что было.
Но кто-то шепчет горячо:
«Ты все ему простила?»
Какое счастье принимать
Тебя здесь, друг мой милый!
Какое счастье сознавать,
Что чувства не остыли!

БУКЕТ

Вчера, казалось, аромат
Пленил и бередил.
Как скоро тот букет завял,
Что ты мне подарил!
Угасла роза и печаль
Ее венчает цвет.
А белый – лилии наряд:
Казалось, чище нет!
Но белый цвет, не так уж бел,
Коль на душе темно.
И бело – розовый букет
Скорей спешит в окно.
Угас роман, завял букет,
И что ни говори -
А этих пламенных цветов
Мне больше не дари.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

*«Ты - ничья, я – ничей!
Музыканты сегодня в ударе...»
О. Чупров*

Всю ночь с тобою нынче проболтали.
Какая нега мне от этих слов.

Нам звезды молча головой качали,
Желая добрых и красивых снов.
Слова являлись, словно отголоски
Безумных дней и пламенных ночей.
Мы рядом и трепещем, как подростки,
Ведь я – ничья, и ты почти ничей.
В восторге ночь пылала и блистала
На небе восхитительно луна.
И я счастливой на мгновение стала,
Как - будто в жизни не была одна.
Ночь звездная увенчана восходом,
Лучи сонливо пробивают тень.
И восхитительно пленящим ходом
Нас осторожно разлучает день.

* * *

Зимней стужей не балован
День тайком сползает вниз.
Что зима наступит снова
Это вовсе не каприз.
А душа все просит снега,
Нежной белизны вокруг.
Просит снега – оберега
И немного снежных выюг.
Стужа сердцу не помеха:
Поскорей остудит пыл -
Тот, который, видно, в спешке
Ты во мне не погасил.

ТВОЙ ГОЛОС

... Голос туманит меня
И манит.
Голос покой мой
душевный хранит.
Он оберег мой
И мой талисман.
Он не простит мне
И легкий обман.
С ним – не тоскую,
Его берегу.
Жить без него,
Может быть, не смогу.

О СТАЛИНЕ, О ПАРТИИ И О ЗЕМЛЕ КОМИ
(рецензия)

О книжке, которую я держу в руках, известный коми литератор Василий Юхнин написал в своем предисловии так: «Коми поэзия еще молода. Отсюда и некоторая ее незрелость, ее недостатки. Но эта поэзия здорова и жизнерадостна, а ее поэты полны решимости преодолеть свои недостатки, они упорно работают над созданием произведений, достойных своего народа».

Этот небольшой по объему стихотворный сборник, вышедший в издательстве «Советский писатель» в 1946 году, носит простое название «Поэты Коми», это «...первая книга стихов советских поэтов Коми на русском языке». Честно говоря, испытывал глубокий душевный трепет, когда перелистывал желтые страницы и вчитывался в поэтические строки. На ста страницах помещены произведения таких замечательных коми поэтов как: Михаил Лебедев, Николай Фролов, Василий Елькин, Ананий Размыслов, Яков Рочев, Иван Вавилин, Дмитрий Конюхов, Федор Зырянов, Павел Шеболкин, Василий Юхнин, Серафим Попов – имена в коми поэзии, да и не только в коми, согласитесь, знаковые.

Сразу оговорюсь, я не стал при прочтении обращать особое внимание на «правильную», созвучную с тем временем, идеологическую выдержанность сборника. Естественно, что все выше названные поэты в той или иной степени уделили в своем творчестве, представленном в книге (кроме Михаила Лебедева и Серафима Попова) место «правильности линии коммунистической партии» и подобным строчкам:

Сердце песни – Сталин наш любимый,
Эта песня будет жить всегда.
С нами Сталин – свет неугасимый,
В синем небе алая звезда.

Не хотелось бы на этом акцентировать внимание, понятно, что иначе поэзия коми авторов просто бы не вышла в то время на всесоюзную читательскую аудиторию. Удивительно, как, вообще, на страницы сборника попало одно единственное стихотворение Михаила Лебедева «Земля Коми», коим книга и открывается, поэта, начавшего свою литературную деятельность задолго до революции, и никогда не жившего и не творившего «в фаворе» власти. Что можно с полной уверенностью отнести к чести и определенной смелости составителей и редакторов сборника Сергея Обрадовича и Василия Юхнина. Ведь в стихотворении поэта эзоповым языком сквозит тема ностальгии по прошлой, дореволюционной жизни коми человека, в нем непримиримо сталкиваются «как необходимо писать» и «как чувствует жизнь поэт»:

Диво ль конь железный в поле?
Межи все народ вспахал,
И забыта (ль – А.К.), как неволя,
Деревенская соха.

Есть ли в мире где такое
Счастье, как в моей стране?..
Я иду землю Коми.
Древний лес навстречу мне...

В вышедшем сразу после Великой Отечественной сборнике естественно смотрится тема войны. Этой теме посвятили свои стихотворения И. Вавилин (В освобожденной деревне, Коль умру...), В. Юхнин (Сказ о герое) и С. Попов (Ночь

перед атакой, Танкист), Д. Конюхов (Ой, не шутит с ребятами Вась...), Ф. Зырянов (Казак), П. Шеболкин (Слава). Если И. Вавилин в своих стихах не выходит за рамки лозунговой поэзии «ура патриотизма», написанных по принципу «сегодня в блокноте, завтра в дивизионной газете»: «Привычна отвага для сердца солдата, приказ командира я выполню свято», «Землю Ленина не мучить вражьи ордам черным! Смерть в бою кровавом лучше, чем в плену позорном», то у В. Юхнина в его небольшой поэме «Сказ о герое» более чувствуется работа над литературным текстом, приоритет отдается не лозунгу, а образности: «Что за черные ручьи по склону потекли, дымятся и кипят? Это кровь врага течет ручьями, Кровью черен каменистый скат». Его герой Василий Палыч Кисляков сравним с Василием Теркиным Твардовского, простой коми мужик, родившийся на берегу Печоры, становится по-крестьянски «добротным» солдатом и побеждает в схватке всех врагов. На их фоне поэтический слог Серафима Попова ярко отличается своей образностью, философским оттенком, истинной жизненностью описываемых ситуаций. Его лирический герой не схема с пропагандистского плаката, а живой человек. Приведу одно стихотворение С. Попова целиком, оно небольшое («Ночь перед атакой»):

Ночь крылья простерла свои над землей.
 Все тихо. К утру ожидается бой.
 Теперь до рассвета мы глаз не сомкнем.
 Давай-ка, товарищ, цыгарку (так в сб. – **А.К.**) свернем!
 Покурим, товарищ, - душа отойдет...
 Невеста моя в Сыктывкаре живет.
 Встречал ты в лесу бирюзовый ручей? –
 Такие глаза у невесты моей...
 Ты завтра и силу, и юность свою
 Впервые огнем испытаеть в бою.
 Не близко Кавказские горы стоят,
 Но девушка знает: вернется солдат.
 С тобою отчизне я клятву давал, -
 Ты братом любимым отныне мне стал.
 Лишь грянет рассвет орудийным огнем, -
 Мы в первых рядах в наступленье пойдём.
 Тбилиси далек и мой Север далек, -
 К нему не сочтешь от окопа дорог.
 Но путь наш единый. Обнимемся, брат,
 Чтоб вместе – с победой – вернуться назад.
 Мы нашим невестам, что ждали вдали,
 Расскажем, как рядом в атаку мы шли;
 Как Родины-матери любящий взгляд
 Берег нас в атаке с тобою, солдат.
 Как, смерть презирая, бросались мы в бой...
 Светает... Давай же свернем по другой.
 Но... бьют батареи за ближним бугром,
 Приказ к наступленью. Докурим потом...

Д. Конюхов в своем стихотворении «Ой, не шутит с ребятами Вась...» ведет рассказ о простом коми паренке, который не вернулся с войны, а погиб в боях «...где Нева разлилась, он зарыт под прибрежной сосною», болью по погибшим сквозит его стихотворение, коренное отличие от всех остальных стихотворений сборника, посвященных военной тематике в том, что его лирический герой гибнет в великой войне за свою малую родину Коми край:

Мать-отчизна его позвала,

В битве пал он, но знал, умирая,
Что опять широка и светла
Будет доля родимого края.
Отпылала война, пронеслась...
Вновь мы счастливы, горе изведав.
Ой, не шутит с ребятами Вась,
Не вернулся он в дом своих дедов.

В стихотворении Ф. Зырянова «Казак» лирический герой, воюя, возвращается в свою родную станицу, где под оккупацией ждала его любимая девушка, но солдат опоздал. Тема довольно распространенная в поэзии военного времени, и разрешение сложившейся ситуации вполне традиционно в духе газетной полосы:

В этот дом ломилась с криком немчура, -
Пала, отбиваясь, девушка вчера.
Вот лежит, с кровавым на груди пятном.
И казак кудрявый потемнел лицом.
Сел в седло он молча, торопя коня.
Конь помчался в сечу, стремянем звеня.
От расплаты лютой не уйдет палач.
В дом врага ворвется пламени кумач!

Лирический герой в разбитом на три подглавки стихотворении П. Шеболкина «Слава», которое написано с претензией на эпичность, проходит свой жизненный путь от беспризорника-воришки сквозь горнило гражданской и Отечественной войн и становится не просто нормальным гражданином своей страны, а героем, заслуживающим всенародной славы:

Долю солдата делил я с бойцами,
Шли мы отважно навстречу врагу.
Добрую славу добыл я с друзьями,
Свято ее с той поры берегу.
Кончились бури, гроза отгремела,
Солнце теперь озаряет мой путь.
Сердце от радости помолодело, -
Орден украсил солдатскую грудь.

И хотя особым разнообразием тематического ряда сборник стихов «Поэты Коми» не отличается, на что, понятное дело, есть ряд как объективных, так и субъективных причин, нашлось на его страницах место и любовной лирике. Это стихотворения Н. Фролова (Где начало любви), В. Елькина (У плетня), И. Вавилин (Помню в тайге у опушки...), Д. Конюхов (Отчего?) и С. Попов (Ты знаешь, как черемуха цветет...), приведу замечательные по красоте строчки из его стихотворения:

Ты знаешь, как черемуха цветет,
Вся в платье подвенечное одета?
Как рассказать тебе весны приход?
Поверь, Бессилен, беден слог поэта.
Весенней ночью все любви полно:
Попутру солнце ярче над землею.
Ты видишь, - гость в твое стучит окно
Ликующей и молодой листвою...

Основной же темой поэзии, представленной в сборнике, является тема любви к родному, краю, его неповторимой природе, богатствам коми земли: М. Лебедев (Земля Коми), Н. Фролов (На Вычегде), В. Елькин (Счастливая земля, У плетня), А. Размыслов (Древний лес..., Весенние стихи), Я. Рочев (Огни в тундре, На Ухте), И. Вавилин (Пармы дыханье), Д. Конюхов (Песня сплавщиков), С. Попов (Вымские по-

роги, Уголь, Станция Мадмас, На плоту, Нефть, Половодье). Почти все выше перечисленные произведения посвящены индустриализации «лесной страны», в своем стихотворении «На Ухте» Я. Рочев пишет:

Где рябчик свистел поутру у ручья,
Где множество птиц и лесного зверья
Отвека (так в сб. – А.К.) в бору обитало дремучем.
Там ныне стальная блестит колея,
Идут на Москву эшелоны с горячим.

Поэтический сборник «Поэты Коми» не получился бы, на мой взгляд, таким интересным, если бы не замечательные переводчики, поработавшие над подстрочниками текстов. Это Д. Бродский, В. Бугаевский, А. Глоба, Л. Длигач, М. Замаховская, М. Зенкевич, М. Малишевский, Г. Оболдуев, С. Обрадович, В. Потапова, Н. Сидоренко и Арсений Тарковский, который, видимо, усиленно доказывая свою лояльность тогдашней власти, перевел с коми языка на русский только стихи, посвященные любимым партии и Сталину.

Анатолий ВОТЯКОВ

* * *

В Европе наводнение, Японию трясет,
А в Африке снег выпал – катаклизмы.
Синоптики гадают: Чет, не чет,
Где рок очередную справит тризну.

Удобно в мягком кресле развалюсь,
Я размышляю перед голубым экраном,
Опять все происходит не у нас,
И это удивительно и странно.

Как мы благополучно здесь живем,
Пусть зимы долги, скудны урожаи,
Но на Земле не сыщешь днем с огнем
Уютней наших северных окраин.

Пусть летом комары – какой пустяк!
По комарам я – антикомарином,
Не долететь «торнадам» к нам никак,
И с гор высоких не сойдет лавина.

А летом хорошо на северах,
Не объяснишь южанам, если и захочешь,
Что белые грибы растут в борах,
И белые у нас бывают ночи.

Я выйду в лес, присяду на пеньке,
Один, или с попутчиком случайным,
Пусть этот лес совсем не вдалеке,
Других пусть южный берег манит.

* * *

Мы жизнь, как песню сочиним,
Мы нашу жизнь споем дуэтом.
На много лет и много зим
Мы двери в дом закроем бедам.

Откроем двери лишь друзьям
Мечтам, которые свершатся,
Прекрасной музыке, стихам,
И нашим детям, что родятся.

И колыбельную для них
Мы сочиним, чтоб засыпали
Они с улыбкой, что бы тих
И сладок сон их был ночами.

А зло и зависть на порог
Не пустим, как бы не просились.
И тени ссор, в короткий срок,
Исчезли, что бы, и забылись.

Что бы любима и любим
Мы были, в наших силах это.
Мы жизнь, как песню сочиним,
Мы нашу жизнь споем дуэтом

* * *

Я бегать отвык – это плохо,
Хоть сам я совсем не плох,
Но в форме держать надо ноги,
Ведь старость приходит с ног

Не буду откладывать в ящик
Забот о здоровье своем.
Сыграю в ящик, иначе.
А мы, лишь однажды живем.

Я завтра же выброшу пачку
Любимых своих сигарет.
Куплю ароматную жвачку,
И проживу до ста лет.

Спортивный костюм и кроссовки
Не буду снимать никогда.
Я стану красивым и ловким.
И вспять убегут, пусть, года.

Но все же, как здорово братцы,
С утра, предаваясь мечтам,
Ленясь, допоздна поваляться
...Назло неотложным делам!

* * *

К другу старому давно хотел зайти,
Но дела и как-то все не по пути.
И решил, что завтра брошу все дела,
И зайду, куда б дорога не вела.

Открывай, скажу я другу, я пришел
Так же просто друг ответит – Хорошо.
Извини – мне скажет друг, - Но только чай.
Так же просто я отвечу – Наливай.

Посидим, попьем чайку, поговорим,
А найдем причину, ходим в магазин.
И не то чтобы была потребность пить,
Просто, что бы было легче говорить.

А случится, если нечего сказать
Можно просто посидеть и помолчать
Знаю друга своего не первый год,
И, что скажет он, известно наперед.

Уходя, скажу ему – Не провожай.
Так же просто друг ответит – Забегай.
Заходи и ты, - скажу ему – Ведь знаешь путь,
Если будет только чай, не обессудь...

* * *

В автобусе кондуктор билет почти счастливый
Продав мне, и осталось до счастья дотянуть
Ему лишь единичку, и это очень грустно,
Что не хватило малости, и счастлив был бы путь.

И в жизни нашей так же почти всегда бывает:
Есть дом, работа, дача и дети и жена.
И все-таки для счастья чего-то не хватает,
Как пьянице, всего лишь, стаканчика вина.

Где капельки, где грамма, секунды, километра,
На единицу часто у счастья дефицит.
Недостает нам часто всего лишь человека
В толпе, что безразлично вокруг тебя кружит.

* * *

Ты позови, и я приеду к сроку.
Откуда бы дорога ни вела.
Из, даже, безысходного далека,
Забросив неотложные дела.

Я соберусь без долгих сборов,
Ты не встречай, я сам тебя найду,

Не торопясь, пройду сквозь город,
Немного успокоюсь, и приду.

И дни с тобой, я проведу, как годы,
И постарею сразу, в миг, когда
Качаясь, уплывут в окне вагона
Перрон и этот город навсегда.
* * *

Как много камней разбросал я, пора собирать,
Забытую мной на дорогах булыжную рать.
Легко домоседам, их камень у дома лежит.
А в жизни моей был весьма неустроенным быт.

Случалось, в лесу ночевал и в холодных горах.
И жил в позабытых в таежном краю городах.
И хватит ли времени снова пройти этот путь.
Найти те места, где я был и камня вернуть.

За годы в далеких краях изменился ландшафт.
И нет никого, кто подскажет, где камни лежат.
Иные камни, наверное, в землю вросли,
Другие под слоем столетней дорожной пыли.

Мечтаю собрать свои камни, хотя бы не все,
Отправлюсь на поиски их я по ранней весне.
Как мудрый японец желаю сложить сад камней,
Его созерцая, наверно я стану мудрей.

Алексей КАРПОВ

«И не писать уже не в силах я...»

Вышел очередной пятый выпуск литературного альманаха Эжвинского объединения «У камелька». Надо сказать, что его ждали любители поэзии с неподдельным интересом, зная, что он вновь порадует своими творческими успехами. И не ошиблись. Помимо новых стихотворений уже полюбившихся авторов, появились и новые имена. А это не только пополнение творческого коллектива, но и новые мысли, к которым, разумеется, появляется особенный интерес.

Каждый человек индивидуален, творческая личность - в особенности. И пусть все мы живём в огромном общественном коллективе, но индивидуальность каждого всегда ярко выражена. Это и отражается в творчестве.

Читая альманах, нельзя не заметить в стихотворениях ряда авторов единства мысли. И это неудивительно: окружающий нас мир оказывает своё влияние, и мысли это отражение мира, в котором мы живём. Но поражает другое.

Школьницы, представленные в сборнике, выражают в своих стихотворениях похожую озабоченность, уже понимая, что в нашей жизни не всё гладко и надо что-то предпринимать.

Вот строки Саши Белобровой (ученицы школы №36):

*«А я хочу уйти от бед
И весело смеяться.*

*Ведь жизнь одна,
Второй уж нет...
Давайте исправляться!»*

Поразительно, что это пишет человек только вступающий в жизнь, и уже озабоченный состоянием этой самой жизни.

А вот Кристина Степанова (ученица академической гимназии) в стихотворении «К зверям» пишет:

*«Между людьми и зверем
Нет общего в характере...
Ах, люди неразумные!
А кошки - выше вас.
Слова «зверьё безумное»
Ведь не о них - о НАС!»*

Тут и комментировать нечего, все предельно ясно.

Другая ученица школы №30 Наташа Иванова очень озадачена множеством людских ошибок. она пишет:

*«Почему так мало улыбок,
И светлых, и тёплых сердец?
Почему так много ошибок,
И будет ли им конец?»*

Год назад, в четвёртом выпуске альманаха Наташа чудесно описала в своих стихотворениях окружающий мир: зимний лес, снежинки, луну, яркие звёзды...

Значит, что-то происходит с нами, и это настораживает, если такая реакция на окружающую действительность даже у тех, кто только ещё вступает во взрослую жизнь.

Впрочем, у других поэтов (скажем так, взрослых) в стихах тоже не менее переживаний о том, что происходит, и говорят они уже о конкретных проблемах.

Вот, Екатерина Филипченко, дебютировавшая в данном альманахе, поднимает тему трудной жизни детей, когда мать уходит в поиски развлечений и оставляет ребёнка одного, не думая, что с ним может быть:

*«А он один, ребёнок твой, один.
И голодно, и страшно, нет опоры...»*

А ведь до определённого времени такой проблемы вроде не существовало, при любых трудностях мать на первое место в жизни ставила ребёнка. Значит, действительно, что-то происходит с нами.

Но, как контраст пугающей действительности, в другом стихотворении Е.Филипченко, говоря о святочных гаданиях (а это тоже женская тема) приводит льющисея из души лёгкие строки, написанные в сказочном стиле:

*«Кубарем ли скатится доля за ворота?
Верится - не верится, но в такой момент
За черту запретную поглядеть охота,
Где ты, счастье девичье, оглянись в ответ»*

И сразу становится легче на душе, и уже верится, что не всё уж так трагично, и иная жизнь будет побеждать.

Правда, и надежду на Господа поэты не оставляют. Татьяна Барышева-Соловьёва прямо обращается к нему:

*«Помоги мне, Господь, научится любить -
А иначе, зачем на Земле этой жить?!»*

Любовь, как чувство к конкретному человеку, как индивидуальность, помощи от кого-либо не требует, это чувство сугубо личное: оно просто почему-то приходит, видоизменяется, уходит. А вот другая любовь - способность видеть мир другим -

добрым и светлым, уметь прощать, когда это трудно сделать, такая любовь, возможно, требует чьей-то помощи. Человеку трудно с ней справиться одному, и тогда появляется обращение к Господу.

Невозможно сказать о многом в короткой статье (всегда есть ограничения любых публикаций). Хотелось бы поговорить о многих авторах альманаха, процитировать их, ибо они этого заслуживают, но памятуя о краткости, когда берёшь слово, скажу (нельзя не сказать) всё же ещё об одном авторе альманаха. А нельзя не сказать потому, что всё о чём каждый из нас чувствует сейчас и переживает за будущую жизнь, Наталья Зонова, говоря об этой самой жизни, сказала коротко и оригинально в следующих строках:

*«Только вот пообносились малость.
Прохудилась, словно ткань под ношей.
Видно ноша тяжкая досталась».*

И тут же с твёрдой уверенностью говорит:

«Ничего, тебя я подлатаю...»

А далее строчка:

«Радует одно - ещё не вечер».

Это уже серьёзный разговор с жизнью, которая грешит недостатками, намерение исправить её и сделать такой, какой она и должна бы быть на самом деле. И в этом обращении-разговоре и уверенность и надежда. С такой уверенностью, по крайней мере, свою жизнь, среди окружающего мира, подлатать можно.

И ещё об одном нельзя не сказать, говоря о стихах Н.Зоновой. Наверно, не надо удивляться смелому её заявлению, когда она говорит:

«Спасибо Господу, что я поэт...»

А далее тут же продолжает:

«Всё радуется в природе, даже слякоть».

Да, слякоть может радовать только творческую душу, ибо других она раздражает. Поэт видит то, чего не могут заметить другие.

И продолжая мысль о поэте Н.Зонова говорит:

*«Мне проще говорить стихами.
Они из рога изобилия
Струятся ровными рядами
Без моего к тому усилия»*

Этому можно только позавидовать, поскольку многим поэтам стихи без усилий не даются. Даже в рукописях А.С.Пушкина имеется такое множество правок, что невольно приходится удивляться тому, какой труд был вложен поэтом в свои произведения. На иной странице рукописи стихотворения всего только несколько не зачёркнутых строк. Я сужу так потому, что имею целую тетрадь рукописных стихотворений А.С.Пушкина.

А вот Сергей Есенин тоже говорил о том, что он легко писал стихи:

*«...Ведь я мог дать
Не то, что дал,
Что мне давалось ради шутки»*

Вот на этой поэтической и уже не грустной ноте хочу и закончить очень краткие свои размышления, пожелав литературному объединению дальнейших творческих успехов. Пусть его коллектив радуется и впредь читателей своими поэтическими находками. А мы, читатели, будем ждать очередного выпуска альманаха, ибо ожидание всегда приятно, если оно превращается в реальность.

* * *

Я жду звонка, которого не будет.
Я жду звонка, наивно позабыв,
Что разучились в чудо верить люди,
Вокруг себя чудес нагородив.

Я жду звонка, обычно ближе к ночи,
Когда заката отзвучит свирель,
Но ты не сможешь, или не захочешь,
Чтобы к тебе меня позвала трель.

Я жду звонка, хотя уже не остро,
И всё привычнее один вхожу в зарю.
Я жду звонка, но это так непросто,
Что, утешаясь, с ночью говорю...

* * *

Три недели праздности и лени.
Ни работы, ни желания творить,
Только ходят шорохи и тени,
Без намёка на «поговорить».

Три недели ни тоски, ни грусти,
Только тихий свет и тишина –
Словно в непролазном захолустье
Тонкий вкус элитного вина,
Для которого ценителей здесь нету,
Так что не с кем даже разделить
Невесомость запаха и цвета,
И сюжетов тоненькую нить.

Три недели. Только три недели
Лёгкого согласия с собой.
У рябинок щёки покраснели –
Лето бабье в прошлом.
Боже мой!...

* * *

В этот день у судьбы не прошу ничего –
Пусть немного забудет меня,
Потеряюсь в разбеге февральских снегов
Без тепла, без дорог, без огня,
Мне не нужно сегодня боёв и побед,
И подачек под видом везения,
Пусть молчит телефон и скучает обед
В предчувствии стихорождения.

Мне не много и надо – всего пару строк,
А потом закружит по неведомым
Местам, где нет ни людей, ни дорог,

Где истины ждут меня преданно.
Прикоснусь, припаду, отстранюсь от греха,
Отмету всё случайное, прочее,
Подойду осторожно к финалу стиха,
И поставлю опять многоточие...

* * *

В. Истомину

Скажи, мудрец, зачем восходит солнце?
Что для него и я, и ты?
Зачем оно уходит с небосклона,
Оставив нас в объятьях темноты?

Зачем трава растёт и зеленеет,
И жухнет, стебель надломив,
Седое облако пустое семя сеет,
Но – радугою – радость возвестив?

Зачем, когда ненастья и невзгоды
Нас пригибают немощью к земле –
На выручку друзья приходят,
Огонь затепля на, казалось бы, золе?

Скажи ещё, что происходит в дружбе,
Когда благополучие во всём,
Когда мой друг, недавно очень нужный,
Уходит в полузабытьё?

А вот вопрос, пожалуй, самый главный,
Когда и почему, тот человек,
С кем познакомишься случайно,
Вдруг станет другом, может быть, на век?

Скажи мудрец, а сам ты дружбой болен?
Иль мудростью ты заменяешь всё?
И в чём ты волен, или же неволен?
Чем утолишь незнание моё?

Анатолий ПОПОВ

БРЕЖНЕВ: - НЕ ЛЮБЛЮ СТОЯТЬ НА МАВЗОЛЕЕ...

19 декабря - столетие со дня рождения Л.И.Брежнева, человека, именем которого величают эпоху застоя в СССР - эпоха Брежнева. Справедливо ли такое определение, которое является оценкой деятельности особого политического клана - Политбюро ЦК КПСС. Очень точно подметил президент США Джон Кеннеди после неудачи вторжения на Кубу в 1961 году: "У победы много родственников, поражение всегда сирота".

Не представлен ли в истории страны и Брежнев сиротой, то есть, единственным человеком, ответственным за всё негативное в годы его генерального секретарства?

И каким он был в жизни? Не в анекдотах, а в жизни? И справедливы ли наши претензии к этой поистине легендарной личности, ярлыки на ней?

Я согласен с Юрием Щекочихиным, заявившим, что "если и стоит судить кого-то, так это не людей, а идеи". Ибо посмертное кликушество - это не поиск истины для оценки ушедшего, а это поиск выгоды для конкретной цели: послужи-ка, мол, дорогой ты наш, теперь и нам, оставшимся...

Году в 1991 нам решили выдать сенсацию. Издатели так и заявили: "Ещё вчера это казалось невозможным...- сегодня перед нами перевод с французского: "Сенсационные записки Л.И. Брежнева, а также слова, говорённые им во время застолий, в записи средств подслушивания ЦРУ "изданные в Париже".

Расчёт на сенсацию очевиден. Естественно, что в 1991 году эта брошюра начала тиражироваться по стране, не пропустив и Воркуту, где мы с ней повстречались, и она прописалась в моей библиотеке.

Трудно в таких изданиях отличить правду от расчётливой фантазии. Да и само длинное название не соответствовало содержанию брошюры, половину которой занимают "Высказывания всемирно известных деятелей о евреях, выписанные по заданию Л.И. Брежнева для высказывания мыслей в кругу представителей братских партий". Сюда же и пара страничек из "Сионских протоколов".

Высказывания подобраны сплошь ругательные, словно задание звучало несколько иначе: подберите говорильню таких деятелей, которые ничего хорошего о евреях говорить не собираются.

Сам же Леонид Ильич имел своё понимание этой темы, которое приведено в нескольких его высказываниях в этой же брошюре, но отдельно от "заказного" цитатника. Вот одно из них:

"Один мудрый еврей, Йосе, сын Йозера из Цереды, говорил: "Пусть твой дом будет местом встречи мудрецов, сиди во прахе у их ног, учись и будь им предан, и пей жадно их слова..."

/ Могу выразить сомнение в том, что Генсек был столь подробен, представляя автора разумной фразы, но издатели настаивают.../

Остальные страницы издания отданы тому, что объединено в "...слова, говоренные Леонидом Ильичём на курорте, на охоте, на даче".

Слово "говоренные" режет слух, но не мы авторы этого издания. Это слово можно заменить на: "сказанные" или "приписываемые" и, учитывая житейский характер фраз, поверим в авторство Л.И. Брежнева.

Особо в этой брошюре можно выделить его рассказы о рецептах кухни, о знахарстве, но мы просто выделим одну фразу, которая чем-то автобиографичная:

"В молодости у меня чуб густой был. Вот как я его укреплял - использовал смесь жгучих, раздражающих и антибактерицидных растений в отварах и мазях: аир, красный перец, чеснок, лимон, касторка..."

Итак, почитаем некоторые фразы, якобы сказанные Леонидом Ильичём Брежневым.

"Наша печать, наша литература - это пулемёт, из которого стреляет идиотический унтер. И сколько Дон Кихотов он перестреляет, пока они доберутся до него. Да и вовсе не доберутся никогда..."

"Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости..."

"Не люблю стоять на Мавзолее. Брррр..."

"Не заражайте меня цинизмом. Лучше давайте выпьем за Сергея Есенина, стихи которого я люблю больше себя..."

"На том свете я буду птичкой, а не диким кабаном..."

"Да, но я - не всё!..."

"В молодости я говорил: вино и женщины - моё настроение..."

"Сколько прекрасного встретишь в людях, где и не ожидаешь..."

"Завидую Мише Горбачёву... Жена у него умница... мне бы такую..."

"Истина выше солнца, выше неба, выше Бога: ибо, если и Бог начинался бы не с правды - он не Бог и небо - трясина, и солнце - медный тазик..."

"Я ещё не такой подлец, чтобы думать о морали. Миллион лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет, и вдруг бы я ей сказал: ты, душенька, не забывайся и гуляй "по морали"... Нет, я ей скажу: гуляй, душенька, гуляй, славенькая, гуляй, как сама знаешь. А к вечеру пойдёшь к жене и Богу. Ибо жизнь моя есть день мой, а не Сократа или Спинозы, или, того хуже, - какого-нибудь районного журналиста, зарабатывающего на жизнь статьями под рубрикой "На темы морали"..."

"У евреев надо учиться: постоянно что-то делают, предпринимают..."

"Нет убедительности в поношениях..."

"Нельзя смотреть в зеркало ночью, в темноте можно потерять разум..."

"О будущем я знаю одно: когда умру - сразу установят "сухой закон"..."

"Меня уже чуть ли не сравнивают с Лениным, а я вам по секрету скажу: всё это не для тех, кто способен понимать всё, что нужно понимать. Вождей просто используют, как для предотвращения импотенции в постель кладут зверобой или окуривают им комнату..."

"Сглазили меня, давно сглазили, оттого и плохо выговариваю иногда слова на трибуне..."

"Забодали: Брежнев, Брежнев... Но всё слабо, потому что нет индивидуального, нового... Любого поставь на моё место и не будет проницания в его суть... Самый великий - просто человек. Любая статуя грешна перед этим человеком... И в тоске моей по очень далёкому прошлому что-то удивительно русское и дорогое..."

"Пронюхали, что у меня не стоит, и стали мне подсовывать не баб, а ордена..."

"Чтобы поговорить с большим человеком на равных, маленькие пытаются поставить его на колени..."

"Отец народов выплачивает Родине-матери алименты..."

"Страна напоминает неприступную крепость, осаждаемую изнутри..."

"Должен ли кусок масла считаться нахлебником?..."

"Егор Исаев, какая муза Вас укусила?..."

И так далее...

Уверенность в том, что эта брошюра далека от целей биографических подсказывает содержание так называемого "юношеского письма Л.И. Брежнева молодой писательнице" с весьма примечательным заголовком "Будьте матерью, верящей в Бога". И такое письмо студент Брежнев послал в редакцию газеты? Комсомолец с 1923 года, студент с 1930, а член партии с 1931-го - мог ли он не быть атеистом?

Не ведаю, откуда у студента такая разухабистость, хотя трудно будет поспорить с тем, кто скажет: время было такое. Впрочем, цитата красноречивей рассуждений:

"В областной газете прочитал Вашу повестушку. Не печатайте, пожалуйста, такую ерунду. Не могу её лучше очертить, как графоманию провинциальной журналистки, замешанной только на страстях: поскорее бы поступить в Союз писателей СССР и получить что-то дармовое, не заработанное.

По всему циклу Ваших "идей"... Вам лучше теперь пойти в проститутки. Проститутки иногда хотя бы влюбляются в людей..."

А вот фразу "Вы даже не подозреваете, что писательство - каждый день помирать, сжигать себя и служить и Сталину, и небу, и Богу..." большевиком Брежневым написана быть просто не могла! Если бы такое вдруг случилось, вряд ли мы дождались Генсека "дорогого Леонида Ильича". Да и до Малой земли он добирался бы по этапу...

Итак, предполагаю, что сия брошюра сострепана в угоду каким-то и чьим-то планам с возможной заменой в этом тексте некоторых слов "от Брежнева".

Сенсации не получается и с тем, что, якобы, похоронен кто-то вместо Брежнева, который с молодой /очень молодой женой 18-20 лет/ поселился почему-то на острове Западное Самоа и к 1991 году к множеству наград прибавил троих детей...

А ведь и это проходили. Александр Первый сиганул, оказывается, в Сибирь и не умирал в Таганроге в возрасте 48 лет. Детьми старец Кузьмич не занимался.

Адольф Гитлер выбрал после 1945 года для проживания Южную Америку. Было ему 56 лет и было ему не до детей.

А на Западном Самоа климат располагает именно на организацию детского сада... Что-то противоречат издатели: неужели, говоря о том, что ему "подсовывают не баб, а ордена", Брежнев уже копил силы и деньги для жизни на острове?

Политическую биографию этого человека должны писать те люди, которые не связаны с ним единым временем присутствия на Земле - тогда объективность, возможно, покажет нам справедливый портрет бывшего руководителя Великой Страны.

Задолго до появления в моей библиотеке этой брошюры получил я в подарок несколько фотографий Брежнева и Косыгина времён посещения ими Североморска, нашей военно-морской базы.

Разумеется, это связано с моей шахтой "Юнь-Яга" в Воркуте, куда вернулся после службы в армии Анатолий Михайлович Майоров, горнорабочий добычного участка. А служил он собкором в газете Северного флота. Ему-то и было позволено сопровождать государственных мужей и фотографировать, как говорится, почти вплотную.

В первый же вечер после его возвращения из армии мы пришли к нему домой. Тогда мы знакомы ещё не были, но тёзка был предупреждён, что прежде, чем усадить меня за стол... Короче, Майоров сразу отвёл меня в другую комнату, где на обычной кровати вместо покрывала ворохом присутствовали фотографии, много фотографий, необычных, разных и в то время ужасно секретных.

Он мне просто сказал:

- Возьми, что тебе интересно, ибо завтра приедут из комитета и оставшиеся фотографии вместе с плёнками заберут по описи. Так увольняют всех с подобных должностей...

Во мне не было жадности, ибо 5-6 фотографий - это не жадность, а самое то, так как я понимал, что мне позволительно взять только возле Брежневские фотографии... Сделаны они были в период с 1968 по 1971 год.

Из тех лет сохранились в памяти и анекдоты, которыми богато были утыканы наши тогдашние кухонные шушуканья.

* * *

Брежнев и президент США Никсон. Заговорили о том, кто чем увлекается, у кого какое хобби? Инициатива темы принадлежала Никсону, а Брежневу нужно было выпутываться...

- А я собираю анекдоты про самого себя...

- И большая уже коллекция?

- Да нет, пока только два лагеря...

* * *

Пришёл Леонид Ильич в парикмахерскую. Усадили в кресло. Попросил постричь, парикмахер приступил к работе: причёсывает, стрижёт и всё время задаёт один и тот же вопрос:

- Леонид Ильич, а чем в этом году народ будете кормить?

Брежнев ни разу не ответил. Постригся и так же молча вышел. Тут-то и набросились на парикмахера:

- Ну, чего ты к человеку пристал? Тебе-то какое дело, чем народ будут кормить?

- Помилуйте, мне и действительно нет никакого дела до его ответа на мой вопрос. Но мне так легче было стричь его: я задаю вопрос, у него волосы дыбом, а ножницы тут как тут...

* * *

Стоит Леонид Ильич на Красной площади, оглядывает её и сам с собой разговаривает:

- Кремль... мой... ГУМ... мой... Василий Блаженный... мой... Мавзолей... не мой, - тяжело вздыхает и вновь начинает это перечисление.

Мимо шёл мужик. Услышал, о чём пригорюнился Леонид Ильич, решил помочь:

- Не кручинься, Леонид Ильич, гони трояк и завтра Мавзолей будет твой!

Пару раз отмахнулся Брежнев, а потом интерес появился: быстрёхонько достал трояк и сунул мужику в руку: смотри, мол, не обмани...

- Не извольте беспокоиться, Леонид Ильич, завтра с утра приходите принимать...

В назначенное время Брежнев на Красной площади. И сразу взгляд на Мавзолей: не обманул мужик?

Над буквой "е" стоят две точки, и всё слово сообщает о своей принадлежности к Брежневу - ЛЁНИН!.. Не обманул!

Нина НИКОЛАЕВА

* * *

Н. Мирошниченко

В Сыктывкар на телеге с ветринкой
Жар своей несравненной души
Православная эта блондинка
Привезла из Московской Руси.

В Сыктывкаре прижиться сумела,
И известность пришла к ней потом.
Я приветствую «женщину в белом»
И добрейший ее «Русский дом».

Сам Святейший ее обожает,
Излучает она добрый свет!
Ей подвластны пространства и дали,

Ведь Надежда – светлейший поэт.

И на ласточку в чем-то похожа:
Белокрылостью, вечно спешит.
И полетами дальними – тоже.
А стихи ее – хмель для души.
Я не прячусь от цепкого взгляда,
Он в политику тоже проник.
Ей лесные пространства – услада
И отрада живая – родник.

* * *

Наш Коми край воистину богатый
Не только газом, нефтью, углем и рудой.
В тайге бескрайней водится «сохатый».
До и народ приезжий – стойкий, золотой.

Блестает он талантами в искусстве:
Художники, народные певцы,
Известные поэты – златоусты...
Наш Север прославляют мудрецы.

ОСЕНЬ

Вот и осень золотая
На подмостках сентября,
Проводила птичьи стаи
За далекие моря.
С лебедями распрощалась,
Помахав златым платком.
Спелой клюквой угощала
На болоте, под бугром.

Под приподнятой листвою
Обнажила черный груздь.
С чуть мохнатой бахромою,
Грязноватый, ну и пусть!

Краснощекую рябину
Я для джема собрала,
Горьку ягоду – калину
До морозов убрала.

Чернотой блещет речка,
Мокнут желтые пески,
Догорающие свечки –
Ивы зябнут у реки.

Желто-огненная осень –
Время грусти для меня.
Над землей струится просинь

Убывающего дня.

ВЕСНА

Весна – голубушка родная,
Ласкает снежный монолит.
И, в белом омуте играя,
Капельным шумом веселит.

Хрустят снега без передышки,
И наст сияет на виду.
Поют хрустальные ледышки.
И я взбодренная иду.

Хочу в высокий купол неба
Под васильковый небосвод.
Очистить душу надо мне бы
В круговороте вешних вод.

В ТЕАТРЕ

Из оркестровой ямы льются
В театре звуки для меня.
Мне захотелось окунуться
В кипенье музыки – огня.

Играет нежная улыбка,
Плывет по залу, как во сне.
И не о ней ли плачет скрипка
Одна, в застывшей тишине?
Ее мелодия навевает
О днях былых, забытых мной.
Мое сердечко вновь согреет
Щемящей, милой теплотой.

ПЛЕМЯ СТАРОЙ ЗАКАЛКИ

А в юности у всех бывают крылья,
В любви летают призрачных идей.
И мы тогда загадочными были,
Как венчики цветущих орхидей.

Напомнят звезды про былое время,
Пылающее страстью и огнем.
Мы закалились в жизни,
Словно кремень.
И жизнью дорожим,
И каждым днем.

ГЛАВА ИЗ КНИГИ...

*«...Но ты мне мачехой была, моя Отчизна;
Я ел из горького котла на долгой тризне.»*
В. Гринер²

Любимый Коми край, «ненаглядная сторона», где люди суровы, но добры и миролюбивы, край, волею судеб ставший невольным участником трагедии, связанной с массовыми политическими репрессиями, с недоброй памяти ГУЛАГом, служившим для тысяч и тысяч людей тюрьмой под открытым небом.

Политическая ссылка в Коми крае ведет свою историю с начала XIX века, когда неблагонадежные граждане России еще исчислялись здесь десятками, в середине века сотнями, в начале XX века, после революции 1905 года тысячами, а в годы сталинских репрессий миллионами, депортациями целых народов.

Селом Усть-Цильма связана еще одна страница истории Коми края — из села ведет начало первый тракт политссыльных на Коми земле. Место сбора политссыльных, на котором поставлен памятник тракту, определило его характер. Самоотверженным трудом местных умельцев из бревен сооружен пилон, который представляет собой символический деревянный загон для этапированных. Смысловый центр всего произведения — мемориальная доска. Подчеркивая его значительность, монументальность, рельеф запечатлел суровые лики несгибаемых борцов революции. «Здесь проходил тракт Усть-Цильма–Койнас–Архангельск, по которому в 1903–1917 гг. шли в ссылку большевики-ленинцы. По этому тракту 1918–1920 гг. были угнаны на расправу борцы за Советскую власть». «Красная Печора» писала: «В кратком тексте отражены события, проходившие в нашем крае. История пилона ведет свой отсчет с 7 июля 1989 г.»

Долго еще за Коми краем будет тянуться печальный след, оставленный одним из крупнейших островов «Архипелага ГУЛАГ» Воркутой. Здесь на каждом шагу мы видели «старые следы тридцатилетней власти величья и беды»³. Пылаев, как должно современному художнику, стремится нарисовать правдивую и целостную картину того времени, изображая прошлое не со стороны, «добру и злу внимая равнодушно», а ощущая себя и умом и сердцем частью народа, который творил тогдашнюю историю с ее добром и злом, величием и позором.

Система принудительного труда — следствие... тюрьма... лагерь... (колония, спецпоселение), произвол лагерной администрации, беспредел уголовников по отношению к политическим, восстания, бунты, забастовки, 12–16 часовая рабочая неделя, болезни, массовые самоубийства, сангородок — лагерь умирающих. Зимой трупы не хоронили — оставляли под снегом; на строительстве железной дороги Кожва–Воркута, где не хватало древесины, трупы укладывали вместо шпал...

Обличением бесчеловечности тех, кто совершал эти преступления, совершал не в легенде, не в далекой истории, а в наше время, стали проекты монументов жертвам сталинских репрессий «Воркутинское распятие» и «Пьета» (1989 и 1990 гг.), где художник запечатлел трагедию современности, обратясь к древней, давно вошедшей в сознание европейского зрителя системе образов христианской мифологии, связанной с идеей насильственной смерти.

Искусство для Пылаева — это встречное движение исторической правды и красоты человеческого сердца. На их пересечении и родились произведения «Воркутин-

² В.Гринер — воркутинский поэт (Род. 1930 г.), с 1990 года проживает в Новой Зеландии, г.Окленд.

³ Слущкий Б. Без поправок. М., 1988, с.22.

ское распятие» и «Пьета», композиционно восходящие к иконографической сцене «Оплакивания».

При потрясающей правдивости образов Пылаев не переходит ту тонкую грань, при которой натурная убедительность может стать натуралистической. Мертвое тело увидено глазами сострадающими, любящими. Пластика рождена бережными и нежными прикосновениями пальцев художника. За аналитическим правом искусства познавать ни на секунду не теряется его поэтическая обязанность — выражать истину через чувства, правду — через любовь.

В «Воркутинском распятии» меньше открытого чувства. При внешней строгости, замкнутости, почти «окаменелости лица», особенно неожиданным и трогательным кажется жест — беспомощно распростертые руки шахтера («Он втащил на Голгофу свой крест и покорно разбросил руки, дожидаясь приговора Пилата. Палач уже стоит наготове — с молотком и гвоздями»⁴). Фигура одновременно подчиняется и противостоит силе инерции, производя впечатление сохраняемого с усилием равновесия. Опора не ощущается. Динамизм композиции усиливается и усложняется разнонаправленностью движения массы тела и открытым, активно врезающимся в пространство пластическим объемом рук и ног. В лице таится такая духовная сила, что рождается новая тема: благородного подвига, оставшегося в народной памяти — индустрия страны строилась на костях заключенных. Уголь, что они добывали ценой своих жизней, — это хлеб промышленности «девяти областей, двух автономных республик в составе РСФСР, девяти железных дорог, 35 городов, 52 предприятий».⁵

Фигура шахтера возникает как живое воплощение этой памяти, непреклонной и вечной, непрерывного движения друг к другу человеческих сердец, несет в себе отсвет реакции самого художника, понимание им назначения искусства. В «Пьете» фигура репрессированного концентрирует тему сострадания и горя тех, кто остается жить. Чувство сострадания лежит в основе художнического кредо Пылаева. Именно оно отличает его образы жертв сталинизма от тех многочисленных образов жертв фашизма, возникших после войны у различных европейских (особенно немецких) мастеров, в которых акцент обычно делался на неузнаваемо искаженном смертью облике человека. У Пылаева чувство сострадания воплощается в пластической красоте, и насилие, связанное с разрушением, возникает как нечто уничтожающее красоту, деформирующее прекрасный облик человека, одновременно антипластическое и бесчеловечное.

Одухотворить неподвижную форму — вечная задача скульптуры. Наиболее богатая форма движения есть скрытая, внутренняя, потенциальная. И тем не менее трудно представить себе движение, до такой степени лишенное каких-либо внешних динамических проявлений. Если в «Пьете» устойчивая композиция оживляется отклонением фигуры от центральной оси, наклоном, асимметрией, то в «Воркутинском распятии» все эти моменты практически сведены к нулю. «По-египетски» статична поза, симметрично расположение рук и ног. Их параллели, прямизна торса — все абсолютно фронтально. Неподвижность дополняется и усиливается замкнутостью, герметичностью лица: глаза закрыты, губы плотно сжаты. Тем не менее, фигура живет на наших глазах. В монолите тела, в застылости позы обнаруживается огромный динамический потенциал. И это равносильно чуду.

Память о тех жертвах не стиралась временем, сохраняя всю остроту боли. А с годами происходит и более глубокое осмысление того, что было, понимание ценности человеческой жизни. Пылаев по-новому ощущает сложность испытаний, обрушившихся на человека, часто не способного их вынести, раскрывающего себя далеко не всегда с идеальной или героической стороны, оказывающегося в положении бес-

⁴ В.Гринер «Ах, снегирь, ты мой красногрудый...» (памяти А.Ванеева).

⁵ Покаяние. Мартиролог. Т. I., стр. 89

сильно сочувствующего, молчаливо страдающего, в положении невозможности или неспособности к активному действию, открытой борьбе. Широкий страстный выход к общечеловеческому в соединении с яркой памятью о конкретных, реальных, стоящих перед глазами жертвах трагедии узников ГУЛАГа, близки по ощущению многим выдающимся антивоенным произведениям художников различных эпох, начиная от Франциско Гойи.

Глазу ценителя скульптуры, воспитанном на классическом постулате о ясно выраженной трехмерности, как необходимом, изначальном свойстве скульптуры, «Воркутинское распятие» представляет бесчисленное число точек зрения в любом ракурсе, что всегда использовали организаторы выставок, размещая ее в центре выставочных залов. Проблема пространства в «Воркутинском распятии» и «Пьете» понимается Пылаевым как проблема взаимодействия предметной формы со средой. И если до сих пор работы Пылаева, условно говоря, «подпускали» к себе, то теперь за счет напряженной пространственной жизни скульптурного объема, вокруг этих работ возникает силовое поле, своеобразная «зона недоступности». И это в соединении с поразительной внешней простотой мощно воздействует на зрителя.

Великолепное в своей правдивости «Воркутинское распятие» с его ватной, сознательно мертвой фактурой, лишенное внешних признаков движения, обладает огромной жизненной силой. Строгая конструктивность, благородство большой формы, где индивидуальное поднято до всеобщего, контраст кубического, расколотого «блока угля» и легкости несомых частей заставляет вспомнить: главный принцип ГУЛАГа — голод.

Натуралистические подробности, подмечать которые — свойство более отстраненного и безучастного глаза, вытеснены застилающим глаза чувством любви и сострадания, по-прежнему видящим в мертвом живое, самое дорогое и прекрасное. «Воркутинское распятие» и «Пьета» Пылаевым воспринимаются не только в обычном евангельском контексте, но гораздо конкретнее — замученным в ГУЛАГе отцом и матерью, братом и сестрой, возлюбленными. В самой интонации художника выражено то, что переполюняло сердце каждого, то есть половины всех семей тогдашнего нашего государства, СССР.

Впечатление, производимое «Воркутинским распятием» и «Пьетой», захватывает подобно впечатлению от прекрасной трагической музыки, которое через повседневную суету, каждодневные проблемы вдруг обрушивает на нас свои звуки. Перед их красотой, величием, пронзительной страстностью мы оказываемся не защищенными ни нашей уверенностью в себе (она вдруг оказывается поколебленной), ни нашими невзгодами и слабостями (они кажутся мелкими).

За всем этим стоят невидимые никому усилия художника, находки, порой заметные, порой неуловимые, превратившие «испытание реальностью» в эстетическую победу.

Ряд работ на эту тему завершает памятный знак «Жертвам политических репрессий» (2000) в с. Вогваздино на развилке дорог. Оголенность пейзажа перед памятным знаком имеет содержательное значение — работает в помощь монументу.

В этой композиции Пылаев достигает особой цельности монолитного образа: уплощенностью форм, замкнутостью силуэта, сближенностью планов, придающих группе каторжан компактность и нерасчлененность — пластические синонимы нерушимости сплоченности, единения. Композиция развернута наподобие объемной скульптурной стелы — рельефа. Ее силуэт декоративно обыгрывается, свободно размещаясь в пространстве и выдерживая его мощный напор.

Силовое поле, свободно размещенной на открытом незамкнутом пространстве композиции, втягивает зрителя в свою орбиту, заставляя его соприкоснуться с атмосферой напряженного мыслительного процесса, окунуться в мир нашей истории и,

вспомнив погибших, ощутить не только горе и скорбь, но гордость за несгибаемое мужество и сопротивление.

Вогвазино, развилка дорог, «Владимирка» Коми края... Здесь как в русской сказке расходились пути каторжан, которые они не выбирали: направо пойдешь — в Печорлаг, Устьвымлаг, Верхижемлаг попадешь, налево пойдешь — в Воркутлаге, Минлаге, Ухтоижемлаге пропадешь, прямо пойдешь — в Речлаге утонешь...

Памятный знак в Вогвазино, вызывая аналогии с устьцилемским пилоном «1905 год. Тракт», запечатлевшим одиноких ссыльных, привлекает внимание масштабом репрессий в середине XX века. В 1943 году товарищ Сталин в ознаменование победы под Сталинградом даровал советскому народу новую каторгу и новую категорию рабсилы — каторжан, возродив тем самым давнюю российскую традицию карательной политики самодержавия в самой отвратительной форме. Вогваздинский монумент говорит о том, что стало позором нашей истории — дети ГУЛАГа.

Многие лагеря стали зловещим пристанищем для женщин и детей. Произвол, творившийся в 50-е годы, ужасает — «Государство приклеивало детям всевозможные ярлыки, начиная от «социально опасной», заканчивая «реваншистски настроенной». При этом власти не смущало, что «заложникам времени» было всего несколько лет от роду».⁶

Ребенок в тонкой ручке держит подобие куклы. Его лицо выглядит взрослым. В нем отчаяние, страх, горе — чувства, для которых не существует возраста.

Пылаев, как гражданин, понимает, что мы, ныне живущие, в неоплатном долгу перед бесчисленными жертвами беспощадной системы репрессий — классовой войны тоталитарного государства против своего народа, системы, действовавшей более четверти века.

Маргарита ПРИЛУЦКАЯ

* * *

Под серым небом – серый дождик,
Но лес – нарядный и живой,
Как будто радостный художник
Набрызгал краски золотой.

Наполнил светом стан березы,
Ветлы тигриные глаза.
Для украшения по откосам
Багровых листьев набросал.

Надену плащ и зонт раскрою,
Пройду по стежке луговой,
Туда, где пласт опавшей хвои
Лежит под спелую травой.

Туда, где пахнет влажно прелью,
Где желтый воздух лесом пьян,
Где с листьев падает капелью
Осенней мороси туман.

⁶ «Заложники времени» — справочно-информационный буклет Национального архива Республики коми. 2006 г.

Когда погаснут звездочки,
Возьми свечу венчальную,
Заделай лодку быструю
И почини весло!

Людмила ХАНАЕВА

УРОКИ ЭТИКИ (рассказ)

Мне, иногда, кажется, что Юлька Лытасова в школу приходит только для того, чтобы продемонстрировать нам и персонально Сашке Артюхину свои обновки. Мать у нее часто ездит по загранкам и привозит ей фирменные вещи, поэтому она и воображает. И, хотя Юлька очень часто меняет наряды, головка ее умнее от этого не становится: перебивается с двоек на тройки. Да и Сашка не очень то смотрит в ее сторону!

Последний урок – этика. Наш класс идет в кабинет Эльды, так сокращенно мы называем нашу классную руководительницу Элеонору Адамовну. Все садятся, достают тетради и ручки. Лытасова сегодня в новых джинсах. Из-за них она останавливается у окна и делает вид, что ее там что-то заинтересовало. Сейчас прозвонит звонок. Мы успокоимся. Юлька же специально сядет последней: даст нам еще одну возможность оценить ее джинсы и позавидовать. А вот и Эльда... Она подходит к столу, обегает всех взглядом, приковывая к себе наше внимание. Подсказывает Лытасовой, что уже можно опуститься на стул. Демонстрация обновки прекращается на сорок пять минут. Все... начинается треп о семейном счастье. На уроках этики Эльда убеждает нас в необходимости уважать друг друга и все человечество в целом. Хм! Неужели нам будет гарантировано счастье на всю оставшуюся жизнь, если мы выучим наизусть ее ценные заповеди?!

- Семья – это общество в миниатюре – разъясняет Эльда.

Выходит я, мой брат Генка, мать и отец – тоже общество в миниатюре. И между нами должно быть взаимное уважение. Да... вчера нас родители очень уважали! Папка получил зарплату, по этому поводу на кухне был праздник. Мать там тоже крутилась. А как же без нее! После пьянки начался воспитательный процесс. В такие минуты любит отец потрепать нам нервы.

- Показать дневники! – заорал любимый наш папочка, пошатываясь в проеме дверей. И как всегда, его тупой взгляд при этом не предвещал ничего хорошего! Мать не очень уверенно предложила:

- Оставь их в покое.

Но его уже понесло.

- Дура, у Ленкиа тройки появились из-за Сашки Артюхина. Какого черта этот козел каждый вечер ошивается в нашем подъезде! - Отец потряс огромным кулаком над головой, доказывая свою проницательность.

- Завтра в подоле принесет, шлюха!

Мы с Генкой давно поняли: возражать отцу в такие минуты бесполезно, это может вывести его из себя еще больше, поэтому весь вечер демонстрировали покорность.

- Генка, куришь? Урод!

- Воспитатель хренов, пошли-и-и! – визгливым голосом потребовала мать.

Вскоре ей все-таки удалось нашего чуткого папочку увести в другую комнату, но мы еще долго наслаждались его «красноречием». Потом они так же истерично

решали какие-то свои проблемы. Иногда дело доходило до легкой потасовки, но мать всегда одерживает над отцом победу, поэтому, наверное, он и изгаляется над нами. Надо же на ком-то самоутвердиться! И так до трех ночи. Вот бы Эльда послушала... ха-ха-ха... отношения строятся на доверии и взаимном уважении! Господи, наконец-то кончился этот нудный треп.

Ура, звонок!

Узкоглазая Юлька вырвалась вперед, пристроилась к Артюхину и молча, но с достоинством понесла на своих худеньких бедрах новые джинсы. Рядом с шумом пролетели пятиклассники, но разве это может помешать Лытасовой!

Итак ... сегодня, кажется, отцу - в ночь, так что пьянки не будет... сейчас можно заглянуть к кому-нибудь в гости, а ближе к вечеру прийти домой...

Элеонора Адамовна проводила ребят взглядом. Она чувствовала, что «семейное счастье» мало кого заинтересовало. Юля Лытасова, например, весь урок косилась на Артюхина, Наташа Берг вообще сидела отрешенная, а Костя Шахов увлеченно разгадывал кроссворд... «Слава Богу, рабочий день подошел к концу!» - пронеслось в ее голове. Бессонная ночь давала о себе знать... Вчера до двенадцати ждала мужа. Напряглась, услышав на лестнице тяжелые шаги, пыталась определить, в каком состоянии Игорь. Он долго не мог попасть ключом в замочную скважину. Когда под навалившимся телом распахнулась входная дверь, она встала.

- Не спишь, стерва! Кого ждешь? Физика-а-а, хре-е-е-нов интеллигент!

А потом молча, старясь не выразить ни презрение, ни страх, выслушивала оскорбления и угрозы, зная, что только спокойствием можно потушить его желание кричать, ломать, громить. И где-то через пару часов все же получила заслуженное вознаграждение, муж перешел к заключительной стадии, начал скулить.

- Не любишь меня... презираешь..., мастер я, слышишь м-а-а-стер, целый день с рабочими на стройке, а не с бабами в учительской! ...де-е-еньги мои нужны!

Около трех ночи Игорь заснул, уронив голову на стол. И только тогда она выключила свет и ушла в комнату дочери. Ирочка подвинулась и, не просыпаясь, доверчиво прижалась к ней.

А утром, натыкаясь на встревоженный взгляд мужа, Элеонора Адамовна отводила глаза. Чувство его вины и ее негодующее презрение как будто заполнило все пространство в доме, сковывало, мешало сосредоточиться. С шумом в раковину опускалась посуда, красноречиво выражая ее состояние. «Нет не сейчас, не впопыхах, но предпринимать что-то надо... надо... надо...» - стучало в голове.

После окончания уроков она замерла над раскрытым классным журналом и попыталась расставить все на свои места. «Игорь не уйдет, это его жилье. Надо уходить ей с дочерью. Куда - к маме? Но там, в двухкомнатной квартире вместе с мамой живет еще младшая сестра Даша, с мужем и трехлетним ребенком ...ну допустим, на какое-то время приютит подруга. А потом!»

Домой Элеонора Адамовна пришла позднее обычного, разложила купленные по дороге продукты и легла на диван в комнате дочери.

Игорь открыл дверь своим ключом, прошел на кухню. Она слышала, как мягко открывалась дверь холодильника, зазывно позвякивала посуда.

Я все подогрел. Поужинаешь вместе со мной?

Я не хочу...

Муж присел рядом. Воцарилась мучительная тишина. Она знала наперед, что он сейчас попросит прощение, и она – простит, потому что у нее нет жилья, потому что у нее мизерная зарплата, потому что она несет ответственность за дочь... Но через какое-то время эта бессонная ночь с оскорблениями опять повторится...

В ванной мокло белье, на столе для проверки лежала стопка ученических тетрадей, в холодильнике со вчерашнего дня ждала ее чуть присоленная рыба ... но делать ничего не хотелось!

Мария КУЗЬМИНА

СОЛНЦЕ КРЫМА

Море дышит. Соленой волной
Набегает на собственный берег.
Я никак не могу поверить,
Что ты, море, опять со мной.

День в закатных лучах парит,
Все от веку уходит в пучину,
Но светило огнем горит –
Раскаленное солнце Крыма.

Будь ты русский или казах,
В Крым приехать всегда есть причина:
На закате там смотрит в глаза
Раскаленное солнце Крыма!

НА РАССВЕТЕ

Ветром набухает занавеска,
Синий март глядит в мое окно.
В доме, что у края перелеска,
В том краю, не ждет меня никто.

Я б туда, конечно, полетела,
С мамой посидела б под окном,
Но душа ее рассталась с телом
И живет на небе голубом.

Свежий ветер вешнего рассвета,
Гомон растревоженных ворон –
Наполняют душу нежным светом
И навек берут ее в полон.

РУССКАЯ РУБАШКА

Я б надела русскую рубашку
Из холстины, вышитой крестом,
Чтоб душа и ворот нараспашку,
Чтоб друзей, как раньше, полон дом.

Только вот нелегкая година
Снова разгулялась на Руси.
Ты, страна родная, угодила
В давние ухабины свои.

Сквозь века влачишь тоску и бедность
У господ различных на виду.
И опять про жизнь и про бренность
Тихо рассуждаешь на ходу.

Растеряла русскость ты в дороге,
Без поводыря бредешь, куда?
Все твои надежды и тревоги
Уместились в сердце у меня.

Многим на Руси сегодня тяжело,
Будто бы без боя, от границ...
Все-таки, я русскую рубашку
Закажу у старых мастериц!

ПОЖЕЛАНИЕ

Г.К.

Снова март! Половодье рассвета!
Впереди - долгожданное лето.
На лугах расцветет Иван – чай...
«Только песня моя не об этом,
А об этом я так, невзначай»

Я о том, что с рождением весны
К нам приходят волшебные сны,
Расцветает в душе нежный ландыш.
На страницах любви он как вкладыш
Пусть цветет от весны до весны!

Андрей КАНЕВ

ВЕЛИКОЕ СЛОВО ПИСАТЕЛЕЙ НАШИХ... (обзор региональной литературы за 2006 год)

*Перья стреляют дальше нарезных пушек.
Б. Тейлор.*

Величайший литератор Стендаль однажды поведал миру: «Писателю необходима такая же отвага, как солдату: первый должен так же мало думать о критиках, как второй – о госпитале». На мой рабочий стол ложится в течение трудового года много всякого рода литературы, стараюсь писать, чтобы не уподобиться «злому цензору», только о тех книгах, которые мне понравились и тронули своим Словом душу.

В первую очередь хочу рассказать о той значительной издательской деятельности, которую в минувшем 2006 году провели управление культуры администрации муниципального образования городского округа «Сыктывкар» и муниципальное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система» (центральная городская библиотека). Благодаря стараниям их сотрудников на свет с печатных станков вышло более десятка книг, в том числе и ежегодный литературный альманах

«Сыктывкар», но более всего мне понравились три книги. Это стихи и песни о Сыктывкаре «И в ночи белые наш город снится», библиографическое пособие «Его душа рвалась на волю...» о жизни и литературной деятельности Александра Яковлевича Алшутова, а также сборник стихов о Республике Коми «Бесценны родные края». Над составлением и изданием этих книг со всей присущей библиотекарям ответственностью потрудились Л.Н. Чупрова, И.В. Колегова и Л.П. Муравьева.

Сборник стихов и песен «И в ночи белые наш город снится» включил в себя более семидесяти стихотворных текстов, посвященных столице Коми края Сыктывкару. Опубликованы в книге стихи как классиков коми (русской) литературы (И. Куратов, В. Савин, Ф. Щербаков), к которым с полной уверенностью можно отнести и А. Клейна, А. Ванеева, С. Попова, В. Кушманова, А. Некрасова, Н. Мирошниченко, В. Вьюхина, В. Тимина, В. Демидова и А. Иевлева, так и поэтов среднего поколения О. Аникиенко, Л. Галоян, А. Калимов, С. Кокорин, Е. Митюшев, Н. Николаева, С. Плесовский, В. Цивунин, Д. Шучалина, С. Журавлев, А. Канев и другие. Отраднo, что сборник составлен по «алфавитному» принципу, то есть не по придуманной кем-то «значимости» автора в литературном процессе. Все авторы высказывают свою любовь к городу, восхищаются им, Сыктывкар в их стихах нечто одушевленное. Вот что, например, написала в своем стихотворении, посвященном Н. Мирошниченко, М. Плеханова:

Здесь падчерица с дочкой ставят точку.
И хоть – я дочь, но ты не любишь дочку,
Не светит твое солнце мне теплей.
И хоть она – ужасная гордячка,
Что ей Москва? Она такая ж прачка.
С твоих же Сыктывкарских площадей.
Она и я поем твои морозы.
И на ветру, на холоде – сильней.
А эти песни? Вот от них мы в слезы.
Ты ей прости как мне,
А мне – как ей.

Библиографическое пособие «Его душа рвалась на волю...» - дань памяти и уважения Александру Яковлевичу Алшутову – человеку и поэту. В этом издании представлены воспоминания коллег по литературному цеху, стихи, посвященные памяти поэта, отзывы на его творчество. Пособие снабжено списком литературы, который включает и перечень произведений поэта. В издании помещены архивные фотографии, любезно предоставленные его женой Верой Цыкиной. Открывает пособие автобиография, написанная поэтом в 1998 году и переданная для опубликования Верой Владимировной, его женой, а также подборка стихов для тех, кто еще не знаком с творчеством А. Алшутова. Никого не смогут оставить равнодушным пронзительные строки поэта:

Она придет, Большая Доброта.
Она придет, почти наверняка.
Как в море сталкиваются два борта,
Которые сплылись издалека.
Как в темноте встречаются два рта.
Она придет, Большая Доброта.
Она придет. Наверное, придет...

В перечень литературы включены статьи из периодических изданий, книги и статьи из книг, начиная с 1973 года по 2006 год. В книге опубликованы статьи М. Александровой «Было много нас, стало мало...», А. Артеева «Он не умер, он немножечко задремал», А. Канева «Его душа рвалась на волю...», О. Султанова «Она при-

дет большая доброта...», В. Федорова «Совесть и Бог для меня едины», В. Цивунина «Занесенные снегом» (не путать с одноименной повестью Валентина Гринера, опубликованной в альманахе «Сыктывкар»). Это близкие люди для поэта, именно им он, думаю, и посвятил строки в стихотворении «Похороны писателя»:

Их свет скользил вдоль смерти, мимо,
Чтоб вечно помнил мертвый зал
Все, что талант поведал миру,
Все то, что знал и не сказал,
Чтоб в этом свете было легче
Свой путь оценивать трезвей
Всем, кто пришел послушать речи
Его талантливых друзей,
Где между слов, в разрывах пауз,
Вникая в скрытую в них глубь,
Талант, казалось, улыбался
Концами подведенных губ...

В разделе «Стихи, посвященные поэту» опубликованы поэтические произведения С. Журавлева, А. Канева, В. Олофинского. Приведу строки из вольного сонета «черноknижнику» Алшутову Сергея Журавлева:

«Ты вольной древности преданья воскресил»,
И в книгу вечную вписал раздумья ночи.
Ты в слове был изысканно порочен,
Но жалости небесной не просил...

Изданная в книге подборка стихов А. Алшутова составлена с большой любовью и профессионализмом. Творчество поэта представлено, как последними стихотворениями, так и сложенными с 1956 года, тогда он писал:

Запах морской сирени.
Клочок пароходного дыма.
И рождается строчка.
И становится чьим-то стихом...
Так проходит
Прекрасная женщина мимо,
Которая всем нам близка,
Хотя с нею
Никто не знаком.

В 2006 году Республике Коми исполнилось 85 лет. О ее богатствах, городах, поселках, деревнях и людях, населяющих эту землю, сложено множество стихов. В книге «Бесценные родные края» собраны под одной обложкой стихи о разных уголках Коми края, раскрывающие красоту родной земли. Вот как, например, пишет об этом А. Ванеев:

Мой край родной,
Я песнь тебе пою,
Любовь к тебе
Воистину бездонна!..
Тебе Печора
Дарит синь свою,
Седой Урал
Покоит на ладонях.

Стихотворный материал для ее создания был собран и подготовлен по изданиям, имеющимся в фонде центральной городской библиотеки. Стихи расположены в алфавитном порядке географических названий. Для удобства в работе со сборни-

ком был составлен указатель авторов стихотворных текстов и географический указатель. Каждый из поэтов писал о том населенном пункте, с которым его связывали какие либо переживания или жизненные обстоятельства. В. Попов, например, посвятил одно из своих стихотворений селу Брыкаланск Ижемского района:

Брыкаланск,
Над тобой розовеет рассвет,
За околицей
Новые песни поют.
Не стрекочет сорока
О том,
Как семнадцати лет
Целовал я
Девчонку знакомую тут...

Под обложкой этого поэтического сборника собраны стихи В. Ботовкина, И. Вавилина, Н. Володарского, В. Вьюхина, В. Журавлева-Печорского, А. Илларионова, Ю. Ионова, А. Канева, Т. Кановой, А. Клейна, И. Куратова, В. Кушманова, В. Лыткина, Н. Мирошниченко, А. Некрасова, И. Пехтерева, Андрея Попова, Владимира Попова, Серафима Попова, О. Рочева, В. Савина, В. Салтановой, А. Суворова, В. Тимина, В. Того, Д. Фролова, О. Чупрова, Ф. Щербакова, Г. Юшкова и других. Книга получилась настоящей здравицей родному северному краю. Вот, как он видится, например, В. Кушманову:

По неполным данным, Север –
Это та земля, где я
Начинаю снова верить,
Что жива любовь моя.
По неполным данным, Север –
Камень, мох, сырая гладь,
Невесомых птичьих перьев
Никому не подобрать...

Особенным мотивом в их стихах звучит тяга к «малой» родине, ностальгия по заветному пейзажу, будоражащие, почти навязчивые мечты вернуться в зовущие края – эти чувства поддерживают нас, сохраняют веру в то, что лучшее еще впереди. Вот, например, какая неизбывная тоска по «малой» родине сквозит в стихотворении В. Журавлева-Печорского «Устьяне»:

Средь безбрежных лесов
И пьянящего запаха хвои
Есть Усть-Вымы.
Усть-Немы,
Усть-Ижмы,
Усть-Вои.
И мне кажется все,
Будто слышу, как в сизом тумане
Окликают друг друга
Друзья, северяне, устьяне...

Все три книги, красочно оформленные, профессионально составленные, с любовью изданные, будут, несомненно, востребованы читателями и займут свое достойное место в региональном литературном процессе.

Порадовала воркутинская общественная организация «Украина» выходом в свет книги «Стихи украинских поэтов – политических узников воркутинских лагерей» в переводах Марка Каганцова. Ее составили стихи Владимира Косовского, Ев-

гения Чередниченко, Ивана Паламарчука, Василя Петрива (Роман Писарчук). Стихи этих поэтов посвящены одной, связующей их творчество воедино, теме:

Посмотрю – сердце стынет и стонет,
Что с народами сделал ГУЛаг:
Побрела серой массой колонна
Под штыками и сворой собак.

(В. Косовский)

Подборку стихов каждого из поэтов предваряют небольшие очерки жизни и творчества, написанные Евдокией Лисовской и Анатолием Поповым. С большим трудом по крупицам ими были собраны сведения о поэтах-украинцах, отбывавших политические сроки в заполярной Воркуте. Их очерки полны трагизма описываемых судеб и удивления силой духа и оптимизмом попавших в жернова лагерей поэтов, ведь они все верны жизненному принципу:

Лихую судьбу довелось мне найти.
Не ною.
Вполне я доволен судьбой.
Я к цели иду,
Не свернувши с пути.
И я не сверну, пока буду живой...

(Е. Чередниченко)

Нужно отдать должное замечательному переводу стихов украинских поэтов, который осуществил известный в республике и за ее пределами поэт Марк Каганцов. Вот что написал о нем и о сборнике в своей вступительной статье Н. Бейзак: «Это сборник стихов украинских поэтов-узников Воркутлага. Их стихи нашел, собрал и перевел на русский язык наш современник, воркутинский поэт, сын политзаключенного, врач скорой помощи Марк Каганцов. Он, по сути, сделал в поэзии то же, что делал и делает ежедневно в своей основной профессии: не дал умереть и стихам и именам их талантливых авторов – воркутинских политкаторжан. Здесь только малая часть огромного культурного и интеллектуального наследия нашей многонациональной России. Эта книга выпущена, как дань уважения одной из страниц истории нашего города, судьбам тысяч выходцев с Украины, дань уважения их детям и внукам. Как известно, без знания истории, какой бы трудной она не была, нельзя познать настоящее и двигаться в будущее».

Коми республиканский колледж культуры им. В.Т. Чисталева выпустил в свет книгу очерков и воспоминаний заслуженного работника культуры Республики Коми Валентина Ефимовича Охупкина «Упоение прошлым», в которой он рассказывает о спортивной истории этого учебного заведения через призму осмысления характеров и судеб его выпускников.

Книгу составили очерки: «Прощай, Углич!», «Таинственный амбар», «Грации из культпросветучилища», «Стрелковый тир», «Операция «искусственная рука», «Вооружены, но не опасны», «Наши чемпионы», «Триумф полиатлона», «Стремительные ступени мастерства», «Взгляд сквозь годы» и другие.

В. Охупкин – автор нескольких книг стихов и прозы, очерков (Под алым флагом «Спартака», «Мои «Арабески») ряда статей о Пушкине, Тургеневе, Толстом, многих стихов и рассказов, публиковавшихся в литературном альманахе «Сыктывкар» отдал в этой книге дань любимому городу, в котором живет и работает в культпросветучилище вот уже много лет:

Возьму гитару, споем на пару,
Как я скучаю по Сыктывкару.
Я Парме снежной, девчонке нежной
В любви безбрежной... Признаюсь!

Хотя я пришлый, но так уж вышло
Я твой поклонник – рядовой.
Очарованье Сыктывкарком
Я называю своей судьбой.
Святитель Пермский крестом и словом
Наш край суровый освятил.
«Зырянский Пушкин» - Иван Куратов
Здесь жил, работал и творил.

В сыктывкарском издательстве «Геопринт» в изысканном оформлении художницы Натальи Ширшовой увидел свет поэтический сборник молодого автора Евгения Текуча. Этот автор республиканскому читателю уже известен по своим многочисленным публикациям в литературном альманахе «Сыктывкар», других изданиях. Книжку составили несколько десятков стихотворений. Поэзии Е. Текуча свойственен свой взгляд на окружающую его действительность, свой, узнаваемый поэтический стиль:

Я вывел неоправданную милость,
Как с совести нелепое пятно.
Рассвет?
Закат?
Теперь мне все равно.
Все выцвело давно.
Лицо скривилось.
Засохли кисти, режут полотно.
И вместо крови бледное вино.
Остановилось...

Российское геологическое общество выпустило в свет пятисотстраничное издание «Геология – жизнь моя...», которое составили очерковые воспоминания геологов, работавших в различных районах – от суровой Чукотки до знойных среднеазиатских республик, в Антарктиде и за рубежом, а так же несколько подборок стихов. Республику Коми в книге достойно представили сыктывкарский поэт Алексей Иевлев и ухтинец Владимир Афанасенко, который посвятил свое стихотворное творчество «трудности геологического труда»:

Души наши не могут никак
В душных комнатах, как в неволе,
Ждет геолога-полевика
Одичавшее за зиму поле.
Нет цилиндров и роба – не фрак,
Плечи, ляжками все измозоля,
Мы несем свой тяжелый рюкзак,
Называется все это – поле...

Подборку стихов А.Иевлева составили около двадцати поэтических произведений. В ней много посвящений: А. Беляеву, Н. Юшкину, В. Полежаеву, В. Кочеву. А. Иевлев наряду с описанием геологического труда, остался верен себе, главной темой его стихов является тема любви к своей «малой» родине:

Это – моя земля!
От облака и до погоста
Со всем, что в ней сложно и просто.
От слез и до хрусталя.
От праха могил расстрельных,
От крови своей и чужой –
И до пасхальных,

Пастельных
Небес с голубой водой.
Я выйду с душой нараспашку,
Мне хлынет в глаза весна!
И заберется в рубашку
Ветром
Родная страна!

Достаточно большой авторский коллектив сотрудников Национальной библиотеки Республики Коми (Н.А. Нестерова, С.И. Худяева, С.И. Клещенко, И.А. Ванькевич, Е.Б. Емельянова, Т.В. Фуфаева, Т.Г. Григорчук, Е.В. Макарова, О.Р. Мифтахова) потрудился над созданием библиографического справочника «Россия (СССР) в вооруженных конфликтах, 1946-2004 гг.». Автором вступительной статьи и текстовых справок выступил кандидат исторических наук В.Н. Копытин.

Почти четырехсот страничный труд посвящен боевым действиям и их участникам в Афганистане, Бангладеш, Венгрии, Вьетнаме, Германии, Египте, Йемене, Камбодже, Китае, Конго, Корее, Кубе, Лаосе, Ливане, Мозамбике, Сирии, Чаде, Чехословакии, Эфиопии, Югославии, на территории бывшего СССР и нынешней России. Интересна книга тем, что все разделы снабжены библиографической информацией о художественной литературе, написанной об этих войнах и вооруженных конфликтах.

Коми республиканским Союзом ветеранов Афганистана воину Российскому по благословению Правящего архиерея Сыктывкарской и Воркутинской епархии Преосвященнейшего владыки Питирима был выпущен в свет «Православный молитвослов для воинов». Его составили молитва господня, десять заповедей божьих, символ веры, тропарь, молитвы: после пробуждения, ко святому ангелу хранителю, родителей о детях, находящихся на службе в армии, за Отечество, перед сражением, во время бедствия и нашествия врагов, иноплеменников и иноверных, об охране жизни воинов на поле брани, о спасении от насилия в плену, за русский народ, против супостатов, о возвращении мирных времен и другие.

Тема военных действий многогранно и многолико раскрывается в сборнике очерков и воспоминаний, вышедшем в свет под эгидой Главы Республики Коми и Правительства Республики Коми «Моя война... Не о прошлом». В редакционной коллегии этого трехсот страничного издания приняли участие А. Виноградов, В. Гольчевский, А. Ершов, И. Жеребцов, А. Канев, В. Копытин, Н. Размыслов, С. Хахалкин. На страницах книги звучат рассказы о собственном восприятии войны более чем двухсот авторов. Военная тема всегда была востребованной и интересной в русской литературе. Жанр военного очерка – не исключение.

Нашлось на страницах издания и место для поэзии, посвященной военной теме. Стихи подполковника в запасе Сергея Романова, не раз побывавшего в горячих точках летчика, известны в нашей республике по многочисленным публикациям в прессе. Его поэзия точна и гражданственна, его лирический герой простой российский воин, несущий в своей душе и в мирное время боль военных утрат:

Однажды в интервью корреспондентка,
Польщенная моим вниманьем к ней,
Черкая карандашиком пометки,
Спросила: «Убивал ли ты людей?»
И видя, что не тороплюсь с ответом,
Добавила, взглянув в окно, на свет:
«Скажи, а что ты чувствовал при этом?
Наверно, жалость? Все же – человек!»
А я вдруг вспомнил серпантин-дорогу,

Фугасы, пулеметы на горе,
Сапера – друга верного Серегу,
Разорванного в клочья в ноябре...

Поэзия «афганца» Сергея Остапенко, ушедшего из жизни в 2001 году от полученных ран, подкупает своей правдой военной жизни. Так в стихотворении «Кушка. Госпиталь. 86-й год» он пишет:

Я запомню Кушку, желтый остров – олово
Госпитальных запахов и ночей бессонных.
На досках лежал труп танкиста голого.
Рядом шевелились землистые кальсоны.
Шевелились вши, пищи не нашедши
(Пьяный врач спешил разделаться с заразой,
Вырезал танкисту печень и кишечник
И спалил с кальсонами... блевали новобранцы).
Мы с танкистом вместе вышли из Афгана.
Врач лечил желтуху – умер друг от тифа...

Петр Кораблев стихи начал писать, находясь в Афганистане, его песни говорили о скором возвращении на родину: «Дорога, дорога и горы кругом – такие чужие и грозные. А в небе летят журавли косяком на Родину милую, добрую...». Его стихи рассказывают о войне честно, его «окопная» лира сродни поэтам Великой Отечественной:

Мы курим сигарету за сигаретой,
А кэп молчит. Ну что же кэп молчит!?
Он не дает на наш запрос ответа,
Не слышит, что ли, как эфир кричит:
- «Патрон», я «Обь», у нас три «двадцать первых»,
БэКа в обрез, и бьют со всех сторон.
Мы пять минут продержимся, наверно.
Помочь бы надо нам, «Патрон»...

Валерию Дулебенцу ни раз приходилось доказывать как в военной, так и в гражданской жизни, что надо быть сильным не только физически, но и духом. Доказать, что ты умеешь стрелять, ходить в горы, разбираться в тактике. И в людях. Его стихи – это память о тех боевых годах:

И кровь чужой земли рвала нам глотки,
Мы ей захлебывались, разум обжигали.
Юнцы, мальчишки в выцветших пилотках
В свои родные души мы стреляли.
Я так хочу, чтоб было омовенье
За этот долгий и суровый путь!
Да ниспошлет Господь нам искупленье,
Чтоб дальше нам в грехах не потонуть.

Алексей Гордеев – лауреат международного фестиваля патриотической песни, отслужил в Афганистане почти полтора года, приведу строки из его песни «Прощай, Афганистан!»:

Прощай, Афганистан!
Гвоздики в ствол, конец войне!
Встречайте, мама и родные!
Да был я там, на той войне,
И ты теперь гордись за сына.
Ведь сын твой там зря хлеб не ел,
Он был в одной узде с приказом,

Он в горы лез, потел, хрипел,
Врагу, не уступив ни разу...

Сейчас уже невозможно предугадать по какому пути стал бы развиваться поэтический дар Дмитрия Филиппова, он погиб при выполнении боевого задания при освобождении поселка Комсомольский 21 марта 2000 года, но стихи его пророческие, написанные в простой ученической тетрадке сохранились:

Отсюда, с темных гор Кавказа,
Сметая все по всей Руси,
Пришла чеченская зараза,
Но мы идем ее смести.
Цена большая за идею,
Расплата – кровью и судьбой.
Что будет, думать я не смею,
Быть может, очередь за мной...

Почти десятилетие своей напряженной жизни потратил заслуженный работник культуры и искусства Республики Коми литератор Митрофан Иванович Курочкин на то, чтобы собрать материалы, составить, написать художественные очерки о людях белорусской диаспоры в Коми крае. И труд его увенчался успехом – в ОАО «КРТ» вышла в свет замечательная книга «След на северной земле». Этот почти пятисот страничный фолиант – первая попытка рассказать о вкладе белорусов в развитие экономики, культуры и образования Коми края. Она посвящена лучшим представителям белорусской диаспоры. И не только известным в республике людям, но и простым труженикам разных профессий, чей вклад в общее дело тоже весом.

В этом многогранном сборнике отдельная глава «Когда нас муза посетила...» уделена литературному творчеству представителей белорусской национальности и «сябров» (друзей) белорусской диаспоры в Республике Коми. Проза представлена сокращенным вариантом повести М. Курочкина «Процесс пошел...», рассказом Т. Курочкиной «Доброта», юмореской В. Дуксо «Хенде хох!», новеллой Ф. Панько «За ушко да в лесочек!», рассказом-быльё И. Каменского «Висельник». Проза отличается искрометным юмором, быстро развивающейся сюжетной линией.

В одном из своих стихотворений, опубликованных в сборнике «След на северной земле...» к вопросу о национальной принадлежности поэт Тамара Курочкина написала:

Евразийцы мы – вот мы такие,
Наши глаза – чуть раскосые.
Он мусульманин, она – католичка,
Он – христианин, она – атеистка,
Он родом из Коми, она белоруска,
Жена – татарка, он – парень русский...
Разные ветры спят на подушке,
Зачаты дети, сроднившие души...

Вообще, поэтическое творчество представлено произведениями таких авторов, как И. Пехтерев, Т. Курочкина, Н. Пундикова, С. Черняева, Л. Ванина, Н. Лосева, Е. Житкович, Н. Билан, З. Ролдугина, Т. Баева, В. Морозов, Л. Галоян, А. Канев, А. Иевлев, О. Дриндрожик, С. Кравцова, Н. Тюрнин. С литературным творчеством многих из них республиканский читатель знаком по публикациям в средствах массовой информации и в литературном альманахе «Сыктывкар», других журналах и литературных сборниках. Одним из известных поэтов в республике в последние годы стала Нина Пундикова, в своем стихотворении «Отчий дом» она пишет:

Я каждой строчкой и стихом
Стремлюсь вернуться в отчий дом,

Где близких голоса звучат,
Где мамин смех, отцовский взгляд.
Там мое детство протекло...

Стихотворения, представленные в книге «След на северной земле», в основном посвящены двум «малым родинам», той, на которой родился, и той, где живешь сейчас, то есть – Беларуси и Республике Коми. Завораживающие своей образностью, метаниями лирического героя строки, не могут оставить читателя равнодушным. И это относится к характеристике всех, представленных в книге, поэтических текстов. Приведу, например, отрывок из стихотворения Л. Галоян «Речушка детства моего»:

Речушка малая струится
Между зеленых берегов.
А по ночам мне часто снится
Земля та дедов и отцов.
Здесь по-особенному спится,
Тут даже небо голубей.
И где там воздуху столицы
Сравниться с дымкою полей!

2006 год был годом урожайным на выход в свет литературных альманахов. О пяти рассказу поподробнее. Это геологический литературный альманах «Прекрасная и черная работа», пятый сборник литобъединения «ЛИСТ» «Бесшумный полет золотого листа...», шестой выпуск всероссийского литературного альманаха «Муза», пятый выпуск эжвинского «У комелька» и тринадцатый номер литературного альманаха «Сыктывкар».

В очередной геологический литературный альманах Республики Коми «Прекрасная и черная работа» вошли прозаические, поэтические и мемуарные произведения геологов, журналистов, писателей и людей, неравнодушных к литературному творчеству. В редакционный совет альманаха вошли А. Иевлев, Н. Герасимов, А. Боровинских, М. Тарбаев, Н. Юшкин, С. Плоскова. На страницах альманаха опубликовали свои творческие работы несколько молодых авторов, среди них начинающий и талантливый поэт Ф. Феофилактов («Осень»):

В тот день,
Когда намокнут травы,
Я лето буду вспоминать.
А осень
Влажными губами
Подует с Севера опять...

В литературном альманахе «Прекрасная и черная работа» обращает на себя внимание ранее нигде не публиковавшаяся проза А. Бернштейна (очерк «Первый доктор наук»), В. Хлыбова (повесть «От конюшни до...»), А. Канева (рассказ «Лысая башка, дай пирожка...»), В. Демидова (рассказ «Пять золотинок Данилы Шишкина»), А. Плякина (документальная повесть «В конце сезона»), Г. Трофимова (рассказ «Василий Трошин»). Книга вышла в свет в издательстве «Геопринт».

Украсили собой ее старницы стихотворные подборки В. Вьюхина, А. Попова, В. Мартыненко, Чупчикея, А. Канева, А. Иевлева, Н. Герасимова, Ф. Феофилактова, Н. Калмыкова. Известный в республике и за ее пределами поэт В. Вьюхин опубликовал в альманахе «Прекрасная и черная работа» стихотворный цикл «Строфы», состоящий из двадцати пяти поэтических произведений, в нем литератор как будто подводит некий не последний, разумеется, итог своей жизни и творчеству:

Есть одиночество – награда
За прежний шум, за суету,
Когда общения не надо,

Но тянет к чистому листу...

Более двадцати авторов вместили под своей обложкой пятый по счету литературный альманах «Бесшумный полет золотого листа», выпущенный национально-культурным центром и литературным объединением «ЛИСТ» к 85-летию Сыктывкарского (высшего) педагогического колледжа № 1 имени И.А. Куратова. Оформленный работами студентов художественно-графического отделения колледжа сборник приятно брать в руки.

В сборнике «Бесшумный полет золотого листа» опубликованы статьи и исследования А. Вишневой «Практическая работа по теме «стили речи» - «публицистический стиль», «Размышления о колледже», А. Канева «85-летию посвящается», Н. Латысовой «Тишина» (о творчестве художника И.И. Левитана), А. Урнышевой «Дочь языка и речи», О. Катышевой «Мой маленький мир».

Проза представлена рассказами, новеллами и эссе А. Вишневой «Что такое счастье», А. Урнышевой «Семь чудес света», «Пустой колос высоко голову держит», «Походы в горы», «Февральский день», «Как я, путешествуя на машине времени, провела один день в Афинах», «Чудо», «Вода», И. Уляшева «Охота», «Капля», а так же И. Маринца «Мои мечты и стремления».

Свою поэзию представили Н. Пундикова, А. Канев, А. Пыстина, М. Алиярова, Д. Чистоусова, А. Вишнева, В. Фокина, Д. Истомина, И. Егорова, О. Рогожникова, Н. Бир, Н. Соснина, Н. Туркина, Ж. Кизим, А. Урнышева, О. Дриндрожик, Ю. Конаков и Н. Старцева. Открывается альманах философскими стихами Нины Пундиковой:

В глубине наших душ, в тишине наших снов,
Средь обломков надежд, и осколков мечтаний
Похоронены звуки больно ранивших слов,
Как в насмешку звучавших пустых обещаний.
Но однажды во тьме наша память даст сбой,
Возвратив вновь к тому, что в тисках мы держали,
Проведет через ад и шемящей тоской
Сокрушит наш покой, умножая печали...

Вышел в свет очередной выпуск литературного объединения Эжвинских поэтов «У комелька», вот что о нем написала в своей вступительной статье известный в Сыктывкаре литератор Людмила Ханаева: «Все поэты представленные в пятом сборнике, очень разные. И даже, если мы говорим и пишем на одну и ту же тему, не повторяемся. У каждого свой стиль изложения и свой взгляд на жизнь. Страницы очередного поэтического альманаха, который вы держите в руках, познакомят вас с гражданской и духовной поэзией, с пейзажными зарисовками и любовной лирикой, здесь вы встретите новые и уже знакомые по предыдущим выпускам имена». Открывается книга замечательными по лиричности строками стихов О. Рочева:

Немного простуженным голосом
Я тихую песню пел,
Ты мне ерошила волосы,
А я шевельнуться, не смел...

Двадцать пять поэтов и прозаиков были опубликованы в альманахе. С прозой выступили: О. Рочев опубликовал рассказы «Улица», «Мой Сыктывкар», «Выход», Л. Ханаева – рассказ «Член семьи», Л. Чебыкина – рассказ «Исцеление». Рассказы «комельковцев» - это житейская проза, тем они и интересны, будто читаешь о себе. В разделе литературная критика напечатали свои статьи Л. Ханаева «Мы все такие разные», Е. Чернавская (о литературном альманахе «Полное собрание разлук») «Неожиданная встреча», К. Степанова «Отзыв души», В. Гоголь «Иронические страницы», а так же и А. Карпов «Радость чтения», его подборка стихов завершает страницы альманаха (Тихая родина, Возвращение):

Забить ли далекие хаты
И говор листвы под окном.
Багровые – в небе – закаты,
Горевшие тихим огнем.
Где белых черемух кипенье
Бежало широкой волной,
И птичье веселое пенье
Вплеснулось в простор голубой...

В необычном для нашей провинциальной литературы поэтическом амплуа пародиста выступил в альманахе «У комелька» эжвинский поэт Владимир Гоголь. Его пародии получились хлесткими, иногда, на мой взгляд, даже обидными для пародируемых авторов. Однако в защиту В. Гоголя хочется сказать, во-первых, кто определил, что пародия должна быть обязательно дружеским шаржем, и, во-вторых, пародируемые поэты должны радоваться тому, что их творчество «зацепило», что мимо него не прошли. Вот, например, небольшая пародия на стихотворение Е. Суворова «Топлю стихами печку...»:

Стихи сырые, без тяги печь,
Без керосину и не поджечь.
Собрал Суворов стихи в мешок
И на поляне костер разжег.
Пылает пламя и искры ввысь,
Поэт, Суворов, поберегись!
Не надрывай ты свое сердечко,
Пиши сухие, их съест и печка!

Но более всего представленной, как известными в республике, так и совсем молодыми именами, в сборнике оказалась поэзия. Читателю показали свои поэтические произведения Л. Ханаева, О. Рочев, Н. Николаева, Л. Чебыкина, Е. Суворов, М. Прилуцкая, А. Вотяков, Н. Зонова, А. Лобанов, Н. Ворошилова, В. Бурдин, Т. Барышева-Соловьева, К. Оверина, О. Вишератина, Н. Иванова, Е. Филипченко, Т. Афанасьева, А. Белоброва, К. Степанова, В. Гоголь, А. Канев, А. Иевлев, А. Карпов. Хочется отметить профессиональную работу в качестве редактора-составителя альманаха Л. Ханаевой. Подборки стихов получились интересными, раскрывающими творческий потенциал опубликованных в книге авторов. Вот, например, подборка стихов барда Анатолия Вотякова состоялась из десяти стихотворений, выдержанных в одной стилистической манере написания, но разнообразных по тематическому ряду. Его стихи о природе и о войне, о сложном мире человеческих взаимоотношений и об исканиях-метаниях лирического героя, но всех их объединяет простая философия жизни: живи не для себя, а для других, и тогда твой внутренний мир будет гармоничен с окружающим миром:

Бросают медяки осенних листьев
Деревья на помин еще живого лета.
Земля пока еще остатками тепла согрета.
Но остывает мир, и очень близко
Сонливая депрессия зимы
Заснет природа до весны... и мы.

Завершить рассказ о литературном альманахе литобъединения Эжвинских литераторов «У комелька» мне хочется небольшим стихотворением Виктора Бурдина, который, как мне кажется, с каждым годом все более и более раскрывает свой талант истинного лирика:

Завтра зима.
Сегодня с утра

Холодный
Накрапывал дождь.
Я забросил свои дела,
Я ослабил дней удила,
Душа до ворот
Проводить ушла
Осень – позднюю гостью.

Российский литературный альманах «Муза» уходит своими корнями, в 1796 год, именно тогда на свет появился его первый номер. С тех пор он неоднократно пропадал из российского литературного процесса, затем неожиданно возникал снова, пока стараниями московского литератора и издателя Валерия Лебединского вновь не состоялся уже как ежегодный в 2000 году.

В шестом номере этого альманаха увидели свет подборки ранее не публиковавшихся стихов двух поэтов из Сыктывкара. Это поэтические произведения А. Канева и А. Иевлева. Их имена в альманахе стоят в одном ряду с такими известными в России литераторами как Сергей Островой, Леонид Мартынов, Иосиф Бобровицкий, Виктор Боков, Давид Бромберг, София Вето, Яков Винников, Марк Кабаков, Елена Кантор, Анатолий Лукьянов, Александр Медведев, Владимир Ромм, Юрий Фидельгольц (его поэма «Звенья» публиковалась в литературном альманахе «Сыктывкар» - 2005), Геннадий Фокин, Юрий Эльтерман и другие.

В яркой, центростремительной поэтической подборке А. Иевлева выделяется своей доведенной до болезненности искренностью стихотворение о родном городе Сыктывкаре:

Есть город,
Чье имя впервые
Язык произносит с трудом,
Где латка на латке лежат мостовые
Асфальтовым старым рядом;
Где осень кромсает подола
Невызревшим дням,
Где весело только до школы,
А после –
Хоть в петлю, хоть в омут...
Кого эти глупости тронут?
Кому эту горечь отдам...

По признанию критиков и литературоведов, наиболее удачным в 2006 году, по сравнению с предыдущими выпусками, состоялся литературный альманах «Сыктывкар», о нем много писали в региональных печатных средствах массовой информации. Этот почти четырехсот страничный сборник принял под свою обложку в разделы прозы, поэзии, драматургии, литературной критики и краеведения около восьмидесяти авторов. Данный литературный альманах уже давно стал неординарным явлением в региональном литературном процессе. На его страницах печатаются произведения сыктывкарских, республиканских, российских авторов, а так же литераторов из ближнего и дальнего зарубежья. Хочу привести строки из стихотворения секретаря Союза писателей России Владимира Силкина, посвященного чеченской войне:

Вот огни аэродрома
Прорезаются во мгле.
Мы уже почти что дома,
Мы, почти что, на земле.
Этой зябкою порою

Страшно хочется тепла.
В этот раз над Ханкалою
В нас вонзается «Игла».
Вертолет, десантом полный,
Всем нутром своим хрипит.
Дальше я уже не помню,
Дальше я уже убит...

В разделе прозы свои рассказы и повести опубликовали А. Ульянов (Неприкаянные души), А. Виноградов (Неоплаченные векселя), И. Белых (Про Сашку городского косаря, «Пшел, пшел, отсюда...», Третья баня), В. Шульгин («Однако, обманул...»), А. Лобанов (Миссия), Р. Гизатулин (Переходы) и другие. Из драматургии в тринадцатом номере альманаха была опубликована пьеса Л. Терентьевой «Вселенная в тапочках».

Не обошли стороной альманах, представив на его страницах подборки стихов, такие поэты, как: В. Демидов, В. Силкин, А. Иевлев, Н. Герасимов, Е. Суворов, Н. Пундикова, А. Лобанов, В. Гринер, В. Олофинский, Р. Куклина, В. Охупкин и другие. Стихи Валентина Гринера, жившего и в Воркуте и в Сыктывкаре, а ныне гражданина Новой Зеландии, всегда желанные гости на страницах альманаха «Сыктывкар», вот строки одного из них, высланного в Республику Коми по электронной почте:

Старик, умаянный бедой, -
Печальная улыбочка, -
Зачем связался с молодой
Такой непрочной ниточкой?!
Она еще надежд полна,
Надежд, тобою пройденных,
Она еще родить должна
Для продолженья родины.
Еще в ней бродит сладкий хмель,
Естественный, как солнышко.
Узда – у молодой в руке,
А у тебя – постромочки...
Давай присядем на пеньке
И погрустим в стороночке...

Литературоведческие и критические статьи опубликовали В. Полещиков «Евгений Забелин», М. Курочкин «Сто дней и ночей из жизни Адама Бабареки», А. Калимов «Времена», Р. Куклина «Современная коми драматургия: от традиции к новаторству», О. Заяватдинова «Жанр миниатюры в творчестве В.Т. Чисталева», И. Шабудуева «Белорусский след на северной земле» и П. Почиталин «Борис Левятов-Селиверстов». Разнообразен охватом тем раздел очерков и краеведения: Н. Сурков «Он брал штурмом крепость Карс», А. Бернштейн «Восторженный летописец», В. Мальцев «Воспоминание о Елецком», П. Малафеев «Третий ты не лишний», Е. Кушманов «Временный отдел милиции», Н. Юшкин «Хибинские дни поэта Николая Рубцова», В. Лычковский «Миг победы», А. Коротаева «Желаю больших побед!», В. Гольчевский «Из истории создания подразделений специального назначения при МВД Республики Коми», А. Попов «Рихард Зорге и «Воркутлаг».

Поэтическое творчество Анатолия Попова мне было известно по его переводам с коми языка на русский стихотворений Серафима Попова, но в этот номер сыктывкарского литературного альманаха Анатолий Александрович принес свою философскую лирику (Автобиография, Из чужих мыслей, Проза жизни), приведу несколько строк из подборки:

«Страницы дней перебирая»,
Я убеждаюсь только в том,
Что жизнь, как с мышкою играет,
Стараясь быть всегда котом...

История родной земли – источник неисчерпаемых знаний о прошлом, настоящем и будущем народа. Богатейшие традиции и обычаи коми народа позволяли ему жить и выживать в самых трудных исторических условиях. В книге «Сказание о земле Сыктывдинской» в научно-популярной форме освещена история Сыктывдинского района Республики Коми с древнейших времен до настоящих дней. Открывается она стихами Владимира Тимина:

Сыктыв-Сысола, Вычегда-Эжва,
Жизнь кипит на речных берегах,
И сливаются счастье с надеждой,
В селах, Парме и в деревнях.
Ты для нашего сердца один.
Сыктывдин, Сыктывдин, Сыктывдин...

Авторами издания выступили кандидат исторических наук М. Таскаев и доктор исторических наук И. Жеребцов. Книга получилась настоящим гимном Сыктывдинскому району и его жителям. В ней опубликовал свои стихи и коми поэт М. Елькин:

Вновь над Сысолой заря взлетает птицей.
Вновь со мной мои поля, леса, луга.
Край мой милый! Вновь глядит – не наглядится
На тебя моя душа. А в ней хранится
Терпко пахнувшая дождиком тайга...

«Зов души» Владимира Лазебы – поэтический сборник, собравший под своей обложкой более ста десяти стихотворений и около сорока репродукций его талантливых картин – это книга для семейного чтения. Потому что в ней есть все и красота для глаза и лирика для тонко чувствующей жизнь души. Ведь, как написал в предисловии сам автор: «В своих этюдах и картинах я передаю людям любовь ко всему, что окружает нас, а с помощью красок – тепло души и положительную энергетику. Ведь живопись, по словам Леонардо да Винчи, есть ничто иное, как попытка достоверно изобразить то, что сотворила природа». Его стихи посвящены философии жизни, взаимоотношениям людей, северной природе, его выводы точны и реалистичны:

Чем больше сеешь ты добро,
Тем чаще получаешь зло.
А суть сей логики, проста,
У злых людей душа пуста...

Хочу вместе с вами порадоваться за своих коллег по писательскому цеху произведения, которых вышли на российский литературный простор в двух «толстых» литературных журналах «Московский вестник» и «Наш современник» (о российском литературном альманахе «Муза» и книге «Геология жизнь моя» - А. Иевлев, стихи – написано выше).

Одиннадцатый номер журнала «Наш современник» уделил треть своей площади нескольким поэтам и прозаикам нашим землякам. Замечательной, остросюжетной и поистине народной прозой порадовали читателя Александр Лобанов (рассказ «Выпускной»), Тамара Ломбина (рассказы «Неперспективные всполохи», «Крестная сила», «Про горе горькое», «Про душу»), Г. Юшков (рассказ «Душа успокоилась»).

Поэтический блок представленный республикой составили стихотворные произведения Надежды Мирошниченко, Александра Суворова, Владимира Тимина (в переводах с коми на русский язык Н. Мирошниченко, А. Суворова), Анатолия Ил-

ларионова, Людмилы Чебыкиной, Андрея Попова и Владимира Подлузского. Поэзия А. Илларионова всегда достойно представляла русскоязычную поэзию Коми края, случилось так и в этот раз:

Снег растает в январе,
Раки свистнут на горе,
В понедельник бросим пить,
Будем жить и не тужить.
У кого на пузе крест –
Бог не сдаст, свинья не съест.
А чего нам унывать? –
Денег некуда девать.
Снег растает в январе,
Звезды выйдут на заре.
Денег куры поклюют,
Девки весело споют.
О любви разнесчастной,
На которой клином свет,
Я хожу в рубахе красной,
Только пуговичек нет...

Журнал московских писателей «Московский вестник», основанный М.П. Погодиным в 1826 году при участии А.С. Пушкина и возобновленный Московской организацией писателей в 1990 году в четвертом номере опубликовал подборки стихов лауреатов Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!». Составителем выступил талантливый русский поэт Владимир Силкин. От Республики Коми в число лауреатов вошли воркутинский поэт Андрей Попов и сыктывкарец Андрей Канев.

Подборку стихов А. Попова составили два стихотворения: «Мать и сын», «Старый воин». Поэзия этого автора всегда отличалась высокопатриотическими мотивами творчества, не изменил себе поэт и в этот раз:

Молодежь решила быть в сторонке,
Лечит грыжу, прыщики и сплин.
Кто – в ларьке, кто – на бензоколонке.
Старый воин во поле один.
У него не конь, а просто кляча.
У него не меч, а старый дрын.
Кто-то плачет, кто-то деньги прячет.
Старый воин во поле один.
Никакого боевого поля
Знать не хочет просвещенный сын, -
Это придурь, прихоть алкоголя.
Старый воин во поле один.
И у всех – ответ и оправданье,
Столько убедительных причин!
Старый воин рядового званья
Умирает во поле один.

Вот так, лично мне, субъективно, видится ситуация с региональным литературным процессом в Республике Коми, который продолжил свое стремительное развитие в 2006 году. Не побоюсь этого заявления, именно высокое слово наших писателей посредством многих печатных изданий дошло до рядового читателя, и имело, надеюсь, на наше общество положительное влияние, ибо, как сказал Л. Фейербах: «Настоящие писатели – совесть человечества».